

История Французской революции с 1789 по 1814 год

М. Минье

**History of the French Revolution from 1789
to 1814**

M. Mignet

The Project Gutenberg eBook of История Французской революции с 1789 по 1814 год.

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинстве других частей света без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать, дарить или повторно использовать ее на условиях Лицензии Проекта Гутенберга, прилагаемой к этой электронной книге или размещенной на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь.

Название: История Французской революции с 1789 по 1814 год

Автор: М. Минье

Дата выхода: 1 января 2006 [eBook #9602]

Последнее обновление: 2 января 2021 г.

Язык: Английский

Кредиты: Подготовлено Анной Сулард, Чарльзом Альдарондо, Тиффани Вергон и группой онлайн-распределенной корректуры проекта "Гутенберг".

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ГУТЕНБЕРГ ЭЛЕКТРОННАЯ КНИГА ИСТОРИЯ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ С 1789 ПО 1814 ГОД ***

Подготовлено Анной Сулард, Шарлем Альдарондо, Тиффани Вергон,
и командой онлайн-распределенной корректуры проекта "Гутенберг".

ИСТОРИЯ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ С 1789 ПО 1814 ГОД

АВТОР Ф.А.М. МИНЬЕ

ВВЕДЕНИЕ

Из всех великих событий истории ни одно не привлекло к себе большего внимания и не оказалось более трудным для интерпретации, чем Французская революция. Конечное значение других ярких событий и их место в развитии человечества можно легко оценить. Достаточно ясно, что нашествия варваров ознаменовали гибель классического мира, уже смертельно раненного ростом христианства. Достаточно ясно, что Ренессанс освободил человеческий интеллект от оков убудочного средневековья, что Реформация закрепила победу "нового знания", включив теологию в число предметов человеческих дискуссий. Но Французская революция, кажется, не поддается полному анализу. Ее сложность была велика, ее противоречия многочисленны и поразительны. Движение, якобы направленное против деспотизма, завершилось установлением деспотии, гораздо более совершенной, чем та, что была свергнута. Апостолы свободы запрещали целые классы своих сограждан, заливая невинной кровью землю, которую они стремились освободить от угнетения. Апостолы равенства установили тиранию ужаса, стремясь истребить всех, кто совершил грех удачи. Апостолы братства несли огонь и меч к самым дальним пределам Европы, требуя,

чтобы целый континент подчинился произволу одного народа. И из революции родились самые жесткие из современных кодексов права, тот дух милитаризма, который сегодня заставляет скорбеть весь мир, та нетерпимость к нетерпимости, которая вооружила антиклерикальными гонениями во всех странах. Актеры в этой драме были не менее разнообразны, чем разыгрываемые сцены. Революция породила Мирабо и Талейрана, Робеспьера и Наполеона, Съеса и Эбера. Маршалы Первой империи, доктринеры Реставрации, журналисты орлеанистской монархии - все они были детьми этого поколения бури и натиска, высокого идеализма и грубой жестокости, переменчивой судьбы и славы вперемешку с катастрофой.

Описать весь характер движения, столь сложного, столь разнообразного по обещаниям и их выполнению, столь насыщенного происшествиями, столь богатого действиями, можно с полным основанием считать невозможным. Не успеет какое-то положение стать очевидным, как внезапно открывается новый аспект эпохи, и все суждения тут же приходится пересматривать. То, что Революция была великим событием, несомненно; все остальное кажется неопределенным. Для кого-то она, как и для Чарльза Фокса, является величайшим из всех событий и самым лучшим. Для кого-то она, как для Берка, - проклятая вещь, мерзость запустения. Если рассматривать только ее темную сторону, то она угнетает саму душу человека. Король, виновный не более чем в приятной слабости и законной или благочестивой привязанности; королева, чьей самой тяжкой виной было лишь легкомыслие молодости и красоты, были преданы смерти. За верность своим друзьям погибла мадам Ролан; за любовь к мужу погибла Люсиль Десмулен. Агенты Террора не щадили ни возраст, ни пол; ни выдающиеся достижения, ни ничтожество тупой посредственности не снискали пощады в их руках. Несчастную Дю Барри вытащили из ее укромного убежища, чтобы она поделила судьбу Малешерба, Байи, Лавуазье. Робеспьер был защищен своей холодной неподкупностью не больше, чем Барнав своим красноречием, Эбер - своей чувственностью, Дантон - своим практическим здравым смыслом. Ничто не спасало от всепожирающей гильотины. Те, кому удалось выжить, похоже, выжили почти случайно, благодаря капризу фортуны или преступному легкомыслию "трехкопеечных", мерзких женщин, унижавших достоинство своего пола.

Подобные зверства не требуют извинений, но их причину можно объяснить, понять факторы, породившие такую народную ярость. Стоя на террасе Версаля или бродя по огромным апартаментам замка, путешественник видит в воображении драматическую панораму давно ушедшего прошлого. Двор заполнен полубезумными женщинами, которые требуют, чтобы Отец своего народа накормил своих голодных детей. Любезный цинично шутит, когда Помпадур под проливным дождем уносят в могилу. Мрачно благочестивый Ментенон зловещим шепотом призывает совершить великое преступление, прося короля спасти свою душу, отягощенную пороком. Монтеспан счастливо смеется в дни своего недолгого триумфа. А над сценой возвышается внушительная фигура Великого Монарха. Людовик преследует свое великое творение; Людовик в расцвете сил, восхищенный и боящийся Европы, воплощение королевской власти; Людовик в окружении своего блестящего двора, стремящегося вторить его историческому хвостовству, чтобы вложить в своего повелителя последние следы своей идентичности.

Затем завеса спадает. Но некоторые могут приподнять ее, чтобы увидеть совсем другое, гораздо более волнующее видение, и таким людям открываются глубинные причины Террора. Ибо они видят огромную толпу, запятнанную заботами, изможденную, потерянную, стремящуюся, умирающую, работающую до самой смерти, чтобы удовлетворить мимолетную прихоть тирана. Людовик повелел; возник Версаль, дворец редкого

наслаждения для принцев и дворян, для умников и придворных прелатов, для серьезных философов и дам, хрупких и прекрасных. Дворец и ад, мрачный памятник царственному эгоизму, созданный для удовлетворения раздутого тщеславия деспота, вечное предупреждение человечеству, что злоупотребление абсолютной властью - проклятое дело. Каждый цветок в этих широких садах был полит слезами убитых душ; каждый камень в этой огромной громаде зданий был скреплен человеческой кровью. Никто не может оценить, сколько мучений принес Версаль; никто не может назвать всю его цену, ведь для человеческих страданий нет цены. Усталые труженики шли к своей гибели, незамеченные, незаслуженные, их страдания не замечали, их боль игнорировали, а король ликовал в своей славе, а его поэты пели паэны в его хвалу.

Но настал день расплаты, и этим днем стал Террор. Наследники тех, кто трудился, свели счета с наследниками тех, кто играл. Игроки погибли храбро, как и подобает галантным джентльменам; их мужеству рукоплескали, мир оплакивал их судьбу. Страдания, отомщенные таким образом, забыты; все долгие муки веков, все бессолнечные часы, весь мрак отчаяния страны. Ведь эта печаль была скрыта; это был лишь горький жребий бедняков, лишенный того драматического интереса, который освещает один бессмертный час боли. И все же тот, кто хочет правильно оценить Террор, кто хочет полностью понять Революцию, должен задуматься не только о страданиях тех, кто стал жертвой вспышки бесчувственного безумия, но и о страданиях, которыми это безумие было вызвано. За несколько месяцев французский народ получил то, что мог, в качестве компенсации за многие десятилетия угнетения. Они отомстили за строительство Версаля, всех замков Турени; за все тяготы, возложенные на них с того дня, когда свобода была скована и Франция стала рабыней своих монархов. Людовик XVI заплатил за эгоистическую славу Людовика XIV; дворяне - за удовольствия, которыми так беспечно наслаждались их предки; привилегированные сословия - за привилегии, которые они узурпировали и которыми так жестоко злоупотребляли.

Расплата ложилась тяжелым бременем на отдельных людей; невинные часто страдали за виновных; Лианкур погиб, а Полиньяк спасся. Многие, кто желал добра Франции, многие, кто трудился ради ее спасения, погибли; добродетель понесла справедливое наказание за порок. Но у Революции есть и другая сторона; она не была простым кошмаром ужасов, нагроможденных на ужасы. Пафос истории заключается в том, что ни одно добро не сопровождалось злом, что только страданиями искупается человечество, что через долину тени лежит путь, по которому раса медленно идет к исполнению своего высокого предназначения. И если бы жертвы гильотины могли предвидеть будущее, многие из них могли бы умереть с радостью. Ведь своей смертью они положили начало новой Франции. Революция превзошла преступления и глупости своих авторов; она искупила перед потомками все горе, которое причинила, все зло, которое было совершено во имя ее. Если она убила смех, то осушила множество слез. Благодаря ей во Франции были убиты привилегии, тирания стала более невероятной, почти невозможной. Язва развращенного феодализма была вырвана с корнем. Люди стали равны перед законом. Барьеры, сдерживавшие поток экономической жизни во Франции, были разрушены. Все карьеры были открыты для талантов. Было признано право производителя на участие в распределении продукции. Прежде всего, было провозглашено новое евангелие политической свободы. Мир и князья мира узнали, что народы существуют не ради удовольствия какого-то деспота и выгоды его дрожащих сателлитов. В порядке природы ничто не может родиться иначе, как через страдания; в порядке политики это не менее верно. Из печали коротких месяцев выросла радость долгих лет; Революция убила, чтобы потом оживить.

Возможно, именно здесь кроется секрет ее сложности, ее кажущейся противоречивости. Авторы Революции преследовали идеал, выраженный в трех словах: "Свобода, Равенство, Братство". Чтобы победить в своем стремлении, им пришлось и разрушать, и строить. Они должны были смести прошлое и из образовавшегося хаоса построить новый порядок. Как в разрушении, так и в строительстве они совершали ошибки; они опускались гораздо ниже своих высоких идеалов. Альтруисты-энтузиасты Национального собрания уступили место практичным политикам Конвента, дипломатам Директории, генералам Консульства. Империя была далека от реализации того светлого видения возрожденной нации, которое ослепляло глаза французов в первые часы правления Генеральных штатов. Свобода была принесена в жертву эффективности, равенство - любви человека к почетным титулам, братство - желанию славы. Так было со всеми человеческими усилиями. Человек несовершенен, и его несовершенство омрачает его самые прекрасные достижения. Каким бы великим ни считалось движение, его конечное достижение далеко не соответствовало первоначальным обещаниям. Авторы Революции были всего лишь людьми; они не в большей степени, чем их собратья, были способны открыть и придерживаться истинного пути к счастью. Они колебались между двумя крайностями - деспотизмом и анархией; они сошли с пути благодати. И их задача осталась невыполненной. Многие из их мечтаний были далеки от осуществления; они не открыли эру совершенного блаженства; они не создали Утопию. Но их труд не был напрасным. Несмотря на разочарования, несмотря на все преступления и просчеты, Французская революция была великим, замечательным событием. Она способствовала подъему человечества, и мир стал лучше от ее свершения.

Чтобы указать на эту истину, чтобы хоть как-то противостоять искажению прошлого, Минье написал свою *"Историю Французской революции"*. В тот момент, когда он приехал из Экса в Париж, во Франции неуклонно нарастала волна реакции. Декас пал, Людовик XVIII сдавался ультрароялистской кабале. Опираясь на такие удачные события, как убийство герцога де Берри, и опираясь на искусственное большинство в Палате, Вильель пытался вернуть *прежний режим*. Уже обсуждалась компенсация *эмигрантам*, предлагался церковный контроль над образованием. Прямая критика министерства была затруднена и даже опасна из-за цензуры прессы. Прежде всего, поборники реакции опирались на определенное искажение недавней истории своей страны. Память о Терроре была еще жива, ее старательно поддерживали. Народу внушали страх перед революционным насилием, заставляли забыть о злоупотреблениях, которые это насилие вызвало и которые оно сметало. На все жалобы на тиранию исполнительной власти, на все требования большей политической свободы реакционеры давали один ответ. Они заявляли, что благодаря готовности выслушать эти жалобы Людовик XVI лишился трона и жизни; что благодаря удовлетворению этих требований был подготовлен путь для кровавого деспотизма Робеспьера. И они указывали на очевидную мораль, что уступки поверхностным мягким и законным просьбам быстро оживят силы анархии. Они настаивали, что только сильное правительство и жесточайшие репрессии против недовольных могут уберечь Францию от повторения того кошмара, при мысли о котором она до сих пор содрогается. И поэтому те, кто хотел предотвратить дальнейшее развитие реакции, должны были прежде всего заставить своих соотечественников осознать, что Революция не была простой оргией убийств. Они должны были избавить свободу от той клеветы, благодаря которой ее ограничение стало возможным и даже популярным.

Понимая это, Минье писал. Было бы глупо отрицать, что злодеяния были совершены, и еще не наступил день для панегирика Дантону, для защиты Робеспьера. Минье не пытался сделать невозможное. Напротив, предоставляя аргументы своим оппонентам, он стремился опровергнуть их тем эффективнее. В качестве основного тезиса он выдвинул положение о

том, что Революция была неизбежна. Она была итогом прошлой истории Франции; она шла тем курсом, которым должна была идти. Отдельные личности и эпизоды в драме, таким образом, относительно незначительны и не важны. О совершенных преступлениях можно сожалеть, но память о них не должна порождать осуждения движения в целом. Судить о Революции по Террору или Консульству было бы неправильно и глупо; объявлять ее злом, потому что она не протекала мягко и упорядоченно, - значит возмущать исторический смысл. Мудрее и выгоднее заглянуть под поверхность, чтобы найти те глубокие уроки, которые можно извлечь". И Минье завершает свою работу, излагая один из таких уроков, который для него, возможно, был самым важным: "Невозможно сохранить Францию надолго, если не удовлетворить двойную потребность, которая послужила поводом для революции 1600 года. Он должен обеспечить правительству политическую свободу, а обществу - материальное благополучие, способствующее непрерывному развитию цивилизации".

Минье не ставил перед собой задачу представить полный отчет о Революции, и, хотя он фиксирует наиболее важные события этого периода, он не пытается исчерпывающе рассмотреть все его многочисленные стороны. Соответственно, можно указать на различные упущения. Он не объясняет организацию "депутатов в командировке", лишь вскользь упоминает об организации коммуны или Комитета общественной безопасности. Его рассказ о консульстве и империи кажется непропорционально кратким. Но сложность периода и богатство материалов для его истории делают невозможным подробное рассмотрение его одним человеком, и работа Минье скорее выигрывает, чем проигрывает от своей ограниченности. Те факты, которые иллюстрируют его фундаментальный тезис, должным образом зафиксированы; причины и результаты событий четко указаны; действия отдельных людей описаны в той мере, в какой они соответствуют цели автора. Вся книга отличается удивительной беспристрастностью; лишь в редких случаях, как в случае с Лафайетом, обстоятельства, в которых она была написана, могут повлиять на суждения. Ценность работы не снижается и от того, что современные исследования заставляют пересмотреть ее в некоторых аспектах, поскольку она явно не претендует на то, чтобы стать окончательной и подробной историей того периода. Это философское исследование великой эпохи, и в этом качестве, как бы ни критиковалась его точка зрения, оно является поучительным и достойным сохранения. Она представляет собой вдумчивый и вдохновляющий комментарий к Французской революции.

L. CECIL JANE. 1915.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА. Франсуа Огюст Мари Минье родился в Экс в Провансе в 1796 году. Он получил образование в Авиньоне и в своем родном городе, сначала изучал право. Но, добившись некоторых литературных успехов, в 1821 году переехал в Париж и посвятил себя писательской деятельности. Он стал профессором истории в *Атене*, а после революции 1830 года стал директором архива в Министерстве иностранных дел, и занимал эту должность до 1848 года. Затем он был смещен Ламартином и умер в отставке в 1854 году. Его *"История Французской революции"* была впервые опубликована в 1824 году; перевод на английский язык появился в европейской библиотеке Боге в 1846 году, и здесь он переиздается. Среди других работ Минье можно упомянуть *"Антуан Перес и Филипп II"* и *"История Марии Стюарт"*. Как журналист он писал в основном о внешней политике для газеты *Courrier Français*.

БИБЛИОГРАФИЯ

Éloge de Charles VII., 1820; Les Institutions de Saint Louis, 1821; De la féodalité, des institutions de Saint Louis et de l'influence de la législation de ce prince, 1822; Histoire de la révolution

française, 1824 (trans. 2 vols, London, 1826, Bonn's Libraries, 1846); La Germanie au VIIIe et au IXe siècle, sa conversion au christianisme, et son introduction dans la société civilisée de l'Europe occidentale, 1834; Essai sur la formation territoriale et politique de la France depuis la fin de XIe siècle jusqu'à la fin du XVe, 1836; Notices et Mémoires historiques, 1843; Charles Quint, son abdication, son séjour, et sa mort au monastère de Yuste, 1845; Antonio Perez et Philippe II., 1845 (перевод С. Cocks, London, 1846; перевод со второго французского издания W. F. Ainsworth, London, 1846); Histoire de Marie Stuart, 2 vols, 1851 (перевод А. R. Scoble, 1851); Portraits et Notices, historiques et littéraires, 2 vols., 1852; Éloges historiques, 1864; Histoire de la rivalité de François I. et de Charles Quint, 1875; Nouveaux éloges historiques, 1877.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

Характер французской революции, ее результаты, ее ход, сменявшие друг друга формы монархии - Людовик XIV и Людовик XV - Состояние умов, финансов, государственной власти и общественных потребностей при вступлении на престол Людовика XVI. Его характер - Морепас, премьер-министр - Его политика - Выбор популярных и реформистских министров - Его цель - Турго, Малешерб, Неккер - Их планы - Против них выступают двор и привилегированные классы - Их провал - Смерть Морепаса - Влияние королевы Марии-Антуанетты - Популярные министры сменяются придворными министрами - Калонн и его система - Бриенн, его характер и попытки - Расстроенное состояние финансов - Оппозиция собрания знати, парламента и провинций - Отставка Бриенна - Второе правление Неккера - Созыв Генеральных штатов - Непосредственные причины революции.

ГЛАВА I

С 5 МАЯ 1789 ГОДА ДО НОЧИ НА 4 АВГУСТА

Открытие Генеральных штатов - Мнение двора, министерства и различных органов королевства относительно штатов - Проверка полномочий - Вопрос о голосовании по приказу или по опросу - Орден общин образует национальное собрание - Суд заставляет закрыть Зал штатов - Клятва Теннисного корта - Большинство духовенства объединяется с общинами - Королевское заседание 23 июня - Его бесполезность - Проект суда - События 12-го, 13 и 14 июля - отстранение Неккера - восстание в Париже - формирование национальной гвардии - осада и взятие Бастилии - последствия 14 июля - декреты ночи 4 августа - характер революции, которая только что свершилась.

ГЛАВА II

С НОЧИ НА 4 АВГУСТА ПО 5 И 6 ОКТЯБРЯ 1789 ГОДА

Состояние учредительного собрания - Партия высшего духовенства и дворянства - Мори и Казалес - Партия министерства и обеих палат: Мунье, Лалли-Толлендаль - Народная партия: Триумvirат Барнава, Дюпора и Ламета - ее позиция - влияние Сийеса - Мирабо, возглавлявший собрание в этот период - оппозиция Орлеанской партии - конституционные труды - декларация прав - постоянство и единство законодательного органа - королевская санкция - внешняя агитация, вызванная ею - проект двора - банкет гардов-дю-корп - восстание 5 и 6 октября - король приезжает в Париж.

ГЛАВА III

С 6 ОКТЯБРЯ 1789 ГОДА ДО СМЕРТИ МИРАБО, АПРЕЛЬ 1791 ГОДА

Итоги октябрьских событий - Объединение провинций в департаменты - Организация административных и муниципальных органов власти в соответствии с системой народного суверенитета и выборов - Финансы; Все использованные средства недостаточны - Имущество духовенства объявлено национальным - Продажа имущества духовенства приводит к ассигнациям - Гражданская конституция духовенства - Религиозная оппозиция епископов - Годовщина 14 июля - Отмена титулов - Конфедерация Марсового поля - Новая организация армии - Оппозиция офицеров - Раскол в отношении гражданской конституции духовенства - Клубы - Смерть Мирабо - В течение всего этого периода разделение партий становится более решительным.

ГЛАВА IV

С АПРЕЛЯ 1791 ГОДА ПО 30 СЕНТЯБРЯ, КОНЕЦ РАБОТЫ УЧРЕДИТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ

Политическое состояние Европы перед Французской революцией - Система союзов, соблюдаемая различными государствами - Общая коалиция против революции - Мотивы каждой державы - Мантуанская конференция и Павийский циркуляр - Полет в Варенн - Арест короля - Его отстранение - Республиканская партия впервые отделяется от партии конституционной монархии - Последняя восстанавливает короля - Декларация Пильница - Король принимает конституцию - Конец Учредительного собрания - Оппозиция ему.

НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ

ГЛАВА V

С 1 ОКТЯБРЯ 1791 ГОДА ПО 21 СЕНТЯБРЯ 1792 ГОДА

Первые отношения между законодательным собранием и королем - состояние партий: фельяны опираются на средние классы, жирондисты - на народ - эмиграция и раскольниковое духовенство; декрет против них; вето короля - объявления войны - жирондистское министерство; Дюмуре, Ролан - объявление войны против короля Венгрии и Богемии - бедствия наших армий; декрет о резервном лагере на двадцать тысяч человек в Париже; декрет об изгнании священников, не исповедующих религию; вето короля; падение жирондистского министерства - петиция повстанцев от 20 июня с целью добиться принятия декретов и отзыва министров - последние усилия конституционной партии - манифест герцога Брауншвейгского - события 10 августа - военный мятеж Лафайета против авторов событий 10 августа; Провал - Разделение собрания и новой коммуны; Дантон - Вторжение пруссаков - Резня 2 сентября - Аргонская кампания - Причины событий в законодательном собрании.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ КОНВЕНТ

ГЛАВА VI

С 20 СЕНТЯБРЯ 1792 ГОДА ПО 21 ЯНВАРЯ 1793 ГОДА

Первые меры Конвента - его состав - Соперничество Жиронды и Горы - Сила и взгляды обеих партий - Робеспьер: жирондисты обвиняют его в стремлении к диктатуре - Марат - Новое обвинение Робеспьера со стороны Луве; защита Робеспьера; Конвент переходит к порядку дня - Гора, победившая в этой борьбе, требует суда над Людовиком XVI.-Мнения партий по этому вопросу - Конвент решает, что Людовик XVI должен быть судим, причем сам - Людовик

XVI в Храме; его ответы перед Конвентом; его защита; его осуждение; мужество и спокойствие его последних минут - Каким он был и каким он не был королем.

ГЛАВА VII

С 21 ЯНВАРЯ 1793 ГОДА ПО 2 ИЮНЯ

Политическое и военное положение Франции - Англия, Голландия, Испания, Неаполь и все круги империи присоединяются к коалиции - Дюмурье, после завоевания Бельгии, предпринимает попытку экспедиции в Голландию - желает восстановить конституционную монархию - Перемены в наших армиях - Борьба между Жирондой и горой - Заговор 10 марта - Восстание в Вандее; Отступление Дюмурье - Жиронда, обвиненная в том, что она его сообщница - Новые заговоры против них - Учреждение Комиссии двенадцати для борьбы с заговорщиками - Восстания 27 и 31 мая против Комиссии двенадцати; ее подавление - Восстание 2 июня против двадцати ведущих жирондистов; их арест - Полное поражение этой партии.

ГЛАВА VIII

СО 2 ИЮНЯ 1793 ГОДА ПО АПРЕЛЬ 1794 ГОДА

Восстание департаментов против 31 мая - Продолжительные поражения на границах - Прогресс вандейцев - *Монтаньяры* декретируют конституцию 1793 года и немедленно приостанавливают ее действие, чтобы поддержать и укрепить революционное правительство - *Массовые* левые; закон против подозрительных лиц - Победы *монтаньаров* во внутренних областях и на границах - Смерть королевы, двадцати двух жирондистов и т. д. - Комитет общественной безопасности; его власть; его члены - Республиканский календарь - Завоеватели 31 мая расходятся - Ультрареволюционная фракция Коммуны, или эбертисты, отменяют католическую религию и устанавливают поклонение Разуму; ее борьба с комитетом общественной безопасности; ее поражение - Умеренная фракция *монтаньаров*, или дантонистов, желает уничтожить революционную диктатуру и установить законное правительство; их падение - Комитет общественной безопасности остается один и торжествует.

ГЛАВА IX

ОТ СМЕРТИ ДАНТОНА, АПРЕЛЬ 1794 ГОДА, ДО 9-ГО ТЕРМИДОРА (27 ИЮЛЯ 1794 ГОДА)

Усиление террора; его причины - система демократов; Сен-Жюст - власть Робеспьера - праздник Верховного существа - Кутон представляет закон 22-го прериала, реорганизующий революционный трибунал; волнения; дебаты; окончательное подчинение конвенту - активные члены комитета разделились - Робеспьер, Сен-Жюст и Кутон на одной стороне; Бийо-Варенн, Колло-д'Эрбуа, Баррер и члены комитета общей безопасности - с другой - поведение Робеспьера - он не входит в комитет и опирается на якобинцев и коммуны - 8-го числа он требует возобновления работы комитетов; предложение отвергнуто - Заседание 9-го термидора; Сен-Жюст осуждает комитеты; его прерывают Талльен и Бийо - Варенн яростно нападает на Робеспьера; общее возмущение конвента против триумvirата; они арестованы - Коммуна восстает и освобождает заключенных - страх и мужество конвента; он объявляет повстанцев вне закона - секции заявляют о поддержке конвента - поражение и казнь Робеспьера.

ГЛАВА X

ОТ 9 ТЕРМИДОРА ДО 1 ПРЕРИАЛЯ, ГОД III. (20 МАЯ 1795 ГОДА). ЭПОХА ПОДЪЕМА И ПАДЕНИЯ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ

Конвент после падения Робеспьера; партия комитетов; термидорианская партия; их состав и цели - распад демократической партии комитетов - импичмент Лебона и Каррьера - положение в Париже - якобинцы и фобурги заявляют о поддержке старых комитетов; *Молодежь Доре* и секции термидорианцев - Импичмент Бийо-Варенна, Колло-д'Эрбуа, Баррера и Вадье - Движение Жерминаля - Перевозка обвиняемых и нескольких партизан Горы - Восстание 1-го Прериала - Поражение демократической партии; разоружение фобургов - Низший класс исключен из правительства, лишен конституции 93-го года и теряет свою материальную силу.

ГЛАВА XI

ОТ 1-ГО ПРЕРИАЛЯ (20 МАЯ 1795 ГОДА) ДО 4-ГО БРЮМЕРА (26 ОКТЯБРЯ), ГОД IV., ЗАВЕРШЕНИЕ КОНВЕНТА

Кампании 1793 и 1794 годов - Диспозиция армий после известия о 9-м термидоре - Завоевание Голландии; положение на Рейне - Базельский мир с Пруссией - Мир с Испанией - Отступление на Киберон - Реакция перестает быть конвенциональной и становится роялистской - Расправа над революционерами на юге - Директория III года - Декреты Фруктидора, требующие переизбрания двух третей конвента - Возбуждение секционной роялистской партии - Она становится повстанческой - 13-е число Вандемьера - Назначение советов и директории - Закрытие конвента; его продолжительность и характер.

ИСПОЛНИТЕЛЬНАЯ ДИРЕКТОРИЯ

ГЛАВА XII

ОТ УЧРЕЖДЕНИЯ ДИРЕКТОРИИ 27 ОКТЯБРЯ 1795 ГОДА ДО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕРЕВОРОТА 18 ФРУКТИДОРА V ГОДА (3 АВГУСТА 1797 ГОДА)

Обзор революции - второй характер реорганизации; переход от общественной к частной жизни - пять директоров; их труды по внутреннему устройству - укрепление Вандеи - заговор Бабефа; окончательное поражение демократической партии - план кампании против Австрии; завоевание Италии генералом Бонапартом; договор Кампо-Формио; признание французской республики с ее приобретениями и связь с голландской, ломбардской и лигурийской республиками, которые продлили ее систему в Европе - выборы роялистов в V году.; они изменяют положение республики - Новая борьба между контрреволюционной партией в советах, в клубе Клиши, в салонах, и конвенциональной партией, в директории, в клубе *Сальма* и в армии - Государственный переворот 18 фруктидора; вандемьерская партия снова терпит поражение.

ГЛАВА XIII

ОТ 18 ФРУКТИДОРА V ГОДА (4 СЕНТЯБРЯ 1797 ГОДА) ДО 18 БРЮМЕРА VIII ГОДА (9 НОЯБРЯ 1799 ГОДА). (9 НОЯБРЯ 1799 ГОДА)

К 18-му фруктидору Директория возвращается, с небольшими смягчениями, к революционному правительству - общий мир, кроме Англии - возвращение Бонапарта в Париж - экспедиция в Египет - демократические выборы на VI год - Директория отменяет их 22-го флореаля - вторая коалиция; Россия, Австрия и Англия нападают на республику через Италию, Швейцарию и Голландию; общее поражение - демократические выборы на VII год. 30-го Прериала советы берут верх и дезорганизуют старую директорию - две партии в

новой директории и в советах: умеренная республиканская партия под руководством Съеса, Роже-Дюко и древних; крайняя республиканская партия под руководством Мулена, Голье, Пятисот и Общества Манежа - различные проекты - победы Массены в Швейцарии, Брюна в Голландии - Бонапарт возвращается из Египта; приходит к соглашению с Съесом и его партией - 18 и 19 брюмера - конец системы директории.

КОНСУЛАТ

ГЛАВА XIV

ОТ 18 БРЮМЕРА (9 НОЯБРЯ 1799 ГОДА) ДО 2 ДЕКАБРЯ 1804 ГОДА

Надежды, возлагаемые различными партиями после XVIII брюмера - Временное правительство - Конституция Съеса, искаженная в консульскую конституцию VIII года. - Формирование правительства; мирные замыслы Бонапарта - Кампания в Италии; победа при Маренго - Общий мир: на континенте, по Люневильскому договору с Англией; по Амьенскому договору - Смещение партий; внутреннее процветание Франции - Амбициозная система первого консула; восстанавливает духовенство в государстве, по Конкордату 1802 года; учреждает военный рыцарский орден, посредством Почетного легиона; Завершает этот порядок вещей пожизненным консульством - возобновление военных действий с Англией - заговор Жоржа и Пишгрю - война и попытки роялистов служат предлогом для создания империи - Наполеон Бонапарт назначен наследственным императором; коронован папой 2 декабря 1804 года в церкви Нотр-Дам - окончательный отказ от революции - прогресс абсолютной власти в течение четырех лет консульства.

ИМПЕРИЯ

ГЛАВА XV

ОТ СОЗДАНИЯ ИМПЕРИИ, 1804-1814 ГГ.

Характер империи - Изменение республик, созданных директорией, в королевства - Третья коалиция; взятие Вены; победы при Ульме и Аустерлице; Прессбургский мир; создание двух королевств - Баварии и Вюртемберга - против Австрии - Рейнская конфедерация - Жозеф Наполеон назначен королем Неаполя; Луи Наполеон - королем Голландии - Четвертая коалиция; битва при Йене; взятие Берлина; победы при Эйлау и Фридланде; Тильзитский мир; прусская монархия сокращена на половину; Саксонское и Вестфальское королевства выступают против нее; Вестфалия отдана Жерому Наполеону - Возникает великая империя с ее второстепенными королевствами, конфедерацией на Рейне, швейцарским посредничеством, великими вотчинами; Она создана по образцу империи Карла Великого - Блокада континента - Наполеон использует прекращение торговли для уменьшения Англии, как он использовал оружие для покорения континента - Вторжение в Испанию и Португалию; Жозеф Наполеон назначен на трон Испании; Мюрат заменяет его на троне Неаполя - Новый порядок событий: национальное восстание на полуострове; религиозный спор с папой; торговая оппозиция Голландии - Пятая коалиция - победа при Ваграме; Венский мир; брак Наполеона с эрцгерцогиней Марией Луизой - неудача попытки сопротивления; папа свергнут; Голландия снова присоединена к империи, и война в Испании продолжается с большой энергией - Россия отказывается от континентальной системы; Кампания 1812 года; взятие Москвы; катастрофическое отступление - Реакция против власти Наполеона; кампания 1813 года; всеобщее дезертирство - Коалиция всей Европы; истощение Франции; чудесная кампания 1814 года - Союзные державы в Париже; отречение в Фонтенбло; характер Наполеона; его роль во Французской революции - Заключение.

ВВЕДЕНИЕ

Я собираюсь сделать краткий обзор истории Французской революции, которая положила начало эпохе новых обществ в Европе, как английская революция положила начало эпохе новых правительств. Эта революция не только изменила политическую власть, но и полностью изменила внутреннее существование нации. Формы общества средневековья еще сохранялись. Земля была разделена на враждебные провинции, население - на соперничающие классы. Дворянство утратило все свои полномочия, но сохранило все свои отличия: народ не имел никаких прав, королевская власть не имела границ; Франция находилась в полной неразберихе произвольного управления, сословного законодательства и особых привилегий для особых органов. Революция заменила эти злоупотребления системой, более соответствующей справедливости и более подходящей для нашего времени. Она заменила закон произволом, равенство - привилегиями; освободила людей от сословных различий, землю - от барьеров провинций, торговлю - от оков корпораций и товариществ, сельское хозяйство - от феодального подчинения и гнета десятины, собственность - от препятствий энтитета, и привела все к состоянию одного государства, одной системы права, одного народа.

Чтобы осуществить столь могущественную реформу, революция должна была преодолеть множество препятствий, связанных с преходящими излишествами и долговременными выгодами. Привилегированные стремились помешать ей, Европа - подчинить, и, будучи вынужденной вступить в борьбу, она не могла ни ограничить свои усилия, ни умерить свою победу. Соппротивление изнутри привело к суверенитету народа, а агрессия извне - к военному господству. И все же цель была достигнута, несмотря на анархию и деспотизм: старое общество было разрушено в ходе революции, а новое утвердилось в империи.

Когда реформа становится необходимой и наступает момент для ее осуществления, ничто не может помешать ей, все способствует ей. Счастье для людей, если бы они пришли к взаимопониманию; если бы богатые отказались от излишеств, а бедные довольствовались тем, что им действительно необходимо; тогда революции совершались бы спокойно, и историку не пришлось бы описывать ни эксцессов, ни бедствий; он должен был бы просто показать переход человечества к более мудрому, свободному и счастливому состоянию. Но в летописях народов до сих пор не было ни одного примера таких благоразумных жертв; те, кто должен был их принести, отказались это сделать; те, кто их требовал, принуждали их силой; и добро, как и зло, осуществлялось средством и со всей жестокостью узурпации. До сих пор не было ни одного государя, кроме силы.

Рассматривая историю важного периода, продолжающегося с момента открытия Генеральных штатов до 1814 года, я предлагаю объяснить различные кризисы революции и одновременно описать ее ход. Таким образом, станет ясно, по чьей вине она, начавшись под столь счастливым предлогом, так страшно выродилась; каким образом она превратила Францию в республику и как на развалинах республики она воздвигла империю. Эти различные фазы были почти неизбежны, настолько непреодолимой была сила породивших их событий. Возможно, было бы опрометчиво утверждать, что ни в коем случае нельзя было поступить иначе; но несомненно, что революция, возникшая по таким причинам, задействовавшая и возбуждавшая такие страсти, естественно пошла по такому пути и завершилась таким результатом. Прежде чем перейти к ее истории, давайте посмотрим, что привело к созыву Генеральных штатов, которые сами вызвали все последующее. Прослеживая предварительные причины революции, я надеюсь показать, что избежать ее было так же невозможно, как и направить.

С момента своего основания французская монархия не имела ни устоявшейся формы, ни фиксированного и признанного публичного права. При первых расах корона была выборной, нация - суверенной, а король - простым военным вождем, зависящим от общего голоса при принятии всех решений и проведении всех мероприятий. Нация избирала своего вождя, законодательная власть осуществлялась на Марсовом поле под председательством короля, а судебная - в судах под руководством одного из его офицеров. При феодальном режиме королевская демократия уступила место королевской аристократии. Абсолютная власть поднималась все выше, дворяне лишали народ ее, как впоследствии принц лишал дворян. В этот период монарх стал наследственным; не как король, а как индивидуальный владелец вотчины; законодательная власть принадлежала сеньорам на их обширных территориях или в парламентах баронов, а судебная власть - вассалам в манориальных судах. Одним словом, власть становилась все более и более концентрированной, и, переходя от многих к немногим, она, наконец, перешла от немногих к одному-единственному. В течение столетий непрерывных усилий короли Франции разрушали феодальное здание и наконец утвердились на его руинах, шаг за шагом узурпировав вотчины, покорив вассалов, подавив парламенты баронов, аннулировав или подчинив себе манориальные суды, взяв на себя законодательную власть и добившись того, чтобы судебная власть осуществлялась от их имени и от их имени в парламентах легистов.

Генеральные штаты, которые они созывали в экстренных случаях, для получения субсидий, и которые состояли из трех сословий нации, духовенства, дворянства и третьего сословия или коммун, не имели регулярного существования. Возникнув в период действия королевской прерогативы, они сначала контролировались, а затем были подавлены ею. Самое сильное и решительное сопротивление, с которым королям приходилось сталкиваться в своих проектах расширения, исходило не столько от этих собраний, которые они санкционировали или отменяли по своему усмотрению, сколько от знати, отстаивавшей перед ними сначала свой суверенитет, а затем и свое политическое значение. От Филиппа Августа до Людовика XI целью всех их усилий было сохранение собственной власти; от Людовика XI до Людовика XIV - стать служителями королевской власти. Фронда стала последней кампанией аристократии. При Людовике XIV. абсолютная монархия окончательно утвердилась и господствовала безраздельно.

Правительство Франции от Людовика XIV до революции было скорее произвольным, чем деспотичным, поскольку монархи обладали гораздо большей властью, чем пользовались. Барьеры, противостоявшие посягательствам этой огромной власти, были крайне слабыми. Корона распоряжалась людьми с помощью *кассетных писем*, имуществом - путем конфискации, государственными доходами - с помощью пошлин. Некоторые органы, правда, обладали средствами защиты, которые назывались привилегиями, но эти привилегии редко соблюдались. Парламент имел право ратифицировать или отклонять налоги, но король мог принудить его к согласию с помощью *lit de justice* и наказать его членов изгнанием. Дворяне были освобождены от налогов; духовенство имело право на привилегию облагать себя налогами в виде бесплатных подарков; некоторые провинции пользовались правом укрупнения налогов, а другие сами производили обложение. Таковы были ничтожные вольности Франции, и даже они все обернулись на пользу привилегированным классам и во вред народу.

И эта Франция, столь порабощенная, была к тому же убого организована; избыток власти был еще менее терпим, чем ее несправедливое распределение. Народ, разделенный на три сословия, которые сами подразделялись на несколько классов, был жертвой всех напастей деспотизма и всех зол неравенства. Дворяне подразделялись: на придворных, живущих на

милости князя, то есть на труд народа, и целью которых было управление провинциями или высокие чины в армии; на благодетельствованных парвеню, которые занимались внутренним управлением и целью которых было получить должность контролера и максимально использовать свое место, пока они ее занимали, занимаясь всякой работой; легисты, которые отправляли правосудие и только они были компетентны выполнять его функции; и землевладельцы, которые угнетали страну, пользуясь теми феодальными правами, которые еще сохранились. Духовенство делилось на два сословия: одно предназначалось для епископств и аббатств с их богатыми доходами, другое - для апостольских функций и их бедности. Третье сословие, приниженное двором, униженное дворянством, само разделилось на корпорации, которые, в свою очередь, вымещали друг на друге зло и презрение, полученные ими от высших классов. Она владела едва ли третьей частью земли, да и та была обременена феодальной рентой, причитающейся лордам-манорам, десятиной духовенству и налогами королю. В качестве компенсации за все эти жертвы оно не пользовалось никакими политическими правами, не принимало участия в управлении и не допускалось к государственной службе.

Людовик XIV измотал главную пружину абсолютной монархии слишком длительным напряжением и слишком жестоким использованием. Любящий властвовать, раздраженный досадой юности, он подавлял всякое сопротивление, запрещал всякую оппозицию - аристократию, проявлявшуюся в бунтах, парламентах, выражавшиеся в протестах, протестантов, чьей формой была свобода совести, которую церковь считала еретической, а королевская власть - развратной. Людовик XIV подчинил себе дворян, призвав их к своему двору, где благосклонность и удовольствия были компенсацией за их зависимость. Парламент, который до этого был инструментом короны, попытался стать ее противовесом, и принц надменно навязал ему молчание и покорность сроком на шестьдесят лет. В конце концов, отмена Нантского эдикта завершила эту работу деспотизма. Произвольное правительство не только не терпит сопротивления, но и требует, чтобы подданные одобряли его и подражали ему. Подчинив себе действия людей, она преследует совесть; нуждаясь в постоянном движении, она ищет жертв, когда они не попадают ей на пути. Огромная власть Людовика XIV была направлена изнутри против еретиков, извне - против всей Европы. Угнетение находило честолобцев для совета, драгун для службы и успех для поощрения; раны Франции скрывались лаврами, ее стоны тонули в песнях победы. Но в конце концов гениальные люди умерли, победы прекратились, промышленность эмигрировала, деньги исчезли, и стало очевидно, что сами успехи деспотии исчерпывают ее ресурсы и поглощают ее будущее еще до того, как оно наступит.

Смерть Людовика XIV стала сигналом к реакции; произошел резкий переход от нетерпимости к недоверию, от духа покорности к духу дискуссии. При регентстве третье сословие, благодаря своему растущему богатству и интеллекту, приобрело все то, что дворяне потеряли в значении, а духовенство - во влиянии. При Людовике XV двор вел разорительные войны, не приносящие славы, и вступал то в молчаливую борьбу с мнением, то в открытую - с парламентом. В его лоно вкралась анархия, правительство перешло в руки королевских любовниц, власть полностью угасла, а оппозиция ежедневно добивалась новых успехов.

Парламенты претерпели изменения в положении и системе. Королевская власть наделила их силой, которую они теперь обращали против себя. Не успело разрушение аристократии быть достигнуто совместными усилиями парламента и королевской власти, как победители рассорились, как это обычно бывает у союзников после победы. Королевская власть стремилась уничтожить инструмент, который становился опасным, когда переставал быть

полезным, а парламент стремился управлять королевской властью. Эта борьба, благоприятная для монарха при Людовике XIV, с переменным успехом и поражениями при Людовике XV, прекратилась только с революцией. Парламент, по самой своей природе, был призван служить лишь инструментом. Осуществление его прерогатив и его амбиции как органа заставляли его противостоять сильным и поддерживать слабых, он служил по очереди короне против аристократии и нации против короны. Именно это сделало его столь популярным при Людовике XV и Людовике XVI, хотя он нападал на двор только из духа соперничества. Мнение, не вникая в его мотивы, аплодировало не его амбициям, а его сопротивлению, и поддерживало его, потому что защищалось им. Осмелев от такого поощрения, она стала грозной для власти. После отмены воли самого властного и послушного монарха, после протеста против Семилетней войны, после получения контроля над финансовыми операциями и уничтожения иезуитов, его сопротивление стало настолько постоянным и энергичным, что двор, встречая его во всех направлениях, увидел необходимость либо подчиниться, либо подчинить его. Поэтому он привел в исполнение план дезорганизации, предложенный канцлером Мопеу. Этот смельчак, который, по его собственному выражению, предложил *отступить от двора Грече*, заменил этот враждебный парламент парламентом, преданным власти, и подверг аналогичной операции всю магистратуру Франции, которая следовала примеру парижской.

Но время государственных переворотов прошло. Течение, направленное против произвола, было столь решительным, что король прибегал к нему с сомнениями и колебаниями и даже встречал неодобрение своего двора. Возникла новая сила - мнение, которое, хотя и не признавалось, было не менее влиятельным, и чьи постановления начинали принимать суверенный характер. Нация, до сих пор не имевшая никакого значения, постепенно заявляла о своих правах, не разделяя влияния власти. Так поступают все поднимающиеся державы: прежде чем войти в правительство, они наблюдают за ним извне; затем от права контроля они переходят к праву сотрудничества. Наконец наступила эпоха, когда третье сословие должно было разделить власть. В прежние времена оно уже пыталось добиться этого, но тщетно, поскольку его усилия были преждевременными. Тогда оно только-только освободилось и не обладало тем, что устанавливает превосходство и ведет к приобретению власти; ведь право приобретается только силой. Поэтому в мятежах, как и в генеральных штатах, она занимала лишь третье место; все делалось с ее помощью, но ничего для нее. Во времена феодальной тирании она служила королям против дворян; когда господствовал министерский и фискальный деспотизм, она помогала дворянам против королей; но в первом случае она была не более чем слугой короны, во втором - слугой аристократии. Борьба происходила в сфере и на стороне интересов, с которыми она, как считается, не была связана. Когда во времена Фронды дворянство было окончательно побеждено, оно сложило оружие; ясное доказательство того, насколько второстепенную роль оно играло.

Наконец, после столетия абсолютной покорности, она вновь появилась на арене, но уже по собственному почину. Прошлого не вернуть, и для знати было не больше возможностей подняться после поражения, чем для абсолютной монархии восстановить свои позиции. У двора должен был появиться еще один антагонист, ибо он должен быть всегда, власть никогда не бывает без кандидата. Третьему сословию, которое с каждым днем увеличивало свою силу, богатство, ум и союз, суждено было бороться с ним и вытеснить его. Парламент представлял собой не сословие, а тело; и в этом новом состязании, хотя он и мог помочь в смещении власти, он не мог обеспечить ее себе.

Двор благоприятствовал прогрессу третьего сословия и способствовал развитию одного из главных средств его развития - интеллекта. Самый абсолютный из монархов способствовал

движению умов и, сам того не желая, создавал общественное мнение. Поощряя похвалу, он подготовил почву для порицания; ведь мы не можем пригласить экспертизу в свою пользу, чтобы потом не подвергнуться ей с ущербом для себя. Когда песни триумфа, благодарности и преклонения были исчерпаны, начались обвинения, и философы восемнадцатого века сменили литераторов семнадцатого. Все стало объектом их исследований и размышлений: правительства, религия, злоупотребления, законы. Они провозглашали права, обнажали нужды людей, обличали несправедливость. Сформировалось сильное и просвещенное общественное мнение, нападки которого правительство выдерживало, не решаясь попытаться его подавить. Оно даже обращало в свою веру тех, на кого нападало; придворные подчинялись его решениям из соображений моды, власть - из соображений необходимости, и век реформ начался с веком философии, как тот - с веком изящных искусств.

Таково было состояние Франции, когда 11 мая 1774 года на престол взошел Людовик XVI. Финансы, недостатки которых не смогли восполнить ни восстановительное министерство кардинала де Флери, ни обанкротившееся министерство аббата Террея, пренебрежение властью, несговорчивые парламенты, властное общественное мнение - таковы были трудности, которые новое царствование унаследовало от своих предшественников. Из всех принцев Людовик XVI по своим наклонностям и достоинствам лучше всего соответствовал своей эпохе. Народ устал от произвола, и он был склонен отказаться от его осуществления; он был измучен тягостной распущенностью двора Людовика XV; нравы нового короля были чисты, а его потребности немногочисленны; он требовал реформ, которые стали необходимыми, и он оценил общественные нужды и сделал своей славой их удовлетворение. Но добиться добра было так же трудно, как и продолжить зло; ведь нужно было обладать достаточной силой, чтобы заставить привилегированные классы подчиниться реформам, а нацию - злоупотреблениям; а Людовик XVI не был ни регенератором, ни деспотом. Ему не хватало той суверенной воли, которая только и может осуществить великие перемены в государствах и которая так же необходима монархам, желающим ограничить свою власть, как и тем, кто стремится к ее увеличению. Людовик XVI обладал здравым умом, добрым и честным сердцем, но ему не хватало энергии характера и настойчивости в действиях. Его проекты по улучшению положения наталкивались на препятствия, которых он не предвидел и которые не знал, как преодолеть. Он, соответственно, пал под своими усилиями в пользу реформы, как пал бы другой, пытаясь ее предотвратить. Вплоть до собрания Генеральных штатов его правление было одной долгой и бесплодной попыткой улучшить положение.

Выбрав при вступлении на престол Морепааса в качестве премьер-министра, Людовик XVI в значительной степени способствовал неустойчивому характеру своего правления. Молодой, глубоко осознающий свои обязанности и собственную недостаточность, он прибегнул к опыту семидесятитрехлетнего старика, потерявшего расположение Людовика XV своей оппозицией к любовницам этого монарха. В нем король нашел не государственного деятеля, а простого придворного, чье роковое влияние распространилось на весь период его правления. Морепас мало заботился о благополучии Франции и славе своего господина; его единственной заботой было оставаться в фаворе. Проживая в Версальском дворце, в апартаментах, смежных с королевскими, и председательствуя в совете, он сделал ум Людовика XVI неопределенным, а его характер неустойчивым; он приучил его к полумерам, к изменениям системы, ко всем непоследовательным проявлениям власти, и особенно к необходимости делать все за счет других и ничего самому. Морепас имел право выбирать министров, и те старались добиться его расположения так же усердно, как и король. Боясь поставить под угрозу свое положение, он не допускал в министерство людей с

могущественными связями и назначал восходящих людей, которые нуждались в его поддержке для собственной защиты и проведения своих реформ. Он последовательно призвал к руководству делами Турго, Малешерба и Неккера, каждый из которых взялся за улучшение положения дел в том департаменте правительства, который был непосредственным объектом его исследований.

Малешерб, происходивший из семьи, занимавшейся юриспруденцией, унаследовал парламентские добродетели, а не парламентские предрассудки. К независимому уму он присоединил благородное сердце. Он хотел дать каждому человеку его права; обвиняемому - возможность защищаться; протестантам - свободу совести; авторам - свободу печати; каждому француз - личную свободу; он предлагал отменить пытки, восстановить Нантский эдикт, отменить *кассетные письма* и цензуру. Турго, обладавший энергичным и всеобъемлющим умом, а также необычайной твердостью и силой характера, попытался реализовать еще более масштабные проекты. Он присоединился к Малешербе, чтобы с его помощью завершить создание системы, которая должна была вернуть единство правительству и равенство стране. Этот добродетельный гражданин постоянно занимался улучшением положения народа; он в одиночку предпринял то, что в более поздний период осуществила революция, - уничтожение рабства и привилегий. Он предлагал освободить сельские районы от каторги, провинции - от барьеров, торговлю - от внутренних пошлин, торговлю - от оков, и, наконец, заставить дворянство и духовенство вносить налоги в той же пропорции, что и третье сословие. Этот великий министр, о котором Малешерб сказал, что "у него голова Бэкона и сердце госпиталь", хотел с помощью провинциальных собраний приучить нацию к общественной жизни и подготовить ее к восстановлению Генеральных штатов. Он осуществил бы революцию с помощью ордонансов, если бы мог устоять на ногах. Но в условиях системы особых привилегий и всеобщего рабства все проекты, направленные на общественное благо, были неприемлемы. Своими послаблениями Турго вызвал недовольство придворных, отменой обязательного труда, надзирателей и внутренних повинностей - парламента, и встревожил старого министра тем, что его добродетель дала ему преимущество над Людовиком XVI. Принц оставил его, хотя в то же время заметил, что Турго и он сам были единственными людьми, которые желали благополучия народа: так плачевно состояние королей!

В 1776 году Турго сменил Ключьи, бывший контролер Сен-Доминго, который через шесть месяцев после этого был смещен Неккером. Неккер был иностранцем, протестантом, банкиром и больше администратором, чем государственным деятелем; он разработал план реформирования Франции, менее обширный, чем у Турго, но выполненный им с большей умеренностью, чему способствовало время. Назначенный министром, чтобы найти деньги для двора, он использовал нужды двора, чтобы добиться свобод для народа. Он восстановил финансы с помощью порядка и заставил провинции вносить умеренный вклад в их управление. Его взгляды были мудрыми и справедливыми; они заключались в том, чтобы привести доходы в соответствие с расходами, сократив последние; использовать налоги в обычное время и займы, когда непреодолимые обстоятельства заставляли облагать налогом будущее и настоящее; заставить налоги оцениваться провинциальными ассамблеями и ввести публикацию счетов, чтобы облегчить займы. Эта система была основана на природе займов, которые, нуждаясь в кредите, требуют публичности в управлении; и на природе налогов, которые, нуждаясь в согласии, также требуют участия в управлении. Всякий раз, когда возникает дефицит и правительство подает заявки на его покрытие, если оно обращается к кредиторам, оно должно представить свой баланс; если оно обращается к налогоплательщикам, оно должно предоставить им долю в своей власти. Таким образом, займы приводили к составлению счетов, а налоги - к Генеральным штатам; в первом случае

власть подчинялась мнению, а во втором - народу. Но Неккер, хотя и был менее нетерпелив к реформам, чем Тюрго, хотя и желал исправить злоупотребления, которые его предшественник хотел уничтожить, был не более удачлив, чем тот. Его экономия вызывала недовольство придворных; меры провинциальных собраний вызвали неодобрение парламентов, желавших монополизировать оппозицию; премьер-министр не мог простить ему видимости заслуг. Он был вынужден оставить власть в 1781 году, через несколько месяцев после публикации знаменитых *Сводных* финансовых отчетов, которые внезапно приобщили Францию к знанию государственных дел и сделали абсолютное правительство навсегда невозможным.

Смерть Морепас последовала за отставкой Неккера. Королева заняла его место рядом с Людовиком XVI и унаследовала все его влияние на него. Этот добрый, но слабый принц нуждался в руководстве. Его жена, молодая, красивая, активная и амбициозная, получила большую власть над ним. И все же можно сказать, что дочь Марии-Терезы слишком сильно или слишком мало походила на свою мать. Она сочетала легкомыслие с властолюбием и распоряжалась властью только для того, чтобы вложить в нее людей, которые привели к гибели ее саму и государство. Морепас, не доверяя придворным министрам, всегда выбирал народных министров; правда, он не поддерживал их; но если добро не приносило плодов, то, по крайней мере, зло не увеличивалось. После его смерти придворные министры сменили народных министров и своими ошибками сделали неизбежным кризис, который другие пытались предотвратить своими реформами. Эта разница в выборе очень примечательна; именно она, смена людей, привела к изменению системы управления. Революция датируется этой эпохой; отказ от реформ и возвращение беспорядков ускорили ее приближение и усилили ее ярость.

Калонн был призван из интендантства к общему управлению финансами. Два преемника уже были предоставлены Неккеру, когда в 1783 году было подано прошение о назначении Калонна. Калонн был смел, блестящ и красноречив; он обладал большой готовностью и плодовитым умом. То ли по ошибке, то ли по умыслу он принял систему управления, прямо противоположную той, что была у его предшественника. Неккер рекомендовал экономию, Калонн хвастался своими щедрыми расходами. Неккер пал через придворных, Калонн стремился к тому, чтобы они его поддержали. Его софизмы подкреплялись его либеральностью; он убеждал королеву *праздниками*, дворян - пенсиями; он придал большой оборот финансам, чтобы масштабы и возможности его операций могли вызвать уверенность в справедливости его взглядов; он даже обманул капиталистов, предварительно показав себя пунктуальным в своих платежах. Он продолжал привлекать займы и после заключения мира, исчерпав кредит, который мудрое поведение Неккера обеспечило правительству. Дойдя до этой точки, лишившись ресурса, которым он не мог распоряжаться, чтобы продлить свое пребывание у власти, он был вынужден прибегнуть к налогообложению. Но к кому он мог прибегнуть? Народ больше не мог платить, а привилегированные классы не хотели ничего предлагать. Но решать было необходимо, и Калонн, надеясь на что-то новое, созвал ассамблею знати, которая начала свои заседания в Версале 22 февраля 1787 года. Но обращение к другим должно было стать концом системы, основанной на расточительности. Министр, возвысившийся за счет подачек, не мог содержать себя за счет просьб.

Знатные люди, выбранные правительством из высших классов, образовали министерское собрание, которое не имело ни собственного существования, ни полномочий. Именно для того, чтобы избежать парламентов и Генеральных штатов, Калонн обратился к более низкому собранию, надеясь найти его более послушным. Но, состоящее из привилегированных лиц, оно было мало расположено к жертвам. Еще меньше она стала, когда увидела пропасть,

которую вырыла пожирающая администрация. Он с ужасом узнал, что займы за несколько лет составили тысячу шестьсот сорок шесть миллионов и что ежегодный дефицит доходов составляет сто сорок миллионов. Это разоблачение стало сигналом к падению Калонны. Он пал, и его сменил Бриенн, архиепископ Сенса, его противник в собрании. Бриенн считал, что большинство знати предано ему, поскольку объединилось с ним против Калонна. Но привилегированные классы были не более склонны приносить жертвы Бриенну, чем его предшественнику; они поддерживали его нападки, которые отвечали их интересам, а не его амбиции, к которым они были равнодушны.

Архиепископ Сен-Санс, которого порицают за отсутствие плана, был не в состоянии его разработать. Ему не позволили продолжать расточительность Калонны, и было слишком поздно возвращаться к сокращениям Неккера. Экономия, которая в прежние времена была средством безопасности, в этот период таковым уже не являлась. Приходилось прибегать либо к налогам, против чего выступал парламент, либо к займам, а кредит был исчерпан, либо к жертвам со стороны привилегированных классов, которые не желали их приносить. Бриенн, для которого должность была главным предметом жизни, который, учитывая трудности своего положения и скудость средств, пытался сделать все, но не преуспел ни в чем. Его ум был активен, но ему не хватало силы, а характер был опрометчив и не тверд. Смелый до начала действий, но слабый после, он губил себя своей нерешительностью, непредусмотрительностью и постоянным изменением средств. Оставались только плохие меры, но он не мог выбрать одну и следовать ей; в этом и заключалась его главная ошибка.

Собрание знати было малопокорным и очень скупым. Санкционировав создание провинциальных ассамблей, регулирование торговли кукурузой, отмену корвеев и новый гербовый налог, оно распалось 25 мая 1787 года. Она распространила по всей Франции то, что обнаружила в отношении нужд трона, ошибок министров, обветшалости двора и непоправимых бедствий народа.

Лишенный этой помощи, Бриенн прибегнул к налогообложению как к средству, от которого уже давно отказался. Он потребовал принятия двух эдиктов - о марках и о территориальных субсидиях. Но парламент, находившийся тогда в полном расцвете сил и амбиций, которому финансовое затруднение министерства давало возможность увеличить свою власть, отказал ему в этом. Изгнанный в Труа, он устал от изгнания, и министр отозвал его при условии, что оба эдикта будут приняты. Но это было лишь приостановкой военных действий; нужды короны вскоре сделали борьбу более упорной и жестокой. Министру пришлось вновь обращаться за деньгами; его существование зависело от выдачи нескольких последовательных займов на сумму в четыреста сорок миллионов. Необходимо было добиться их зачисления.

Бриенн, ожидая противодействия со стороны парламента, добился принятия этого эдикта *судебной палатой*, и, чтобы примирить магистратуру и общественное мнение, протестанты были восстановлены в своих правах в том же заседании, а Людовик XVI обещал ежегодное издание отчета о состоянии финансов и созыв Генеральных штатов до истечения пяти лет. Но этих уступок было уже недостаточно: парламент отказался от зачисления и восстал против тирании министров. Некоторые из его членов, в том числе герцог Орлеанский, были изгнаны. Парламент своим декретом выразил протест против *lettres de cachet* и потребовал отзыва своих членов. Этот декрет был отменен королем и подтвержден парламентом. Военные действия усилились.

Парижская магистратура была поддержана всеми магистратами Франции, и ее поддерживало общественное мнение. Она провозгласила права нации и собственную

некомпетентность в вопросах налогообложения; став либеральной из-за интересов и щедрой из-за угнетения, она выступила против произвольного тюремного заключения и потребовала регулярного созыва Генеральных штатов. После этого смелого акта он объявил о несменяемости своих членов и некомпетентности тех, кто мог бы узурпировать их функции. За этим смелым манифестом последовал арест двух членов, д'Эпремениля и Гоислара, реформа органа и учреждение пленарного суда.

Бриенн понимал, что оппозиция парламента носит систематический характер, что она будет возобновляться при каждом новом требовании субсидий или при разрешении каждого займа. Изгнание было лишь кратковременным средством, которое приостанавливало оппозицию, но не уничтожало ее. Тогда он задумал свести этот орган к судебным функциям, а для осуществления этого проекта привлечь к себе Ламуаньона, хранителя печатей. Ламуаньон был искусен в государственных переворотах. Он обладал смелостью, а в сочетании с энергичной решимостью Мопеу отличался большей расчетливостью и честностью. Но он ошибся в том, что касается силы власти и того, чего можно добиться в его время. Мопеу восстановил парламент, изменив его членов; Ламуаньон хотел его дезорганизовать. Первое из этих средств, если бы и удалось, дало бы лишь временное успокоение; второе должно было дать окончательное, так как имело целью уничтожить власть, которую другое средство только пыталось сместить; но реформа Мопеу не продлилась, а реформа Ламуаньона не могла быть осуществлена. Однако исполнение последней было достаточно хорошо обставлено. Вся магистратура Франции была изгнана в один и тот же день, чтобы новая судебная организация могла состояться. Хранитель печатей лишил Парижский парламент его политических атрибутов, чтобы вложить в него пленарный суд, состоящий из министров, и сократил его судебную компетенцию в пользу бейливиков, юрисдикцию которых он расширил. Общественное мнение было возмущено; Шатле протестовал, провинции восстали, а пленарный суд не мог ни сформироваться, ни действовать. Вспыхнули волнения в Дофине, Бретани, Провансе, Фландрии, Лангедоке и Беарне; министерству, вместо обычной оппозиции парламента, пришлось столкнуться с гораздо более оживленной и разъяренной. В ней приняли участие дворянство, третье сословие, провинциальные штаты и даже духовенство. Бриенн, нуждаясь в деньгах, созвал чрезвычайное собрание духовенства, которое немедленно обратилось к королю с требованием упразднить пленарный суд и отозвать Генеральные штаты: только они могли впредь исправить беспорядок в финансах, обеспечить государственный долг и прекратить подобные конфликты властей.

Архиепископ Сен-Санс своей борьбой с парламентом отсрочил решение финансовых вопросов, создав политические трудности. Как только последняя прекратилась, первая возникла вновь и сделала его отступление неизбежным. Не получая ни налогов, ни займов, не имея возможности воспользоваться пленарным судом и не желая отзывать парламенты, Бриенн в качестве последнего средства пообещал созвать Генеральные штаты. Этим он ускорил свое разорение. Он был призван в финансовый департамент, чтобы устранить затруднения, которые он усилил, и получить деньги, которые он не мог получить. Но это было не так, он привел в ярость народ, поднял мятеж в различных органах власти штата, подорвал авторитет правительства и сделал неизбежным проведение генеральных штатов, которые, по мнению суда, были наихудшим средством для сбора денег. Он скончался 25 августа 1788 года. Причиной его падения стала приостановка выплаты процентов по долгу, что послужило началом банкротства. Этому министру досталось больше всего упреков, потому что он пришел последним. Унаследовав недостатки и неудобства прошлых времен, он должен был бороться с трудностями своего положения при недостатке средств. Он испробовал интриги и притеснения; он изгнал, отстранил, дезорганизовал парламент; все было для него

препятствием, ничто не помогало ему. После долгой борьбы он пал духом и ослабел; я не смею сказать, что от неспособности, ибо будь он гораздо сильнее и искуснее, будь он Ришелье или Сюлли, он все равно бы пал. Никому больше не принадлежало право произвольно собирать деньги или угнетать народ. В его оправдание следует сказать, что он не создавал себе такого положения, из которого не мог выбраться; его единственной ошибкой было самонадеянное согласие на него. Он пал по вине Калонна, так как Калонн воспользовался доверием, внушенным Неккером, для целей своих щедрых расходов. Один уничтожил кредит, а другой, решив восстановить его силой, уничтожил власть.

Генеральные штаты стали единственным средством управления и последним ресурсом трона. Их с нетерпением требовали парламент и пэры королевства 13 июля 1787 года; штаты Дофине на собрании в Визиле; духовенство на собрании в Париже. Провинциальные штаты подготовили к ним общественное мнение, а знатные особы были их предвестниками. Король, пообещав 18 декабря 1787 года созвать их через пять лет, 8 августа 1788 года назначил открытие на 1 мая 1789 года. Неккер был отозван, парламент восстановлен, пленарный суд упразднен, бейливики уничтожены, провинции удовлетворены; новый министр подготовил все для выборов депутатов и проведения штатов.

В этот момент произошла большая перемена в оппозиции, которая до этого была единодушна. При Бриенне министерство столкнулось с противодействием всех различных органов государства, поскольку пыталось их угнетать. При Неккере оно встретило сопротивление со стороны тех же органов, которые желали власти для себя и угнетения для народа. Из деспотической она превратилась в национальную, и все равно все они в равной степени были против нее. Парламент вел борьбу за власть, а не за общественное благосостояние; дворянство объединилось с третьим сословием, скорее против правительства, чем в пользу народа. Каждый из этих органов требовал создания Генеральных штатов: парламент - в надежде управлять ими, как в 1614 году, а дворянство - в надежде вернуть утраченное влияние. Соответственно, магистратура предложила в качестве образца для генерального штата 1789 года форму генерального штата 1614 года, и общественное мнение ее отвергло; дворянство отказалось от согласия на двойное представительство третьего сословия, и между этими двумя орденами произошел раскол.

Этого двойного представительства требовали разум эпохи, необходимость реформ и то значение, которое приобрело третье сословие. Оно уже было допущено в провинциальные ассамблеи. Бриенн, прежде чем покинуть министерство, обратился к писателям того времени, чтобы узнать, какой способ составления и проведения Генеральных штатов будет наиболее подходящим. Среди произведений, благоприятствовавших народу, появились знаменитый памфлет Сьеса о Третьем сословии и памфлет д'Антрагеса о Генеральных штатах.

Мнение с каждым днем становилось все более определенным, и Неккер, желая, но опасаясь удовлетворить его и стремясь примирить все порядки, чтобы получить всеобщее одобрение, созвал 6 ноября 1788 года второе собрание знатных особ, чтобы обсудить состав Генеральных штатов и выборы их членов. Он хотел склонить его к принятию двойного представительства третьего сословия, но оно отказалось, и он был вынужден, несмотря на нотаблей, принять решение, которое должен был принять без них. Неккер был не тем человеком, который избегает споров, заранее устраняя все трудности. Он не взял на себя инициативу в вопросе о представительстве третьего сословия, так же как в более поздний период он взял ее в вопросе о голосовании по приказу или по опросу. Когда Генеральные штаты были собраны, решение этого второго вопроса, от которого зависело состояние власти и народа, было отдано на откуп силе.

Как бы то ни было, Неккер, не сумев заставить знатных принять двойное представительство третьего сословия, добился его принятия советом. Королевская декларация от 27 ноября постановила, что число депутатов в Генеральных штатах должно составлять не менее тысячи, а число депутатов третьего сословия должно быть равно числу депутатов от дворянства и духовенства вместе взятых. Кроме того, Неккер добился принятия куре в орден духовенства, а протестантов - в орден третьего сословия. Для выборов были созданы окружные собрания; каждый прилагал усилия, чтобы обеспечить выдвижение членов своей партии, и составлял манифесты, излагающие его взгляды. Парламент имел очень мало влияния на выборы, а суд - вообще никакого. Дворяне выбрали несколько народных депутатов, но в основном таких, которые были преданы интересам своего ордена и в равной степени противостояли как третьему сословию, так и олигархии крупных придворных семей. Духовенство выдвинуло епископов и аббатов, привязанных к привилегиям, и куре, благосклонных к народному делу, которое было их собственным; наконец, третье сословие выбрало людей просвещенных, твердых и единодушных в своих желаниях. Депутация от дворянства состояла из двухсот сорока двух джентльменов и двадцати восьми членов парламента; от духовенства - из сорока восьми архиепископов или епископов, тридцати пяти аббатов или деканов и двухсот восьми куре; от коммун - из двух церковников, двенадцати дворян, восемнадцати магистратов городов, двухсот членов графств, двухсот двенадцати барристеров, шестнадцати врачей и двухсот шестнадцати купцов и земледельцев. Открытие Генеральных штатов было назначено на 5 мая 1789 года.

Так свершилась революция. Суд тщетно пытался ее предотвратить, как впоследствии пытался ее отменить. Под руководством Морепа король назначал народных министров и делал попытки реформ; под влиянием королевы он назначал придворных министров и делал попытки власти. Угнетение имело столь же мало успеха, как и реформы. Тщетно обращаясь к придворным за сокращениями, к парламенту за сборами, к капиталистам за займами, он искал новых налогоплательщиков и обращался к привилегированным сословиям. Он потребовал от знати, состоящей из дворян и духовенства, участия в государственных расходах, но они отказались. Тогда он впервые обратился ко всей Франции и созвал Генеральные штаты. Он обращался к различным органам нации, прежде чем обращаться к самой нации; и только после отказа первых он обратился к власти, вмешательству и поддержке которой он боялся. Он предпочитал частные собрания, которые, будучи изолированными, неизбежно оставались второстепенными, общему собранию, которое, представляя все интересы, должно было объединить все силы. Вплоть до этой великой эпохи с каждым годом нужды правительства возрастали, а сопротивление становилось все более масштабным. Оппозиция переходила от парламентов к дворянству, от дворянства к духовенству, а от них всех - к народу. По мере того как каждый из них приобщался к власти, он начинал свою оппозицию, пока все эти частные оппозиции не сливались воедино или не уступали место общенациональной оппозиции. Генеральные штаты лишь декретировали уже сформировавшуюся революцию.

ГЛАВА I

С 5 МАЯ 1789 ГОДА ДО НОЧИ НА 4 АВГУСТА

5 мая 1789 года было назначено для открытия Генеральных штатов. Накануне состоялась религиозная церемония, предшествовавшая их учреждению. Король, его семья, министры, депутаты трех орденов прошли процессией от церкви Нотр-Дам до церкви Сен-Луи, чтобы послушать торжественную мессу. Люди не без энтузиазма восприняли возвращение

национальной церемонии, которой Франция была лишена столь долгое время. Все это выглядело как праздник. Огромная толпа стекалась со всех концов в Версаль; погода была великолепной; пышность убранства была чрезмерной. Волнение музыки, любезное и довольное выражение лица короля, красота и манеры королевы и, как ничто другое, всеобщая надежда, возвышали всех. Но этикет, костюмы и порядок в рядах государств в 1614 году воспринимались с сожалением. Духовенство, в рясах, больших плащах и квадратных шапках, или в фиолетовых мантиях с газонными рукавами, занимало первое место. Затем шли дворяне, одетые в черные мундиры с жилетами и обшивкой из сукна золотого цвета, кружевные кафтаны и шляпы с белыми плюмажами, вывернутые по моде Генриха IV. Скромное третье сословие пришло последним, одетое в черное, с короткими плащами, муслиновыми кафтанами и шляпами без перьев и петель. В церкви между тремя орденами существовало такое же различие по местам.

Королевская сессия состоялась на следующий день в Зале меню. Галереи, устроенные в виде амфитеатра, были заполнены зрителями. Депутаты были вызваны и представлены в соответствии с порядком, установленным в 1614 году. Духовенство провели направо, дворянство - налево, а общинников - перед тронем в конце зала. Депутации от Дофине, от Крепи в Валуа, к которой принадлежал герцог Орлеанский, и от Прованса были встречены громкими аплодисментами. Неккер также был принят при входе с всеобщим энтузиазмом. Общественное расположение было засвидетельствовано всем, кто способствовал созыву Генеральных штатов. Когда депутаты и министры заняли свои места, появился король, за которым следовали королева, принцы и блестящая свита. При его появлении зал разразился аплодисментами. Войдя, Людовик XVI занял свое место на троне, а когда он надел шляпу, три ордена одновременно прикрылись ею. Общинники, вопреки обычаю древних государств, без колебаний подражали дворянству и духовенству: время, когда третий орден должен был оставаться непокрытым и говорить коленопреклоненно, прошло. Речь короля ожидалась в глубокой тишине. Людям не терпелось узнать истинные чувства правительства по отношению к штатам. Намерено ли оно приравнять новое собрание к древнему или предоставить ему ту роль, которую отводили ему государственные нужды и важность случая?

"Господа, - с волнением сказал король, - день, которого я так ждал, наконец настал, и я вижу вокруг себя представителей нации, которой я славно управляю". Со времени последней сессии Генеральных штатов прошел большой промежуток времени, и хотя созыв этих собраний, казалось, вышел из употребления, я не решался восстановить обычай, из которого королевство могло бы извлечь новую силу, и который мог бы открыть для нации новый источник счастья".

За этими словами, обещавшими многое, последовали лишь объяснения по поводу долга и объявления о сокращении расходов. Король, вместо того чтобы мудро указать штатам курс, которым они должны следовать, призывал к союзу, выражал свою нехватку денег, страх перед нововведениями и жаловался на беспокойство общественного мнения, не предлагая никаких средств для его удовлетворения. Тем не менее ему очень аплодировали, когда в завершение своей речи он произнес следующие слова, полностью описывающие его намерения: "Все, что можно ожидать от самого дорогого интереса к общественному благосостоянию, все, что можно требовать от государя, первого друга своего народа, вы можете и должны надеяться на основании моих чувств. Чтобы счастливый дух союза проник в это собрание, господа, и чтобы оно стало памятной эпохой для счастья и процветания королевства, - это желание моего сердца, самое пылкое из моих желаний; это, одним

словом, награда, которую я ожидаю за честность моих намерений и любовь к моим подданным".

Следующим выступил Барентин, хранитель печатей. Его речь была дополнением к речи генеральных штатов и благосклонности короля. После длинной преамбулы он, наконец, коснулся темы торжества. "Его Величество, - сказал он, - не изменил древнего метода обсуждения, предоставив двойное представительство в пользу самого многочисленного из трех орденов, на который в основном падает бремя налогообложения. Хотя голосование путем опроса, дающее только один результат, имеет, по-видимому, то преимущество, что оно лучше всего отражает общее желание, король желает, чтобы эта новая форма была принята только с добровольного согласия штатов и одобрения его величества. Но каковы бы ни были мнения по этому вопросу, какие бы различия ни проводились между различными вопросами, которые станут предметом обсуждения, не может быть никаких сомнений, кроме того, что самая полная гармония объединит три порядка по вопросу о налогообложении". Правительство не возражало против голосования путем опроса в материальных вопросах, поскольку оно было более оперативным; но в политических вопросах оно заявило о своей поддержке голосования путем приказа, как более эффективного сдерживания нововведений. Таким образом он стремился достичь своей собственной цели, а именно субсидий, и не позволить нации достичь своей цели, которой были реформы. То, как хранитель печатей определял полномочия генеральных штатов, еще яснее обнаруживало намерения двора. Он свел их в определенной степени к исследованию налогообложения, чтобы проголосовать за него, к обсуждению закона о печати, чтобы установить ее пределы, и к реформе гражданского и уголовного законодательства. Он запретил все другие изменения и в заключение сказал: "Все справедливые требования были удовлетворены; король не обратил внимания на неосторожный ропот; он снисходительно отнесся к нему; он даже простил выражение тех ложных и экстравагантных максим, в пользу которых были сделаны попытки подменить пагубными химерами незыблемые принципы монархии. Вы с негодованием, господа, оттолкнете опасные новшества, которые враги общественного блага пытаются спутать с необходимыми и счастливыми переменами, которые должно произвести это возрождение и которые составляют первое желание его величества".

Эта речь демонстрировала слабое знание желаний нации или открыто пыталась бороться с ними. Недовольное собрание обратилось к М. Неккеру, от которого оно ожидало другой речи. Он был популярным министром, добился двойного представительства, и можно было надеяться, что он одобрит голосование путем опроса - единственный способ дать возможность третьему сословию обратить свою численность на пользу. Но он выступал как генеральный контролер и как человек осторожный. Его речь, длившаяся три часа, представляла собой удлинённый бюджет; а когда, утомив собрание, он касался интересующей его темы, то говорил нерешительно, чтобы не сблизить себя ни с двором, ни с народом.

Правительство должно было лучше понимать важность Генеральных штатов. Одно только восстановление этого собрания предвещало великую революцию. С надеждой ожидаемое народом, оно вновь появилось в эпоху, когда древняя монархия тонула и когда только оно одно было способно реформировать государство и обеспечить нужды королевской власти. Трудности времени, характер их миссии, выбор членов - все говорило о том, что штаты собрались не как налогоплательщики, а как законодатели. Право возрождения Франции было предоставлено им мнением, было возложено на них общественными постановлениями, и они нашли в огромности злоупотреблений и общественном поощрении силы, чтобы взяться и выполнить эту великую задачу.

Король должен был присоединиться к их труду. Таким образом он мог бы восстановить свою власть и обезопасить себя от эксцессов революции, сам содействуя ее осуществлению. Если бы, взяв на себя инициативу в этих переменах, он установил новый порядок вещей твердо, но справедливо; если бы, выполняя пожелания Франции, он определил права ее граждан, удел генеральных штатов и пределы королевской власти; Если бы он, со своей стороны, отказался от произвола, неравенства дворянства и привилегий различных сословий; словом, если бы он провел все реформы, которых требовало общественное мнение и которые были осуществлены учредительным собранием, он предотвратил бы роковые раздоры, которые возникли впоследствии. Редко можно встретить принца, готового разделить свою власть, или достаточно просвещенного, чтобы уступить то, что ему придется потерять. Людовик XVI мог бы это сделать, если бы меньше поддавался влиянию окружающих и следовал велениям собственного разума. Но в советах короля царила величайшая анархия. Когда собирались Генеральные штаты, не было принято ни одной меры, ни одного решения, которое могло бы предотвратить споры. Людовик XVI колебался между своим министерством, которым руководил Неккер, и своим двором, которым руководили королева и несколько принцев из его семьи.

Неккер, удовлетворившись получением представительства третьего сословия, опасался нерешительности короля и недовольства двора. Не оценив в достаточной степени важности кризиса, который он считал скорее финансовым, чем социальным, он ждал хода событий, чтобы действовать, и льстил себя надеждой, что сможет направлять эти события, не пытаясь подготовить для них путь. Он чувствовал, что древняя организация государств больше не может быть сохранена; что существование трех орденов, каждый из которых обладал правом отказа, препятствовало проведению реформ и прогрессу администрации. Он надеялся после испытания этой тройной оппозиции сократить число орденов и добиться принятия английской формы правления, объединив духовенство и дворянство в одной палате, а третье сословие - в другой. Он не предвидел, что после начала борьбы его вмешательство окажется тщетным: что полумеры не устроят ни одну из сторон; что слабые по упрямству, а сильные по страсти будут противиться этой системе умеренности. Уступки удовлетворяют только перед победой.

Двор, не желая организовывать Генеральные штаты, стремился их аннулировать. Он предпочитал случайное сопротивление великих людей нации, а не разделение власти с постоянным собранием. Разделение орденов благоприятствовало его взглядам; он рассчитывал разжечь их разногласия и тем самым помешать им действовать. Генеральные штаты никогда не достигали никаких результатов из-за недостатков своей организации; двор надеялся, что так будет и впредь, поскольку два первых ордена были менее склонны уступить реформам, которых добивался последний. Духовенство желало сохранить свои привилегии и роскошь и ясно предвидело, что жертвы, которые ему придется принести, будут более многочисленными, чем преимущества, которые оно сможет приобрести. Дворянство, со своей стороны, хотя и вернуло себе давно утраченную политическую независимость, осознавало, что для народа ему придется уступить больше, чем оно могло бы получить от королевской власти. Новая революция должна была произойти почти полностью в пользу третьего сословия, и первые два ордена были побуждены объединиться с двором против третьего сословия, как совсем недавно они объединились с третьим сословием против двора. Только интерес привел к смене партии, и они объединились с монархом без привязанности, как раньше защищали народ, не заботясь об общественном благе.

Не жалели усилий, чтобы удержать дворянство и духовенство в этом расположении. Депутаты этих двух орденов были объектами благосклонности и соблазнов. У графини де

Полиньяк собрался комитет, в который входили самые знатные особы; в него были допущены главные депутаты. Именно здесь появились де Эпремениль и де Антрагес, два самых горячих защитника свободы в парламенте или в Генеральных штатах, которые впоследствии стали ее самыми решительными противниками. Здесь же был определен костюм депутатов различных орденов и предприняты попытки разделить их, сначала с помощью этикета, затем интриг и, наконец, силы. В суде преобладали воспоминания о древних Генеральных штатах; он считал, что может регулировать настоящее прошлым, сдерживать Париж армией, депутатов третьего сословия - дворянами, управлять штатами, разделяя ордена, и разделять ордена, возрождая древние обычаи, которые возвышали дворян и опускали общинников. Таким образом, после первого заседания стало ясно, что все предотвращено, если ничего не давать.

6 мая, на следующий день после открытия штатов, дворянство и духовенство собрались в своих палатах и образовали свои палаты. Третье сословие, которое, благодаря своему двойному представительству, было самым многочисленным орденом, получило зал Статутов и ожидало там два других ордена; оно рассматривало свое положение как временное, своих членов как предполагаемых депутатов и приняло систему бездействия, пока другие ордена не объединятся с ним. Тогда началась памятная борьба, от исхода которой зависело, совершится ли революция или будет остановлена. От разделения или воссоединения орденов зависела дальнейшая судьба Франции. Этот важный вопрос возник в связи с проверкой полномочий. Народные депутаты справедливо утверждали, что она должна быть общей, поскольку, даже если бы союз орденов был отвергнут, невозможно отрицать заинтересованность каждого из них в проверке полномочий других; привилегированные депутаты, напротив, утверждали, что, поскольку ордена существуют отдельно, проверка должна быть проведена соответственно. Они считали, что единое сотрудничество на будущее сделает невозможным всякое разделение.

Общинники действовали с большой осмотрительностью, обдуманностью и постоянством. Они достигли своей цели путем последовательных усилий, не сопряженных с опасностями, медленных и нерешительных успехов и постоянно возобновляемой борьбы. Систематическое бездействие, которое они приняли с самого начала, было самым верным и мудрым курсом; бывают случаи, когда путь к победе заключается в умении ждать ее. Коммуны были единодушны, и только они составляли численную половину Генеральных штатов; дворянство имело в своем лоне несколько популярных раскольников; большинство духовенства, состоявшее из нескольких епископов, друзей мира, и многочисленного сословия куры, третьего сословия церкви, питало чувства, благоприятные для коммун. Усталость должна была привести к унии; на это надеялось третье сословие, этого боялись епископы, и именно это побудило их 13 мая предложить себя в качестве посредников. Но это посредничество было вынужденно безрезультатным, поскольку дворяне не допускали голосования по опросу, а общинники - по приказу. Таким образом, примирительные конференции, продлившись безрезультатно до 27 мая, были прерваны дворянами, которые высказались за раздельное голосование.

На следующий день после этого враждебного решения общинники решили объявить себя собранием нации и пригласили духовенство присоединиться к ним *во имя Бога мира и общего блага*. Суд, встревоженный этой мерой, вмешался, чтобы возобновить конференции. Первым комиссарам, назначенным для примирения, было поручено урегулировать разногласия между орденами; министерство взяло на себя регулирование разногласий между комиссарами. Таким образом, государства зависели от комиссии, а комиссия имела в качестве арбитра совет князя. Но эти новые конференции имели не более удачный исход,

чем первые. Они затянулись, ни один из орденов не хотел ничего уступить другому, и в конце концов дворянство разогнало их, подтвердив все свои постановления.

Пять недель уже прошло в бесполезных разборах. Третье сословие, понимая, что настал момент для его самоопределения и что более длительное промедление может настроить против него нацию и разрушить доверие, которое оно приобрело благодаря отказу привилегированных классов сотрудничать с ним, решило действовать и проявило здесь ту же умеренность и твердость, которую оно демонстрировало во время своего бездействия. Мирабо объявил, что депутат от Парижа хочет внести предложение; и Съес, физически робкий, но предприимчивый, обладавший большим авторитетом благодаря своим идеям и лучше, чем кто-либо другой, подходивший для предложения меры, доказал невозможность союза, настоятельную необходимость проверки, справедливость общего требования и постановил, что дворянство и духовенство должны быть *приглашены* в Зал Статутов, чтобы принять участие в проверке, которая состоится независимо *от того, будут ли они отсутствовать или присутствовать*.

За мерами по всеобщей проверке последовали другие, еще более энергичные. Прекратив проверку 17 июня по предложению Съеса, общинники учредили *Национальное собрание*. Этот смелый шаг, в результате которого самый многочисленный орден и единственный, чьи полномочия были узаконены, объявил себя представительством Франции и отказался признать два других, пока они не подчинятся проверке, определил вопросы, до сих пор не решенные, и превратил собрание штатов в собрание народа. В политической власти исчезла система орденов, и это стало первым шагом к упразднению классов в частной системе. Этот памятный декрет от 17 июня содержал в себе зародыш ночи 4 августа; но нужно было защищать то, что осмелились решить, и были основания опасаться, что такое решение не удастся сохранить.

Первый декрет *Национального собрания* был актом суверенитета. Он поставил привилегированные классы под свою зависимость, провозгласив неделимость законодательной власти. Суд оставалось сдерживать с помощью налогов. Собрание объявило незаконность прежних пошлин, утвердило их временно, пока оно продолжало заседать, и отменило их после своего роспуска; оно восстановило доверие капиталистов, консолидировав государственный долг, и обеспечило нужды народа, назначив комитет по пропитанию.

Такая твердость и предусмотрительность вызвали энтузиазм нации. Но те, кто руководил двором, видели, что разногласия между орденами не достигли своей цели и что для ее достижения необходимо прибегнуть к другим средствам. Они считали, что только королевская власть может предписать сохранение порядков, которые оппозиция дворян уже не могла сохранить. Они воспользовались поездкой в Марли, чтобы вывести Людовика XVI из-под влияния благоразумных и миролюбивых советов Неккера и склонить его к принятию враждебных мер. Этот принц, одинаково доступный для добрых и злых советов, окруженный двором, предавшимся партийному духу, и умолявший ради интересов своей короны и во имя религии остановить пагубное продвижение коммун, наконец, уступил и обещал все. Было решено, что он должен отправиться в государственном порядке в собрание, отменить его декреты, повелеть разделить ордена, как составляющие монархию, и сам определить реформы, которые должны быть проведены Генеральными штатами. С этого момента Тайный совет возглавил правительство, действуя уже не тайно, а самым открытым образом. Барентин, хранитель печатей, граф д'Артуа, принц де Конде и принц де Конти единолично осуществляли согласованные ими проекты. Неккер потерял все свое влияние; он предложил королю примирительный план, который мог бы иметь успех до того, как борьба достигла

такой степени враждебности, но теперь не мог этого сделать. Он посоветовал провести еще одно королевское заседание, на котором голосование по опросу в вопросах налогообложения должно было быть предоставлено, а голосование по приказу должно было остаться в вопросах частных интересов и привилегий. За этой мерой, неблагоприятной для общин, поскольку она способствовала сохранению злоупотреблений, наделяя дворянство и духовенство правом выступать против их отмены, последовало бы учреждение двух палат для следующих Генеральных штатов. Неккер любил полумеры и хотел путем последовательных уступок добиться политических перемен, которые должны были произойти сразу. Наступил момент, когда нужно было предоставить нации все ее права или оставить ее самой. Его проект королевского заседания, и без того недостаточный, был превращен новым советом в удар по государственной политике. Последний полагал, что запреты трона устрашат собрание и что Франция удовлетворится обещаниями реформ. Похоже, он не знал, что худший риск, которому может подвергнуться королевская власть, - это неповиновение.

Как правило, удары государственной политики приходят неожиданно и удивляют тех, на кого они должны повлиять. В данном случае все было не так; подготовка к нему была направлена на то, чтобы предотвратить успех. Опасались, что большинство духовенства признает собрание, объединившись с ним; и чтобы предотвратить столь решительный шаг, вместо того, чтобы поторопить королевское заседание, закрыли Зал Статутов, чтобы приостановить собрание до дня заседания. Предлогом для этой неумелой и неправомерной меры послужили приготовления, вызванные присутствием короля. В это время на собрании председательствовал Бейли. Этот добродетельный гражданин, сам того не желая, получил все почести зарождающейся свободы. Он был первым президентом собрания, как был первым депутатом Парижа и должен был стать его первым мэром. Любимый своей партией, уважаемый своими противниками, он сочетал в себе самые мягкие и просвещенные добродетели, самое мужественное чувство долга. Извещенный в ночь на 20 июня хранителем печатей о приостановке заседания, он остался верен желаниям собрания и не побоялся ослушаться суда. В назначенный час на следующий день он явился в Зал Статутов и, обнаружив там вооруженную силу, выразил протест против этого акта деспотизма. Тем временем прибыли депутаты, недовольство росло, все, казалось, были готовы рискнуть, чтобы провести заседание. Самые возмущенные предложили отправиться в Марли и провести собрание под окнами короля; один из них назвал Теннисный корт; это предложение было хорошо принято, и депутаты отправились туда в процессии. Во главе их шел Бейли; народ следовал за ними с энтузиазмом; даже солдаты вызвались сопровождать их, и там, в голом зале, депутаты общин, стоя с поднятыми руками и сердцами, полными своей священной миссии, поклялись, за единственным исключением, не расходиться, пока не дадут Франции конституцию.

За этой торжественной клятвой, принесенной 20 июня в присутствии всего народа, 22 июня последовал важный триумф. Собрание, по-прежнему лишенное своего обычного места для заседаний, не имея возможности воспользоваться Теннисным кортом, который принцы наняли специально, чтобы им в нем отказали, собралось в церкви Святого Людовика. На этом заседании большинство духовенства присоединилось к ним в окружении патриотических транспортов. Таким образом, меры, принятые для запугивания собрания, усилили его смелость и ускорили объединение, которое они должны были предотвратить. Этими двумя неудачами суд предвещал знаменитое заседание 23 июня.

Наконец оно состоялось. Многочисленная стража окружила зал Генеральных штатов, дверь которого была открыта для депутатов, но закрыта для публики. Король пришел, окруженный пышностью власти; его приняли, вопреки обыкновению, в глубоком молчании. Его речь

дополнила меру недовольства властным тоном, с которым он диктовал меры, отвергнутые общественным мнением и собранием. Король жаловался на отсутствие союза, возбужденного самим двором; он порицал поведение собрания, считая его лишь распоряжением третьего сословия; он отменял его декреты, предписывал сохранять их, навязывал реформы и определял их пределы; предписывал Генеральным штатам принять их и угрожал распустить их и единолично обеспечивать благосостояние королевства, если встретит еще большее противодействие с их стороны. После этой сцены власти, столь неподходящей к случаю и противоречащей его сердцу, Людовик XVI удалился, приказав депутатам разойтись. Духовенство и дворянство повиновались. Народные депутаты, неподвижные, молчаливые и возмущенные, остались сидеть. Так продолжалось некоторое время, когда Мирабо, внезапно нарушив молчание, сказал: "Господа, я допускаю, что то, что вы только что услышали, могло бы послужить благу страны, если бы не то, что подарки деспотизма всегда опасны. Что такое эта оскорбительная диктатура? Пышность оружия, нарушение национального храма, к которым прибегают, чтобы приказывать вам быть счастливыми! Кто отдает этот приказ? Ваш мандатарий. Кто устанавливает для вас эти властные законы? Ваш мандатарий; тот, кто должен скорее получать их от вас, господа, - от нас, облеченных политическим и неприкосновенным священством; от нас, одним словом, к которым только двадцать пять миллионов людей стремятся за счастьем, потому что оно должно быть согласным, дано и получено всеми. Но свобода ваших дискуссий скована; военные силы окружают собрание! Где же враги нации? Неужели Катилина у наших ворот? Я требую, чтобы вы, облеченные своим достоинством, своей законодательной властью, заключили себя в рамки религии вашей клятвы. Она не позволяет вам отделиться, пока вы не создадите конституцию".

Великий церемониймейстер, видя, что собрание не расходится, подошел и напомнил им о приказе короля.

"Идите и скажите своему господину, - вскричал Мирабо, - что мы здесь по велению народа, и ничто, кроме штыка, не заставит нас разойтись".

"Вы сегодня, - спокойно добавил Съез, - то же, что и вчера. Давайте посоветуемся".

Собрание, полное решимости и достоинства, приступило к обсуждению. По предложению Камю было решено оставить в силе уже принятые декреты, а по предложению Мирабо - неприкосновенность членов собрания.

В этот день королевская власть была утрачена. Инициатива в законодательстве и моральная власть перешли от монарха к собранию. Те, кто своими советами спровоцировал это сопротивление, не решились наказать его. Неккера, решение об отставке которого было принято утром, вечером королева и Людовик XVI уговаривали остаться на своем посту. Этот министр не одобрял королевского заседания и, отказавшись присутствовать на нем, вновь завоевал доверие собрания, которое он потерял из-за своей нерешительности. Сезон позора стал для него сезоном популярности. Этим отказом он стал союзником собрания, которое решило поддержать его. Каждый кризис требует лидера, чье имя становится штандартом его партии; пока собрание спорило с двором, этим лидером был Неккер.

На первом заседании та часть духовенства, которая объединилась с собранием в церкви Святого Людовика, снова заседала с ним; через несколько дней к ним присоединились сорок семь представителей дворянства, среди которых был герцог Орлеанский; и суд сам был вынужден предложить дворянам и меньшинству духовенства прекратить раскол, который впредь был бы бесполезен. 27 июня обсуждение стало всеобщим. Ордена перестали существовать юридически и вскоре исчезли. Отдельные места, которые они до

сих пор занимали в общем зале, вскоре смешались; тщетные преобладания рангов исчезли перед государственной властью.

Суд, тщетно пытавшийся предотвратить образование собрания, теперь мог лишь объединиться с ним, чтобы руководить его деятельностью. При благоразумии и честности он еще мог бы исправить свои ошибки и заставить забыть о своих напаках. В определенные моменты можно проявить инициативу и принести жертвы, в другие же можно лишь с достоинством принять их. При открытии Генеральных штатов король мог сам разработать конституцию, теперь же он был вынужден принять ее от собрания; если бы он смирился с таким положением, то, несомненно, улучшил бы ее. Но советники Людовика XVI, оправившись от первой неожиданности поражения, решили прибегнуть к помощи штыка, после того как потерпели неудачу в использовании власти. Они заставили короля предположить, что пренебрежение его приказами, безопасность его трона, поддержание законов королевства и даже благополучие его народа зависят от того, приведет ли он к покорности собрание; что последнее, заседающее в Версале, рядом с Парижем, двумя городами, явно расположенными в его пользу, должно быть усмирено силой и удалено в какое-нибудь другое место или распущено; что необходимо срочно принять эту резолюцию, чтобы остановить ход собрания, и что для ее выполнения нужно срочно собрать войска, которые могли бы запугать собрание и поддержать порядок в Париже и Версале.

Пока вынашивались эти заговоры, народные депутаты приступили к законодательной работе и подготовили с тревогой ожидаемую конституцию, которую, по их мнению, нельзя было больше откладывать. Из Парижа и главных городов королевства сыпались обращения, в которых депутатов поздравляли с мудростью и призывали продолжать дело возрождения Франции. Тем временем войска прибывали в огромных количествах; Версаль принял вид лагеря; Зал Статутов был окружен стражей, а гражданам было отказано во входе. Париж также был окружен различными частями армии, готовыми осадить или блокировать его, если того потребует случай. Эти масштабные военные приготовления, артиллерийские поезда, прибывающие с границ, и присутствие иностранных полков, чье повиновение было неограниченным, возвещали о зловещих проектах. Население было неспокойно и взволновано; собрание хотело просветить трон относительно своих проектов и потребовать удаления войск. По предложению Мирабо 9 июля оно обратилось к королю с твердым, но почтительным посланием, которое оказалось бесполезным. Людовик XVI заявил, что только ему решать, собирать или распускать войска, и заверил их, что собранные войска - лишь предупредительная армия для предотвращения беспорядков и защиты собрания. Более того, он предложил собранию удалить его в Нуайон или Суассон, то есть поместить между двумя армиями и лишить поддержки народа.

Париж был в сильнейшем волнении; этот огромный город единодушно поддержал собрание. Опасности, угрожавшие представителям нации и ей самой, и нехватка продовольствия располагали его к восстанию. Капиталисты - из интереса и страха перед банкротством; просвещенные люди и все средние классы - из патриотизма; народ, побуждаемый нуждой, приписывающий свои страдания привилегированным классам, и двор, жаждущий волнений и перемен, - все горячо поддержали дело революции. Трудно представить себе движение, взбудоражившее столицу Франции. Она выходила из покоя и тишины рабства; она была как бы поражена новизной своего положения, опьянена свободой и энтузиазмом. Пресса будоражила общественное сознание, газеты публиковали дебаты собрания, позволяя публике как бы присутствовать при его обсуждениях, а вопросы, поставленные на обсуждение в его лоне, обсуждались под открытым небом, на общественных площадях. Особенно часто столичное собрание проходило в Пале-Рояле. Сад всегда был заполнен

толпой, которая казалась постоянной, хотя и постоянно обновлялась. *Трибуной* служил стол, оратором становился первый попавшийся под руку гражданин; здесь люди излагали опасности, грозившие стране, и возбуждали друг друга к сопротивлению. Уже по предложению Пале-Рояля тюрьмы аббатства были вскрыты, а некоторые гренадеры французской гвардии, заключенные в тюрьму за отказ стрелять в народ, с триумфом выпущены на свободу. Эта вспышка не имела никаких последствий; депутация уже обращалась от имени освобожденных узников к собранию, которое рекомендовало их милосердию короля. Они вернулись в тюрьму и получили помилование. Но этот полк, один из самых полных и храбрых, стал на сторону народных масс.

Такова была обстановка в Париже, когда двор, разместив войска в Версале, Севре, на Марсовом поле и в Сен-Дени, счел возможным привести в исполнение свой проект. Он начался 11 июля с изгнания Неккера и полной перестройки министерства. Маршал де Брольи, ла Галиссоньер, герцог де ла Вогюйон, барон де Бретей и интендант Фулон были назначены вместо Пюисегюра, Монморина, Ла Люзерна, Сен-При и Неккера. Последний получил во время обеда 11 июля записку от короля, предписывающую ему немедленно покинуть страну. Он очень спокойно закончил обед, не сообщая о сути полученного приказа, а затем сел в карету вместе с мадам Неккер, как будто намереваясь ехать в Сент-Омер, и отправился в Брюссель.

На следующий день, в воскресенье, 12 июля, около четырех часов пополудни в Париже стало известно об опале и отъезде Неккера. Эта мера была расценена как исполнение заговора, подготовка к которому велась так долго. За короткое время город пришел в величайшее смятение; со всех сторон собрались толпы; более десяти тысяч человек стекались к Пале-Роялю, пораженные этой новостью, готовые ко всему, но не знающие, какую меру принять. Камиль Десмулен, молодой человек, более смелый, чем остальные, один из обычных ораторов толпы, взобрался на стол с пистолетом в руке, восклицая: "Граждане, нельзя терять времени; отставка Неккера - это проклятие святого Варфоломея для патриотов! Этой же ночью все швейцарские и немецкие батальоны выйдут на Марсово поле, чтобы расправиться со всеми нами; остается одно средство - взять в руки оружие!" Эти слова были встречены бурными аплодисментами. Он предложил носить кокарды для взаимного признания и защиты. "Будут ли они зелеными, - кричал он, - цвет надежды, или красными, цвет свободного ордена Цинцинната?" "Зеленый! Зеленый!" - кричала толпа. Оратор спустился со стола и закрепил веточку дерева в своей шляпе. Все подражали ему. Каштановые деревья дворца были почти лишены листвы, и толпа в беспорядке направилась к дому скульптора Курция.

Они берут бюсты Неккера и герцога Орлеанского - за границей распространилось сообщение, что последний будет изгнан, - и, покрыв их крапом, несут с триумфом. Эта процессия проходит по улицам Сен-Мартен, Сен-Дени и Сен-Оноре, увеличиваясь с каждым шагом. Толпа обязывает всех встречающих снимать шляпы. Встретив конный патруль, они берут его в свой эскорт. Так процессия продвигается до Вандомской площади, где оба бюста дважды обходят вокруг статуи Людовика XIV. Отряд королевских солдат пытается разогнать толпу, но их обращают в бегство ударами камней, и толпа, продолжая движение, достигает площади Людовика XV. Здесь на них нападают драгуны принца де Ламбеска; после нескольких мгновений сопротивления их повергают в смятение; убивают носильщика одного из бюстов и солдата одной из французских гвардий. Толпа рассеивается, часть направляется к набережным, часть отступает на бульвары, остальные спешат к Тюильри по мосту Турнан. Принц де Ламбеск во главе своих всадников с саблей наперевес преследует их в садах и нападает на безоружную толпу, которая мирно прогуливалась и не имела никакого

отношения к процессии. Во время этого нападения саблей был ранен старик; толпа защищается сиденьями и бросается на террасы; возмущение становится всеобщим; крик "*К оружию!*" вскоре раздается со всех сторон, в Пале-Рояле и Тюильри, в городе и в фобургах.

Мы уже говорили, что полк французской гвардии был благосклонно настроен к народу: ему было приказано держаться в казармах. Принц де Ламбеск, опасаясь, что он все же может принять активное участие, приказал шестидесяти драгунам расположиться перед его плацдармом, расположенным в Шоссе-д'Антен. Солдаты гвардии, и без того недовольные тем, что их держат в качестве пленников, были сильно возбуждены при виде этих чужаков, с которыми у них была стычка за несколько дней до этого. Они хотели броситься к оружию, и их офицеры, используя попеременно угрозы и уговоры, с большим трудом сдерживали их. Но они не хотели больше ничего слышать, когда кто-то из их людей принес им известие о нападении на Тюильри и гибели одного из их товарищей: они схватили оружие, выломали ворота, встали в боевой порядок у входа в казармы и закричали: "*Qui vive?*" - "*Royal-allemand*" - "*Вы за третье сословие?*". "*Мы за тех, кто нами командует*". Тогда французские гвардейцы открыли по ним огонь, убили двух человек, троих ранили, а остальных обратили в бегство. Затем они быстро продвинулись с примкнутыми штыками к площади Людовика XV и заняли позицию между Тюильри и Елисейскими полями, народом и войсками, и удерживали ее в течение ночи. Солдатам Марсова поля был немедленно отдан приказ наступать. Когда они достигли Елисейских полей, французские гвардейцы встретили их выстрелами из мушкетов. Они хотели заставить их сражаться, но те отказались: первыми этот пример подали петит-сюисцы, которым последовали остальные полки. Офицеры, отчаявшись, приказали отступать; войска отступили до решетки Шайо, откуда вскоре вышли на Марсово поле. Дезертирство французской гвардии и явный отказ даже иностранных войск идти на столицу стали причиной провала проектов двора.

Вечером народ собрался к гостинице де Виль и потребовал, чтобы прозвучал набат, районы были собраны, а граждане вооружены. Некоторые выборщики собрались в гостинице де Вилль и взяли власть в свои руки. Своим мужеством, благоразумием и активностью в эти дни мятежа они оказали большую услугу своим согражданам и делу свободы; но в первой суматохе восстания им с трудом удалось добиться того, чтобы их услышали. Беспорядки достигли своего апогея, каждый отвечал лишь велениям собственных страстей. Наряду с благожелательно настроенными гражданами были люди с подозрительным характером, которые искали в восстании лишь возможности для грабежа и беспорядков. Группы рабочих, занятых правительством на общественных работах, в большинстве своем без дома и средств к существованию, жгли шлагбаумы, заселяли улицы, грабили дома и получили название разбойников. Ночь с 12-го на 13-е прошла в беспорядке и тревоге.

Отъезд Неккера, приведший столицу в такое возбужденное состояние, имел не меньший эффект в Версале и в собрании. Он вызвал такое же изумление и недовольство. Рано утром депутаты собрались в Зале Статутов; они были мрачны, но их молчание объяснялось скорее негодованием, чем унынием. "При открытии заседания, - рассказывал один из депутатов, - несколько обращений о приверженности декретам были заслушаны в скорбном молчании собранием, более внимательным к своим собственным мыслям, чем к зачитанным обращениям". Начал Мунье; он выступил против увольнения любимых народом министров и выбора их преемников. Он предложил обратиться к королю с требованием отозвать их, указать ему на опасности, сопутствующие насильственным мерам, на несчастья, которые последуют за использованием войск, и сообщить ему, что собрание торжественно выступает против позорного национального банкротства. При этих словах чувства собравшихся, доселе сдерживаемые, разразились хлопаньем в ладоши и криками одобрения. Затем

Лалли-Толлендаль, друг Неккера, вышел вперед со скорбным видом и произнес длинную и красноречивую хвалебную речь об изгнанном министре. Его слушали с величайшим интересом; его горе откликнулось на горе публики; дело Неккера стало делом всей страны. Дворянство само встало на сторону представителей третьего сословия, то ли считая опасность общей, то ли опасаясь навлечь на себя ту же вину, что и двор, если не осудит его поведение, а может быть, повинувшись общему порыву.

Благородный депутат, граф де Вирье, подал пример и сказал: "Собравшись для принятия конституции, давайте примем конституцию; давайте скрепим наши взаимные узы; возобновим, подтвердим и освятим славные декреты от 17 июня; присоединимся к знаменитой резолюции, принятой 20 числа того же месяца. Давайте все, да, все, все объединенные ордена, поклянемся быть верными этим прославленным декретам, которые теперь только и могут спасти королевство". *"Конституция должна быть принята, иначе мы перестанем существовать"*, - добавил герцог де ла Рошфуко. Но это единодушие еще более утвердилось, когда собранию стало известно о восстании в Париже, о последовавших за ним эксцессах, о сожжении шлагбаумов, о сборе выборщиков в гостинице де Виль, о смятении в столице и о том, что горожане готовы были напасть на солдат или зарезать друг друга. Тогда по залу пронесся один возглас: "Пусть исчезнут воспоминания о наших минутных разногласиях! Давайте объединим наши усилия для спасения страны!" К королю немедленно была отправлена депутация, состоявшая из восьмидесяти человек, среди которых были все депутаты Парижа. Во главе ее стоял архиепископ Вьеннский, президент собрания. Оно должно было представить королю опасности, угрожающие столице, необходимость отослать войска и поручить заботу о городе ополчению граждан; если оно получит эти требования от короля, в Париж должна была быть отправлена депутация с утешительной вестью. Но вскоре депутаты вернулись с неудовлетворительным ответом.

Теперь собрание увидело, что оно должно рассчитывать только на себя, а проекты двора были бесповоротно решены. Не падая духом, оно стало еще тверже и немедленно единогласно приняло декрет, провозглашающий ответственность нынешних министров короля и всех его советников, *какого бы ранга они ни были*; оно также выразило сожаление Неккеру и другим опальным министрам; оно решило, что не перестанет настаивать на роспуске войск и создании гражданского ополчения; оно поставило государственный долг под защиту французской чести и придерживалось всех своих предыдущих декретов. После этих мер он принял последнюю, не менее необходимую; опасаясь, что Зал Статутов может быть ночью занят военными силами с целью разогнать собрание, он решил заседать постоянно до дальнейших распоряжений. Было решено, что часть членов должна заседать в течение ночи, а другая часть освободить их рано утром. Чтобы избавить почтенного архиепископа Вьеннского от усталости постоянного председательства, был назначен вице-президент, который должен был замещать его в этих чрезвычайных случаях. Лафайет был избран председателем на ночных заседаниях. Оно прошло без дебатов; депутаты остались на своих местах, соблюдая тишину, но внешне спокойные и невозмутимые. Именно благодаря этим мерам, этому выражению общественного сожаления, этим декретам, этому единодушному энтузиазму, этому устойчивому здравому смыслу, этому непреклонному поведению собрание постепенно поднялось на уровень своих опасностей и своей миссии.

13-го числа восстание в Париже приняло более регулярный характер. Рано утром народ стекался к гостинице де Виль; там и во всех церквях звучал набат; на улицах били в барабаны, созывая горожан. Общественные места вскоре стали переполнены. Были сформированы отряды под названиями волонтеров Пале-Рояля, волонтеров Тюильри, Басоша и Аркебуза. Округа собрались, и каждый из них выделил двести человек для обороны. Не хватало только

оружия, и его жадно искали везде, где только можно было надеяться его найти. Все, что можно было найти у кузнецов и шпагорезов, было взято, и владельцам были отправлены квитанции. Они обратились за оружием в Отель де Виль. Тщетно курфюрсты, которые все еще были в сборе, отвечали, что у них его нет; они настаивали на том, что оно у них есть. Тогда выборщики послали главу города, господина де Флесселя, маршала, который один знал военное состояние столицы и чей народный авторитет обещал оказать большую помощь в этой трудной ситуации. Толпа встретила его громкими аплодисментами: *"Друзья мои, - сказал он, - я ваш отец; вы будете довольны"*. В отеле де Виль был создан постоянный комитет, который должен был принять меры для обеспечения общей безопасности.

В то же время было объявлено, что Дом лазаристов, в котором хранилось большое количество зерна, был разграблен; что Гарде-Мебль был вскрыт, чтобы получить старое оружие, и что оружейные мастерские были разграблены. От толпы ожидали самых больших эксцессов; она вырвалась на свободу, и, казалось, трудно было справиться с ее яростью. Но это был момент энтузиазма и бескорыстия. Толпа сама разоружила подозреваемых; кукурузу, найденную у Лазаристов, отвезли в Галле; ни один дом не был разграблен, а кареты и машины с провизией, мебелью и утварью, остановленные у городских ворот, были отведены на площадь де Грев, которая превратилась в огромный склад. Здесь толпа увеличивалась с каждым мгновением, крича *"Оружие!"* Было уже около часа дня. Купеческий прокурор объявил о немедленном прибытии двенадцати тысяч пушек с мануфактуры Шарлевиля, за которыми вскоре последуют еще тридцать тысяч.

Это на некоторое время успокоило народ, и комитет смог спокойно продолжить свою работу по организации ополчения из граждан. Менее чем за четыре часа план был разработан, обсужден, принят, напечатан и провозглашен. Было решено, что парижская гвардия до дальнейших распоряжений должна быть увеличена до сорока восьми тысяч человек. Всех граждан приглашали записываться; каждый район имел свой батальон; каждый батальон - своих командиров; командование этой армией граждан было предложено герцогу д'Омону, которому потребовалось двадцать четыре часа для принятия решения. Тем временем маркиз де ла Салль был назначен вторым командиром. Зеленая кокарда была заменена на синюю и красную - цвета города. Все это было сделано в течение нескольких часов. Округа выразили свое согласие с мерами, принятыми постоянным комитетом. Свои услуги собранию предложили клерки Шатле и Пале, студенты-медики, солдаты караула и, что было еще более ценно, французские гвардейцы. Стали формироваться патрули и обходить улицы.

Люди с нетерпением ждали выполнения обещания купеческого старосты, но пушки так и не появились; приближался вечер, и ночью они опасались нового нападения войск. Они решили, что их предали, когда узнали о попытке тайно вывезти из Парижа около пятидесяти фунтов пороха, которые были перехвачены людьми у шлагбаума. Но вскоре прибыло несколько ящиков с надписью *"Артиллерия"*. При виде этого суматоха улеглась; ящики проводили в Отель-де-Виль, предполагая, что в них находятся пушки, ожидаемые из Шарлевиля. Открыв их, обнаружили, что в них находится старое белье и куски дерева. Со всех сторон раздались крики о предательстве, ропот и угрозы в адрес комитета и купеческого старосты. Последний извинился, заявив, что его обманули, и, чтобы выиграть время или избавиться от толпы, отправил ее в Шартрё на поиски оружия. Не найдя его там, толпа вернулась, разъяренная и недоверчивая. Тогда комитет решил, что нет другого способа вооружить Париж и развеять подозрения народа, кроме как ковать пики; и отдал приказ немедленно изготовить пятьдесят тысяч пик. Чтобы избежать эксцессов предыдущей ночи, город был освещен, и по нему во всех направлениях прошли патрули.

На следующий день люди, которые не смогли получить оружие в предыдущий день, пришли рано утром, чтобы попросить его у комитета, обвиняя его в отказе и неудачах предыдущего дня. Комитет напрасно посылал за оружием, оно не прибыло из Шарлевиля, его не было в Шартре, а сам арсенал был пуст.

Толпа, больше не довольствуясь оправданиями и будучи как никогда убежденной в том, что ее предали, массой устремилась к гостинице Инвалидов, где находился значительный склад оружия. Не боясь войск, расположившихся на Марсовом поле, они ворвались в отель, несмотря на уговоры губернатора, месье де Сомбрей, нашли двадцать восемь тысяч ружей, спрятанных в подвалах, захватили их, взяли все сабли, шпаги и пушки и с триумфом унесли их. Пушки были расставлены у входа в Фобурги, у дворца Тюильри, на набережных и мостах для обороны столицы от вторжения войск, которое ожидалось с минуты на минуту.

Еще в то же утро был дан сигнал тревоги, что полки, расквартированные в Сен-Дени, находятся на марше и что пушки Бастилии направлены на улицу Сен-Антуан. Комитет немедленно отправился выяснить истину, назначил отряды горожан для защиты этой части города и направил депутацию к коменданту Бастилии с просьбой отвести пушки и не предпринимать никаких враждебных действий. Эта тревога, а также страх, который внушала крепость, ненависть к злоупотреблениям, которые она защищала, важность обладания столь выдающимся пунктом и невозможность оставить его во власти врага в момент восстания, привлекли внимание населения в этом направлении. С девяти утра до двух часов по всему Парижу раздавалось только одно призывное слово: "В Бастилию! В Бастилию!". Со всех сторон к ней спешили горожане, вооруженные ружьями, пиками и саблями. Толпа, уже окружившая ее, была значительной; часовые крепости стояли на своих постах, а разводные мосты были подняты, как на войне.

Депутат округа Сен-Луи-де-ла-Культур по имени Тьюрио де ла Розьер попросил о встрече с де Лонэ, губернатором. Когда он был допущен к нему, то призвал его изменить направление пушек. Губернатор ответил, что пушки всегда располагались на башнях, и не в его власти их убрать; в то же время, узнав о тревоге, царившей среди парижан, он приказал убрать их на несколько шагов и вынести из портовых отверстий. С некоторым трудом Тьюрио добился разрешения войти в крепость и проверить, действительно ли ее состояние настолько удовлетворительно для города, как это представлял губернатор. Продвигаясь вперед, он заметил три пушки, направленные на проспекты, ведущие к открытому пространству перед крепостью, и готовые уничтожить тех, кто попытается напасть на нее. Около сорока швейцарцев и восемьдесят инвалидов были под оружием. Тьюрио призвал их, а также персонал заведения, во имя чести и своей страны, не действовать как враги народа. И офицеры, и солдаты поклялись, что не будут применять оружие, если на них не нападут. Затем Тьюрио поднялся на башни и увидел толпу, собирающуюся во всех направлениях, и жителей Фобур-Сент-Антуан, которые поднимались в массовом порядке. Не видя его возвращения, толпа уже требовала его с большим шумом. Чтобы удовлетворить народ, он появился на парапете крепости и был встречен громкими аплодисментами из садов арсенала. Затем он вернулся к своей группе и, сообщив им о результатах своей миссии, направился в комитет.

Но нетерпеливая толпа теперь требовала сдачи Бастилии. Время от времени раздавались возгласы: "Бастилия! Мы возьмем Бастилию!". В конце концов двое мужчин, более решительных, чем остальные, вынырнули из толпы, вскочили на караулку и ударили тяжелыми секирами по цепям разводного моста. Солдаты кричали им, чтобы они отступили, и грозили огнем; но они продолжали наносить удары, сумели разорвать цепи и опустить мост, а затем бросились по нему, сопровождаемые толпой. Таким образом они

продвинулись вперед, чтобы разрубить цепи второго моста. Гарнизон разогнал их выстрелами из мушкетов. Однако они вернулись к атаке, и в течение нескольких часов их усилия ограничивались вторым мостом, подступы к которому защищались непрерывным огнем из крепости. Толпа, разъяренная таким упорным сопротивлением, попыталась взломать ворота топорами и поджечь караульное помещение. Гарнизон открыл убийственный огонь из гранатометов, и многие осаждающие были убиты и ранены. Они лишь еще больше набрались решимости и, поддерживаемые смелостью и решимостью двух храбрецов, Эли и Хулина, которые стояли во главе их, продолжали яростно атаковать.

Комитет Отеля де Виль находился в состоянии сильного беспокойства. Осада Бастилии казалась им очень опрометчивым предприятием. Они то и дело получали сведения о бедствиях, происходивших в крепости. Они колебались между страхом за войска, если они окажутся победителями, и страхом перед толпой, которая жаждала боеприпасов для продолжения осады. Не имея возможности отдать то, чем не владели сами, толпа кричала о предательстве. Комитет послал две депутации, чтобы прекратить военные действия и предложить губернатору доверить сохранение города горожанам; но среди шума, криков и стрельбы их не было слышно. Послали третий отряд с барабаном и знаменем, чтобы его было легче отличить, но и ему не повезло: ни одна из сторон ничего не слушала. Собрание у отеля де Виль, несмотря на свои усилия и активность, все еще вызывало подозрения у населения. Особенно большое недоверие вызывал проректор купцов. "Он уже несколько раз обманывал нас в течение дня", - сказал один из них. "Он говорит, - сказал другой, - что откроет траншею; он хочет только выиграть время, чтобы заставить нас потерять свое". Тогда один старик воскликнул: "Товарищи, почему вы слушаете предателей? Вперед, за мной! Менее чем через два часа Бастилия будет взята!"

Осада продолжалась уже более четырех часов, когда прибыли французские гвардейцы с пушками. Их прибытие изменило картину боя. Сам гарнизон умолял губернатора сдаться. Несчастный де Лонэ, страшая ожидавшей его участи, хотел взорвать крепость и похоронить себя под ее развалинами и развалинами фабурга. В отчаянии он направился к пороховому магазину с зажженной спичкой. Гарнизон остановил его, поднял на платформе белый штандарт и в знак мира перевел орудия в другое положение. Но нападавшие все еще продолжали сражаться и наступать, крича: "Опустить мосты!". Швейцарский офицер предложил капитулировать, разрешив покинуть здание с воинскими почестями. "Нет! Нет!" - закричала толпа. Тот же офицер предложил сложить оружие, пообещав, что их жизни будут пощажены. "Опустите мост, - ответил самый главный из нападавших, - вы не пострадаете". Под это заверение ворота были открыты, мост опущен, и толпа ринулась в Бастилию. Те, кто возглавлял толпу, хотели спасти от ее мести губернатора, швейцарских солдат и Инвалидов; но со всех сторон поднялись крики: "Отдайте их! Отдайте их! Они стреляли в своих сограждан, они заслуживают повешения!". Губернатор, несколько швейцарских солдат и Инвалид были вырваны из-под защиты тех, кто пытался их защитить, и преданы смерти непримиримой толпой.

Постоянный комитет ничего не знал о результатах боя. В зал заседаний ворвалась разъяренная толпа, угрожая проректору купцов и курфюрстов. Флессель начал тревожиться за свое положение; он был бледен и взволнован. Став объектом жесточайших упреков и угроз, он был вынужден перейти из зала комитета в зал общего собрания, где собралась огромная толпа горожан. "Пусть идет, пусть идет за нами", - раздавалось со всех сторон. "Это уже слишком!" - возразил Флессель. "Пойдемте, раз уж они так просят; пойдемте туда, где меня ждут". Едва они достигли большого зала, как внимание толпы отвлекли крики на площади де Грив. Они услышали крики "Победа! Победа! Свобода!". Это возвещали о

прибытии завоевателей Бастилии. Вскоре они сами вошли в зал с самой шумной и самой устрашающей помпой. Наиболее отличившихся лиц несли с триумфом, увенчанных лаврами. Их сопровождали более пятнадцатисот человек, с горящими глазами и всклокоченными волосами, со всевозможным оружием, давя друг на друга и заставляя пол уступать под ногами. Один нес ключи и штандарт Бастилии, другой - ее устав, подвешенный к штыку, третий с ужасающим варварством поднимал в кровотокающей руке пряжку губернаторских сапог. С этим парадом процессия покорителей Бастилии, за которой следовала огромная толпа, заполонившая набережные, вошла в зал Отеля де Виль, чтобы сообщить комитету о своем триумфе и решить судьбу оставшихся в живых узников. Несколько человек пожелали оставить это на усмотрение комитета, но другие кричали: "Никакой четверти для пленных! Никакой четверти для тех, кто стрелял в своих сограждан!" Ла Саллю, коменданту, курфюрсту Моро де Сен-Мери и храброму Эли удалось умиротворить толпу и добиться всеобщей амнистии.

Теперь настала очередь несчастного Флесселя. Говорят, что письмо, найденное у де Лонэ, доказывает предательство, в котором его подозревали. "Я развлекаю парижан, - писал он, - кокардами и обещаниями. Продержитесь до вечера, и вы получите подкрепление". Толпа поспешила к его кабинету. Более умеренные требовали, чтобы его арестовали и заключили в Шатле; но другие возражали против этого, говоря, что его следует доставить в Пале-Рояль и там судить. Это решение вызвало всеобщее удовлетворение. "В Пале-Рояль! В Пале-Рояль!" - раздавалось со всех сторон. "Что ж, пусть будет так, господа, - ответил Флессель, сохраняя спокойствие, - пойдемте в Пале-Рояль". С этими словами он спустился по ступеням, прошел сквозь толпу, которая расступилась, чтобы дать ему дорогу, и которая последовала за ним, не оказав ему никакого насилия. Но на углу набережной Пеллетье незнакомец бросился вперед и убил его выстрелом из пистолета.

После этих сцен войны, беспорядков, споров и мести парижане, опасаясь, судя по перехваченным письмам, что нападение будет совершено ночью, приготовились к приему врага. Все население включилось в работу по укреплению города: строили баррикады, открывали окопы, мостили улицы, ковали пики, отливали пули. Женщины несли камни на верхушки домов, чтобы раздавить проходящих солдат. Национальная гвардия была распределена по постам; Париж, казалось, превратился в огромный литейный завод и огромный лагерь, и вся ночь прошла под оружием, в ожидании конфликта.

В то время как в Париже восстание принимало столь бурный, постоянный и серьезный характер, что происходило в Версале? Двор готовился осуществить свои замыслы против столицы и собрания. Для их осуществления была назначена ночь на 14-е число. Барон де Бретей, возглавлявший министерство, обещал восстановить королевскую власть в течение трех дней. Маршал де Брольи, командующий армией, собранной вокруг Парижа, получил неограниченные полномочия любого рода. 15-го числа должна была быть возобновлена декларация от 23 июня, и король, заставив собрание принять ее, должен был распустить его. Сорок тысяч экземпляров этой декларации были готовы к распространению по всему королевству, а для удовлетворения насущных нужд казны было создано более ста миллионов бумажных денег. Движение в Париже не только не мешало двору, но и благоприятствовало ему. До последнего момента он смотрел на него как на мимолетное волнение, которое может быть легко подавлено; он не верил ни в его упорство, ни в его успех, и ему не казалось возможным, чтобы город горожан мог противостоять армии.

Собрание было поставлено в известность об этих проектах. В течение двух дней оно заседало без перерыва, находясь в состоянии сильного беспокойства и тревоги. Оно было в неведении относительно большей части того, что происходило в Париже. То объявляли, что

восстание всеобщее и что весь Париж идет на Версаль, то говорили, что войска наступают на столицу. Им казалось, что они слышат пушки, и они прикладывали уши к земле, чтобы убедиться в этом. Вечером 14-го было объявлено, что король намерен уехать ночью и что собрание будет оставлено на милость иностранных полков. Последняя тревога была небезосновательной. Карета и лошади были наготове, а телохранители оставались обутыми в течение нескольких дней. Кроме того, в Оранжеее происходили поистине тревожные события; войска готовили и стимулировали к походу раздачей вина и ободрениями. Все говорило о том, что наступил решающий момент.

Несмотря на приближающуюся и растущую опасность, собрание было непоколебимо и продолжало выполнять свои первые решения. Мирабо, который сначала потребовал распустить войска, теперь организовал другую депутацию. Она уже собиралась отправиться в путь, когда виконт де Ноай, депутат, только что прибывший из Парижа, сообщил собранию о ходе восстания, разграблении Инвалидов, вооружении народа и осаде Бастилии. Вимпфен, другой депутат, добавил к этому рассказ о личных опасностях, которым он подвергался, и заверил, что ярость народа растет вместе с опасностью. Собрание предложило учредить курьеров, которые бы доставляли им сведения каждые полчаса.

М. М. Ганиль и Банкаль-де-Иссар, посланные комитетом в Отель-де-Виль в качестве депутации к собранию, подтвердили все, что они только что услышали. Они рассказали о мерах, принятых курфюрстами для обеспечения порядка и обороны столицы; о бедствиях, произошедших перед взятием Бастилии; о бесполезности депутатий, посланных к губернатору, и сообщили, что огонь гарнизона окружил крепость с убитыми. При этих сведениях в собрании поднялся крик негодования, и тут же была отправлена вторая депутация, чтобы сообщить эти тревожные вести королю. Первая вернулась с неудовлетворительным ответом: было уже десять часов вечера. Король, узнав об этих катастрофических событиях, которые, казалось, предвещали еще большие, был поражен. Борясь с побуждавшей его к этому позицией, он сказал депутатам: "Вы все больше и больше разрываете мне сердце ужасными вестями о несчастьях Парижа. Невозможно предположить, что причиной этих бедствий являются приказы, отданные войскам. Вы знакомы с ответом, который я дал первой депутации; мне нечего к нему добавить". Этот ответ состоял из обещания отослать войска Марсова поля из Парижа и приказа генералам принять на себя командование гвардией граждан. Такие меры были недостаточны для исправления опасного положения, в котором оказались люди; они не удовлетворили и не вселили уверенности в собрание.

Вскоре после этого депутаты д'Ормессон и Дюпор объявили собранию о взятии Бастилии и гибели де Лонэ и Флесселя. Было предложено отправить третью депутацию к королю с просьбой вывести войска. "Нет, - сказал Клермон Тоннерре, - оставьте им ночь, чтобы посоветоваться; короли должны покупать опыт, как и другие люди". Так собрание провело ночь. На следующее утро была назначена еще одна депутация, чтобы представить королю те несчастья, которые последуют за более длительным отказом. Когда она уже собиралась начать, Мирабо остановил ее: "Скажите ему, - воскликнул он, - что полчища чужеземцев, которые вкладывают в нас деньги, получили вчера визиты, ласки, увещевания и подарки от принцев, принцесс и фаворитов; Скажите ему, что ночью эти иностранные сателлиты, наевшись золота и вина, в своих нечестивых песнях предсказывали подчинение Франции и призывали к уничтожению национального собрания; скажите ему, что в его собственном дворце придворные танцевали под звуки этой варварской музыки и что это была прелюдия к резне святого Варфоломея! Скажите ему, что Генрих его предков, которого он хотел взять за образец, память которого чтут все народы, посылал провизию в восставший Париж, когда

сам осаждал его, а дикие советники Людовика отсылали кукурузу, которую торговля привозила в Париж, преданным и голодающим".

Но в этот момент в собрание вошел король. Герцог де Лианкур, пользуясь доступом, который ему давало звание хозяина мантии, ночью сообщил королю о дезертирстве французской гвардии, о штурме и взятии Бастилии. Получив эту новость, о которой его советники держали его в неведении, монарх с удивлением воскликнул: "Это восстание!" "Нет, сир! Это революция". Этот выдающийся гражданин представил ему опасность, которой подвергались проекты двора, страхи и недовольство народа, недовольство войск, и он решил предстать перед собранием, чтобы убедить его в своих намерениях. Новость поначалу вызвала прилив радости. Мирабо заявил своим коллегам, что не стоит предаваться преждевременным овам. "Давайте подождем, - сказал он, - пока его величество не озвучит добрые намерения, которых мы от него ожидаем. В Париже льется кровь наших братьев. Пусть печальное уважение будет первым приемом, оказанным королем представителями несчастного народа: молчание народа - урок королям".

Собрание вернулось к мрачному настроению, которое не покидало его в течение трех предыдущих дней. Король вошел без стражи, в сопровождении братьев. Сначала его приняли в глубоком молчании, но когда он сказал, что он *един с народом* и что, полагаясь на любовь и верность своих подданных, он приказал войскам покинуть Париж и Версаль, когда он произнес трогательные слова - *О, Боже, это я, кто меня обманывает*, - последовали всеобщие аплодисменты. Собрание спонтанно поднялось и проводило его обратно в замок.

Это известие вызвало радость в Версале и Париже, где успокоенный народ внезапно перешел от враждебности к благодарности. Людовик XVI, вернувшись к себе, почувствовал, как важно лично умиротворить столицу, вернуть себе расположение народа и тем самым примирить народную власть. Он объявил собранию, что отзовет Неккера и на следующий день отправится в Париж. Собрание уже назначило депутацию из ста человек, которая и отправилась с королем в столицу. Она была принята с энтузиазмом. Байи и Лафайет, входившие в ее состав, были назначены: первый - мэром Парижа, второй - главнокомандующим гражданской гвардии. Байи был обязан этим вознаграждением своему долгу и трудному председательству в ассамблее, а Лафайет - своему славному и патриотическому поведению. Друг Вашингтона и один из главных авторов американской независимости, он, вернувшись на родину, первым произнес имя Генеральных штатов, присоединился к ассамблее вместе с дворянским меньшинством и с тех пор проявил себя одним из самых ревностных приверженцев революции.

27-го числа новые магистраты отправились принимать короля во главе муниципалитета и парижской гвардии. "Сир, - сказал Байи, - я подношу вашему величеству ключи от вашего доброго города Парижа; они те же самые, что были вручены Генриху IV; он вернул себе свой народ; теперь народ вернул себе своего короля". От площади Людовика XV до гостиницы де Виль король прошел через двойную линию национальной гвардии, выстроенной в три или четыре шеренги и вооруженной ружьями, пиками, копьями, косами и шестами. Их лица были по-прежнему мрачны, и не было слышно ни одного возгласа, кроме часто повторяемого "Да здравствует нация!". Но когда Людовик XVI вышел из кареты, получил из рук Байи трехцветную кокарду и, окруженный толпой без охраны, уверенно вошел в Отель де Виль, со всех сторон раздались крики "Vive le Roi!". Примирение было полным; Людовик XVI получил самые сильные знаки симпатии. Одобрив выбор народа в отношении новых магистратов, он вернулся в Версаль, где из-за предшествующих неприятностей испытывал некоторую тревогу за успех своего путешествия. Национальное собрание встретило его на Парижской

авеню; оно сопровождало его до самого замка, где королева и ее дети бросились к нему в объятия.

Министры, выступавшие против революции, и все авторы неудачных проектов удалились от двора. Граф д'Артуа с двумя сыновьями, принц де Конде, принц де Конти и семья Полиньяков, сопровождаемые многочисленным поездом, покинули Францию. Они поселились в Турине, где к графу д'Артуа и принцу де Конде вскоре присоединился Калонн, который стал их агентом. Так началась первая эмиграция. Принцы-эмигранты недолго думали, разжигая гражданскую войну в королевстве и создавая европейскую коалицию против Франции.

Неккер вернулся с триумфом. Это был самый лучший момент в его жизни; мало у кого он был таким. Министр нации, опозоренный за это и отозванный за это, он был встречен по дороге из Баля в Париж со всеми выражениями общественной благодарности и радости. Его въезд в Париж стал днем празднества. Но день, вознесший его популярность на вершину, положил этому конец. Народ, все еще разгневанный против всех, кто участвовал в проекте 14 июля, с беспощадной жестокостью предал смерти Фулона, предполагаемого министра, и его племянника Бертье. Возмущенный этими казнями, опасаясь, что жертвами могут стать другие, и особенно желая спасти барона де Бешенваля, командующего парижской армией под командованием маршала де Брولى и содержавшегося в плену, Неккер потребовал всеобщей амнистии и добился ее от собрания курфюрстов. Этот шаг был очень неосмотрительным, в момент энтузиазма и недоверия. Неккер не знал людей; он не понимал, как легко они подозревают своих вождей и уничтожают своих кумиров. Они решили, что он хочет защитить их врагов от наказания, которое они понесли; собрались округа, яростно нападали на законность амнистии, объявленной несанкционированным собранием, и выборщики сами отменили ее. Несомненно, было целесообразно успокоить ярость народа и посоветовать ему быть милосердным; но вместо того, чтобы требовать освобождения обвиняемых, следовало обратиться к трибуналу, который вывел бы их из-под убийственной юрисдикции толпы. В некоторых случаях то, что кажется наиболее гуманным, на самом деле таковым не является. Неккер, ничего не добившись, возбудил народ против себя, а округа - против выборщиков; с этого момента он стал бороться против революции, хозяином которой, будучи на мгновение ее героем, он надеялся стать. Но отдельный человек не имеет большого значения в революции, поднимающей массы; это огромное движение либо тащит его за собой, либо топчет его ногами; он должен либо опережать, либо уступать. Ни в какое время подчинение людей обстоятельствам не проявляется так ярко: революции нанимают многих лидеров, а когда они подчиняются, то только одному.

Последствия 14 июля были огромны. Движение Парижа распространилось на провинции; сельское население, подражая столичному, организовалось во всех направлениях в муниципалитеты для целей самоуправления и в отряды национальной гвардии для самообороны. Власть и сила были полностью вытеснены; королевская власть потеряла их в результате своего поражения, народ приобрел их. Новые магистраты были только властны, только им подчинялись; их предшественникам не доверяли. В городах народ восстал против них и против привилегированных классов, которых, естественно, считали врагами свершившихся перемен. В стране горели замки, крестьяне сжигали титулы своих господ. В момент победы трудно не злоупотребить властью. Но чтобы успокоить народ, необходимо было уничтожить злоупотребления, чтобы, стремясь избавиться от них, он не путал привилегии с собственностью. Классы исчезли, произвол власти уничтожен; вместе с ними должна быть подавлена и их старая принадлежность - неравенство. Так должно было

начаться установление нового порядка вещей, и эти предварительные мероприятия были делом одной ночи.

Собрание обратилось к народу с прокламациями, призванными восстановить спокойствие. В Шатле был учрежден суд для суда над заговорщиками 14 июля, и это также способствовало восстановлению порядка, удовлетворив толпу. Оставалось провести еще одну важную меру - отмену привилегий. В ночь на 4 августа виконт де Ноай дал сигнал к этому. Он предложил выкупить феодальные права и отменить личное рабство. С этим предложением началось самопожертвование всех привилегированных классов; среди них возникло соперничество патриотизма и общественных пожертвований. Энтузиазм стал всеобщим; через несколько часов был принят декрет о прекращении всех злоупотреблений. Герцог дю Шатле предложил выкупить десятину и превратить ее в денежный налог; епископ Шартрский - отменить законы о дичи; граф де Вирье - закон о защите голубей и голубятен. Последовательно предлагалось и проводилось упразднение сеньориальных судов, купли-продажи должностей в магистратуре, имущественных иммунитетов, фаворитизма в налогообложении, сюртучных денег, первенцев, плюралистов и незаслуженных пенсий. После жертв, приносимых отдельными лицами, наступали жертвы, приносимые целыми организмами, городами и провинциями. Компании и гражданские свободы были упразднены. Маркиз де Блакон, депутат от Дофине, от имени своей провинции торжественно отказался от ее привилегий. Другие провинции последовали примеру Дофине, а города - примеру провинций. В память об этом дне была отчеканена медаль, а ассамблея присвоила Людовику XVI титул *"Восстановитель французской свободы"*.

Эта ночь, которую враг революции назвал в то время Святым Варфоломеем собственности, была лишь Святым Варфоломеем злоупотреблений. Она смахнула хлам феодализма; она избавила людей от остатков рабства, имущество - от сеньориальных обязательств; от разорения дичью и взимания десятины. Уничтожив сеньориальные суды, этот пережиток частной власти, он привел к принципу государственной власти; покончив с покупными должностями в магистратуре, он открыл перспективу некупленного правосудия. Это был переход от порядка вещей, в котором все принадлежало отдельным людям, к другому, в котором все должно было принадлежать нации. Эта ночь изменила лицо королевства; она сделала всех французов равными; теперь все могли получать государственные должности, стремиться к идее собственной собственности, заниматься промышленностью для собственного блага. Эта ночь стала революцией не менее важной, чем восстание 14 июля, следствием которого она стала. Она сделала народ хозяином общества, как другая сделала его хозяином правительства, и позволила ему подготовить новую, одновременно разрушив старую конституцию.

Революция развивалась быстро, за очень короткое время достигла больших результатов; она была бы менее стремительной, менее полной, если бы не подверглась нападению. Каждый отказ становился для нее причиной нового успеха; она разрушала интриги, сопротивлялась власти, торжествовала над силой; и в тот момент, к которому мы подошли, все здание абсолютной монархии рухнуло, благодаря ошибкам ее вождей. 17 июня исчезли три ордена, и Генеральные штаты сменились национальным собранием; 23 июня прекратилось моральное влияние королевской власти, 14 июля - ее физическая сила; собрание унаследовало одно, народ - другое; наконец, 4 августа завершилась эта первая революция. Период, который мы только что рассмотрели, заметно выделяется среди остальных; в его кратком течении сила была вытеснена, и все предварительные изменения были

осуществлены. Следующий период - это тот, в котором новая система обсуждается, утверждается и в котором собрание, будучи разрушительным, становится созидательным.

ГЛАВА II

С НОЧИ НА 4 АВГУСТА ПО 5 И 6 ОКТЯБРЯ 1789 ГОДА

Национальное собрание, состоявшее из элиты нации, было полно ума, чистых намерений и проектов общественного блага. В нем, правда, не было ни партий, ни полного единодушия; но в массе не преобладал ни один человек, ни одна идея; и именно масса, руководствуясь убеждением, которое всегда было непоколебимым и часто совершенно спонтанным, принимала решения и даровала популярность. Внутри себя она разделяла следующие взгляды и интересы:.

В собрании суда была партия привилегированных классов, которые долгое время хранили молчание и принимали лишь запоздалое участие в прениях. Эта партия состояла из тех, кто во время спора об орденах выступал против союза. Аристократические классы, несмотря на их минутное согласие с коммунарами, имели интересы, совершенно противоположные интересам национальной партии; соответственно, дворянство и высшее духовенство, составлявшие правую часть собрания, находились в постоянной оппозиции к нему, за исключением дней особого возбуждения. Эти противники революции, неспособные ни предотвратить ее своими жертвами, ни остановить своей приверженностью, систематически выступали против всех ее реформ. Их лидерами были два человека, которые не были первыми среди них по рождению или званию, но превосходили остальных по талантам. Мори и Казалес представляли, так сказать, одно духовенство, а другое - дворянство.

Эти два оратора из привилегированных классов, в соответствии с намерениями своей партии, которая мало верила в продолжительность этих перемен, скорее протестовали, чем оборонялись; и во всех своих дискуссиях они стремились не наставлять собрание, а вывести его из равновесия. Каждый вносил в свою роль особый поворот своего ума и характера: Мори произносил длинные речи, Казалес - резкие выпады. Первый сохранил на трибуне свои привычки проповедника и академика; он говорил на законодательные темы, не понимая их, никогда не улавливая ни правильного взгляда на предмет, ни даже наиболее выгодного для своей партии; он давал доказательства дерзости, эрудиции, мастерства, блестящего и выдержанного средства, но никогда не проявлял ни твердости суждений, ни твердой убежденности, ни настоящего красноречия. Аббат Мори говорил так, как сражаются солдаты. Никто не мог противоречить чаще и настойчивее, чем он, или более легкомысленно подменять цитаты и софизмы рассуждениями, а риторические фразы - настоящими порывами чувств. Он обладал большим талантом, но ему не хватало той способности, которая придает ему жизнь и истину. Казалес был противоположностью Мори: он обладал справедливым и готовым умом; его красноречие было столь же легким, но более оживленным; в его вспышках была искренность, и он всегда приводил наилучшие доводы. Не будучи ритором, он всегда принимал истинную сторону вопроса, который касался его партии, и оставлял декламацию Мори. При ясности его взглядов, пылком характере и хорошем использовании его талантов единственным его недостатком было его положение; Мори же добавлял ошибки своего ума к тем, которые были неотделимы от дела, которое он отстаивал.

У Неккера и министерства тоже была своя партия; но она была менее многочисленна, чем другие, из-за своей умеренности. В то время Франция была разделена на привилегированные классы, выступавшие против революции, и народ, упорно ее желавший. Пока между ними не было места для посреднической партии. Неккер объявил себя

сторонником английской конституции, и те, кто из честолюбия или по убеждению придерживался его взглядов, сплотились вокруг него. Среди них были Мунье, человек сильного ума и несгибаемого духа, считавший эту систему типом представительного правительства; Лалли-Толлендаль, столь же решительный в своих взглядах, как и первый, и более убедительный; Клермон-Тоннерр, друг и союзник Мунье и Лалли; словом, меньшинство дворянства и некоторые епископы, которые надеялись стать членами верхней палаты, если взгляды Неккера будут приняты.

Лидеры этой партии, впоследствии названной монархической, хотели совершить революцию путем компромисса и ввести во Франции представительное правительство, уже сформированное, а именно английское. В любой момент они убеждали сильных пойти на компромисс со слабыми. До 14 июля они просили двор и привилегированные классы удовлетворить коммуны; после этого они просили коммуны согласиться на соглашение с двором и привилегированными классами. Они считали, что каждый должен сохранять свое влияние в государстве; что свергнутые партии - это недовольные партии, и что для них должно быть создано законное существование, иначе их ожидает бесконечная борьба. Но они не видели, как мало их идеи соответствовали моменту исключительных страстей. Борьба была начата, борьба, которой суждено было завершиться триумфом системы, а не компромиссом. Это была победа, которая заставила три ордена уступить место единому собранию, и трудно было нарушить единство этого собрания, чтобы прийти к правительству из двух палат. Умеренная партия не смогла добиться этого правительства ни от двора, ни от народа: для одного оно казалось слишком популярным, для другого - слишком аристократическим.

Остальная часть собрания состояла из национальной партии. Пока в нем не было замечено людей, которые, подобно Робеспьеру, Петиону, Бюзо и т. д., желали бы начать вторую революцию, когда первая будет завершена. В этот период самыми крайними представителями этой партии были Дюпор, Барнав и Ламет, образовавшие триумvirат, мнения которого готовил Дюпор, поддерживал Барнав, а управлял Александр Ламет. В этом тесном союзе адвоката, принадлежавшего к среднему классу, советника, принадлежавшего к парламентскому сословию, и полковника, принадлежавшего ко двору, отрекавшихся от интересов своего ордена, чтобы объединиться во взглядах на общественное благо и народное счастье, было нечто примечательное и возвещавшее о духе равенства того времени. Поначалу эта партия заняла более высокое положение, чем то, которого достигла революция. 14 июля стало триумфом среднего класса; учредительное собрание стало его законодательным органом, национальная гвардия - вооруженной силой, мэрия - народной властью. Мирабо, Лафайет, Бейли опирались на этот класс; один был его трибуном, другой - генералом, третий - мировым судьей. Партия Дюпора, Барнава и Ламета придерживалась принципов и отстаивала интересы того периода революции; но эта партия, состоявшая из молодых людей с пылким патриотизмом, вступивших в государственные дела с превосходными качествами, прекрасными талантами и возвышенными должностями и соединивших с любовью к свободе стремление играть ведущую роль, с самого начала поставила себя скорее впереди революции 14 июля. Ее опорой в собрании были члены крайне левых кружков, нации, народной партии, сотрудничавшие 14 июля и не желавшие, чтобы буржуазия одна извлекала выгоду из победы. Поставив себя во главе тех, у кого не было лидеров, и кто, находясь немного в стороне от правительства, стремился войти в него, она не перестала принадлежать к этому первому периоду революции; только она образовала своего рода демократическую оппозицию, даже в самом среднем классе, отличаясь от своих лидеров лишь по нескольким несущественным пунктам и голосуя с ними по большинству

вопросов. Среди этих популярных людей это было скорее патриотическое подражание, чем партийное разногласие.

Дюпор, обладавший сильным умом и преждевременно приобретший опыт управления политическими страстями в ходе борьбы, которую парламент вел против министерства и которой он руководил, хорошо знал, что народ затихает в тот момент, когда он обретает свои права, и что он начинает слабеть, как только затихает. Чтобы сохранить бодрость тех, кто управлял в собрании, в мэрии, в ополчении; чтобы не допустить ослабления общественной активности и не распустить народ, помощь которого могла ему однажды понадобиться, он задумал и осуществил знаменитую конфедерацию клубов. Это учреждение, как и все, что дает большой импульс нации, принесло много пользы и много вреда. Оно препятствовало законной власти, когда этого было достаточно; но оно же придало огромную энергию революции, когда, атакованная со всех сторон, она могла спастись только самыми жестокими усилиями. В остальном основатели этой ассоциации не просчитали всех ее последствий. Они рассматривали ее просто как колесо, предназначенное для того, чтобы без опаски поддерживать или приводить в движение общественную машину, когда она стремилась ослабить или прекратить свою деятельность; они не думали, что работают на благо толпы. После бегства Варенна эта партия стала слишком требовательной и грозной; они оставили ее и поддержали себя против нее массой собрания и среднего класса, чье руководство осталось вакантным после смерти Мирабо. В этот период для них было важно поскорее покончить с конституционной революцией, так как затягивание ее означало бы наступление республиканской революции.

В массе своей собрание, о котором мы только что упоминали, изобиловало справедливыми, опытными и даже превосходными умами. Его лидерами были два человека, чуждые третьему сословию и принятые им. Без аббата Съеса учредительное собрание, вероятно, было бы менее сплоченным в своей деятельности, а без Мирабо - менее энергичным в своем поведении.

Съез был одним из тех людей, которые создают секты в эпоху энтузиазма, а в просвещенную эпоху берут верх над сильным разумом. Одиночество и философские занятия сделали его зрелым уже в раннем возрасте. Его взгляды были новыми, сильными и обширными, но несколько слишком систематизированными. Общество было особенно предметом его изучения; он следил за его развитием, исследовал его истоки. Природа правительства представлялась ему не столько вопросом права, сколько вопросом эпохи. Его огромный интеллект охватывал общество наших дней в его делениях, отношениях, силах и движении. Съез, хотя и обладал холодным темпераментом, имел пыл, который внушает стремление к истине, и страсть, которую дает ее открытие; соответственно, он был абсолютен в своих взглядах, презирая взгляды других, потому что считал их неполными, и потому что, по его мнению, полуправда была ошибкой. Противоречия раздражали его, он не был коммуникабельным. Желая заявить о себе во всеуслышание, он не мог сделать это с каждым. Его ученики передавали его системы другим, что окружало его некой таинственностью и делало объектом своеобразного почитания. Он обладал авторитетом, который дает полная политическая наука, и конституция могла бы выйти из его головы полностью вооруженной, как Минерва Юпитера или законодательство древних, если бы не то, что в наши дни каждый стремился участвовать в этой работе или критиковать ее. Тем не менее, за исключением некоторых изменений, его планы были приняты в целом, а в комитетах у него было больше учеников, чем коллег.

Мирабо добился на трибуне того же превосходства, что и Сийес в комитетах. Он был человеком, который только и ждал случая, чтобы стать великим. В Риме, в лучшие дни

республики, он был бы Гракхом; в период ее упадка - Катилиной; при Фронде - кардиналом де Рецем; а в дряхлой монархии, когда такое существо могло найти применение своим огромным способностям только в возбуждении, он стал примечателен буйством своих страстей и их наказанием; жизнь прошла в совершении излишеств и страданиях за них. Такая бурная деятельность требовала работы, и революция ее предоставила. Привыкший к борьбе с деспотизмом, раздраженный презрением дворянства, которое было ниже его по положению и исключало его из своего корпуса; умный, смелый, красноречивый, Мирабо чувствовал, что революция будет его делом и его жизнью. Он в точности соответствовал главным потребностям своего времени. Его мысли, его голос, его действия были трибунскими. В опасных обстоятельствах он проявлял серьезность, которая увлекает за собой собрание; в трудных дискуссиях - непреклонность, которая сразу же кладет им конец; одним словом он умерил честолюбие, заставил замолчать вражду, привел в замешательство соперников. Это могущественное существо, прекрасно владеющее собой в разгар волнения, то отдаваясь порыву, то привычно осознавая свою силу, осуществляло своего рода суверенитет в собрании. Вскоре он приобрел огромную популярность, которую сохранил до последнего; и тот, кого при его первом входе в законодательное собрание избегали все взгляды, после смерти был принят в Пантеон, среди слез собрания и всей Франции. Если бы не революция, Мирабо не смог бы реализовать свое предназначение, ведь мало быть великим, нужно еще и жить в подходящий период.

Герцог Орлеанский, которому была отдана партия, не имел большого влияния в собрании; он голосовал с большинством, а не большинство с ним. Личная привязанность некоторых членов собрания, его имя, опасения двора, популярность его мнений, надежды, а не заговоры, укрепили его репутацию как человека вздорного. У него не было ни качеств, ни недостатков заговорщика; возможно, он помогал своими деньгами и именем популярным движениям, которые точно так же происходили бы и без него, и имели другую цель, нежели его возвышение. До сих пор распространенной ошибкой является приписывание величайших революций каким-то мелким частным маневрам, как будто в такую эпоху весь народ мог быть использован в качестве орудия одного человека.

Собрание получило всю полноту власти; от него зависели корпорации; ему подчинялась национальная гвардия. Оно было разделено на комитеты для облегчения и исполнения своих операций. Королевская власть, хотя и существовала по праву, была в некоторой степени приостановлена, так как ей не подчинялись, и собрание должно было обеспечивать свои действия собственными силами. Таким образом, независимо от комитетов, которым поручалась подготовка его мер, он назначал другие, чтобы осуществлять полезный надзор без них. Комитет по снабжению занимался провиантом, важным объектом в год нехватки; комитет по расследованию вел переписку с корпорациями и провинциями; комитет по исследованиям получал сведения против заговорщиков 14 июля. Но финансы и конституция, которым прошлые кризисы не уделяли должного внимания, были предметом особого внимания.

После того как собрание, став суверенным, на мгновение обеспечило потребности казны, оно, изучив *кауры*, выяснило пожелания своих избирателей. Затем оно приступило к формированию своих институтов, используя метод, либеральный и широкий дух обсуждения, который должен был обеспечить Франции конституцию, соответствующую справедливости и отвечающую ее потребностям. Соединенные Штаты Америки в момент обретения независимости изложили в декларации права человека и гражданина. Это всегда будет первым шагом. Народ, восставший из рабства, чувствует необходимость провозгласить свои права еще до того, как сформирует свое правительство. Те французы,

которые помогали в американской революции и сотрудничали в нашей, предложили подобную декларацию в качестве преамбулы к нашим законам. Это было приемлемо для собрания законодателей и философов, не ограниченного никакими рамками, поскольку не существовало никаких институтов, и руководствующегося примитивными и фундаментальными представлениями об обществе, поскольку это был ученик восемнадцатого века. Хотя эта декларация содержала лишь общие принципы и ограничивалась изложением в максимах того, что конституция должна была воплотить в законах, она была рассчитана на то, чтобы возвысить ум и привить гражданам сознание их достоинства и важности. По предложению Лафайета собрание уже приступило к обсуждению этого вопроса; но события в Париже и декреты 4 августа прервали его работу; теперь она была возобновлена и завершена определением принципов, которые должны были лечь в основу нового закона и которые являлись утверждением права во имя человечности.

Приняв эти общие положения, собрание обратило свое внимание на организацию законодательной власти. Это была одна из важнейших задач собрания; оно должно было определить характер его функций и установить его отношения с королем. В ходе этого обсуждения собранию оставалось лишь решить вопрос о будущем состоянии законодательной власти. Наделенная учредительными полномочиями, она была возвышена над своими собственными решениями, и никакая промежуточная власть не могла приостановить или предотвратить ее миссию. Но какова должна быть форма совещательного органа на будущих сессиях? Должен ли он оставаться неделимым или быть разделен на две палаты? Если будет принята последняя форма, то каков должен быть характер второй палаты? Должна ли она стать аристократическим собранием или умеренным сенатом? И каким бы ни был этот совещательный орган, должен ли он быть постоянным или периодическим, и должен ли король делить с ним законодательную власть? Таковы были трудности, волновавшие собрание и Париж в течение сентября.

Если мы рассмотрим положение собрания и его представления о суверенитете, то легко поймем, как решались эти вопросы. Оно рассматривало короля лишь как наследственного представителя нации, не имеющего права ни собирать своих представителей, ни руководить ими, ни приостанавливать их деятельность. Соответственно, он отказывался предоставлять ему инициативу в принятии законов и роспуске собрания. Она считала, что законодательный орган не должен зависеть от короля. Кроме того, она опасалась, что, предоставив правительству слишком сильное влияние на собрание или не обеспечив его постоянное присутствие, принц сможет воспользоваться теми промежутками времени, когда он останется один, чтобы посягнуть на другие власти, а возможно, и разрушить новую систему. Поэтому власти, находящейся в постоянной деятельности, они хотели противопоставить постоянно действующее собрание, и, соответственно, было объявлено о постоянстве собрания. Дебаты по поводу его неделимости или разделения были очень оживленными. Неккер, Мунье и Лалли-Толлендаль хотели, чтобы в дополнение к представительной палате существовал сенат, состоящий из членов, назначаемых королем по представлению народа. Они считали это единственным средством умерить власть и даже предотвратить тиранию одного собрания. В качестве партизан у них были те, кто разделял их идеи или надеялся войти в состав верхней палаты. Большинство дворянства желало не палаты пэров, а аристократического собрания, членов которого оно должно избирать. Они не могли прийти к согласию; партия Мунье отказывалась присоединиться к проекту, направленному на возрождение орденов, а аристократия отказывалась принять сенат, который подтвердил бы

разорение дворянства. Большая часть депутатов от духовенства и коммуны выступала за единство собрания. Народная партия считала незаконным пожизненное назначение законодателей; она полагала, что верхняя палата станет орудием двора и аристократии, а затем будет опасна или станет бесполезной, объединившись с общинами. Таким образом, и дворянство из недовольства, и национальная партия из духа абсолютной справедливости одинаково отвергли верхнюю палату.

Такое решение собрания стало объектом многочисленных упреков. Сторонники пэража приписывали все беды революции отсутствию этого порядка; как будто кто-то мог остановить ее ход. Не конституция придала ей тот характер, который она имела, а события, возникшие в результате борьбы партий. Что бы сделала верхняя палата между судом и нацией? Если в пользу первого, то она не смогла бы направить или спасти его; если в пользу второго, то не укрепила бы его; в любом случае неизбежно последовало бы его подавление. В такие времена прогресс идет стремительно, и все, что пытается его остановить, оказывается излишним. В Англии палата лордов, хотя и послушная, была приостановлена на время кризиса. Различные системы имеют каждая свою эпоху; революции совершаются одной палатой, а заканчиваются двумя.

Королевская санкция вызвала бурные дебаты в ассамблее и неистовые крики за ее пределами. Вопрос заключался в роли короля в принятии законов; депутаты почти все были согласны в одном. Они решительно признали его право санкционировать или отклонять законы; но одни хотели, чтобы это право было неограниченным, другие - чтобы оно было временным. В действительности это было одно и то же, поскольку король не мог продлевать свой отказ до бесконечности, и вето, хотя и абсолютное, было бы только приостанавливающим. Но эта возможность, предоставленная одному человеку, контролировать волю народа, казалась непомерной, особенно вне собрания, где ее понимали меньше.

Париж еще не оправился от волнения 14 июля; народное правление только начиналось, и город переживал все свои вольности и беспорядки. Собрание выборщиков, которое в трудных обстоятельствах заняло место временной корпорации, только что было заменено. Сто восемьдесят членов, выдвинутых округами, стали законодателями и представителями города. Пока они занимались планом организации муниципалитета, каждый хотел командовать, ведь во Франции любовь к свободе почти равна любви к власти. Комитеты действовали отдельно от мэра; собрание представителей выступало против комитетов, а округа - против собрания представителей. Каждый из шестидесяти округов присваивал себе законодательную власть, а исполнительную отдавал своим комитетам; все они считали членов генерального собрания своими подчиненными, а себя - наделенными правом отменять их постановления. Эта идея суверенитета принципа над делегатом быстро развивалась. Те, кто не имел никакой власти, создавали собрания, а затем предавались дискуссиям; солдаты дебатировали в Оратории, портные - на Колоннаде, парикмахеры - на Елисейских полях, слуги - в Лувре; но самые оживленные дебаты происходили в Пале-Рояле. Там выяснялись вопросы, занимавшие национальное собрание, и критиковались его дискуссии. Нехватка провизии также приводила к скоплению людей, и эти толпы были не в последнюю очередь опасны.

Таково было состояние Парижа, когда начались дебаты о праве вето. Тревога, которую вызвало это право, предоставленное королю, была чрезвычайной. Казалось, что от решения этого вопроса зависит судьба свободы и что одно только вето вернет древнюю систему. Народ, не зная природы и пределов власти, желал, чтобы собрание, на которое он опирался, делало все, а король, которому он не доверял, не делал ничего. Каждый инструмент,

оставленный в распоряжении двора, казался средством контрреволюции. Толпы у Пале-Рояля стали буйствовать; членам собрания, которые, как и Мунье, высказались за абсолютное вето, были разосланы письма с угрозами. В них говорилось об увольнении их как неверных представителей и о походе на Версаль. Пале-Рояль направил в собрание депутацию и потребовал от коммуны объявить, что депутаты могут быть отозваны, и поставить их в постоянную зависимость от избирателей. Коммуна осталась непреклонной, отвергла требования Пале-Рояля и приняла меры для предотвращения бунтарских собраний. Ее поддерживала национальная гвардия; эта организация была хорошо настроена; Лафайет завоевал ее доверие; она становилась организованной, носила форму, подчинялась дисциплине по примеру французской гвардии и училась у своего начальника любви к порядку и уважению к закону. Но средний класс, который его составлял, еще не овладел народным правительством. Толпа, зачисленная 14 июля, еще не была полностью распущена. Это волнение извне сделало дебаты по вопросу о вето бурными; таким образом, очень простой вопрос приобрел огромное значение, и министерство, понимая, насколько роковым может оказаться влияние абсолютного решения, а также видя, что *неограниченное вето* и *приостанавливающее вето* - это одно и то же, побудило короля удовлетвориться вторым и отказаться от первого. Собрание заявило, что отказ в его санкции не может быть продлен принцем дольше двух сессий, и это решение удовлетворило всех.

Двор воспользовался волнениями в Париже для реализации других проектов. В течение некоторого времени она оказывала влияние на мысли короля. Сначала он отказался санкционировать декреты от 4 августа, хотя они были учредительными, и, следовательно, он не мог избежать их обнародования. Приняв их по настоятельным просьбам собрания, он возобновил те же трудности, связанные с декларацией прав. Цель двора состояла в том, чтобы представить Людовика XVI угнетенным собранием и вынужденным подчиниться мерам, которые он не желал принимать; он терпел свое положение с нетерпением и стремился вернуть себе прежнюю власть. Бегство было единственным средством, и его необходимо было узаконить; ничего нельзя было сделать в присутствии ассамблеи и в окрестностях Парижа. Королевская власть пала 23 июня, военная - 14 июля; не было иного выхода, кроме гражданской войны. Так как короля было трудно склонить к этому курсу, они до последнего момента ждали, чтобы побудить его к бегству; его нерешительность стала причиной провала плана. Предлагалось удалиться в Мец, в Буйе, посреди своей армии; созвать вокруг монарха дворянство, войска, сохранившие верность, парламенты; объявить собрание и Париж в состоянии восстания; призвать их к повиновению или принудить к нему; и если нельзя полностью восстановить древний строй, то, по крайней мере, ограничиться декларацией от 20 июня. С другой стороны, если двор был заинтересован в удалении короля из Версаля, чтобы добиться каких-то результатов, то партизаны революции были заинтересованы в том, чтобы привезти его в Париж; Орлеанская фракция, если таковая существовала, была заинтересована в том, чтобы обратить короля в бегство, запугав его, в надежде, что собрание назначит ее лидера *генерал-лейтенантом королевства*; и, наконец, народ, нуждавшийся в хлебе, желал, чтобы король жил в Париже, в надежде, что его присутствие уменьшит или прекратит нехватку провизии. Все эти причины существовали, нужен был только повод для восстания, и двор предоставил этот повод. Под предлогом защиты от движений в Париже он создал войска в Версаль, удвоил домашнюю стражу, послал драгун и Фландрский полк. Вся эта подготовка войск вызвала самые живые опасения; распространилось сообщение об антиреволюционных мерах, и бегство короля, и роспуск собрания были объявлены близкими. Станные мундиры, желтые и черные кокарды можно было увидеть в Люксембурге, Пале-Рояле и на Елисейских полях; противники революции проявили такую радость, какой не проявляли уже давно. Поведение двора подтвердило эти подозрения и раскрыло цель всех этих приготовлений.

Офицеров Фландрского полка, с тревогой принятых в Версале, чествовали в замке и даже допускали к карточным столам королевы. Были предприняты все усилия, чтобы заручиться их преданностью, и гвардейцы короля устроили для них банкет. Были приглашены офицеры драгун и кавалерии, находившиеся в Версале, офицеры швейцарской гвардии, сотни швейцарцев, прево, а также сотрудники национальной гвардии. Театр в замке, который предназначался для самых торжественных придворных праздников и который со времени женитьбы второго брата короля использовался только для императора Иосифа II, был выбран для сцены праздника. Королевским музыкантам было приказано присутствовать на этом первом празднике, который давали гвардейцы. Во время банкета с воодушевлением пили тосты за короля и королевскую семью, а народ опускали или отвергали. На второе блюдо были допущены гренадеры Фландрии, два корпуса швейцарцев и драгуны, чтобы стать свидетелями зрелища и разделить чувства, одушевлявшие гостей. Энтузиазм возрастал с каждым мгновением. Внезапно объявили короля; он вошел в охотничьей одежде, королева опиралась на его руку, а дофин нес на руках. Со всех сторон раздались крики привязанности и преданности. За здоровье королевской семьи пили, держа шпаги наготове; а когда Людовик XVI удалился, зазвучала музыка: *"O Richard! O mon roi! l'univers t'abandonne"*. Теперь сцена приняла весьма значительный характер; марш хулланов и обилие вина лишили гостей всякой сдержанности. Прозвучал залп, гости, шатаясь, взобрались на ложи, словно собираясь на штурм; раздавались кокарды; трехцветная кокарда, говорят, была растоптана, и гости разошлись по галереям замка, где придворные дамы осыпали их поздравлениями, украшали лентами и кокардами.

Таким был этот знаменитый банкет 1 октября, который двор имел неосторожность повторить 3-го. Нельзя не сожалеть о его роковой непредусмотрительности; он не мог ни покориться, ни изменить свою судьбу. Сбор войск, так далеко от предотвращения агрессии в Париже, спровоцировал ее; банкет не сделал преданность солдат более уверенной, в то время как он усилил дурное расположение народа. Для самозащиты не было необходимости в таком пылу, а для бегства - в такой подготовке; но двор никогда не принимал мер, рассчитанных на успех его замыслов, или принимал их лишь наполовину, и, чтобы принять решение, всегда выжидал, когда уже не останется времени.

Известие об этом банкете и появление черных кокард произвели в Париже величайшую сенсацию. С 4-го числа подавляемые слухи, контрреволюционные провокации, страх перед заговорами, возмущение против двора и растущая тревога из-за нехватки провизии - все это предвещало восстание; толпа уже смотрела в сторону Версаля. 5-го числа восстание вспыхнуло бурно и непобедимо; сигналом послужил полный недостаток муки. Молодая девушка, войдя в караульное помещение, схватила барабан и помчалась по улицам, бить в него и кричать: "Хлеба! Хлеб!" Вскоре ее окружила толпа женщин. Эта толпа продвигалась к Отелю де Виль, увеличиваясь по мере продвижения. Она оттеснила стражу, стоявшую у дверей, и проникла внутрь, требуя хлеба и оружия; она выломала двери, схватила оружие, затрубила в набат и двинулась к Версалю. Вскоре народ массово поднялся, выкрикивая те же требования, пока со всех сторон не раздался клич: "В Версаль!". Первыми двинулись женщины во главе с Майяр, одной из волонтеров Бастилии. Народ, национальная гвардия и французские гвардейцы просили следовать за ними. Командующий Лафайет долго противился их уходу, но тщетно: ни его усилия, ни его популярность не могли преодолеть упрямство народа. В течение семи часов он томил и удерживал их. В конце концов, нетерпеливые от этой задержки, отвергнув его советы, они приготовились отправиться в путь без него; тогда, чувствуя, что теперь его долг - вести их, как прежде сдерживать, он получил разрешение от корпорации и дал слово к отъезду около семи часов вечера.

Волнение в Версале было менее бурным, но столь же реальным; национальная гвардия и собрание были встревожены и раздражены. Двойной банкет домашних войск, одобрение, высказанное королевой, *"Я очарована днем Жюди"*, отказ короля принять "Права человека", его согласованные временные действия, нехватка провизии вызвали тревогу у представителей народа и вселили в них подозрение. Петион, осудив банкеты гвардейцев, был вызван депутатом-роялистом, чтобы объяснить свой донос и назвать виновных. "Пусть будет прямо заявлено, - воскликнул Мирабо, - что тот, кто не король, является подданным и ответственным, и я быстро представлю доказательства". Эти слова, указывавшие на королеву, заставили правых замолчать. Этой враждебной дискуссии предшествовали и сменяли друг друга столь же оживленные споры, касающиеся отказа в санкции и нехватки провизии в Париже. Наконец, как раз в тот момент, когда к королю была отправлена депутация, чтобы потребовать от него чистого и простого признания прав человека, а также умолять его всеми силами содействовать снабжению Парижа провизией, было объявлено о прибытии женщин во главе с Майяром.

Их неожиданное появление, поскольку они перебили всех курьеров, которые могли бы сообщить об этом, вызвало ужас при дворе. Версальские войска бросились к оружию и окружили замок, но намерения женщин не были враждебными. Майяр, их предводительница, посоветовала им выступить в качестве сторонниц, и в таком виде они изложили свои жалобы поочередно собранию и королю. Таким образом, первые часы этого бурного вечера прошли достаточно спокойно. Однако не могло не возникнуть вражды между возбужденной толпой и домашними войсками, ставшими объектом столь сильного раздражения. Последние расположились во дворе замка напротив национальной гвардии и Фландрского полка. Пространство между ними было заполнено женщинами и добровольцами Бастилии. Посреди неразберихи, неизбежно возникающей при таком соседстве, возникла потасовка, ставшая сигналом к беспорядку и конфликту. Один из гвардейцев ударил саблей парижского солдата и был в свою очередь ранен в руку. Национальные гвардейцы встали на сторону домашних войск; конфликт разгорелся и мог бы стать кровопролитным, если бы не темнота, плохая погода и приказ домашним войскам сначала прекратить стрельбу, а затем отступить. Но поскольку их обвинили в нападении, ярость толпы продолжалась еще некоторое время; в их покои ворвались, двое из них были ранены, а еще один спасся с трудом.

Во время этих беспорядков двор был в смятении; было предложено бежать королю и приготовлены кареты; пикет национальной гвардии увидел их у ворот Оранжереи и, закрыв ворота, заставил их вернуться; кроме того, король, либо не зная о замыслах двора, либо считая их неосуществимыми, отказался бежать. Страхи смешались с его мирными намерениями, когда он колебался, отражать ли агрессию или спастись бегством. Покоренный, он предчувствовал судьбу Карла I Английского; отсутствующий, он опасался, что герцог Орлеанский получит сеньорию королевства. Но тем временем дождь, усталость и бездействие домашних войск ослабили ярость толпы, и Лафайет прибыл во главе парижской армии.

Его присутствие восстановило безопасность двора, а ответы короля на депутацию из Парижа удовлетворили и народ, и армию. За короткое время деятельность Лафайета, здравый смысл и дисциплина парижской гвардии восстановили порядок повсюду. Спокойствие вернулось. Толпа женщин и добровольцев, одолеваемая усталостью, постепенно рассеялась, и некоторым из национальной гвардии была поручена оборона замка, а другие расположились со своими товарищами по оружию в Версале. Королевская семья, успокоившись после тревог и страхов этой мучительной ночи, удалилась на покой около двух

часов ночи. Ближе к пяти Лафайет, посетив вверенные его попечению аванпосты и обнаружив, что дозор хорошо несется, город спокоен, а толпы людей рассеяны или спят, тоже немного отдохнул.

Однако около шести некоторые люди из низшего сословия, более воодушевленные, чем остальные, и проснувшиеся раньше, чем они, обшарили замок. Обнаружив открытые ворота, они сообщили об этом своим товарищам и вошли внутрь. К сожалению, внутренние посты были доверены домашней страже, а парижской армии было отказано. Этот роковой отказ стал причиной всех несчастий этой ночи. Внутренняя стража даже не была усилена, ворота почти не посещались, а дозор велся так же небрежно, как и в обычных случаях. Эти люди, возбужденные всеми страстями, которые привели их в Версаль, увидев у окна одного из домашних войск, стали оскорблять его. Он выстрелил и ранил одного из них. Тогда они бросились на защищавших замок солдат грудью на грудь и героически пожертвовали собой. Один из них успел предупредить королеву, которой нападавшие угрожали особенно сильно; полуодетая, она бросилась в убежище к королю. В замке царили страшная суматоха и опасность.

Лафайет, узнав о вторжении в королевскую резиденцию, сел на коня и поспешно поскакал к месту опасности. На площади он встретил часть домашних войск, окруженных разъяренной толпой, которая была готова их убить. Он бросился к ним, позвал находившихся поблизости французских гвардейцев и, спасши домашних и разогнав нападавших, поспешил к замку. Он нашел его уже защищенным гренадерами французской гвардии, которые при первом же шуме беспорядков поспешили и защитили домашние войска от ярости парижан. Но сцена еще не закончилась; толпа снова собралась в мраморном дворе под балконом короля, громко звала его, и он явился. Они требовали его отъезда в Париж; он обещал вернуться туда со своей семьей, и это обещание было встречено всеобщими аплодисментами. Королева решила сопровождать его; но предубеждение против нее было так сильно, что путешествие было небезопасно; необходимо было примирить ее с народом. Лафайет предложил ей сопровождать его на балкон; после некоторого колебания она согласилась. Они появились на нем вместе, и, чтобы знаками сообщить о себе бушующей толпе, победить ее враждебность и пробудить ее энтузиазм, Лафайет почтительно поцеловал руку королевы; толпа ответила ему рукоплесканиями. Теперь оставалось заключить мир между ними и домашними войсками. Лафайет подошел к одному из них, надел на его шляпу свою трехцветную кокарду и обнял его перед народом, который закричал "*Живы сады-корпуса!*". Так закончилась эта сцена; королевская семья отправилась в Париж в сопровождении армии, а ее гвардейцы смешались с ней.

Восстание 5 и 6 октября было полностью народным движением. Мы не должны пытаться объяснить его тайными мотивами или приписывать ему скрытые амбиции; оно было спровоцировано неосмотрительностью двора. Только банкет домашних войск, сообщения о бегстве, страх перед гражданской войной и нехватка провизии привели Париж в Версаль. Если особые подстрекатели, в чем самые тщательные расследования все же сомневаются, способствовали этому движению, то они не изменили ни его направления, ни его цели. Результатом этого события было разрушение древнего режима двора; оно лишило его охраны, перенесло его из королевской резиденции в Версале в столицу революции и поставило его под надзор народа.

ГЛАВА III

С 6 ОКТЯБРЯ 1789 ГОДА ДО СМЕРТИ МИРАБО, АПРЕЛЬ 1791 ГОДА

Период, о котором пойдет речь в этой главе, был менее примечателен событиями, чем постепенным разделением партий. По мере того, как вносились изменения в государство и законы, те, чьи интересы или мнения они затрагивали, заявляли о своем несогласии с ними. Врагами революции с самого начала существования Генеральных штатов были двор; с объединения орденов и отмены привилегий - дворянство; с учреждения единого собрания и отказа от двух палат - министерство и приверженцы английской формы правления. Кроме того, против него, со времени организации департаментов, выступали провинции; со времени декрета об имущественном и гражданском положении духовенства - все церковное сословие; со времени введения новых военных законов - все офицеры армии. Казалось бы, собрание не должно было проводить столько изменений сразу, чтобы не нажить столько врагов; но общие планы, необходимость и козни его противников требовали всех этих нововведений.

После 5 и 6 октября собрание эмигрировало, как и двор после 14 июля. Мунье и Лалли-Толлендаль покинули его, отчаявшись в свободе с того момента, как их взгляды перестали разделять. Слишком абсолютные в своих планах, они хотели, чтобы народ, после того как 14 июля он передал полномочия собранию, внезапно прекратил действовать, что свидетельствовало о полном незнании толчка революций. Когда народ однажды использован, его трудно распустить, и самый разумный курс - не оспаривать, а регулировать вмешательство". Лалли-Толлендаль отказался от звания француза и вернулся в Англию, на родину своих предков. Мунье отправился в Дофине, свою родную провинцию, которую он пытался подстрекать к восстанию против ассамблеи. Непоследовательно было жаловаться на восстание и в то же время провоцировать его, особенно когда это было выгодно другой партии, ведь его партия была слишком слаба, чтобы противостоять древнему режиму и революции. Несмотря на свое влияние в Дофине, чьими движениями он руководил ранее, Мунье не смог создать там центр постоянного сопротивления, но собрание было предупреждено таким образом, чтобы разрушить старинную провинциальную организацию, которая могла стать основой гражданской войны.

После 5 и 6 октября национальные представители последовали за королем в столицу, которую их общее присутствие в значительной степени способствовало успокоению. Народ был доволен тем, что обладает королем, и причины, вызвавшие его буйство, утихли. Герцог Орлеанский, которого, справедливо или нет, считали зачинщиком мятежа, был только что отослан; он принял миссию в Англии; Лафайет был полон решимости поддерживать порядок; национальная гвардия, воодушевленная лучшим духом, с каждым днем приобретала привычки к дисциплине и повиновению; корпорация, преодолев замешательство своего первого учреждения, начала пользоваться авторитетом. Оставалась лишь одна причина беспорядков - нехватка провизии. Несмотря на рвение и предусмотрительность комитета, которому было поручено обеспечить провиант, ежедневные собрания народа угрожали общественному спокойствию. Люди, которых так легко обмануть, когда они страдают, убили булочника по имени Франсуа, которого несправедливо обвинили в монополизме. 21 октября было объявлено военное положение, разрешающее корпорации применить силу для разгона толпы, после того как она призвала граждан разойтись. Власть была передана классу, заинтересованному в поддержании порядка; округа и национальная гвардия были послушны собранию. Покорность закону была преобладающей страстью той эпохи. Депутаты со своей стороны стремились лишь к завершению конституции и реорганизации государства. У них было тем больше причин торопиться с выполнением своей задачи, что

враги собрания использовали все, что осталось от древнего режима, чтобы доставить ему неудобства. Поэтому на каждое их начинание он отвечал указом, который, изменяя древний порядок вещей, лишал их одного из средств нападения.

Он начал с того, что разделил королевство более равномерно и регулярно. Провинции, с сожалением воспринявшие потерю своих привилегий, образовали небольшие государства, площадь которых была слишком велика, а управление - слишком независимым. Необходимо было уменьшить их размеры, изменить названия и подчинить единому правительству. 22 декабря собрание приняло в этом отношении проект, задуманный Съесом и представленный Туре от имени комитета, который постоянно занимался этим вопросом в течение двух месяцев.

Франция была разделена на восемьдесят три департамента, почти равных по площади и населению; департаменты подразделялись на округа и кантоны. Их управление получило единую иерархическую форму. Департамент имел административный совет, состоящий из тридцати шести членов, и исполнительную директорию, состоящую из пяти членов: как видно из названий, функции первого заключались в принятии решений, а второго - в действии. Округ был организован таким же образом; хотя и в меньшем масштабе, он имел совет и директорию, меньшую по численности и подчиненную вышестоящим директории и совету. Кантон, состоящий из пяти или шести приходов, был избирательным, а не административным делением; активные граждане, а чтобы считаться таковыми, необходимо было платить налоги в размере трехдневного заработка, объединялись в кантон, чтобы назначать своих депутатов и магистратов. Все в новом плане подлежало избранию, но оно имело несколько степеней. Доверять народу выбор делегатов представлялось неосмотрительным, а отстранять его от него - незаконным; этого сложного вопроса удалось избежать путем двойных выборов. Активные граждане кантона назначали выборщиков, которым поручалось выдвигать членов национального собрания, управляющих департаментом, округом и судей трибуналов; в каждом департаменте учреждался уголовный суд, в каждом округе - гражданский суд, в каждом кантоне - полицейский суд.

Таков был институт департамента. Оставалось урегулировать корпорацию: управление ею было возложено на генеральный совет и муниципалитет, состоящий из членов, число которых было пропорционально населению городов. Муниципальные чиновники назначались непосредственно народом и только он мог санкционировать использование вооруженных сил. Корпорация составляла первую ступень объединения, королевство - последнюю; департамент занимал промежуточное положение между корпорацией и государством, между всеобщими интересами и интересами чисто местными.

Осуществление этого плана, организовавшего народный суверенитет, позволившего всем гражданам участвовать в избрании своих магистратов, вверившего им свое управление и распределившего их по механизмам, которые, позволяя двигаться всему государству, сохраняли соответствие между его частями и препятствовали их изоляции, вызвало недовольство некоторых провинций. Государства Лангедок и Бретань протестовали против нового деления королевства, а парламенты Меца, Руана, Бордо и Тулузы восстали против действий ассамблеи, которая подавила Палаты отпусков, упразднила приказы и объявила некомпетентными комиссии штатов. Сторонники старого режима использовали все средства, чтобы помешать его развитию; дворянство будоражило провинции, парламенты принимали резолюции, духовенство издавало мандаты, а писатели, пользуясь свободой печати, нападали на революцию. Двумя главными ее врагами были дворяне и епископы. Парламент, не имея корней в народе, образовывал лишь магистратуру, нападки которой предотвращались уничтожением самой магистратуры, тогда как у дворянства и духовенства

были средства воздействия, сохранившие влияние органа. Несчастья этих двух классов были вызваны ими самими. Преследуя революцию в собрании, они затем напали на нее открытой силой: духовенство - внутренними мятежами, дворянство - вооружением Европы против нее. Они возлагали большие надежды на анархию, которая, правда, причинила Франции много зла, но далеко не улучшила их собственного положения. Теперь давайте посмотрим, чем была вызвана враждебность духовенства; для этого мы должны вернуться немного назад.

Революция началась с финансов и еще не успела покончить с затруднениями, вызванными ими. Более важные вопросы занимали внимание собрания. Созванное уже не для покрытия административных расходов, а для создания государства, оно время от времени приостанавливало свои законодательные дискуссии, чтобы удовлетворить более насущные потребности казны. Неккер предложил временные средства, которые были приняты конфиденциально и почти без обсуждения. Несмотря на такое рвение, он не без досады видел, что финансы считаются подчиненными конституции, а министерство - собранию. Первый заем в тридцать миллионов (1 200 000 л.), принятый 9 августа, не принес успеха; последующий заем в восемьдесят миллионов (3 200 000 л.), принятый 27 числа того же месяца, оказался недостаточным. Пошлины были снижены или отменены, но они почти ничего не дали из-за сложности их сбора. Стало бесполезно прибегать к общественному доверию, которое отказывало в помощи; и в сентябре Неккер предложил в качестве единственного средства чрезвычайный взнос в размере четвертой части дохода, который должен был быть выплачен сразу же. Каждый гражданин должен был сам определить свою долю, используя ту простую форму клятвы, которая хорошо выражала первые дни чести и патриотизма: *"Я заявляю честно"*.

Мирабо установил над Неккером полную финансовую диктатуру. Он говорил о неотложных нуждах государства, о трудах собрания, которое не разрешило ему обсудить план министра и в то же время не позволило рассмотреть любой другой; о мастерстве Неккера, обеспечившем успех его собственной меры, и призывал собрание оставить за ним ответственность за ее успех, уверенно приняв ее. Поскольку некоторые не одобряли взгляды министра, а другие подозревали намерения Мирабо по отношению к нему, он завершил свою речь, одну из самых красноречивых, которые он когда-либо произносил, показав надвигающееся банкротство и воскликнув: *"Голосуйте за эту чрезвычайную субсидию, и пусть она окажется достаточной! Голосуйте, ибо если вы сомневаетесь в средствах, то не сомневайтесь в нужде и нашей неспособности обеспечить ее. Голосуйте, ибо общественные обстоятельства не потерпят промедления, и мы будем нести ответственность за все отсрочки. Остерегайтесь просить время; несчастье никогда его не дает. Господа, по случаю нелепого ходатайства в Пале-Рояле, нелепого вторжения, которое никогда не имело никакого значения, кроме как в слабых воображениях или в умах людей злонамеренных и недобросовестных, вы однажды слышали такие слова: *"Катилина у ворот Рима, а они все еще совещаются!"* И все же вокруг нас не было ни Катилины, ни опасностей, ни фракций, ни Рима. Но теперь банкротство, отвратительное банкротство; оно грозит поглотить вас, ваше имущество, вашу честь, а вы все еще раздумываете!"* Мирабо увлек собрание своим ораторским искусством, и патриотический взнос был принят под единодушные аплодисменты.

Но это средство принесло лишь кратковременное облегчение. Финансы революции зависели от более смелых и масштабных мер. Необходимо было не только поддержать революцию, но и устранить тот огромный дефицит, который остановил ее прогресс и угрожал ее дальнейшей судьбе. Оставался один путь - объявить церковную собственность

национальной и продать ее для спасения государства. Общественные интересы предписывали такой путь; и он мог быть осуществлен по справедливости, поскольку духовенство было не собственником, а простым распорядителем этого имущества, предназначенного для религии, а не для священников. Таким образом, нация, взяв на себя расходы на алтарь и содержание его служителей, могла получить и присвоить важный финансовый ресурс и добиться больших политических результатов.

Важно было не оставлять в государстве независимое тело, особенно древнее, ибо во время революции все древнее становится враждебным. Духовенство, с его грозной иерархией и роскошью, чуждое новым переменам, осталось бы в королевстве в виде республики. Его форма принадлежала к другой системе: когда не было государства, а только органы, каждый орден обеспечивал свое собственное регулирование и существование. Духовенство имело свои декреты, дворянство - свой закон о вотчинах, народ - свои корпорации; все было независимо, потому что все было частным. Но теперь, когда функции становились государственными, необходимо было создать магистратуру из священства, как это сделали из королевской власти; а чтобы сделать их зависимыми от государства, необходимо было, чтобы они получали от него жалованье и чтобы монарх возобновил свои владения, а духовенство - свою собственность, наделив каждого из них соответствующими дарами. Эта великая операция, разрушившая древний церковный режим, была осуществлена следующим образом:

Одной из самых насущных потребностей была отмена десятины. Поскольку они представляли собой налог, который сельское население платило духовенству, жертва должна была пойти на пользу тем, кто был угнетен ими. Поэтому, объявив в ночь на 4 августа, что их можно выкупить, они были отменены 11 числа, без предоставления какого-либо эквивалента. Духовенство сначала воспротивилось этой мере, но затем у него хватило здравого смысла согласиться. Парижский архиепископ отказался от десятины от имени всех своих собратьев, проявив этим благоразумие и верность линии поведения, принятой привилегированными классами в ночь на 4 августа; но этим его жертвы и ограничились.

Через некоторое время после этого начались дебаты по поводу владения церковной собственностью. Талейран, епископ Осенний, предложил духовенству отказаться от нее в пользу государства, которое использовало бы ее для покрытия расходов на богослужение и погашения своих долгов. Он доказал справедливость и правильность этой меры, а также продемонстрировал огромные преимущества, которые получит государство. Имущество духовенства составляло несколько тысяч миллионов франков. После уплаты долгов, обеспечения церковных служб и больниц, а также содержания священнослужителей, оставалось бы достаточно средств для погашения государственного долга, постоянного или аннуитетного, и для возмещения денег, выплаченных за судебные должности. Духовенство выступило против этого предложения. Дискуссия стала очень оживленной, и, несмотря на их сопротивление, было решено, что они не собственники, а простые хранители богатств, которые благочестие королей и верующих посвятили религии, и что нация, обеспечивая служение общественного культа, имеет право отозвать эту собственность. Декрет, который предоставил его в распоряжение, был принят 2 декабря 1789 года.

С этого момента вспыхнула ненависть духовенства к революции. В начале Генеральных штатов оно было менее непримиримо, чем дворянство, чтобы сохранить свои богатства; теперь оно, как и дворянство, выступило против нового режима, который стал его самым упорным и яростным врагом. Однако, поскольку декрет передавал церковную собственность в распоряжение нации, не отменяя ее, она не сразу перешла в оппозицию. Управление по-

прежнему вверялось ей, и она надеялась, что имущество церкви может послужить залогом для погашения долга, но не будет продано.

Продажу было трудно осуществить, но медлить было нельзя: казна существовала только на ожиданиях, а казначейство, снабжавшее ее векселями, начало терять кредит из-за их количества.

Они добились своего и приступили к новой финансовой организации следующим образом: Потребности этого и следующего года требовали продажи этого имущества на сумму в четыреста миллионов франков; чтобы облегчить это, Парижская корпорация сделала значительные подписки, и муниципалитеты королевства последовали примеру Парижа. Они должны были вернуть в казну эквивалент имущества, полученного ими от государства для продажи частным лицам; но им нужны были деньги, а они не могли предоставить их в нужном количестве, поскольку еще не нашли покупателей. Что же оставалось делать? Они предоставили муниципальные векселя, предназначенные для возмещения государственных кредиторов, пока не приобретут средства, необходимые для изъятия векселей. Добившись этого, они поняли, что вместо муниципальных векселей лучше создать казначейские, которые будут иметь обязательное обращение и выполнять функцию специи: это упрощало операцию, делая ее более общей. Так возникли ассигнаты.

Это изобретение было очень полезно для революции, и только оно обеспечило продажу церковной собственности. Цессионарии, которые были платежным средством для государства, стали залогом для кредиторов. Последние, получив их, не были обязаны принимать плату землей за то, что они предоставили деньгами. Но рано или поздно цессии попадали в руки людей, готовых их реализовать, и тогда они подлежали уничтожению одновременно с тем, как переставали быть залогом. Для того чтобы они могли выполнить свое предназначение, требовалось их принудительное обращение; для обеспечения их безопасности количество ограничивалось стоимостью имущества, предлагаемого к продаже; а чтобы они не упали в результате слишком резкого изменения, на них начислялись проценты. Собрание с момента их выпуска хотело придать им всю консистенцию денег. Была надежда, что деньги, скрытые недоверием, немедленно появятся вновь, и цессионарии вступят с ними в конкуренцию. Ипотека делала их столь же надежными, а процент - более выгодным; но этот процент, сопряженный с большими неудобствами, исчезал после первого выпуска. Таково было происхождение бумажных денег, выпущенных по необходимости и с таким благоразумием, которые позволили революции совершить столь великие дела и которые были дискредитированы по причинам, связанным не столько с их природой, сколько с их последующим использованием.

Когда духовенство увидело, что декретом от 29 декабря управление церковным имуществом передано муниципалитетам, что его собираются продать на сумму в четыреста миллионов франков и что создаются бумажные деньги, призванные облегчить это растрачивание и сделать его окончательным, оно не оставило попыток заручиться вмешательством Бога в дело своего богатства. Она предприняла последнюю попытку: предложила от своего имени реализовать заем в четыреста миллионов франков, что было отвергнуто, поскольку в противном случае, решив, что она не является собственником церковного имущества, она тем самым вновь была бы признана таковой. Затем она искала все способы помешать деятельности муниципалитетов. На юге он поднимал католиков против протестантов; на кафедре он тревожил совесть; в исповедальне он относился к продажам как к святотатству, а на трибуне стремился вызвать подозрения в настроениях собрания. Он возбуждал как можно больше религиозных вопросов, чтобы скомпрометировать собрание и спутать свои собственные интересы с интересами религии. Злоупотребления и бесполезность

монашеских обетов в этот период признавали все, даже духовенство. Во время их отмены 13 февраля 1790 года епископ Нанси случайно и вероломно предложил, чтобы только католическая религия имела публичное богослужение. Собрание было возмущено мотивами, побудившими его выдвинуть такое предложение, и оно было отклонено. Но то же предложение было вновь выдвинуто на другом заседании, и после бурных дебатов собрание заявило, что из уважения к Верховному Существо и католической религии, единственной, поддерживаемой за счет государства, оно считает, что не должно принимать решение по вынесенному на рассмотрение вопросу.

Такова была позиция духовенства, когда в июне и июле 1790 года собрание обратило внимание на свою внутреннюю организацию. Духовенство с нетерпением ждало удобного случая для возбуждения раскола. Этот проект, принятие которого принесло столько зла, должен был восстановить церковь на ее древних основах и вернуть чистоту ее доктрины; это была работа не философов, а строгих христиан, желавших поддержать религию со стороны государства и заставить их взаимно содействовать ее счастью. Главными чертами этого плана были сокращение епископств до того же числа, что и кафедр, соответствие церковного обложения гражданскому обложению, назначение епископов выборщиками, которые также выбирали депутатов и администраторов, подавление капитулов и замена викариев канониками; в нем не было ничего, что посягало бы на догматы или богослужение церкви. Долгое время епископы и другие церковные деятели назначались народом; что касается епархиальных пределов, то эта мера была чисто материальной и ни в коем случае не религиозной. Кроме того, она щедро обеспечивала содержание членов церкви, и если у высших сановников доходы сокращались, то у куры, составлявших самую многочисленную часть, они увеличивались.

Но нужен был предлог, и за гражданскую конституцию духовенства ухватились с готовностью. С самого начала дискуссии архиепископ Экса протестовал против принципов церковного комитета. По его мнению, назначение или отстранение епископов гражданской властью противоречило дисциплине; и когда декрет был поставлен на голосование, епископ Клермонский повторил принципы, выдвинутые архиепископом Экса, и покинул зал во главе всех несогласных членов. Декрет прошел, но духовенство объявило войну революции. С этого момента оно все теснее смыкалось с раскольничьим дворянством. Одинаково низведенные до общего состояния, оба привилегированных класса использовали все свои средства, чтобы остановить ход реформ.

Едва успели образоваться департаменты, как от них были посланы агенты, чтобы собрать выборщиков и попробовать новые кандидатуры. Они не надеялись добиться благоприятного выбора, а стремились разжечь рознь между собранием и департаментами. Этот проект был осужден с трибуны и провалился, как только о нем стало известно. Тогда его авторы приступили к другой работе. Срок, отведенный депутатам Генеральных штатов, истек, их полномочия были ограничены одним годом, в соответствии с желанием округов. Аристократы воспользовались этим обстоятельством, чтобы потребовать новых выборов в собрание. Если бы им удалось добиться этого, они получили бы большое преимущество, и с этой целью они сами апеллировали к суверенитету народа. "Без сомнения, - ответил Шапелье, - весь суверенитет принадлежит народу; но этот принцип не применим к данному случаю; было бы разрушением конституции и свободы возобновлять собрание до того, как конституция будет завершена. Именно на это надеются те, кто желает, чтобы свобода и конституция погибли, и чтобы мы стали свидетелями возвращения различия порядков, расточительности в государственных расходах и злоупотреблений, которые проистекают из деспотизма". В этот момент все взгляды обратились вправо и остановились на аббате Мори.

"Отправьте этих людей в Шатле, - резко крикнул тот, - или, если вы их не знаете, не говорите о них". "Конституция, - продолжал Шапелье, - может быть принята только одним собранием. Кроме того, прежних выборщиков больше не существует; бейливики поглощены департаментами, ордена больше не являются отдельными. Следовательно, пункт об ограничении власти не имеет смысла; поэтому будет противоречить конституции, если депутаты не сохранят свои места в этом собрании; их присяга предписывает им оставаться там, и общественные интересы требуют этого".

"Вы запутываете нас в софизмах, - ответил аббат Мори, - как давно мы являемся национальным конвентом? Вы говорите о клятве, которую мы дали 20 июня, не учитывая, что она не может ослабить клятву, которую мы дали нашим избирателям. Кроме того, господа, конституция завершена; вам остается только заявить, что король пользуется всей полнотой исполнительной власти. Мы собрались здесь с единственной целью - обеспечить французскому народу право влиять на его законодательство, утвердить принцип, согласно которому налогообложение должно осуществляться с согласия народа, и обеспечить нашу свободу. Да, конституция принята, и я буду выступать против любого указа, направленного на ограничение прав народа на своих представителей. Основатели свободы должны уважать свободу нации; нация выше всех нас, и мы уничтожаем свою власть, ограничивая власть нации".

Речь аббата Мори была встречена громкими аплодисментами правых. Мирабо немедленно взошел на трибуну. "Спрашивают, - сказал он, - как давно народные депутаты являются национальным собранием? Я отвечаю: с того дня, когда, обнаружив, что дверь их зала заседаний окружена солдатами, они пошли и собрались, где только могли, и поклялись скорее погибнуть, чем предать или отказаться от прав нации. Какими бы ни были наши силы, в тот день их природа изменилась; и какими бы силами мы ни пользовались, наши усилия и труды сделали их легитимными, а приверженность нации освятила их. Все вы помните высказывание великого человека древности, который пренебрег юридическими формами ради спасения своей страны. Призванный к трибуну, чтобы заявить, соблюдал ли он законы, он ответил: "Клянусь, я спас свою страну!" Господа, - воскликнул он, обращаясь к депутатам парламента, - клянусь, что вы спасли Францию!"

Затем собрание поднялось спонтанным движением и заявило, что сессия не закончится до тех пор, пока их задача не будет выполнена.

В то же время антиреволюционные усилия усиливались и без собрания. Были предприняты попытки соблазнить или дезорганизовать армию, но собрание приняло в этом отношении благоразумные меры. Оно завоевало расположение войск, обеспечив продвижение по службе независимо от двора и дворянских титулов. Граф д'Артуа и принц де Конде, удалившиеся в Турин после 14 июля, вели переписку с Лионом и югом; но эмигранты, не имея еще того внешнего влияния, которое они приобрели впоследствии в Кобленце, и не встречая внутренней поддержки, все их усилия были тщетны. Попытки восстания, зародившиеся среди духовенства Лангедока, имели столь же незначительный эффект. Они вызвали некоторые кратковременные волнения, но не привели к религиозной войне. Необходимо время, чтобы сформировать партию; еще больше времени требуется, чтобы побудить ее решиться на серьезные военные действия. Более практичной была идея похитить короля и доставить его в Перонн. Маркиз де Фаврас при поддержке Месье, брата короля, готовился к его осуществлению, когда об этом стало известно. Шатле приговорил к смерти этого бесстрашного авантюриста, который потерпел неудачу в своем предприятии, предприняв его с излишней демонстрацией. Бегство короля после октябрьских событий могло быть осуществлено только тайком, как это произошло впоследствии в Варенне.

Позиция двора была двусмысленной и неловкой. Он поощрял все антиреволюционные начинания и не заявлял о них; он как никогда чувствовал свою слабость и зависимость от собрания и, хотя и желал сбросить иго, боялся сделать попытку, поскольку успех представлялся ему затруднительным. Соответственно, она возбуждала оппозицию, открыто не сотрудничая с ней; с одними она мечтала о восстановлении древнего строя, с другими - лишь об изменении революции. Недавно Мирабо заключил с ней договор. Будучи одним из главных авторов реформ, он стремился придать им стабильность, сковав фракции. Его цель заключалась в том, чтобы склонить двор к революции, а не отдать революцию двору. Поддержка, которую он предлагал, была конституционной; он не мог предложить никакой другой; ведь его власть зависела от его популярности, а популярность - от его принципов. Но он был неправ, когда позволил купить ее. Если бы огромные нужды не заставили его принять деньги и продать свои советы, он был бы не более виноват, чем непреклонный Лафайет, Ламеты и жирондисты, которые последовательно вели с ним переговоры. Но ни один из них не завоевал доверия двора; он прибегал к ним только в крайних случаях. Их средствами он старался приостановить революцию, а средствами аристократии - уничтожить ее. Из всех народных вождей Мирабо имел, пожалуй, наибольший авторитет при дворе, потому что он был самым победоносным и обладал самым сильным умом.

В разгар этих интриг и заговоров собрание неустанно работало над конституцией. Оно приняло декрет о новой судебной организации Франции. Все новые магистратуры были временными. При абсолютной монархии вся власть исходила от трона, а все должностные лица назначались королем; при конституционной монархии вся власть исходила от народа, а должностные лица должны были назначаться им. Только трон передавался по наследству; остальные полномочия, не являясь собственностью ни человека, ни семьи, не были ни пожизненными, ни наследственными. Законодательство того периода зависело от одного единственного принципа - суверенитета нации. Судебные функции сами по себе имели изменчивый характер. Суд присяжных, демократический институт, ранее распространенный почти на всем континенте, но только в Англии уцелевший от посягательств феодализма и трона, был введен в уголовных делах. Для рассмотрения гражданских дел назначались специальные судьи. Были учреждены стационарные суды, два апелляционных суда для предотвращения ошибок и *кассационный суд*, призванный обеспечить сохранение защитных форм закона. Эта грозная власть, когда она исходит от трона, может быть независимой только потому, что она фиксирована; но она должна быть временной, когда она исходит от народа; потому что, завися от всех, она не зависит ни от кого.

В другом, не менее важном вопросе, праве заключать мир или войну, собрание решило новый и деликатный вопрос, и это было сделано уверенно, справедливо и быстро, после одного из самых ярких и красноречивых обсуждений, которые когда-либо отличали его заседания. Поскольку мир и война в большей степени зависели от действий, чем от воли, то, вопреки обыкновению, инициатива была передана королю. Тот, кто лучше всех мог судить о ее целесообразности, должен был предложить вопрос, но решение оставалось за законодательным органом.

Народный поток, вырвавшись наружу против древнего режима, постепенно утихал в своем русле; новые дамбы сдерживали его со всех сторон. Правительство революции быстро утверждалось. Собрание предоставило новому режиму своего монарха, свое национальное представительство, свое территориальное деление, свою вооруженную силу, свою муниципальную и административную власть, свои народные трибуналы, свою валюту, свое духовенство; оно договорилось о долгах и нашло средства восстановить собственность без всякой несправедливости.

Приближалось 14 июля: этот день народ считал годовщиной своего освобождения и готовился отпраздновать его с торжественностью, которая должна была возвысить души граждан и укрепить общие узы союза. На Марсовом поле была назначена конфедерация всего королевства, и там, под открытым небом, депутаты, посланные от восьмидесяти трех департаментов, национальные представители, парижская гвардия и монарх должны были принести присягу на верность конституции. В качестве прелюдии к этому патристическому празднику популярне представители дворянства предложили отменить титулы, и собрание стало свидетелем еще одного заседания, аналогичного тому, что состоялось 4 августа. Титулы, гербы, ливреи и рыцарские ордена были отменены 20 июня, и тщеславие, как и раньше, лишилось своих привилегий.

Это постановление установило повсеместное равенство и привело дела в соответствие со словами, уничтожив всю помпезную атрибутику других времен. Раньше титулы обозначали функции, гербы выделяли могущественные семьи, ливреи носили целые армии вассалов, рыцарские ордена защищали государство от иноземных врагов, Европу от исламизма, но теперь ничего этого не осталось. Титулы утратили свою истинность и пригодность; дворянство, перестав быть магистратурой, перестало быть даже украшением; власть, как и слава, отныне должна была происходить из плебейских рядов. Но независимо от того, придавала ли аристократия большее значение своим титулам, чем привилегиям, или же она только ждала предлога, чтобы открыто заявить о себе, эта последняя мера, как никакая другая, решила исход эмиграции и ее атаки. Она стала для дворянства тем же, чем гражданская конституция была для духовенства, - скорее поводом, чем причиной вражды.

Наступило 14 июля, и революция не раз становилась свидетелем таких славных дней - только погода не соответствовала этому великолепному празднику. Депутаты всех департаментов были представлены королю, который принял их с большим радушием; и он, со своей стороны, также встретил самые трогательные признания в любви, но уже как конституционный король. "Сир, - сказал глава бретонской депутации, опустившись на одно колено и поднося свою шпагу, - я вручаю вам в руки верный меч храбрых бретонцев: он будет покраснеть только от крови ваших врагов". Людовик XVI поднялся, обнял его и вернул шпагу. "Она не может быть в лучших руках, чем руки моих храбрых бретонцев", - ответил он; "Я никогда не сомневался в их верности и привязанности; заверьте их, что я отец и брат, друг всех французов". "Сир, - ответил депутат, - все французы любят и будут любить вас, потому что вы гражданин-король".

Конфедерация должна была состояться на Марсовом поле. Огромные приготовления едва ли были закончены вовремя; весь Париж уже несколько недель был занят тем, чтобы подготовить все к 14-му числу. В семь часов утра процессия выборщиков, представителей корпорации, президентов округов, национального собрания, парижской гвардии, депутатов армии и федератов департаментов в полном порядке отправилась от здания Бастилии. Присутствие всех этих национальных корпусов, развевающиеся знамена, патристические надписи, разнообразные костюмы, звуки музыки, радость толпы - все это делало шествие самым впечатляющим. Она прошла через весь город и пересекла Сену под залпы артиллерии по мосту из лодок, переброшенных через нее накануне. Она вошла на Марсово поле под триумфальной аркой, украшенной патристическими надписями. Каждый корпус занял отведенную ему позицию в отличном порядке и под крики аплодисментов.

Огромное пространство Марсова поля было окружено возвышенными сиденьями из дерна, на которых расположились четыреста тысяч зрителей. В центре был воздвигнут античный

алтарь, а вокруг него, на огромном амфитеатре, расположились король, его семья, собрание и корпорация. Федераты департаментов выстроились в ряд под своими знаменами; депутаты армии и национальной гвардии стояли в своих рядах и под своими прапорщиками. Епископ Аутунский взошел на алтарь в понтификальном облачении; четыреста священников в белых коптах, украшенных струящимися трехцветными поясами, были расставлены по четырем углам алтаря. Месса была отслужена под звуки военной музыки; затем епископ Аутунский благословил орифламм и восемьдесят три знамени.

В огромном помещении воцарилась глубокая тишина, и Лафайет, назначенный в этот день главнокомандующим всех национальных гвардейцев королевства, первым вышел вперед, чтобы принести гражданскую присягу. Поднесенный на руках гренадеров к алтарю страны, он под одобрительные возгласы народа громко воскликнул от своего имени и от имени федератов и войск: "Мы клянемся в вечной верности нации, закону и королю; поддерживать всеми силами конституцию, постановленную Национальным собранием и принятую королем, и оставаться связанными с каждым французом нерасторжимыми узами братства". После этого раздались пушечные выстрелы, продолжительные крики "Да здравствует нация!". "Да здравствует король!" и звуки музыки, смешавшиеся в воздухе. Председатель национального собрания принес ту же клятву, и все депутаты повторили ее в один голос. Затем Людовик XVI поднялся и произнес: "Я, король французов, клянусь использовать всю власть, делегированную мне конституционным актом государства, для поддержания конституции, установленной Национальным собранием и принятой мной". Королева, увлеченная энтузиазмом момента, поднялась, подняла дофина на руки и, показывая его народу, воскликнула: "Вот мой сын, он разделяет со мной те же чувства". В этот момент знамена были опущены, раздались аплодисменты народа, подданные поверили в искренность монарха, монарх - в привязанность подданных, и этот счастливый день завершился благодарственным гимном.

Праздники конфедерации затянулись на несколько дней. Иллюминации, балы и спортивные состязания устраивались городом Парижем для депутатов департаментов. Бал проходил на месте, где за год до этого стояла Бастилия; решетки, оковы, руины виднелись то тут, то там, а на двери красовалась надпись " *Ici on danse* ", что разительно контрастировало с древним предназначением этого места. Современник отмечает: "Они действительно танцевали с радостью и безопасностью на земле, где было пролито столько слез; где так часто стонали мужество, гений и невинность; где так часто заглушались крики отчаяния". В память о конфедерации была отчеканена медаль, а по окончании празднеств депутаты вернулись в свои департаменты.

Конфедерация лишь приостановила вражду партий. Мелкие интриги возобновились как в собрании, так и за его пределами. Герцог Орлеанский вернулся из своей миссии, или, говоря более строго, из изгнания. Расследование событий 5 и 6 октября, в которых его и Мирабо обвиняли как авторов, проводилось следствием Шатле, которое было приостановлено, но теперь возобновилось. Этим нападением суд вновь продемонстрировал свою непредусмотрительность; ведь ему следовало доказать обвинение или не выдвигать его. Собрание, решив выдать виновных, если бы таковые нашлись, заявило, что нет оснований для продолжения дела; а Мирабо, выступив с резким осуждением всего дела, заставил правых замолчать и таким образом триумфально отступил от обвинения, которое было выдвинуто специально для того, чтобы запугать его.

Они напали не только на нескольких депутатов, но и на само собрание. Суд интриговал против него, но правые довели дело до преувеличения. "Нам нравятся его декреты, - говорил аббат Мори, - мы хотим еще три или четыре таких же". Наемные пасквилянты продавали у

самых его дверей газеты, призванные лишить его уважения народа; министры порицали и препятствовали его прогрессу. Неккер, которого все еще преследовали воспоминания о его прежнем возвышении, обращался к нему с меморандумами, в которых выступал против его постановлений и давал ему советы. Этот министр не мог привыкнуть к второстепенной роли: он не хотел вписываться в крутые планы собрания, столь противоречившие его представлениям о постепенной реформе. В конце концов, убедившись или устав от бесполезности своих усилий, он покинул Париж, подав в отставку 4 сентября 1790 года, и безвестно проехал по тем провинциям, через которые за год до этого прошел с триумфом. Во время революций людей легко забыть, ведь нация видит многих на своем разнообразном пути. Чтобы они не казались нам неблагодарными, мы ни на мгновение не должны переставать служить им по их собственному желанию.

С другой стороны, дворянство, нашедшее новый повод для недовольства в отмене титулов, продолжало свои антиреволюционные усилия. Не сумев возбудить народ, который по своему положению находил недавние перемены весьма выгодными, оно прибегло к средствам, которые считало более надежными; оно покинуло королевство, намереваясь вернуться туда со всей Европой в качестве вооруженного союзника; но в ожидании организации системы эмиграции, в ожидании появления иностранных врагов революции, оно продолжало возбуждать врагов ее во внутренних областях королевства. Войска, как мы уже отмечали, уже некоторое время подвергались разным видам вмешательства. Новый военный кодекс был благоприятен для солдат; продвижение по службе, ранее предоставлявшееся дворянам, теперь осуществлялось по старшинству. Большинство офицеров были приверженцами старого режима, и они не скрывали этого. Вынужденные принести ставшую общей присягу, клятву верности нации, закону и королю, одни покидали армию и увеличивали число эмигрантов, другие пытались привлечь солдат на свою сторону.

К их числу принадлежал и генерал Буйе. Долго отказываясь принести гражданскую присягу, он, наконец, сделал это с таким намерением. Под его командованием находилось многочисленное войско у северной границы; он был умен, решителен, привязан к королю, противник революции, какой она тогда стала, хотя и друг реформ; это обстоятельство впоследствии вызвало подозрения в Кобленце. Он держал свою армию в изоляции от горожан, чтобы она оставалась верной и не заразилась духом неповиновения, который они передавали войскам. Благодаря умелому руководству и превосходному уму ему также удалось сохранить доверие и привязанность своих солдат. В других местах дело обстояло иначе. Офицеры были объектом всеобщей неприязни; их обвиняли в том, что они уменьшают жалование и не заботятся о основной массе войск. Преобладающие мнения также имели отношение к этому недовольству. Совокупность этих причин привела к восстаниям среди солдат; восстание в Нанси в августе 1790 года вызвало большую тревогу и стало почти сигналом к началу гражданской войны. Три полка, полки Шатовье, мэтра де Кампа и полк самого короля, восстали против своих начальников. Буйе было приказано выступить против них; он сделал это во главе гарнизона и национальной гвардии Меца. После оживленной перестрелки он покорила их. Собрание поздравило его; но Париж, видевший в Буйе заговорщика, был ввергнут в новое волнение этим известием. Собрались толпы людей, и с шумом требовали отрешения от должности министров, отдавших Буйе приказ идти на Нанси. Лафайету, однако, удалось утихомирить это волнение при поддержке собрания, которое, оказавшись между контрреволюцией и анархией, противостояло обоим с одинаковой мудростью и мужеством.

Аристократия торжествовала при виде трудностей, которые ставили собрание в тупик. Они представляли, что будут вынуждены зависеть от толпы или полностью лишатся ее

поддержки; и в любом случае возврат к древнему режиму представлялся им коротким и легким. Духовенство внесло свою лепту в эту работу. Продажа церковного имущества, которой оно всячески препятствовало, была осуществлена по более высокой цене, чем установленная. Народ, освобожденный от десятины и успокоенный в отношении государственного долга, был далек от того, чтобы прислушиваться к гневным предложениям священников; поэтому они воспользовались гражданской конституцией духовенства, чтобы возбудить раскол. Мы видели, что это постановление собрания не затрагивало ни дисциплины, ни вероучения церкви. Король санкционировал его 26 декабря; но епископы, стремившиеся прикрыть свои интересы мантией религии, заявили, что он посягает на духовную власть. Папа, проконсультировавшись по поводу этой чисто политической меры, отказался дать свое согласие на нее, которого так добивался король, и поощрял оппозицию священников. Последние решили, что не согласятся на установление гражданской конституции; что те из них, кто может быть подавлен, будут протестовать против этого неканонического акта, что все епископства, созданные без согласия папы, должны быть недействительными, и что митрополиты должны отказывать в учреждении епископов, назначенных по гражданским формам.

Собрание укрепило эту лигу, попытавшись сорвать ее. Если бы, вопреки их истинному желанию, оно оставило раскольников священников при себе, они бы не нашли элементов религиозной войны. Но собрание постановило, что церковники должны поклясться в верности народу, закону и королю и поддерживать гражданскую конституцию духовенства. Отказ от этой клятвы должен был сопровождаться заменой других лиц в их епископствах и кюре. Собрание надеялось, что высшее духовенство из интереса, а низшее - из честолюбия примут эту меру.

Епископы, напротив, полагали, что все церковники последуют их примеру и, отказавшись от присяги, оставят государство без общественного богослужения, а народ - без священников. Результат удовлетворил ожидания обеих сторон; большинство епископов и кюре в собрании отказались принести присягу, но несколько епископов и многие кюре приняли ее. Раскольники были лишены сана, и выборщики назначили им преемников, которые получили каноническое посвящение от епископов Аутуна и Лиды. Но лишенные сана церковники отказались отказаться от своих функций и объявили своих преемников злоумышленниками, таинства, совершаемые ими, недействительными, а всех христиан, которые осмелились бы их признать, отлучили от церкви. Они не покидали своих епархий; они издавали обвинительные акты и возбуждали народ к неповиновению законам; так дело частных интересов превратилось сначала в вопрос религии, а затем в вопрос партии. Существовали две группы духовенства, одна конституционная, другая рефракционная; у каждой из них были свои приверженцы, и они относились друг к другу как мятежники и еретики. В зависимости от страсти или интереса, религия становилась инструментом или препятствием; и пока священники делали фанатиков, революция делала неверных. Народ, еще не зараженный этой болезнью высших классов, потерял, особенно в городах, веру своих отцов из-за неосмотрительности тех, кто поставил их между революцией и религией. "Епископы, - говорит маркиз де Феррьер, которого никто не заподозрит, - отказывались вступать в какие бы то ни было соглашения и своими виновными интригами закрывали все пути к примирению; принося католическую религию в жертву безумному упрямству и позорной привязанности к своему богатству".

Каждая партия стремилась заполучить народ; его обхаживали как суверена. После попыток повлиять на него с помощью религии было использовано другое средство - клубы. В тот период клубы представляли собой частные собрания, на которых обсуждались меры

правительства, дела государства и постановления собрания; их обсуждения не имели авторитета, но оказывали определенное влияние. Первый клуб был обязан своим появлением бретонским депутатам, которые уже собирались в Версале, чтобы обсудить дальнейшие действия. Когда национальные представители были переведены из Версаля в Париж, бретонские депутаты и те члены собрания, которые придерживались их взглядов, проводили свои заседания в старом монастыре якобинцев, который впоследствии дал название их собраниям. Поначалу он не переставал быть подготовительным собранием, но со временем, как и все остальное, якобинский клуб не ограничился влиянием на собрание; он стремился также влиять на муниципалитет и народ и принимал в свои ряды членов муниципалитета и простых граждан. Его организация становилась все более регулярной, его действия - все более мощными; о его заседаниях регулярно писали газеты; он создал филиалы клуба в провинциях и поднял рядом с легальной властью другую силу, которая сначала консультировала, а затем руководила им.

Якобинский клуб, утративший свой примитивный характер и превратившийся в народное собрание, был оставлен частью его основателей. Последние основали другое общество по плану старого, под названием "Клуб 89-го года". Съез, Шапелье, Лафайет, Ларошфуко руководили им, как Ламет и Барнав руководили клубом якобинцев. Мирабо принадлежал к обоим, и оба были одинаково обхаживаемы. Эти клубы, один из которых преобладал в собрании, а другой - в народе, были привязаны к новому порядку вещей, хотя и в разной степени. Аристократия стремилась атаковать революцию собственным оружием; она открыла роялистские клубы, чтобы противостоять народным клубам. Первый клуб, созданный под названием "*Клуб импартийцев*", не смог продержаться долго, потому что не ориентировался ни на одно из сословий. Появившись вновь под названием "*Монархический клуб*", он включил в число своих членов всех тех, чьи взгляды он представлял. Он стремился сделать себя популярным среди низших классов и раздавал хлеб, но народ далеко не всегда принимал его предложения, считая подобные заведения контрреволюционным движением. Народ срывал их заседания и вынуждал несколько раз менять место встречи. В конце концов, в январе 1791 года муниципальные власти были вынуждены закрыть этот клуб, ставший причиной нескольких беспорядков.

Недоверие толпы было крайне велико; отъезд теток короля, которому она придавала преувеличенное значение, усилил ее беспокойство и заставил предположить, что готовится еще один отъезд. Эти подозрения были небезосновательны, и они вызвали своего рода восстание, которое антиреволюционеры пытались обратить в свою пользу, свергнув короля. Этот проект провалился благодаря решимости и мастерству Лафайета. В то время как толпа отправилась в Венсенн, чтобы разрушить подземелье, которое, по их мнению, сообщалось с Тюильри и способствовало бегству короля, более шестисот человек, вооруженных шпагами и кинжалами, вошли в Тюильри, чтобы принудить короля к бегству. Лафайет, который отправился в Венсенн, чтобы разогнать толпу, вернулся, чтобы подавить антиреволюционеров в замке, разогнав толпу народной партии, и этой второй экспедицией он вернул себе доверие, которого лишил его первая.

Эта попытка сделала бегство Людовика XVI более опасным, чем когда-либо. Поэтому через некоторое время после этого, когда он захотел отправиться в Сен-Клу, ему помешала толпа и даже его собственная гвардия, несмотря на усилия Лафайета, который пытался заставить их уважать закон и свободу монарха. Собрание, приняв решение о неприкосновенности принца, регламентировав его конституционную гвардию и поручив регентство ближайшему наследнику короны мужского пола, заявило, что его бегство из королевства приведет к свержению с престола. Растущая эмиграция, открытое заявление о ее целях, угрожающее

отношение европейских кабинетов - все это внушало опасения, что король может принять такое решение.

Тогда собрание впервые попыталось остановить эмиграцию указом; но этот указ представлял собой сложный вопрос. Если они наказывали тех, кто покидал королевство, то нарушали максимы свободы, свято соблюдаемые декларацией прав; если они не создавали препятствий для эмиграции, то ставили под угрозу безопасность Франции, поскольку дворяне покидали ее только для того, чтобы вторгнуться в нее. В собрании, если отбросить тех, кто выступал за эмиграцию, одни смотрели только на право, другие - только на опасность, и каждый вставал на сторону ограничительного закона или выступал против него, в зависимости от того, как он смотрел на предмет. Те, кто хотел принять закон, желали, чтобы он был мягким; но в такой момент мог быть осуществим только один закон, и собрание уклонилось от его принятия. Этот закон, по произвольному распоряжению комитета из трех членов, должен был вынести беглецу приговор о гражданской смерти и конфискации его имущества. "Ужас, выраженный при чтении этого проекта, - воскликнул Мирабо, - доказывает, что этот закон достоин быть помещенным в кодекс Драко и не может найти места среди декретов национального собрания Франции. Я заявляю, что буду считать себя освобожденным от всех клятв верности, которые я давал тем, кто может оказаться настолько бесчестным, чтобы выдвинуть диктаторскую комиссию. Популярность, которой я жажду и которой имею честь пользоваться, - это не слабый тростник; я хочу, чтобы она пустила корни в почву, основанную на справедливости и свободе". Внешнее положение еще не было достаточно тревожным для принятия такой меры безопасности и революционной защиты.

Мирабо недолго пользовался популярностью, в которой, по его мнению, он был так уверен. Это было последнее заседание, на котором он присутствовал. Через несколько дней после этого он закончил жизнь, измученную страстями и трудом. Его смерть, случившаяся 2 марта 1791 года, была воспринята как общественное бедствие; весь Париж присутствовал на его похоронах; по всей Франции был объявлен всеобщий траур, а его останки были помещены в усыпальницу, которая только что была освящена *великими людьми* во имя *святого отечества*. Никто не сменил его во власти и популярности; долгое время во время трудных дискуссий взоры собравшихся обращались к тому месту, откуда они привыкли слышать властное красноречие, завершавшее их прения. Мирабо, оказавший помощь революции своей смелостью в периоды испытаний и своими мощными рассуждениями после ее победы, умер в свое время. Он вынашивал грандиозные планы; он хотел укрепить трон и упрочить революцию - две задачи, чрезвычайно трудные в такое время. Следует опасаться, что королевская власть, если бы он сделал ее независимой, подавила бы революцию; или, если бы он потерпел неудачу, революция подавила бы королевскую власть. Возможно, невозможно преобразовать древнюю власть в новый порядок; возможно, революция должна затянуться, чтобы стать легитимной, а трон, по мере его восстановления, приобрел новизну других институтов.

С 5 и 6 октября 1789 года по апрель 1791 года Национальное собрание завершило реорганизацию Франции; двор предался мелким интригам и проектам бегства; привилегированные классы искали новые средства власти, которые у них последовательно отнимали те, которыми они владели раньше. Они использовали все возможности для беспорядков, которые предоставляли им обстоятельства, чтобы атаковать новый режим и восстановить старый с помощью анархии. При открытии судебных инстанций дворянство вызвало протест Палаты отпусков; когда были упразднены провинции, оно заставило протестовать орден. Как только были образованы департаменты, оно пыталось провести новые выборы; когда истек срок действия старых актов, оно добивалось роспуска собрания;

когда был принят новый военный кодекс, оно старалось возбудить дезертирство офицеров; наконец, когда все эти средства противодействия не привели к успеху его замыслов, оно эмигрировало, чтобы возбудить Европу против революции. Духовенство, недовольное потерей своих владений еще больше, чем церковной конституцией, стремилось уничтожить новый порядок мятежами, а мятежи вызвать расколом. Таким образом, именно в эту эпоху партии постепенно разобщались, а два враждебных революции класса готовили элементы гражданской и внешней войны.

ГЛАВА IV

С АПРЕЛЯ 1791 ГОДА ПО 3 СЕНТЯБРЯ. КОНЕЦ УЧРЕДИТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ

Французская революция должна была изменить политическое состояние Европы, прекратить распри королей между собой и начать распри между королями и народом. Это произошло бы гораздо позже, если бы короли сами не спровоцировали ее. Стремясь подавить революцию, они расширили ее, ибо, напав на нее, они должны были сделать ее победоносной. Европа тогда подошла к сроку существования политической системы, которая ее поколебала. Политическая деятельность нескольких государств, которая была внутренней при феодальном правлении, стала внешней при монархическом. Первый период закончился почти одновременно у всех великих народов Европы. Тогда короли, которые так долго враждовали со своими вассалами, потому что находились в соприкосновении с ними, столкнулись друг с другом на границах своих королевств и стали воевать. Поскольку ни одно господство не могло стать всеобщим, ни господство Карла V, ни господство Людовика XIV, слабые всегда объединялись против сильных, после нескольких превратностей первенства и союзов установилось своего рода европейское равновесие. Чтобы оценить последующие события, я предлагаю рассмотреть это равновесие до революции.

Австрия, Англия и Франция были, начиная с Вестфальского мира и до середины восемнадцатого века, тремя великими державами Европы. Интерес объединил двух первых против третьей. Австрия имела основания опасаться влияния Франции в Нидерландах; Англия боялась ее на море. Соперничество в силе и торговле часто ставило их в тупик, и они стремились ослабить или ограбить друг друга. Испания, с тех пор как на троне оказался принц из дома Бурбонов, была союзницей Франции против Англии. Однако это была падшая держава: ограниченная углом континента, угнетенная системой Филиппа II, лишенная Семейным договором единственного врага, который мог бы удержать ее в действии, только на море она сохранила хоть что-то из своего древнего превосходства. Но у Франции были и другие союзники по обе стороны от Австрии: Швеция на севере, Польша и Порта на востоке, на юге Германии - Бавария, Пруссия на западе, а в Италии - Неаполитанское королевство. Эти державы, имевшие основания опасаться посягательств Австрии, естественно, были союзниками ее врага. Пьемонт, оказавшийся между двумя системами союзов, в зависимости от обстоятельств и своих интересов принимал то одну, то другую сторону. Голландия объединялась то с Англией, то с Францией, в зависимости от того, какая партия преобладала в республике - статхольдеров или народа. Швейцария придерживалась нейтралитета.

В последней половине восемнадцатого века на севере возвысились две державы - Россия и Пруссия. Последняя превратилась из простого курфюршества в важное королевство благодаря Фридриху-Вильгельму, который дал ей сокровища и армию, и его сыну Фридриху Великому, который воспользовался ими для расширения своей территории. Россия, долгое время не связанная с другими государствами, была особенно активно введена в европейскую политику Петром I и Катариной II. Присоединение этих двух держав

значительно изменило древние союзы. В 1772 году Россия и Пруссия в согласии с Венским кабинетом произвели первый раздел Польши, а после смерти Фридриха Великого императрица Катарина и император Иосиф в 1785 году объединились для осуществления раздела европейской Турции.

Версальский кабинет, ослабленный после неосторожной и неудачной Семилетней войны, содействовал разделу Польши, не выступая против него, не создал препятствий для падения Оттоманской империи и даже позволил своему союзнику, республиканской партии в Голландии, погибнуть под ударами Пруссии и Англии, не оказав ей помощи. Эти державы в 1787 году силой восстановили наследственный штатгальтерство Соединенных провинций. Единственным актом, сделавшим честь французской политике, была поддержка, которую она с радостью оказала эмансипации Северной Америки. Революция 1789 года, расширив моральное влияние Франции, еще больше уменьшила ее дипломатическое влияние.

Англия, под руководством молодого Питта, в 1788 году была встревожена амбициозными проектами России и объединилась с Голландией и Пруссией, чтобы положить им конец. Военные действия были уже на грани начала, когда в феврале 1790 года умер император Иосиф, и его сменил Леопольд, который в июле принял Рейхенбахскую конвенцию. Эта конвенция, при посредничестве Англии, России и Голландии, определила условия мира между Австрией и Турцией, который был окончательно подписан 4 августа 1791 года в Систове; в то же время она предусматривала умиротворение Нидерландов. По настоянию Англии и Пруссии Катарина II также заключила мир с Портой в Яссах 29 декабря 1791 года. Эти переговоры и заключенные на их основе договоры положили конец политической борьбе XVIII века и позволили державам обратить свое внимание на Французскую революцию.

Князья Европы, у которых до сих пор не было врагов, кроме них самих, рассматривали ее в свете общего врага. Старинные отношения войны и союза, уже забытые во время Семилетней войны, теперь полностью прекратились: Швеция объединилась с Россией, а Пруссия с Австрией. Теперь не было ничего, кроме королей с одной стороны и народа с другой, ожидавшего вспомогательных средств, которые могли бы дать ему пример или недостатки князей. Вскоре была создана общая коалиция против французской революции. Австрия участвовала в ней с надеждой на обогащение, Англия - чтобы отомстить за американскую войну и уберечь себя от духа революции, Пруссия - чтобы укрепить угрожаемую абсолютную власть и выгодно задействовать свою безработную армию, немецкие государства - чтобы восстановить феодальные права некоторых своих членов, которые были лишены их в результате отмены старого режима в Эльзасе; Шведский король, ставший защитником произвола, чтобы восстановить его во Франции, как он только что сделал это в своей стране; Россия, чтобы без труда осуществить раздел Польши, в то время как внимание Европы было обращено на другие страны; наконец, все государи дома Бурбонов, из интересов власти и семейных привязанностей. Эмигранты поощряли их в этих проектах и подстрекали к вторжению. По их мнению, Франция была без армии или, по крайней мере, без вождей, без денег, предавалась беспорядкам, устала от собраний, была настроена против старого режима и не имела ни средств, ни склонности к самозащите. Они стекались толпами, чтобы принять участие в обещанной короткой кампании, и объединялись в организованные отряды под командованием принца де Конде в Вормсе и графа д'Артуа в Кобленце.

Граф д'Артуа особенно спешил с определением кабинетов. Император Леопольд находился в Италии, и граф отправился к нему с Калонном в качестве министра и графом Альфонсом де Дюрфором, который был его посредником при дворе Тюильри и привез ему полномочия

короля для переговоров с Леопольдом. Конференция состоялась в Мантуе, после чего граф де Дюрфор вернулся и передал Людовику XVI от имени императора секретную декларацию, в которой ему объявлялось о скорой помощи коалиции. Австрия должна была выдвинуть тридцать пять тысяч человек на границу Фландрии; германские государства - пятнадцать тысяч на Эльзас; швейцарцы - пятнадцать тысяч на лионскую границу; король Сардинии - пятнадцать тысяч на границу Дофине; Испания должна была увеличить свою армию в Каталонии до двадцати тысяч; Пруссия была расположена в пользу коалиции, а король Англии должен был принять в ней участие в качестве курфюрста Ганновера. Все эти войска должны были двинуться одновременно, в конце июля; тогда Бурбонский дом должен был заявить протест, а державы - опубликовать манифест; до тех пор, однако, необходимо было держать замысел в тайне, избегать всякого частичного восстания и не предпринимать попыток к бегству. Таков был результат конференций в Мантуе 20 мая 1791 года.

Людовик XVI, то ли из желания не отдавать себя полностью на милость иностранных держав, то ли опасаясь преобладания графа д'Артуа, если он вернется во главе победоносных эмигрантов, над созданным им правительством, предпочел восстановить правительство в одиночку. В лице генерала Буйе он нашел преданного и умелого партизана, который одновременно осуждал и эмиграцию, и собрание и обещал ему убежище и поддержку в своей армии. В течение некоторого времени между ним и королем велась тайная переписка. Буйе подготовил все необходимое для его приема. Он разбил лагерь в Монмеди под предлогом движения враждебных войск на границе; он разместил отряды на пути, которым должен был следовать король, чтобы служить ему для сопровождения, и, поскольку для этих мер был необходим мотив, он заявил, что это защита денег, отправленных для оплаты войск.

Королевская семья со своей стороны делала все приготовления к отъезду; об этом было известно очень немногим, и никакие меры не выдавали ее. Людовик XVI и королева, напротив, придерживались линии поведения, рассчитанной на то, чтобы заглушить подозрения; в ночь на 20 июня они вышли в назначенный час из замка, один за другим, переодетые. Таким образом они ускользнули от бдительности стражи, добрались до бульвара, где их ждала карета, и отправились по дороге в Шалон и Монмеди.

На следующий день весть об этом побеге повергла Париж в смятение; возмущение вскоре стало преобладающим чувством; собрались толпы, и беспорядки усилились. Тех, кто не предотвратил бегство, обвинили в пособничестве ему. Ни Байи, ни Лафайет не избежали всеобщего недоверия. Это событие считалось предвестником вторжения во Францию, триумфа эмигрантов, возвращения древнего режима и долгой гражданской войны. Но поведение собрания вскоре вернуло общественному мнению спокойствие и безопасность. Оно приняло все меры, которых требовала столь сложная конъюнктура. Оно созвало к себе министров и власти; успокоило народ прокламацией; приняло надлежащие меры предосторожности для обеспечения общественного спокойствия; взяло в свои руки исполнительную власть, поручив Монморину, министру иностранных дел, сообщить европейским державам о своих мирных намерениях; послало комиссаров, чтобы заручиться благосклонностью войск и получить их присягу, принесенную уже не именем короля, а именем собрания, и, наконец, издало через департаменты приказ об аресте любого, кто попытается покинуть королевство. "Таким образом, менее чем за четыре часа, - пишет маркиз де Феррьер, - собрание получило всевозможные полномочия. Правительство продолжало действовать; общественное спокойствие не испытало ни малейшего потрясения; а Париж и Франция узнали из этого опыта, столь рокового для королевской власти, что монарх почти всегда является чужаком в правительстве, существующем от его имени".

Тем временем Людовик XVI и его семья приближались к завершению своего путешествия. Успех первых дней путешествия, все большее удаление от Парижа сделали короля менее сдержанным и более уверенным; он имел неосторожность показаться, был узнан и арестован в Варенне 21-го числа. Национальная гвардия мгновенно взялась за оружие; офицеры отрядов, отправленных Буйе, тщетно пытались спасти короля; драгуны и гусары боялись или отказывались поддержать их. Буйе, узнав об этом роковом событии, поспешил во главе полка кавалерии. Но было уже поздно; добравшись до Варенна, он обнаружил, что король покинул его за несколько часов до этого; его эскадроны устали и отказывались идти вперед. Национальная гвардия была со всех сторон под оружием, и после провала его предприятия ему не оставалось ничего другого, как оставить армию и покинуть Францию.

Собрание, узнав об аресте короля, послало к нему в качестве уполномоченных трех своих членов - Петиона, Латур-Мобура и Барнава. Они встретились с королевской семьей в Эперне и вернулись вместе с ней. Именно во время этого путешествия Барнав, тронутый добрым чувством Людовика XVI, очарованием Марии-Антуанетты и судьбой этой падшей семьи, проникся к ней искренним интересом. С этого дня он стал оказывать ей постоянную помощь и поддержку. Прибыв в Париж, королевская чета прошла через огромную толпу, которая не выражала ни аплодисментов, ни ропота, но хранила укоризненное молчание.

Король был временно отстранен от дел: к нему приставили стражу, как и к королеве; были назначены комиссары для его допроса. Волнение охватило все партии. Одни хотели сохранить короля на троне, несмотря на его бегство; другие утверждали, что он отрекся от престола, осудив в манифесте, обращенном к французам при его отъезде, как революцию, так и действия, исходившие от него в течение того периода, который он называл временем пленения.

Республиканская партия начала проявлять себя. До сих пор она оставалась либо зависимой, либо скрытой, потому что не имела собственного существования, либо потому, что ей нужен был предлог, чтобы проявить себя. Борьба, которая сначала шла между собранием и двором, затем между конституционалистами и аристократами, а впоследствии между самими конституционалистами, теперь должна была начаться между конституционалистами и республиканцами. Во времена революции такой ход событий неизбежен. Сторонники вновь установленного порядка встретились и отказались от разногласий, которые вредили их делу, даже пока собрание было всесильным, но которые стали крайне опасными, когда партия эмиграции угрожала ей с одной стороны, а народ - с другой. Мирабо больше не было. Центр, на который опирался этот могущественный человек и который составлял наименее честолобивую часть собрания, наиболее привязанную к принципам, мог, присоединившись к Ламеттам, восстановить Людовика XVI и конституционную монархию и составить грозную оппозицию народному буйству.

Этот союз состоялся; партия Ламетов пришла к соглашению с Андре и главными членами Центра, сделала предложения двору и открыла клуб фельянов в противовес клубу якобинцев. Но последним не нужны были лидеры; при Мирабо они боролись с Мунье, при Ламетах - с Мирабо, при Петионе и Робеспьере - с Ламетами. Партия, желавшая второй революции, постоянно поддерживала самых крайних участников уже свершившейся революции, потому что это приближало борьбу и победу. В этот период из подчиненной она стала независимой; она боролась уже не за других и не за свои мнения, а за себя и под своим знаменем. Двор, своими многочисленными проступками, неосмотрительными махинациями и, наконец,

бегством монарха, дал ему своего рода власть заявить о своей цели; а Ламеты, оставив его, предоставили его истинным вождям.

Ламеты, в свою очередь, подверглись упрекам со стороны толпы, которая видела только их союз с двором, не рассматривая его условий. Но, поддержанные всеми конституционалистами, они были сильнее всех в собрании; они сочли необходимым как можно скорее утвердить короля, чтобы положить конец спорам, угрожавшим новому порядку, разрешив общественной партии требовать отмены королевской власти на время ее приостановки. Комиссары, назначенные для допроса Людовика XVI, продиктовали ему декларацию, которую от его имени представили собранию и которая изменила пагубные последствия его бегства. Докладчик объявил от имени семи комитетов, которым было поручено рассмотрение этого великого вопроса, что нет никаких оснований для привлечения Людовика XVI к суду или для объявления о его свержении с престола. Дискуссия, последовавшая за этим докладом, была долгой и оживленной; усилия республиканской партии, несмотря на их настойчивость, не увенчались успехом. Выступило большинство ораторов; они требовали низложения или регентства, то есть народного правительства или приближения к нему. Барнав, встретив все их аргументы, закончил свою речь такими замечательными словами: "Регенераторы империи, следуйте своим курсом без отклонений. Вы доказали, что у вас хватило мужества уничтожить злоупотребления властью; вы доказали, что у вас есть все необходимое, чтобы заменить их мудрыми и хорошими институтами; докажите теперь, что у вас хватит мудрости защитить и сохранить их. Нация только что продемонстрировала свою силу и мужество; она торжественно и спонтанно показала все, что могла противопоставить нападкам, которые ей угрожали. Продолжайте те же меры предосторожности; пусть наши границы, пусть наши рубежи будут мощно защищены. Но, демонстрируя нашу силу, давайте также докажем нашу умеренность; давайте представим мир миру, встревоженному событиями, происходящими среди нас; давайте представим повод для триумфа всем тем, кто в чужих странах проявил интерес к нашей революции. Они взывают к нам со всех сторон: вы могущественны; будьте мудры, будьте умеренны, и в этом будет заключаться ваша высшая слава. Так вы докажете, что в различных обстоятельствах можно использовать различные средства, таланты и добродетели".

Собрание встало на сторону Барнава. Но чтобы умиротворить народ и обеспечить будущую безопасность Франции, оно постановило, что король будет считаться отрекшимся от престола *de facto*, если откажется от клятвы, данной им конституции; если он возглавит армию с целью ведения войны против нации или позволит кому-либо сделать это от его имени; и что в таком случае, став простым гражданином, он перестанет быть неприкосновенным и может нести ответственность за действия, совершенные после его отречения.

В день, когда этот декрет был принят собранием, лидеры республиканской партии возбудили против него толпу. Но зал, в котором заседало собрание, был окружен национальной гвардией, и его нельзя было ни атаковать, ни запугать. Не имея возможности помешать принятию декрета, агитаторы возбудили против него народ. Они составили петицию, в которой отрицали компетенцию собрания, апеллировали к суверенитету нации, рассматривали Людовика XVI как низложенного с момента его бегства и требовали заменить его. Эта петиция, составленная Бриссо, автором "*Французского патриота*" и президентом Парижского комитета исследований, была поднесена 17 июля к алтарю страны на Марсовом поле: огромная толпа стекалась, чтобы подписать ее. Собрание, осведомленное о происходящем, созвало к себе муниципальные власти и приказало им сохранять

общественное спокойствие. Лафайет выступил против толпы, и в первом случае ему удалось рассеять ее без кровопролития. Муниципальные чиновники разместились в Инвалидах, но в тот же день толпа вернулась в большем количестве и с большей решимостью. Дантон и Камиль Десмулен провозглашали свои речи с алтаря страны. Двое инвалидов, которых считали шпионами, были убиты, а их головы насажены на пики. Восстание приобрело угрожающий характер. Лафайет снова отправился на Марсово поле во главе двенадцати сотен национальной гвардии. Байи сопровождал его и приказал развернуть красное знамя. Тогда толпу призвали разойтись во имя закона; она отказалась уйти и, презирая власть, кричала: "Долой красный флаг!" и атаковала национальную гвардию камнями. Лафайет приказал своим людям стрелять, но в воздух. Толпу это не устрасило, и она возобновила атаку; вынужденный упорством повстанцев, Лафайет приказал сделать еще один выстрел, настоящий и эффективный. Перепуганная толпа бежала, оставив на поле боя множество убитых. Беспорядки прекратились, порядок был восстановлен, но кровь лилась рекой, и народ так и не простил ни Бейли, ни Лафайету жестокой необходимости, до которой их довела толпа. Это был обычный бой, в котором республиканская партия, еще недостаточно сильная и устоявшаяся, потерпела поражение от партии конституционной монархии. Попытка захвата Марсова поля стала прелюдией народных движений, которые привели к 10 августа.

Пока все это происходило в собрании и в Париже, эмигранты, которых бегство Людовика XVI воодушевило надеждой, были повергнуты в смятение его арестом. *Месье*, бежавший одновременно с братом и с большей удачей, прибыл в Брюссель один с полномочиями и титулом регента. Эмигранты отныне рассчитывали только на помощь Европы; офицеры покинули свои цвета; двести девяносто членов собрания протестовали против его декретов; чтобы узаконить вторжение, Буйе написал угрожающее письмо, в немыслимой надежде запугать собрание и в то же время взять на себя единственную ответственность за бегство Людовика XVI. Наконец, император, король Пруссии и граф д'Артуа встретились в Пильнице, где приняли знаменитую декларацию от 27 августа, подготовившую вторжение во Францию, и которая, далеко не улучшив положение короля, стала бы для него угрозой, если бы собрание в своей мудрости не продолжило осуществлять свои новые замыслы, невзирая на крики народа внутри страны и иностранных держав.

В декларации Пильница государи рассматривали дело Людовика XVI как свое собственное. Они требовали, чтобы он был волен идти, куда ему угодно, то есть починяться им, чтобы он был восстановлен на своем троне; чтобы собрание было распущено и чтобы принцы империи, имеющие владения в Эльзасе, были восстановлены в своих феодальных правах. В случае отказа они угрожали Франции войной, в которой будут участвовать все державы, являющиеся гарантами французской монархии. Эта декларация, отнюдь не обескураживающая, лишь раздражала собрание и народ. Люди спрашивали лишь о другом, какое право имеют европейские принцы вмешиваться в управление Францией; по какому праву они отдают приказы великому народу и ставят ему условия; а поскольку государи прибегали к силе, народ Франции готовился оказать им сопротивление. Границы были приведены в состояние обороны; в национальную гвардию записались сто тысяч человек, и они со спокойной безмятежностью ожидали нападения врага, уверенные, что французский народ на своей собственной земле и в состоянии революции будет непобедим.

Тем временем собрание подходило к завершению своих трудов; гражданские отношения, государственное налогообложение, характер преступлений, их преследование и наказание были урегулированы им столь же мудро, как и государственные и конституционные отношения в стране. Равенство было введено в законы наследования, налогообложения и

наказаний; оставалось только объединить все конституционные постановления в свод и представить их на утверждение королю. Собрание все больше уставало от своих трудов и разногласий; сам народ, который во Франции всегда устает от того, что продолжается более определенного времени, желал нового национального представительства; поэтому созыв избирательных коллегий был назначен на 5 августа. К сожалению, члены нынешнего собрания не могли войти в состав последующего; это было решено еще до бегства в Варенн. В этом важном вопросе собрание отвлекли соперничество одних, бескорыстие других, стремление к анархии со стороны аристократов и к господству со стороны республиканцев. Тщетно Дюпор восклицал: "В то время как все донимают нас всевозможными новыми принципами, как можно упустить из виду, что стабильность также является принципом правления? Неужели Франция, чьи дети столь пылки и переменчивы, должна каждые два года подвергаться революции в своих законах и мнениях?" Таково было желание привилегированных классов и якобинцев, хотя и с разными взглядами. Во всех этих вопросах Учредительное собрание было обмануто или отклонено; когда речь шла о министерстве, оно решило, в оппозиции к Мирабо, что ни один депутат не может занимать должность; по вопросу о переизбрании оно решило, в оппозиции к своим собственным членам, что оно не может иметь места; в том же духе оно запретило им принимать в течение четырех лет любую должность, предложенную им принцем. Эта мания бескорыстия вскоре побудила Лафайета отказаться от командования национальной гвардией, а Байи - от должности мэра. Таким образом, эта знаменательная эпоха полностью уничтожила учредительный орган.

Собрание конституционных декретов в одном органе привело к идее их пересмотра. Но эта идея пересмотра вызвала большое недовольство и почти не принесла результатов; нежелательно было после принятия мер делать конституцию более аристократической, чтобы народ не потребовал сделать ее более народной. Чтобы ограничить суверенитет нации и в то же время не упустить его, собрание объявило, что Франция имеет право пересмотреть свою конституцию, но что благоразумно не пользоваться этим правом в течение тридцати лет.

Акт конституции был представлен королю шестьюдесятью депутатами; приостановка была снята, Людовик XVI возобновил исполнение своей власти, и гвардия, которой его наделил закон, была поставлена под его собственное командование. Восстановив свободу, ему была представлена конституция. Изучив ее в течение нескольких дней, "я принимаю конституцию, - писал он собранию, - обязуюсь поддерживать ее внутри страны, защищать ее от всех нападков из-за границы и добиваться ее исполнения всеми средствами, которые она предоставит в мое распоряжение. Я заявляю, что, будучи информированным о привязанности подавляющего большинства народа к конституции, я отказываюсь от своих притязаний на помощь в этой работе, и что, будучи ответственным только перед нацией, ни один другой человек, теперь, когда я сделал этот отказ, не имеет права жаловаться".

Это письмо вызвало всеобщее одобрение. Лафайет потребовал и добился амнистии в пользу тех, кто находился под следствием за содействие бегству короля или за действия против революции. На следующий день король прибыл лично, чтобы принять конституцию в ассамблее. Народ встретил его аплодисментами; он стал объектом энтузиазма депутатов и зрителей и в тот же день вновь обрел доверие и привязанность своих подданных. 29 сентября было назначено закрытие собрания; король присутствовал на нем; его речь часто прерывалась аплодисментами, и когда он сказал: "Для вас, господа, которые в течение долгой и трудной карьеры проявили такое неутомимое рвение, остается один долг, который вы должны исполнить, вернувшись в свои дома по всей стране: объяснить своим согражданам истинное значение законов, которые вы для них установили; дать совет тем,

кто их игнорирует; разъяснить и объединить все мнения примером вашей любви к порядку и покорности законам". Крики "Да! Да!" были произнесены всеми депутатами в один голос. "Я рассчитываю на то, что вы будете толкователями моих чувств для ваших сограждан". "Да! Да!" "Скажите им всем, что король всегда будет их первым и самым верным другом; что он нуждается в их любви; что он может быть счастлив только с ними и с их помощью; надежда содействовать их счастью будет поддерживать мое мужество, как и удовлетворение от успеха будет моим самым сладким вознаграждением".

"Это речь, достойная Генриха IV", - сказал чей-то голос, и король покинул зал под самые громкие признания в любви.

Тогда Туре громким голосом, обращаясь к народу, воскликнул: "Учредительное собрание объявляет свою миссию выполненной, и его заседания заканчиваются". Так завершилось это первое и славное собрание нации. Оно было мужественным, умным, справедливым и имело только одну страсть - страсть к закону. За два года своими усилиями и неутомимым упорством оно совершило величайшую революцию, свидетелем которой когда-либо было одно поколение людей. В ходе своих трудов она подавила деспотизм и анархию, срывая заговоры аристократии и поддерживая народ в подчинении. Его единственная вина заключалась в том, что он не доверил руководство революцией тем, кто был ее автором; он отрекся от власти, подобно тем законодателям древности, которые изгнали себя из своей страны после того, как дали ей конституцию. Новая ассамблея не приложила усилий для закрепления результатов своей работы, и революция, которую следовало закончить, была возобновлена.

Конституция 1791 года была основана на принципах, адаптированных к идеям и положению Франции. Эта конституция была делом рук среднего класса, который в то время был самым сильным; ведь, как известно, преобладающая сила всегда овладевает учреждениями. Когда она принадлежит одному человеку, это деспотизм; когда нескольким, это привилегия; когда всем, это право; это последнее состояние является пределом, как и происхождение, общества. Франция достигла его, пройдя через феодализм, который был аристократическим институтом, и абсолютную власть, которая была монархическим институтом. Равенство было освящено среди граждан, а делегация признана среди властей; таковы должны были быть, согласно новой системе, условия жизни людей и форма правления.

В этой конституции народ был источником всех полномочий, но не осуществлял их; ему поручались только выборы в первую очередь, а магистратов выбирали люди, избранные из числа просвещенных слоев общества. Последние составляли собрание, суды, государственные учреждения, корпорации, ополчение и, таким образом, обладали всей силой и всей властью государства. Только она могла осуществлять их, потому что только она обладала интеллектом, необходимым для управления государством. Народ был еще недостаточно развит, чтобы участвовать во власти, поэтому власть попала в его руки лишь случайно, самым случайным и мимолетным образом; но он получил гражданское образование и был приучен к управлению в первичных собраниях, в соответствии с истинной целью общества, которая заключается не в том, чтобы наделять своими преимуществами как достоянием один определенный класс, а в том, чтобы все участвовали в них, когда все способны их приобретать. В этом заключалась главная особенность конституции 1791 года; по мере того как каждый, по мере того как он становился компетентным пользоваться этим правом, он допускался к нему; она расширяла его пределы по мере развития цивилизации, которая с каждым днем привлекает все большее число людей к управлению государством. Таким образом, было установлено истинное равенство, подлинный характер которого - допустимость, в то время как неравенство - исключение. Делая власть передаваемой по

выборам, она сделала ее общественной магистратурой; в то время как привилегия, делая ее наследственной, превращает ее в частную собственность.

Конституция 1791 года установила однородные полномочия, которые соответствовали друг другу и таким образом взаимно сдерживали друг друга; тем не менее, следует признать, что королевская власть была слишком подчинена народной власти. Иначе и быть не может: суверенитет, из какого бы источника он ни исходил, дает себе слабый противовес, когда он себя ограничивает. Учредительное собрание ослабляет королевскую власть; король, который является законодателем, ограничивает prerogatives собрания.

Эта конституция, однако, была менее демократичной, чем конституция Соединенных Штатов, которая была осуществима, несмотря на обширность территории, доказывая, что не форма учреждений, а согласие, которое они получают, или несогласие, которое они вызывают, позволяет или препятствует их созданию. В новой стране после революции независимости, как в Америке, возможна любая конституция; есть только одна враждебная партия, партия метрополии, и когда она побеждена, борьба прекращается, потому что поражение ведет к ее изгнанию. Не так обстоит дело с социальными революциями у давно существующих народов. Изменения затрагивают интересы, интересы формируют партии, партии вступают в борьбу, и чем больше распространяется победа, тем сильнее растет противостояние. Именно это и произошло во Франции. Работа учредительного собрания погибла не столько от его недостатков, сколько от нападков фракций. Оказавшись между аристократией и толпой, оно подверглось нападению со стороны одной и вторжению со стороны другой. Последняя не стала бы сувереном, если бы гражданская война и иностранная коалиция не призвали ее к вмешательству и помощи. Чтобы защитить страну, необходимо было управлять ею; тогда она совершила свою революцию, как средний класс совершил свою собственную. У нее было 14 июля и 10 августа; учредительное собрание - конвент; правительство - комитет общественной безопасности; но, как мы увидим, без эмиграции не было бы и республики.

НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ

ГЛАВА V

С 1 ОКТЯБРЯ 1791 ГОДА ПО 21 СЕНТЯБРЯ 1792 ГОДА

Новая ассамблея открыла свою сессию 1 октября 1791 года. Оно сразу же объявило себя *национальным законодательным собранием*. С первого же своего появления оно имело возможность продемонстрировать свою привязанность к реальному положению вещей и уважение, которое оно испытывало к авторам французской свободы. Книга конституции была торжественно вручена ей архивариусом Камю в сопровождении двенадцати старейших членов национального представительства. Собрание приняло конституционный акт стоя и с непокрытой головой, и на нем, под аплодисменты народа, занявшего трибуны, присягнуло: *"Жить свободным или погибнуть!"* Он поблагодарил членов учредительного собрания, после чего оно приготовилось приступить к работе.

Но его первые отношения с королем не носили того же характера союза и доверия. Двор, несомненно надеясь вернуть себе при законодательном собрании то превосходное положение, которое он утратил при учредительном собрании, не проявил достаточного внимания к восприимчивой и беспокойной народной власти, которая тогда считалась первой в государстве. Собрание направило к королю депутация из шестидесяти своих членов, чтобы объявить о своем открытии. Король не принял их лично и послал министру юстиции известие, что не сможет дать им аудиенцию до полудня следующего дня. Такое

бесцеремонное увольнение и опосредованное общение между национальными представителями и принцем через министра очень обидели депутацию. Поэтому, когда аудиенция состоялась, Дюшастель, возглавлявший депутацию, лаконично сказал: "Сир, заседает национальное законодательное собрание; мы уполномочены сообщить вам об этом". Людовик XVI ответил еще более резко: "Я не могу посетить вас раньше пятницы". Такое поведение двора по отношению к собранию было невежливым и мало способствовало умиротворению народа.

Собрание одобрило холодную манеру, принятую депутацией, и вскоре совершило акт возмездия. Церемония, с которой король должен был быть принят среди них, была организована в соответствии с предыдущими законами. Для него был отведен фатум в виде трона; по отношению к нему употреблялись титулы *сира* и *величества*, а депутаты, стоя и не покрываясь при его входе, должны были сесть, надеть шляпы и снова подняться, с почтением следя за всеми движениями принца. Некоторые беспокойные и преувеличенные умы сочли эту снисходительность недостойной суверенного собрания. Депутат Гранженев потребовал, чтобы слова "*сир*" и "*величество*" были заменены "более конституционным и изящным" титулом "*король французов*". Кутон решительно поддержал это предложение и предложил присвоить королю простой фатум, точно такой же, как у президента. Эти предложения вызвали легкое неодобрение со стороны некоторых членов, но большинство приняло их с готовностью. "Мне приятно предполагать, - сказал Гваде, - что французский народ всегда будет почитать простой фатум, на котором сидит президент национальных представителей, гораздо больше, чем позолоченный фатум, на котором восседает глава исполнительной власти. Я ничего не скажу, господа, о титулах *сира* и *величества*. Меня удивляет, что в Национальном собрании обсуждают, следует ли их сохранить. Слово "*сир*" означает "сеньор"; оно относится к феодальной системе, которая прекратила свое существование. Что касается термина "*величество*", то его следует употреблять только в отношении Бога и народа".

Предыдущий вопрос был задан, но слабо; эти предложения были поставлены на голосование и приняты значительным большинством. Однако, поскольку это постановление выглядело враждебным, конституционное мнение высказалось против него и осудило эту чрезмерную строгость в применении принципов. На следующий день те, кто требовал предыдущего вопроса, предложили отменить решения, принятые накануне. В то же время было распространено сообщение, что король не войдет в собрание, если декрет будет сохранен; и декрет был отменен. Эти мелкие стычки между двумя державами, которые должны были опасаться узурпаций, предположений и особенно недоброжелательства между ними, закончились на этом, и все воспоминания о них были стерты присутствием Людовика XVI. в законодательном органе, где он был принят с величайшим уважением и самым живым энтузиазмом.

Главной темой его речи стало всеобщее умиротворение. Он указал собранию на темы, которые должны привлечь его внимание, - финансы, гражданское право, коммерция, торговля и укрепление нового правительства; он обещал использовать свое влияние, чтобы восстановить порядок и дисциплину в армии, привести королевство в состояние обороны и распространить идеи относительно французской революции, рассчитанные на восстановление доброго понимания в Европе. Он добавил следующие слова, которые были встречены бурными аплодисментами: "Господа, чтобы ваши важные труды, равно как и ваше усердие, принесли все блага, которых от них можно ожидать, между законодательным органом и королем должны царить постоянная гармония и неизменное доверие. Враги нашего мира слишком охотно стремятся разъединить нас, но пусть любовь к родине скрепит

наш союз, пусть общественные интересы сделают нас неразделимыми! Таким образом, государственная власть сможет развиваться без препятствий; правительство не будет преследоваться напрасными страхами; имущество и вера каждого будут одинаково защищены, и не останется ни одного предлога для того, чтобы жить отдельно от страны, где законы в силе и где права всех уважаются". К сожалению, без революции существовали два класса, которые не желали вступать с ней в союз и усилия которых в Европе и во внутренней Франции должны были помешать осуществлению этих мудрых и миролюбивых слов. Как только в государстве появляются смещенные партии, возникает борьба, и против них должны быть приняты враждебные меры. Таким образом, внутренние смуты, разжигаемые священниками-неучителями, военные сборы эмигрантов и подготовка к коалиции вскоре завели законодательное собрание дальше, чем позволяла конституция и чем оно само предлагало.

Состав этого собрания был полностью народным. Преобладающие идеи были в пользу революции, двор, дворянство и духовенство не оказали никакого влияния на выборы. В этом собрании, как и в предыдущем, не было приверженцев абсолютной власти и привилегий. Две фракции левых, разделившиеся к концу учредительного собрания, вновь оказались лицом к лицу, но уже не в том соотношении численности и силы. Народное меньшинство предыдущего собрания стало большинством в этом. К такому результату привели запрет на избрание уже судимых представителей, необходимость выбирать депутатов из тех, кто наиболее отличился своим поведением и взглядами, и особенно активное влияние клубов. Мнения и партии вскоре стали известны. Как и в учредительном собрании, здесь были правые, центр, левые, но совершенно разного характера.

Правые, состоящие из твердых и абсолютных конституционалистов, составляли партию Фейяна. Ее главными ораторами были Дюма, Рамонд, Вобланк, Бюгно и др. Она имела некоторые отношения с двором через Барнава, Дюпора и Александра Ламета, которые были ее бывшими лидерами; но их советам редко следовал Людовик XVI, который с большей уверенностью отдавался советам тех, кто был непосредственно рядом с ним. Вне дома она опиралась на клуб фельянов и буржуазию. Национальная гвардия, армия, директория департамента и вообще все официальные власти были благосклонны к ней. Но эта партия, которая больше не преобладала в ассамблее, вскоре потеряла столь же важный пост в муниципалитете, который заняли ее противники из левых.

Они образовали партию, названную жирондистской, которая во время революции стала лишь промежуточной между средним классом и народными массами. Тогда у нее не было никаких подрывных проектов, но она была настроена на всестороннюю защиту революции и в этом отличалась от конституционалистов, которые защищали ее только законом. Во главе ее стояли блестящие ораторы Жиронды [Сноска: название реки Гаронны после ее впадения в Дордонь], давшие название партии, Верньо, Гваде, Генсонне и провансалец Иснар, обладавший еще более пылким красноречием, чем они. Главным лидером партии был Бриссо, который, будучи членом парижской корпорации во время последней сессии, впоследствии стал членом собрания. Мнения Бриссо, выступавшего за полную реформу, его большая активность ума, которую он развивал одновременно в журнале "*Патриот*", на трибуне собрания и в клубе якобинцев, его точное и обширное знание положения иностранных держав обеспечили ему большой авторитет в момент борьбы между партиями и войны с Европой. Кондорсе обладал влиянием другого рода; он был обязан ему своими глубокими идеями, своим превосходным разумом, который почти обеспечил ему место Съеса в этом втором революционном поколении. Петион, обладавший спокойным и решительным характером, был активным деятелем этой партии. Его спокойное чело, беглая

речь, знакомство с народом вскоре обеспечили ему муниципальную магистратуру, которую Байи освободил для среднего класса.

Левые получили в собрании ядро партии, более экстремальной, чем они сами, члены которой, такие как Шабо, Базире, Мерлен, были для жирондистов тем же, чем Петион, Бюзо, Робеспьер были для левых учредителей. Так было положено начало демократической фракции, которая без Жиронды служила вспомогательной, управляла клубами и толпой. Робеспьер в обществе якобинцев, где он утвердил свою власть после выхода из собрания; Дантон, Камиль Десмулен и Фабр-д'Эглантин в Кордельерах, где они основали клуб новаторов, более крайний, чем якобинцы, состоявший из людей буржуазии; пивовар Сантерр в фавюрах, где находилась народная власть; вот истинные вожди этой фракции, которая зависела от одного целого класса и стремилась основать свой собственный режим.

Центр законодательного собрания был искренне привязан к новому порядку вещей. Он имел почти те же мнения, ту же склонность к умеренности, что и центр учредительного собрания; но его власть была совсем иной: он уже не стоял во главе класса, созданного и с помощью которого он мог овладеть всеми крайними партиями. Общественные опасности, заставившие вновь ощутить нехватку возвышенных мнений и партий извне, окончательно уничтожили центр. Он скоро перешел на сторону сильнейших, судьба всех умеренных партий и левых поколебала его.

Положение собрания было очень сложным. Его предшественник оставил ему партии, которые он, очевидно, не мог умиротворить. С самого начала сессии оно было вынуждено обратить свое внимание на них, и именно в противостоянии им. Эмиграция делала тревожные успехи: два брата короля, принц де Конде и герцог де Бурбон, протестовали против принятия Людовиком XVI конституционного акта, то есть против единственного средства примирения; они говорили, что король не может отчуждать права древней монархии; и их протест, распространившийся по всей Франции, произвел большое впечатление на их приверженцев. Офицеры покидали армии, дворяне - свои замки, целые роты дезертировали, чтобы поступить на службу на границах. Тем, кто колебался, посылались розги, а тем, кто не эмигрировал, угрожали потерей должности, когда дворяне вернутся с победой. В австрийских Низких странах и приграничных курфюршествах образовалась так называемая *"Зарубежная Франция"* (*La France extérieure*). Контрреволюция открыто готовилась в Брюсселе, Вормсе и Кобленце, под защитой и даже при содействии иностранных дворов. Послы эмигрантов были приняты, в то время как послы французского правительства были уволены, плохо приняты или даже брошены в тюрьму, как в случае с месье Дюверье. Французские купцы и путешественники, подозреваемые в патриотизме и приверженности революции, были разведаны по всей Европе. Несколько держав заявили о своей непримиримой позиции: Швеция, Россия и Испания; последней в то время управлял маркиз Флорида-Бланка, человек, полностью преданный эмигрантской партии. В то же время Пруссия готовила свою армию к войне: ряды испанских и сардинских войск усилились на наших альпийских и пиренейских границах, а Густавус собирал шведскую армию.

Раскольничьи церковники не оставляли без внимания ничего, что могло бы отвлечь внимание эмигрантов на родине. "Священники и особенно епископы, - пишет маркиз де Феррьер, - использовали все ресурсы фанатизма, чтобы возбудить народ в городе и деревне против гражданской конституции духовенства". Епископы приказали священникам больше не совершать богослужение в одной церкви с конституционными священниками, опасаясь, что народ может спутать их. "Независимо, - добавляет он, - от циркулярных писем, адресованных кууре, по стране распространялись инструкции, предназначенные для народа. В них говорилось, что таинства не могут эффективно совершаться конституционными

священниками, которых они называли *интродерами*, и что каждый, кто присутствует на их служении, становится виновным в смертном грехе; что те, кто венчался у интродеров, не были женаты; что они навлекают проклятие на себя и на своих детей; что никто не должен иметь общения с ними или с теми, кто отлучен от церкви; что муниципальные чиновники, которые их устанавливают, как и они, становятся отступниками; что в момент их установки все звонари и дьячки должны оставить свои должности.... Эти фанатичные обращения произвели тот эффект, которого ожидали епископы. Со всех сторон начались религиозные волнения".

Особенно часто мятеж вспыхивал в Кальвадосе, Геводане и Вандее. Эти районы были плохо настроены по отношению к революции, поскольку в них было мало представителей среднего и интеллигентного классов, а население до этого времени находилось в зависимости от дворянства и духовенства. Жирондисты, встревожившись, хотели принять жесткие меры против эмиграции и священников-раскольников, которые нападали на новый порядок вещей. Бриссо предложил положить конец эмиграции, отказавшись от мягкой системы, которая до сих пор соблюдалась по отношению к ней. Он разделил эмигрантов на три класса: -1. Главные вожди, а во главе их - братья короля. Во-вторых. Государственные чиновники, которые оставили свои посты и страну и стремились переманить своих коллег. 3-е. Частные лица, которые ради сохранения жизни, или из неприятия революции, или по другим мотивам покинули родину, не взяв в руки оружия против нее. Он требовал, чтобы против первых двух классов были приняты суровые законы, но считал, что хорошей политикой будет снисходительное отношение к последнему. По отношению к не-юродивым церковникам и агитаторам одни жирондисты предлагали ограничиться более строгим надзором; другие считали, что в отношении их можно проводить только одну безопасную линию поведения: дух смуты можно подавить, лишь изгнав их из страны. "Все попытки примирения, - заявил порывистый Иснар, - отныне будут тщетны. К чему, спрашивается, привели эти повторные помилования? Дерзость ваших врагов возросла благодаря вашей снисходительности; они перестанут вредить вам только тогда, когда лишатся возможности делать это. Они должны быть завоевателями или побежденными. В этом вопросе все должны согласиться; тот, кто не видит этой великой истины, на мой взгляд, политически слеп".

Конституционалисты выступали против всех этих мер; они не отрицали опасности, но считали такие законы произвольными. Они говорили, что прежде всего необходимо уважать конституцию и с этого времени ограничиться мерами предосторожности; что достаточно держать оборону против эмигрантов и ждать, пока не будут обнаружены реальные заговоры с их стороны, чтобы наказать раскольников священников. Они рекомендовали не нарушать закон даже по отношению к врагам, опасаясь, что, начав действовать подобным образом, невозможно будет остановить этот процесс, и революция, как и древний режим, погибнет из-за своей несправедливости. Но собрание, считавшее безопасность государства важнее строгого соблюдения закона, видевшее опасность в колебаниях и, кроме того, находившееся под влиянием страстей, побуждающих к поспешным мерам, не остановилось перед этими соображениями. С общего согласия он вновь, 30 октября, принял декрет, касающийся старшего брата короля, Людовика-Станислава-Ксаверия. По условиям конституции, этот принц должен был вернуться во Францию через два месяца, иначе по истечении этого срока он считался утратившим свои права регента. Но соглашение прекратилось в отношении декретов против эмигрантов и священников. 9 ноября собрание постановило, что французы, собравшиеся за границей, подозреваются в заговоре против своей страны; что если они останутся в сборе 1 января 1792 года, то будут рассматриваться как заговорщики, караться смертью и что после осуждения на смерть за контузию доходы от их имений должны быть конфискованы в пользу нации, всегда без ущерба для прав их жен,

детей и законных кредиторов. 29 числа того же месяца был принят аналогичный указ в отношении раскольников священников. Их обязали принести гражданскую присягу под страхом лишения пенсий и подозрения в бунте против закона. Если они все же отказывались, за ними должны были внимательно следить; если в их приходах происходили какие-либо религиозные беспорядки, их доставляли в главный город департамента, и если обнаруживалось, что они принимали участие в возбуждении неповиновения, их подвергали тюремному заключению.

Король одобрил первый указ в отношении своего брата; на два других он наложил свое вето. Незадолго до этого он публичными мерами запретил эмиграцию и направил принцам-эмигрантам письмо, в котором отозвал их в королевство. Он приглашал их вернуться во имя спокойствия Франции, а также во имя привязанности и послушания, которыми они обязаны ему как своему брату и королю. "Я всегда буду, - сказал он в заключение письма, - благодарен вам за то, что вы избавили меня от необходимости действовать вопреки вам, благодаря неизменной решимости поддерживать то, что я объявил". Эти мудрые призывы не привели ни к каким результатам: Людовик XVI, осудив поведение эмигрантов, не дал своего согласия на меры, принятые против них. В отказе от санкции его поддержали друзья конституции и директории департамента. Эта поддержка была ему не лишней в тот момент, когда в глазах народа он выглядел пособником эмиграции, когда он вызвал недовольство жирондистов и отделился от собрания. Ему следовало бы тесно с ним объединиться, поскольку в своих письмах он ссылаясь на конституцию против эмигрантов, а также против революционеров, пользуясь своей прерогативой. Его позиции могли укрепиться только в том случае, если он искренне примкнет к первой революции и сделает свое дело единым с делом буржуазии.

Но двор не был так спокоен; он все еще ожидал лучших времен, и это мешало ему придерживаться неизменной линии поведения и побуждало искать основания для надежды в каждом квартале. То и дело склоняясь к вмешательству иностранных держав, он продолжал переписку с Европой; вместе со своими министрами он интриговал против народной партии, использовал фельянов против жирондистов, хотя и с большим недоверием. В этот период его главный ресурс заключался в мелких махинациях Бертрана де Молевиля, который руководил советом; он создал *французский клуб*, членам которого платил; он покупал аплодисменты трибунов собрания, надеясь этой имитацией революции победить настоящую революцию; его целью было обмануть партии и аннулировать последствия конституции, соблюдая ее буквально.

В результате такой линии поведения двор имел неосторожность ослабить конституционалистов, которых должен был усилить; за их счет он способствовал избранию Петиона на пост мэра. Благодаря бескорыстию, с которым предыдущая ассамблея была захвачена, все, кто занимал при ней популярные посты, последовательно отказались от них. 18 октября Лафайет сложил с себя командование национальной гвардией, а Байи только что ушел в отставку с поста мэра. Конституционная партия предложила Лафайету заменить его на этом первом государственном посту, который, разрешая или сдерживая мятежи, отдавал Париж во власть того, кто его занимал. До этого момента он находился в руках конституционалистов, которые таким образом подавили восстание на Марсовом поле. Они потеряли руководство собранием, командование национальной гвардией; теперь они потеряли корпорацию. Суд отдал Петиону, кандидату жирондистов, все имевшиеся в его распоряжении голоса. "Господин де Лафайет, - заметила королева Бертрану де Молевилю, - желает стать мэром Парижа только для того, чтобы стать мэром дворца". Петион - якобинец,

республиканец, но он глупец, не способный возглавить партию". 4 ноября Петион был избран мэром большинством в 6708 голосов при общем числе в 10 632.

Жирондисты, в пользу которых эта кандидатура стала решающей, не довольствовались получением поста мэра. Франция не могла долго оставаться в этом опасном и временном состоянии. Декреты, которые, по справедливости или нет, должны были обеспечить защиту революции и которые были отвергнуты королем, не были заменены никакими правительственными мерами; министерство проявляло либо нежелание, либо полное безразличие. Жирондисты, соответственно, обвинили Делессара, министра иностранных дел, в том, что он ставит под угрозу честь и безопасность нации тоном своих переговоров с иностранными державами, своими проволочками и недостатком умения. Они также резко критиковали Дюпорталя, военного министра, и Бертрана де Молевиля, морского министра, за пренебрежение к обороне побережья и границ. Поведение курфюрстов Тревского, Майенского и епископа Шпирского, поддерживавших военные приготовления эмигрантов, особенно возбудило народное негодование. Дипломатический комитет предложил заявить королю, что нация с удовлетворением воспримет его требование к соседним князьям разогнать военные сборища в течение трех недель и собрать силы, необходимые для того, чтобы заставить их соблюдать международное право. Этой важной мерой они также хотели заставить Людовика XVI заключить торжественное соглашение и подтвердить Ратисбонскому совету, а также другим европейским дворам твердые намерения Франции.

Иснар взошел на трибуну, чтобы поддержать это предложение. "Давайте, - сказал он, - в этот кризис поднимемся до полного возвышения нашей миссии; давайте говорить с министрами, с королем, со всей Европой с той твердостью, которая нам присуща. Скажем нашим министрам, что до сих пор нация не была довольна поведением ни одного из них; что отныне у них не будет иного выбора, кроме как между общественной благодарностью и возмездием законов; и что под словом ответственность мы понимаем смерть. Скажем королю, что его интерес - защищать конституцию; что он царствует только благодаря народу и для народа; что нация - его суверен и что он подчиняется закону. Скажем Европе, что если французский народ однажды возьмет в руки меч, он выбросит ножны и не поднимет их снова, пока не увенчает их лаврами победы; что если кабинеты вовлекают королей в войну против народа, то мы вовлечем народ в смертельную войну против королей. Скажем им, что все бои народ будет вести по приказу деспотов" - тут его прервали громкие аплодисменты: "Не аплодируйте, - воскликнул он, - не аплодируйте; уважайте мой энтузиазм, это энтузиазм свободы! Давайте скажем Европе, что все бои, которые народ будет вести по приказу деспотов, напоминают удары, которые два друга, возбужденные коварным подстрекателем, наносят друг другу в темноте. Когда же появляется свет, они бросают оружие, обнимаются и наказывают своего обманщика. Так будет и в том случае, если, когда чужие армии будут сражаться с нашими, свет философии озарит их. Народы обнимутся в присутствии свергнутых тиранов - Земля утешена, Небо удовлетворено".

Собрание единогласно, с транспортом, приняло предложенную меру и 29 ноября направило послание королю. Во главе депутации стоял Вобланк. "Сир, - обратился он к Людовику XVI, - национальное собрание едва взглянуло на состояние нации, как увидело, что смуты, которые до сих пор ее будоражат, вызваны преступными приготовлениями французских эмигрантов. Их дерзость поощряется немецкими князьями, которые попирают ногами договоры между ними и Францией и забывают, что они обязаны этой империи Вестфальским договором, который обеспечил их права и безопасность. Эти враждебные приготовления, эти угрозы вторжения потребуют вооружения, поглощающего огромные суммы, которые нация с

радостью выплатит своим кредиторам. Именно вы, сир, должны заставить их остановиться; именно вы должны обратиться к иностранным державам языком, подобающим королю французов. Скажите им, что, где бы ни велись приготовления против Франции, там Франция признает только врагов; что мы будем свято соблюдать нашу клятву не делать никаких завоеваний; что мы предлагаем им добрососедство, нерушимую дружбу свободного и могущественного народа; что мы будем уважать их законы, их обычаи и их конституции; но что мы будем уважать свои собственные! Скажите им, что если князь Германии будут продолжать поддерживать приготовления, направленные против французов, то французы принесут на их территорию не огонь и меч, а свободу. Им предстоит просчитать последствия этого пробуждения наций".

Людовик XVI ответил, что всесторонне рассмотрит послание ассамблеи; через несколько дней он прибыл лично, чтобы объявить свои решения по этому вопросу. Они соответствовали общему желанию. Под бурные аплодисменты король заявил, что он заставит объявить курфюрсту Тревскому и другим курфюрстам, что, если до 15 января не прекратятся все сборища и враждебные приготовления со стороны французских эмигрантов в их государствах, он будет считать их врагами. Он добавил, что напишет императору, чтобы тот, как глава империи, задействовал свою власть для предотвращения бедствий, к которым приведет затянувшееся сопротивление нескольких членов германского тела. "Если к этим заявлениям не прислушаются, то, господа, - сказал он, - мне останется только предложить войну, которую народ, торжественно отказавшийся от завоеваний, никогда не объявляет без необходимости, но которую свободная и великодушная нация начнет и продолжит, когда этого потребуют ее честь и безопасность".

Шаги, предпринятые королем совместно с князьями империи, были подкреплены военными приготовлениями. 6 декабря новый военный министр сменил Дюпорайля; Нарбонн, взятый из Фельянов, молодой, деятельный, стремящийся отличиться триумфом своей партии и защитой революции, немедленно отправился к границам. Сто пятьдесят тысяч человек были реквизированы; для этой цели собрание проголосовало за чрезвычайную поставку двадцати миллионов франков; были сформированы три армии под командованием Рошамбо, Люкнера и Лафайета; наконец, был принят декрет, обвиняющий месье, графа д'Артуа и принца де Конде как заговорщиков против общей безопасности государства и конституции. Их имущество было конфисковано, а срок, установленный ранее для возвращения Месье в королевство, истек, и он был лишен права на регентство.

Курфюрст Тревесский обязался разогнать сборища и впредь не допускать их. Однако это была лишь тень разгона. Австрия приказала маршалу Бендеру защищать курфюрста, если на него нападут, и ратифицировала выводы Ратисбонской диеты, которая требовала восстановления владений князей; отказалась санкционировать какую-либо денежную компенсацию за потерю их прав и оставила Франции только альтернативу - восстановление феодализма в Эльзасе или война. Эти две меры Венского кабинета отнюдь не были умиротворяющими. Его войска продвигались к границам Франции, давая еще одно доказательство того, что доверять ее нейтралитету небезопасно. В Нидерландах находилось пятьдесят тысяч человек, шесть тысяч были размещены в Брейсгау, а тридцать тысяч человек находились на пути из Богемии. Эта мощная армия наблюдения могла в любой момент превратиться в армию нападения.

Собрание считало, что необходимо срочно заставить императора принять решение. Оно рассматривало курфюрстов лишь как его агентов, а эмигрантов - как его орудия; ведь принц фон Кауниц признавал законной "лигу государей, объединившихся ради безопасности и чести короны". Жирондисты, таким образом, хотели опередить этого опасного противника,

чтобы не дать ему времени для более зрелых приготовлений. Они потребовали от него до 10 февраля определенного и точного объяснения его истинных намерений в отношении Франции. В то же время они выступили против тех министров, на которых они не могли положиться в случае войны. Недееспособность Делессара и особенно интриги Молевиля давали возможность для нападения; пощадили только Нарбонну. Им помогали разногласия в совете, который был отчасти аристократическим - Бертран де Молевиля, Делессар и т. д., а отчасти конституционным - Нарбонн и Кьер де Жервиль, министр внутренних дел. От людей, столь противоположных по характеру и намерениям, вряд ли можно было ожидать согласия; Бертран де Молевиля вел жаркие споры с Нарбонном, который хотел, чтобы его коллеги заняли откровенную, решительную линию поведения и сделали собрание опорой трона. Нарбонн уступил в этой борьбе, и его отставка повлекла за собой дезорганизацию министерства. Жирондисты свалили вину на Бертрана де Молевиля и Делессара; первый имел возможность оправдаться, а второй предстал перед высшим орлеанским судом.

Королю, запуганному нападками собрания на членов его совета, и особенно импичментом Делессара, не оставалось ничего другого, как выбрать новых министров из числа победившей партии. Союз с действительными правителями революции мог спасти только свободу и трон, восстановив согласие между собранием, верховной властью и муниципалитетом; и если бы этот союз был сохранен, жирондисты добились бы при дворе того, чего, после самого разрыва, по их мнению, они могли добиться только без него. В состав нового министерства вошли: морской министр - Лакост, финансовый - Клавьер, юстиции - Дюрантон, военный - де Грав, которого вскоре сменил Серван, иностранных дел - Дюмурье, внутренних дел - Ролан. Двое последних были самыми важными и самыми выдающимися людьми в кабинете.

Дюмурьезу было сорок семь лет, когда началась революция; до тех пор он жил, погрузившись в интриги, и сохранил свои старые привычки слишком близко к сердцу в эпоху, когда должен был использовать малые средства только для помощи большим, а не вместо них. Первая часть его политической жизни прошла в поисках тех, с помощью кого он мог бы возвыситься, вторая - тех, с помощью кого он мог бы сохранить свое положение. Придворный до 1789 года, конституционалист во время первого собрания, жирондист во время второго, якобинец во время республики, он был в высшей степени человеком обстоятельств. Но у него были все ресурсы великих людей: предприимчивый характер, неутомимая деятельность, готовое, верное и широкое восприятие, стремительность действий и необычайная уверенность в успехе; он был, кроме того, открыт, легок, остроумен, смел; приспособлен как к оружию, так и к фракциям, полон целесообразности, замечательно готов, а в трудных положениях владеет искусством опускаться до завоевания. Правда, его великие качества были ослаблены недостатками; он был опрометчив, взбалмошен, полон непоследовательности в мыслях и действиях, благодаря постоянной жажде движения и махинаций. Но главным его недостатком было полное отсутствие политических убеждений. Во времена революции ничего не может сделать для свободы или власти тот, кто не принадлежит решительно к той или иной партии, а если он честолобив, то только если он не видит дальше ближайших целей этой партии и не обладает более сильной волей, чем его коллеги. Таким был Кромвель, таким был Буонапарте, а Дюмурье, приверженец всех партий, думал, что сможет одержать верх над всеми, интригуя. Ему нужна была страсть своего времени: то, что завершает человека и позволяет ему властвовать.

Роланд был полной противоположностью Дюмурье; его характер Либерти нашла уже готовым, словно вылепленным ею самой. У Ролана были простые манеры, строгая мораль, проверенные взгляды; горячо привязанный к свободе, он был способен бескорыстно

посвятить ее делу всю свою жизнь или погибнуть за нее, без показухи и сожаления. Человек, достойный родиться в республике, но неуместный в революции и плохо приспособленный к агитации и борьбе партий; его таланты не были выдающимися, нрав несколько неуступчивым; он не был искусен в знании людей и управлении ими; и хотя он был трудолюбив, хорошо информирован и деятелен, он мало бы чего добился, если бы не его жена. Все, что ему было нужно, было у нее: сила, способности, возвышенность, прозорливость. Мадам Ролан была душой Жиронды; именно в ее доме собирались эти блестящие и мужественные люди, чтобы обсудить нужды и опасности своей страны; именно она побуждала к действию тех, кто, по ее мнению, был способен к действию, и призывала на трибуну тех, кто, как она знала, был красноречив.

Двор назвал это министерство, которое было назначено в марте, *министерством Сан-Кулотта*. Когда Роланд впервые появился в замке в туфлях со шнурками и в круглой шляпе, вопреки этикету, церемониймейстер отказался его впустить. Вынужденный, однако, уступить, он в отчаянии сказал Дюмуре, указывая на Роланда: "Ах, сударь, у него нет пряжек на ботинках". "Ах, сударь, все потеряно", - ответил Дюмуре с видом самой сочувственной серьезности. Таковы были мелочи, которые по-прежнему занимали внимание двора. Первым шагом нового министерства стала война. Положение Франции становилось все более опасным; враждебности Европы следовало опасаться. Леопольд был мертв, и это событие должно было ускорить решение венского кабинета. Его молодой преемник, Франциск II, скорее всего, окажется менее миролюбивым и менее благоразумным, чем он. Кроме того, Австрия собирала свои войска, формировала лагеря и назначала генералов; она нарушила территорию Баварии и разместила гарнизон в Регенсбурге, чтобы обеспечить себе вход в департамент Дюльхейм. Не могло быть никаких сомнений относительно его проектов. Сборы в Регенсбурге возобновились в большей степени, чем прежде; Венский кабинет лишь на время разогнал эмигрантов, собравшихся в бельгийских провинциях, чтобы предотвратить вторжение в эту страну в то время, когда она еще не была готова к отражению вторжения; он, однако, стремился лишь сохранить видимость и позволил штабу генералов в полной форме и с белой кокардой остаться в Брюсселе. Наконец, ответ принца фон Кауница на требуемые объяснения был отнюдь не удовлетворительным. Он даже отказался вести прямые переговоры, и барону фон Кобенцу было поручено ответить, что Австрия не отступит от уже выдвинутых условий. Восстановление монархии на основании королевского заседания 23 июня; возвращение имущества духовенству; Эльзас со всеми его правами немецким князьям; Авиньон и Венайсин папе - таков был ультиматум Австрии. Согласие стало невозможным; мир больше не мог быть сохранен. Франции грозила судьба, только что постигшая Голландию, а возможно, и Польшу. Единственный вопрос теперь заключался в том, ждать ли войны или начать ее, воспользоваться ли энтузиазмом народа или дать ему остыть. Истинным автором войны является не тот, кто ее объявляет, а тот, кто делает ее необходимой.

20 апреля Людовик XVI отправился на ассамблею в сопровождении всех своих министров. "Я пришел, господа, - сказал он, - в национальное собрание для решения одного из самых важных вопросов, которые могут занимать представителей нации. Мой министр иностранных дел зачитает вам доклад, составленный в нашем совете, о нашем политическом положении". Затем поднялся Дюмуре. Он изложил основания для претензий, которые Франция имела к Австрийскому дому; цель конференций в Мантуе, Рейхенбахе и Пильнице; коалицию, которую она создала против французской революции; ее вооружения, становившиеся все более значительными; открытую защиту, которую она оказывала эмигрантам; властный тон и неприкрытые провокации в переговорах, наконец, невыносимые условия ее ультиматума; и, после долгого ряда соображений, основанных на враждебном поведении короля Венгрии

и Богемии (Франциск II. еще не был избран императором); на неотложных обстоятельствах нации; на ее официально заявленной решимости не терпеть оскорблений и посягательств на свои права; на чести и доброй воле Людовика XVI., хранителя достоинства и безопасности Франции, он потребовал войны с Австрией. Тогда Людовик XVI сказал слегка дрожащим голосом: "Вы слышали, господа, результат моих переговоров с венским двором. Выводы, содержащиеся в докладе, основаны на единодушном мнении моего совета; я сам принял их. Они согласуются с пожеланиями, часто высказываемыми мне национальным собранием, и с настроениями, часто демонстрируемыми группами граждан в разных частях королевства; все они предпочитают войну, чем наблюдать продолжение оскорблений французского народа и опасность, угрожающую национальному существованию. Моим долгом было сначала испробовать все средства для поддержания мира. Потерпев неудачу в этих усилиях, я пришел теперь, согласно условиям конституции, чтобы предложить национальному собранию войну против короля Венгрии и Богемии". Обращение короля было встречено аплодисментами, но торжественность обстоятельств и величие решения наполнили каждую грудь тихим и сосредоточенным волнением. Как только король удалился, собрание назначило на вечер внеочередное заседание. На этом заседании почти единогласно было принято решение о войне. Так против главной из конфедеративных держав была начата та война, которая затянулась на четверть века, которая победоносно утвердила революцию и изменила весь облик Европы.

Вся Франция встретила это сообщение с радостью. Война придала новое движение народу, уже и так сильно взволнованному. Округа, муниципалитеты, народные общества писали обращения; люди записывались в армию, приносили добровольные пожертвования, ковали пики, и нация, казалось, поднялась, чтобы ждать Европу или напасть на нее. Но энтузиазм, который в конце концов обеспечивает победу, поначалу не может заменить организацию. Поэтому в начале кампании регулярные войска были всем, на что можно было рассчитывать, пока не были подготовлены новые легионы. Таково было состояние войск. Обширная граница от Дюнкерка до Хунингуэна была разделена на три больших военных округа. Слева, от Дюнкерка до Филиппевиля, располагалась северная армия, насчитывавшая около сорока тысяч пеших и восьми тысяч конных, под командованием маршала де Рошамбо. Лафайет командовал центральной армией, состоявшей из сорока пяти тысяч пеших и семи тысяч конных, и занимавшей район между Филиппевилем и линией Вейсемберга. Наконец, Рейнской армией, состоящей из тридцати пяти тысяч пеших и восьми тысяч конных, протянувшейся от Вейсембергской линии до Баля, командовал маршал Люкнер. Граница Альп и Пиренеев была доверена генералу Монтескью, армия которого была незначительной; но эта часть Франции пока не подвергалась опасности.

Маршал де Рошамбо считал, что будет разумно оставаться в обороне и просто охранять границы. Дюмурье, напротив, хотел взять инициативу в свои руки, как это было сделано при объявлении войны, чтобы воспользоваться преимуществом первой готовности. Он был очень предприимчив, и поскольку, будучи министром иностранных дел, он руководил военными операциями, его план был принят. Он заключался в быстром вторжении в Бельгию. Эта провинция в 1790 году попыталась сбросить австрийское иго, но после короткой победы была покорена превосходящими силами. Дюмурье полагал, что брабантские патриоты поддержат нападение французов, чтобы обрести свободу для себя. Исходя из этого, он спланировал тройное вторжение. Два генерала, Теобальд Диллон и Бирон, командовавшие во Фландрии под началом Рошамбо, получили приказ наступать: один с четырьмя тысячами человек из Лилля на Турней, другой, с десятью тысячами, из Валансьена на Монс. В то же время Лафайет с частью своей армии покинул Мец и форсированным маршем двинулся на Намюр, Стенай, Седан, Мезьер и Живе. Но этот план

предполагал дисциплину солдат, которую они, конечно, еще не приобрели, а со стороны вождей - согласие, которого было очень трудно добиться; кроме того, колонны захватчиков были недостаточно сильны для такого предприятия. Теобальд Диллон едва успел пересечь границу, как 28 апреля, при встрече с первым врагом, войско охватило панический ужас. По рядам пронесся клич *sauve qui peut*, и генерал был схвачен и истреблен своими солдатами. Примерно то же самое произошло при тех же обстоятельствах в корпусе Бирона, который был вынужден в беспорядке отступить на прежнюю позицию. Внезапное и одновременное бегство этих двух колонн следует объяснить либо страхом перед врагом со стороны войск, никогда прежде не стоявших под огнем, либо недоверием к своим командирам, либо предателями, подавшими сигнал о вероломстве.

Лафайет, прибыв в Бувинь, пройдя за два-три дня пятьдесят миль по плохим дорогам, узнал о катастрофах в Валансьене и Лилле; он сразу же увидел, что цель вторжения провалилась, и справедливо решил, что лучшим выходом будет отступление. Рошамбо жаловался на поспешность и несоответствие мер, которые были предписаны ему в самой абсолютной форме. Не желая оставаться пассивной машиной, вынужденной по воле министров занимать должность, которой он сам должен был полностью руководить, он подал в отставку. С этого момента французская армия перешла к обороне. Граница была разделена на два генеральных командования, одно из которых было поручено Лафайету и простиралось от моря до Лонгви, а другое, от Мозеля до Юры, было вверено Люкнеру. Лафайет отдал свою левую часть под командование Артура Диллона, а правой дошел до Люкнера, лейтенантом которого на Рейне был Бирон. На этой позиции они ждали союзников.

Тем временем первые проверки усилили разрыв между фельянами и жирондистами. Генералы приписывали их планам Дюмурье, министерство - тому, как его планы выполнялись генералами, которые, будучи назначены Нарбонном, принадлежали к конституционной партии. Якобинцы, напротив, обвинили антиреволюционеров в том, что они спровоцировали бегство криком *sauve qui peut!* Их радость, которую они не скрывали, заявленная надежда вскоре увидеть конфедератов в Париже, эмигрантов вернувшимися, а древний режим восстановленным, подтвердили эти подозрения. Считалось, что двор, который увеличил домашние войска с восемнадцатисот до шести тысяч человек, и эти тщательно отобранные антиреволюционеры действовали в согласии с коалицией. Общественность осудила под названием "*Комитет Австриши*" тайный комитет, существование которого невозможно было доказать, и недоверие достигло своего апогея.

Собрание сразу же приняло решительные меры. Оно вступило на путь войны и отныне было вынуждено регулировать свое поведение в большей степени с учетом общественной безопасности, чем просто справедливости. Он решил постоянно заседать; распустил домашние войска; из-за участвовавших религиозных беспорядков принял указ об изгнании непримиримых священников, чтобы не пришлось одновременно бороться с коалицией и умирять мятежи. Чтобы исправить последние поражения и иметь резервную армию вблизи столицы, 8 июня по предложению военного министра Сервана было принято решение о создании под Парижем лагеря из двадцати тысяч человек, набранных из провинций. Оно также стремилось возбудить общественное мнение революционными празднествами, начало призывать народ и вооружать его пиками, полагая, что никакая помощь не может быть лишней в столь опасный момент.

Все эти меры не прошли без противодействия со стороны конституционалистов. Они выступили против создания лагеря из двадцати тысяч человек, который рассматривали как армию партии, направленной против национальной гвардии и трона. Штаб первой выразил протест, и его состав был немедленно переформирован в соответствии со взглядами

господствующей партии. В состав новой национальной гвардии были введены роты, вооруженные пиками. Конституционалисты были еще более недовольны этой мерой, которая вводила в их ряды низший класс и, как им казалось, имела целью вытеснить буржуазию народной массой. Наконец, они открыто осудили изгнание священников, которое, по их мнению, было не чем иным, как проскрипцией.

Людовик XVI в течение некоторого времени проявлял прохладу по отношению к своим министрам, которые, со своей стороны, были более требовательны к нему. Они убеждали его допустить к себе священников, принявших присягу, чтобы подать пример в пользу конституционной религии и устранить предлоги для религиозной агитации; он решительно отказался от этого, решив впредь не делать никаких религиозных уступок. Эти последние указы положили конец его согласию с Жирондой; в течение нескольких дней он не упоминал об этом предмете, а тем более не высказывал своих намерений относительно него. Именно по этому случаю Роланд направил ему свое знаменитое письмо о его конституционных обязанностях и попросил успокоить общественное мнение и утвердить свою власть, открыто став королем революции. Это письмо еще больше раздражало Людовика XVI, уже настроенного на разрыв с жирондистами. В этом его поддержал Дюмуре, который, оставив свою партию, вместе с Дюрантоном и Лакостом образовал в министерстве раскол против Ролана, Сервана и Клавьера. Но, будучи не только способным, но и амбициозным, Дюмуре посоветовал Людовику, уволив министров, на которых он жаловался, санкционировать их декреты, чтобы сделать себя популярным. Он назвал меры против священников мерами предосторожности в их пользу: изгнание, возможно, избавит их от проскрипции, еще более фатальной; он обязался предотвратить любые революционные последствия в лагере из двадцати тысяч человек, отрядив каждый батальон в армию сразу же по прибытии в лагерь. На этих условиях Дюмуре занял пост военного министра и выдержал нападки своей собственной партии. Король уволил своих министров 13 июня, 29-го отклонил декреты, и Дюмуре отправился в армию, попав под подозрение. Собрание заявило, что Роланд, Серван и Клавьер несут с собой сожаление нации.

Король выбрал новых министров из числа фельянов. Сципион Шамбоннас был назначен министром иностранных дел; Террье де Монсейль - внутренних дел; Болье - финансов; Лажарр - войны; Лакост и Дюрантон оставались временными министрами юстиции и морского флота. Все эти люди не имели ни репутации, ни авторитета, а их партия сама приближалась к концу своего существования. Конституционная ситуация, в которой ей предстояло господствовать, все решительнее превращалась в революционную. Как могла легальная и умеренная партия удержаться между двумя крайними и воинственными партиями, одна из которых наступала извне, чтобы уничтожить революцию, а другая была полна решимости защищать ее любой ценой? В такой ситуации фельяны стали лишними. Король, понимая их слабость, теперь, казалось, полагался только на Европу и отправил Малле-Дюпана с тайной миссией в коалицию.

Тем временем все те, кого опередил народный поток и кто принадлежал к первому периоду революции, объединились, чтобы поддержать это небольшое ретроградное движение. Монархисты, во главе которых стояли Лалли-Толлендаль и Малуэ, два главных члена партии Мунье и Неккера; фельяны, руководимые старым триумvirатом - Дюпор, Ламет и Барнав; наконец, Лафайет, имевший огромную репутацию конституционалиста, пытались покончить с клубами, восстановить законный порядок и власть короля. В этот период якобинцы прилагали большие усилия; их влияние становилось огромным; они стояли во главе партии народных масс. Чтобы противостоять им, чтобы сдержать их, нужна была старая партия буржуазии; но она была дезорганизована, и ее влияние с каждым днем становилось все

слабее и слабее. Чтобы возродить ее мужество и силу, Лафайет 16 июня обратился из лагеря в Мобёже с письмом к собранию, в котором осуждал якобинскую фракцию, требовал прекращения деятельности клубов, независимости и утверждения конституционного трона и призывал собрание от своего имени, от имени своей армии, от имени всех друзей свободы принять только те меры для общественного благосостояния, которые были санкционированы законом. Это письмо вызвало жаркие споры между правыми и левыми в собрании. Хотя оно было продиктовано только чистыми и бескорыстными мотивами, оно, исходящее от молодого генерала во главе своей армии, выглядело как поступок *а-ля Кромвель*, и с этого момента репутация Лафайета, которую до сих пор уважали его противники, стала объектом нападков. На самом деле, если рассматривать его только с политической точки зрения, этот шаг был неосмотрительным. Жиронда, вытесненная из министерства и остановившаяся в своих мерах, направленных на общественное благо, не нуждалась в дальнейшем подталкивании; с другой стороны, было совершенно нежелательно, чтобы Лафайет, даже в интересах своей партии, использовал свое влияние.

Жиронда желала, ради собственной безопасности и безопасности нации, вернуть себе власть, не отступая, однако, от конституционных средств. Ее целью было не свержение короля, как в более поздний период, а его возвращение в их среду. Для этого она прибегала к настоятельным петициям народа. С момента объявления войны петиционеры появлялись с оружием в руках у бар национальной ассамблеи, предлагали свои услуги по защите страны и получали разрешение на вооруженное шествие через палату. Эта уступка была повинна в том, что она нейтрализовала все законы против военных собраний; но обе стороны оказались в чрезвычайном положении, и каждая использовала незаконные средства; суд прибег к Европе, а Жиронда - к народу. Последний находился в состоянии сильного волнения. Вожди фобургов, среди которых были депутат Шабо, Сантерр, Лежандр, мясник, Гоншон, маркиз де Сен-Урюг, в течение нескольких дней готовились к революционной вспышке, подобной той, что потерпела неудачу на Марсовом поле. Приближалось 20 июня, годовщина клятвы на Теннис-корте. Под предлогом отметить этот памятный день гражданским праздником и установить майский столб в честь свободы, 20 июня около восьми тысяч человек вышли из фобургов Сен-Антуан и Сен-Марсо и направились к собранию.

Регистратор Родерер донес эту весть до собрания, но тем временем толпа достигла дверей зала. Их лидеры попросили разрешения подать петицию и продефилировать перед собранием. Между правыми, не желавшими пускать вооруженных петиционеров, и левыми, которые на основании обычая хотели их принять, разгорелся ожесточенный спор. Верньо заявил, что собрание нарушит все принципы, если допустит к себе вооруженные банды; но, учитывая реальные обстоятельства, он также заявил, что в данном случае невозможно отказать в просьбе, которая была удовлетворена во многих других случаях. Трудно было не уступить желаниям восторженной и огромной толпы, когда их поддержало большинство представителей. Толпа уже теснилась в проходах, когда собрание решило, что просители должны быть приняты в адвокатуру. Депутация была представлена. Представитель выразился в угрожающей форме. Он сказал, что народ воспрял духом, что он готов прибегнуть к великим средствам - средствам, которые заключаются в декларации прав, *сопротивлении угнетению*; что несогласные члены собрания, если таковые имеются, *очистят мир от свободы* и отправятся в Кобленц; затем, возвращаясь к истинной цели этой мятежной петиции, он добавил: "Исполнительная власть не в союзе с вами; нам не требуется иного доказательства этого, кроме увольнения министров-патриотов. Итак, получается, что счастье свободной нации зависит от каприза короля! Но разве у этого короля должна быть иная воля, кроме воли закона? Так хочет народ, а жизнь народа не менее ценна, чем жизнь

коронованных деспотов. Эта жизнь - генеалогическое древо нации, и слабый тростник должен склониться перед этим крепким дубом! Мы жалуемся, господа, на бездействие наших армий; мы требуем, чтобы вы вникли в причину этого; если оно исходит от исполнительной власти, пусть эта власть будет уничтожена!"

Собрание ответило просителям, что примет их просьбу к сведению; затем оно призвало их уважать закон и законные власти и разрешило им продефилировать перед ним. Эта процессия, насчитывавшая тридцать тысяч человек, состоявшая из женщин, детей, национальных гвардейцев и вооруженных пиками мужчин, среди которых развевались революционные знамена и символы, пела, проходя через зал, знаменитый хор "*Ca ira*" и кричала: "Да здравствует нация!". "*Vivent les sans-culottes!*" "*A bas le veto!*" Его возглавляли Сантерр и маркиз де Сен-Урюг. Покинув собрание, она направилась к замку во главе с петиционерками.

По приказу короля внешние двери были открыты, и толпа ворвалась внутрь. Они поднялись в апартаменты, и, отбивая двери топорами, король приказал открыть их и появился перед ними в сопровождении нескольких человек. Толпа на мгновение остановилась перед ним, но те, кто находился снаружи, не смущаясь присутствием короля, продолжали идти вперед. Людовик XVI был предусмотрительно помещен в нишу окна. Он никогда не проявлял такого мужества, как в этот прискорбный день. Окруженный национальными гвардейцами, которые образовали барьер против толпы, сидя на стуле, поставленном на стол, чтобы он мог свободнее дышать и быть видимым для народа, он сохранял спокойствие и твердость. В ответ на раздававшиеся со всех сторон крики с требованием санкционировать указы, он сказал: "Сейчас не тот способ и не тот момент, чтобы добиваться ее от меня". Набравшись смелости отказаться от главного предмета собрания, он счел нужным не отвергать символ, бессмысленный для него, но в глазах народа - символ свободы; он надел на голову красный колпак, поднесенный ему на вершине пика. Народ был вполне удовлетворен этой снисходительностью. Через минуту или две после этого они осыпали его аплодисментами, когда он, почти задыхаясь от голода и жажды, без колебаний выпил стакан вина, поднесенный ему полупьяным рабочим. Тем временем Верньо, Иснар и несколько депутатов от Жиронды поспешили туда, чтобы защитить короля, обратиться к народу и положить конец этим непристойным сценам. Собрание, только что вставшее с заседания, поспешно собралось вновь, напуганное этой вспышкой, и направило несколько депутатий к Людовику XVI в качестве защиты. Наконец прибыл сам мэтр Петион; он сел на стул, обратился к народу с речью, призывая его разойтись без беспорядков, и народ повиновался. Эти необычные повстанцы, единственной целью которых было получение указов и министров, удалились, не выполнив своей миссии, но и не исполнив ее.

События 20 июня возбудили друзей конституции против ее авторов. Нарушение королевской резиденции, оскорбления, нанесенные Людовику XVI, незаконность петиции, поданной среди насилия толпы, и демонстрация оружия стали предметом серьезных нареканий со стороны народной партии. Последняя на мгновение оказалась поставлена в положение обороняющейся стороны; помимо того, что она была виновна в беспорядках, она подверглась полному разгрому. Конституционалисты приняли тон и превосходство оскорбленной и преобладающей партии; но это продолжалось недолго, так как они не были поддержаны двором. Национальная гвардия предложила Людовику XVI оставаться в сборе вокруг его персоны; герцог де ла Рошфуко-Лианкур, командовавший в Руане, пожелал передать его своим войскам, которые были преданы его делу. Лафайет предложил отвезти его в Компьень и поставить во главе своей армии; но Людовик XVI отклонил все эти предложения. Он полагал, что агитаторы будут раздосадованы неудачей своей последней

попытки; и, поскольку он надеялся на избавление от коалиции европейских держав, ставшей более активной после событий 20 июня, он не хотел использовать конституционалистов, поскольку был бы вынужден заключить с ними соглашение.

Лафайет, однако, попытался сделать последнее усилие в пользу законной монархии. Обеспечив командование своей армией и собрав адреса с протестом против последних событий, он отправился в Париж, а 28 июня неожиданно предстал перед зданием собрания. От своего имени, а также от имени своей армии он потребовал наказания мятежников 20 июня и уничтожения партии якобинцев. Его выступление вызвало различные настроения в собрании. Правые горячо приветствовали его, а левые протестовали против его поведения. Гваде предложил провести расследование на предмет его виновности в том, что он покинул армию и пришел диктовать законы собранию. Остатки уважения не позволили последнему последовать совету Гваде, и после бурных дебатов Лафайет был допущен к почестям заседания, но это было только со стороны собрания. Тогда Лафайет обратился к национальной гвардии, которая так долго была ему предана, и надеялся с ее помощью закрыть клубы, разогнать якобинцев, вернуть Людовику XVI власть, которую ему давал закон, и вновь установить конституцию. Революционеры были ошеломлены и боялись всего от смелости и активности этого противника Марсова поля. Но двор, опасавшийся триумфа конституционалистов, привел проекты Лафайета к провалу; он назначил смотр, который удалось предотвратить благодаря своему влиянию на офицеров роялистских батальонов. Гренадеры и шассеры, отборные роты, настроенные лучше остальных, должны были собраться в его резиденции и выступить против клубов; пришло едва ли тридцать человек. Тщетно попытавшись таким образом сплотить конституцию и общую защиту, суд и национальную гвардию, и обнаружив, что его покинули те, кому он пришел на помощь, Лафайет вернулся в свою армию, потеряв то небольшое влияние и популярность, которые у него оставались. Эта попытка стала последним симптомом жизни в конституционной партии.

Собрание, естественно, вернулось к положению Франции, которое не изменилось. Чрезвычайная комиссия из двенадцати человек представила через Пасторе неудовлетворительную картину состояния и разногласий в партии. Жан Дебри от имени той же комиссии предложил, чтобы собрание обеспечило спокойствие народа, которое сейчас сильно нарушено, объявив, что когда кризис станет неизбежным, собрание объявит, что *страна в опасности*; и тогда оно примет меры для общественной безопасности. Дебаты открылись по этому важному вопросу. Верньо в своей речи, которая глубоко взволновала собрание, нарисовал яркую картину всех опасностей, которым подвергалась страна в этот момент. Он заявил, что именно от имени короля собрались эмигранты, что государи Европы создали коалицию, что иностранные армии маршируют к нашим границам и что происходят внутренние беспорядки. Он обвинил его в том, что своими отказами он сдерживает национальное рвение и отдает Францию на откуп коалиции. Он процитировал статью конституции, в которой говорилось, что "если король поставит себя во главе армии и направит ее силы против нации, или если он официально не выступит против такого предприятия, предпринятого от его имени, то он должен считаться отрекшимся от престола". Если же предположить, что Людовик XVI добровольно выступил против средств защиты страны, то в таком случае, сказал он: "разве мы не вправе сказать ему: "О король, который, несомненно, вместе с тираном Лисандром считал, что истина не более ценна, чем ложь, и что людей нужно развлекать клятвами, как детей развлекают игрушками; который только притворялся покорным законам, чтобы лучше сохранить власть, позволяющую вам их нарушать, и который только притворялся, что любит конституцию, чтобы она не заставила вас покинуть трон, на котором вы считали себя обязанным оставаться, чтобы разрушить конституцию, неужели вы рассчитываете обмануть нас лицемерными заявлениями? Думаете

ли вы обмануть нас относительно наших несчастий искусством ваших оправданий? Разве защищали мы себя, чтобы противопоставить иностранным солдатам силы, чья заведомая неполноценность не допускала сомнений в их поражении? Отложить проекты по укреплению внутренних районов? Разве это защита - не проверить генерала, нарушающего конституцию, в то время как вы подавляли мужество тех, кто стремился служить ей? Разве конституция оставила вам право выбирать министров для нашего счастья или нашей гибели? Разве она поставила вас во главе нашей армии для нашей славы или нашего позора? Дала ли она вам право санкции, гражданский список и столько прерогатив, конституционно лишив вас империи и конституции? Нет! Нет! Человек! На которого не может повлиять великодушие французов, которым движет только любовь к деспотизму, вы теперь ничто для конституции, которую вы так недостойно нарушили, и для народа, который вы так подло предали!"

Единственным средством для Жиронды в ее нынешнем положении было отречение короля; Верньо, правда, пока выражался лишь двусмысленно, но вся народная партия приписывала Людовику XVI проекты, которые Верньо высказывал лишь в форме предположений. Через несколько дней Бриссо высказался более открыто. "Наша опасность, - сказал он, - превосходит все, чему были свидетелями прошлые века. Страна в опасности не потому, что нам не хватает войск, не потому, что этим войскам не хватает храбрости, не потому, что наши границы плохо укреплены, а наши ресурсы скудны. Нет, она в опасности, потому что ее сила парализована. А кто ее парализовал? Человек - один человек, человек, которого конституция сделала своим вождем, а вероломные советники - своим врагом. Вам говорят, чтобы вы боялись королей Венгрии и Пруссии; я говорю, что главная сила этих королей находится при дворе, и именно там мы должны сначала покорить их. Вам велят бить раскольников священников по всему королевству. Я велю вам нанести удар по Тюильри, то есть повалить всех священников одним ударом; вам велено преследовать всех коварных и интригующих заговорщиков; все они исчезнут, если вы однажды достаточно громко постучите в дверь кабинета Тюильри, ибо этот кабинет - точка, к которой тянутся все эти нити, где замышляется каждый план и откуда исходит каждый импульс. Нация - игрушка этого кабинета. Здесь секрет нашего положения, здесь источник зла, и здесь должно быть применено средство".

Таким образом, Жиронда подготовила собрание к вопросу о низложении. Но сначала был решен великий вопрос об опасности, грозящей стране. Три объединенных комитета заявили о необходимости принять меры для общественной безопасности, и 5 июля собрание произнесло торжественную декларацию: *Граждане, страна в опасности!* Все гражданские власти немедленно установили *постоянное наблюдение*. Все граждане, способные носить оружие и уже служившие в национальной гвардии, были поставлены на действительную службу; каждый обязан был сообщить, каким оружием и боеприпасами он владеет; пики были выданы тем, кто не мог приобрести оружие; на площадях были выстроены батальоны добровольцев, посреди которых были установлены знамена со словами: "Граждане, страна в опасности!", а в Суассоне был разбит лагерь. Эти меры защиты, ставшие теперь необходимыми, подняли революционный энтузиазм на высочайшую высоту. Особенно это было заметно в годовщину 14 июля, когда настроения толпы и федератов из департаментов проявились без удержу. Петион был объектом народного идолопоклонства и пользовался всеми почестями федерации. За несколько дней до этого он был отстранен от должности за свое поведение 20 июня директорией департамента и советом; но собрание восстановило его в должности, и единственным возгласом в день федерации было: *"Петион или смерть!"*. Несколько батальонов национальной гвардии, например, батальон Филе-Сен-Тома, все еще сохраняли привязанность ко двору; они стали объектом народного негодования и недоверия. На Елисейских полях произошли беспорядки между гренадерами Филе-Сен-Тома и марсельскими федератами, в ходе которых несколько гренадеров были ранены. С

каждым днем кризис становился все более неизбежным; партия, выступающая за войну, не могла больше терпеть партию, выступающую за конституцию. Нападки на Лафайета множились; его порицали в журналах, осуждали в собрании. Наконец начались военные действия. Клуб фельянов был закрыт; гренадерские и шассерские роты национальной гвардии, составлявшие силу буржуазии, были распущены; линейные солдаты и часть швейцарцев были высланы из Парижа, и началась открытая подготовка к катастрофе, которая произошла 10 августа.

Успехи пруссаков и знаменитый манифест Брауншвейга способствовали ускорению этого движения. Пруссия объединилась с Австрией и немецкими князьями против Франции. Эта коалиция, к которой присоединился Туринский двор, была грозной, хотя и не состояла из всех держав, которые должны были присоединиться к ней вначале. Смерть Густава, назначенного сначала командующим армией вторжения, отделила Швецию; замена графа д'Аранда, благоразумного и умеренного человека, на министра Флориды-Бланки помешала Испании войти в нее; Россия и Англия тайно одобрили нападения европейской лиги, еще не сотрудничая с ней. После уже упомянутых военных операций они скорее наблюдали друг за другом, чем воевали. За это время Лафайет внушил своей армии хорошие привычки к дисциплине и преданности; а Дюмурье, размещенный под началом Люкнера в лагере Мольде, закалил вверенные ему войска мелкими стычками и ежедневными успехами. Таким образом, из них сформировалось ядро хорошей армии, что было весьма желательно, поскольку для отражения приближающегося вторжения объединенных держав требовались организованность и уверенность.

Руководил ею герцог Брауншвейгский. Ему принадлежало главное командование армией противника, состоявшей из семидесяти тысяч пруссаков и шестидесяти восьми тысяч австрийцев, гессенцев или эмигрантов. План вторжения был следующим: герцог Брауншвейгский с пруссаками должен был перейти Рейн у Кобленца, подняться на левый берег Мозеля, атаковать французскую границу в ее центральной и наиболее доступной точке и наступать на столицу через Лонгви, Верден и Шалон. Принц фон Гогенлоэ слева должен был наступать в направлении Меца и Тионвиля с гессенцами и эмигрантами, а генерал Клерфэйт с австрийцами и другими эмигрантами должен был свергнуть Лафайета, расположившегося перед Седаном и Мезьером, перейти Мёз и двинуться на Париж через Реймс и Суассон. Таким образом, центр и два крыла должны были сосредоточенно наступать на столицу с Мозеля, Рейна и Нидерландов. Другие отряды, размещенные на границе Рейна и крайней северной границе, должны были атаковать наши войска на этих направлениях и способствовать центральному вторжению.

26 июля, когда армия начала отходить от Кобленца, герцог Брауншвейгский опубликовал манифест от имени императора и короля Пруссии. Он упрекал *тех, кто узурпировал бразды правления во Франции*, в том, что они нарушили порядок и свергли законное правительство; в том, что они применяли ежедневно возобновляемое насилие против короля и его семьи; в том, что они произвольно подавляли права и владения немецких князей в Эльзасе и Лотарингии; и, наконец, в том, что они увенчали эти меры объявлением несправедливой войны против его величества императора и нападением на его провинции в Нидерландах. Он объявил, что союзные государи продвигаются вперед, чтобы положить конец анархии во Франции, остановить посягательства на алтарь и трон, вернуть королю безопасность и свободу, которых он был лишен, и поставить его в условия для осуществления его законной власти. Таким образом, он возложил на национальную гвардию и власти ответственность за все беспорядки, которые могут возникнуть до прибытия войск коалиции. Он призвал их

вернуться к своей древней верности. Он заявил, что жители городов, *осмелившиеся встать на защиту*, должны быть немедленно наказаны как мятежники, со всей суровостью войны, а их дома разрушены или сожжены; что если город Париж не восстановит короля в полной свободе и не окажет ему должного уважения, принцы коалиции сделают членов национального собрания, департамента, округа, корпорации и национальной гвардии лично ответственными вместе с их главами, чтобы судить их по военному закону и без надежды на помилование; И что если замок подвергнется нападению или оскорблению, принцы совершат показательное и никогда не забываемое возмездие, предав Париж военным казням и полному ниспровержению. С другой стороны, он обещал, если жители Парижа немедленно подчинятся приказам коалиции, обеспечить им посредничество союзных принцев с Людовиком XVI для помилования их преступлений и ошибок.

Этот пламенный и неполиткорректный манифест, не скрывавший ни замыслов эмигрантов, ни замыслов Европы, обращавшийся к великому народу с поистине необычайным тоном повеления и презрения, открыто возвещавший ему все беды вторжения и, более того, месть и деспотизм, вызвал национальное восстание. Это более чем что-либо другое ускорило падение трона и помешало успеху коалиции. От одного конца Франции до другого раздавалось одно желание, один крик сопротивления, и кто не присоединился к нему, считался виновным в нечестии по отношению к своей стране и священному делу ее независимости. Народная партия, поставленная в необходимость завоеваний, не видела иного пути, кроме уничтожения власти короля, а чтобы уничтожить ее, - свержения его с престола. Но в этой партии каждый хотел достичь цели по-своему: Жиронда - декретом собрания, лидеры толпы - восстанием. Дантон, Робеспьер, Камиль Десмулен, Фабр-д'Эглантин, Марат и т. д. были вытесненной фракцией, нуждавшейся в революции, которая подняла бы ее из среды народа в собрание и корпорацию. Они были истинными лидерами нового движения, которое должно было произойти с помощью низших слоев общества против среднего класса, к которому жирондисты принадлежали по своим привычкам и положению. С этого дня возникло разделение между теми, кто хотел только подавить суд в существующем порядке вещей, и теми, кто хотел ввести толпу. Последние не могли смириться с медлительностью обсуждения. Возбужденные всеми революционными страстями, они настроились на вооруженное нападение, подготовка к которому велась открыто и задолго до этого.

Их предприятие несколько раз проектировалось и приостанавливалось. 26 июля должно было вспыхнуть восстание, но оно было плохо спланировано, и Петион помешал ему. Когда федераты из Марселя прибыли, направляясь в лагерь в Суассоне, фавбурги должны были встретить их, а затем неожиданно вернуться в замок. Это восстание также провалилось. Однако прибытие марсельцев воодушевило столичных агитаторов, и в Шарантоне состоялись конференции между ними и федеральными лидерами по свержению трона. Секции были сильно взбудоражены; секция Моконсейля первой объявила себя в состоянии мятежа и уведомила об этом собрание. Вопрос о свержении с престола обсуждался в клубах, и 3 августа мэр Петион пришел просить об этом законодательный орган от имени коммуны и секций. Прошение было передано на рассмотрение чрезвычайной комиссии из двенадцати человек. 8-го числа обсуждалось обвинение Лафайета. Остатки мужества побудили большинство поддержать его, и не без опаски. Он был оправдан, но все, кто голосовал за него, подверглись шипению, преследованию и жестокому обращению со стороны народа при разгоне заседания.

На следующий день волнение было чрезвычайным. Из писем большого числа депутатов собрание узнало, что накануне, выходя из дома, они подверглись жестокому обращению и

угрозам смерти за то, что голосовали за оправдание Лафайета. Вобланк объявил, что в его дом ворвалась толпа и обыскала его в погоне за ним. Жирарден воскликнул: "Обсуждение невозможно без полной свободы мнений; я заявляю своим избирателям, что не смогу обсуждать, если законодательный орган не обеспечит мне свободу и безопасность". Вобланк настоятельно требовал, чтобы собрание приняло самые решительные меры для обеспечения уважения к закону. Он также потребовал, чтобы федераты, которых защищали жирондисты, были без промедления отправлены в Суассон. Во время этих дебатов президент получил послание от де Жоли, министра юстиции. Он объявил, что злодеяния достигли своего апогея, а народ побуждается ко всякого рода излишествах. Он рассказал о совершенных накануне вечером преступлениях, причем не только против депутатов, но и против многих других лиц. "Я, - сказал министр, - осудил эти нападения в уголовном суде; но закон бессилён, и я вынужден по чести и порядочности сообщить вам, что без оперативной помощи законодательного органа правительство не может больше нести ответственность". Тем временем было объявлено, что секция *Quinze-vingts* заявила, что если в тот же день не будет объявлено о свержении, то в полночь они затрубят в набат, побьют генераль и нападут на замок. Это решение было передано сорока восемью секциями, и все, кроме одной, одобрили его. Собрание вызвало регистратора департамента, который заверил их в своей доброй воле, но в своей неспособности; а также мэра, который ответил, что в то время, когда секции вернули себе суверенитет, он может оказывать на народ лишь влияние убеждения. Собрание разошлось, не приняв никаких мер.

Повстанцы назначили нападение на замок на утро 10 августа. 8-го числа марсельцы были переведены из казарм на улице Бланш в Кордельеры с оружием, пушками и штандартами. Они получили пять тысяч шариковых патронов, которые были розданы им по приказу комиссара полиции. Главным местом восстания стал фобур Сент-Антуан. Вечером, после бурного заседания, якобинцы направились туда с процессией; восстание было организовано. Было решено распустить департамент, уволить Петиона, чтобы снять с него все обязанности и всю ответственность, и, наконец, заменить генеральный совет нынешней коммуны восставшим муниципалитетом. В то же время агитаторы направились в секции фавюров и в казармы марсельцев и бретонцев, входящих в федерацию.

Двор уже давно был предупрежден об опасности и привел себя в состояние обороны. Вероятно, в этот момент он считал себя не только способным устоять, но и полностью восстановить свои позиции. Внутренние помещения замка были заняты швейцарцами, которых насчитывалось восемь или девять сотен, офицерами распушенной гвардии, а также отрядом джентльменов и роялистов, предложивших свои услуги, вооруженных саблями, шпагами и пистолетами. Мандат, генерал-аншеф национальной гвардии, отправился в замок со своим штабом, чтобы защищать его; он отдал приказ батальонам, наиболее приверженным конституции, взять оружие. Министры также находились рядом с королем; вечером туда же отправился регистратор департамента по приказу короля, который также послал за Петионом, чтобы узнать у него о состоянии Парижа и получить разрешение на отражение силы силой.

В полночь прозвучал набат; генераль был разбит. Повстанцы собрались и встали в свои ряды; члены секций разогнали муниципалитет и создали временный совет коммуны, который направился к гостинице де Виль, чтобы руководить восстанием. Батальоны национальной гвардии направились к замку и расположились во дворе или на главных постах вместе с конной жандармерией; артиллеристы заняли аллеи Тюильри со своими орудиями, а швейцарцы и волонтеры охраняли квартиры. Оборона находилась в наилучшем состоянии.

Тем временем некоторые депутаты, разбуженные сигналом набата, поспешили в зал заседаний законодательного органа и открыли заседание под председательством Верньо. Услышав, что Петион находится в Тюильри, и предположив, что он задержан там и хочет быть освобожденным, они послали за ним в зал заседаний, чтобы он рассказал о положении дел в Париже. Получив этот приказ, он покинул замок; он предстал перед собранием, где депутация снова потребовала его, также полагая, что он заключен в Тюильри. С этой депутацией он вернулся в Отель-де-Виль, где был поставлен под охрану трехсот человек новой коммуны. Последний, не желая допустить в этот день беспорядков никакой другой власти, кроме мятежной, рано утром послал за комендантом Мандатом, чтобы узнать, какие меры были приняты в замке. Мандат не решался повиноваться; однако, поскольку он не знал, что муниципалитет сменился, и поскольку его долг требовал подчиниться его приказам, по второму вызову, полученному из коммуны, он отправился в Отель-де-Виль. Увидев новые лица, он побледнел. Его обвинили в том, что он разрешил войскам стрелять в народ. Он заволновался, ему приказали идти в аббатство, и толпа убила его, когда он уходил, на ступенях Дома Виль. Коммуна немедленно передала Сантерру командование национальной гвардией.

Таким образом, двор лишился своего самого решительного и влиятельного защитника. Присутствие Мандата и полученный им приказ применить силу в случае необходимости были необходимы, чтобы побудить национальную гвардию к бою. Вид дворян и роялистов умерил их пыл. Сам Мандат перед отъездом тщетно убеждал королеву распустить этот отряд, который конституционалисты считали отрядом аристократов.

Около четырех утра королева вызвала Редерера, регистратора департамента, который провел ночь в Тюильри, и поинтересовалась, что следует предпринять в сложившихся обстоятельствах? Родерер ответил, что считает необходимым, чтобы король и королевская семья проследовали в Национальное собрание. "Вы предлагаете, - сказал Дюбушаж, - отвести короля к его врагам". Родерер ответил, что за два дня до этого четыреста членов этого собрания из шестисот высказались в пользу Лафайета, и что он предложил этот план только как наименее опасный. Тогда королева очень решительным тоном сказала: "Сэр, у нас здесь есть силы: пора узнать, кто одержит верх, король и конституция или фракция?" "В таком случае, мадам, - ответил Родерер, - давайте посмотрим, какие меры были приняты для сопротивления". За Лашенайе, который командовал в отсутствие Мандата, послали. Его спросили, принял ли он меры, чтобы предотвратить прибытие толпы в замок? Охранял ли он Каррузель? Он ответил утвердительно; и, обращаясь к королеве, сказал тоном, полным гнева: "Я не должен позволить вам оставаться в неведении, мадам, что апартаменты заполнены людьми разного рода, которые очень мешают службе и препятствуют свободному доступу к королю, что вызывает недовольство национальной гвардии". "Это не по времени, - ответила королева, - я отвечу за тех, кто здесь; они будут продвигаться первыми или последними в строю, как вам будет угодно; они готовы ко всему, что необходимо; это надежные люди". Они довольствовались тем, что отправили двух министров, Жоли и Шампиона, в собрание, чтобы сообщить ему об опасности и попросить помощи и комиссаров. [Сноска: *Chronique des Cinquante Jours*, par P. L. Roederer, писателя самой скрупулезной точности].

Между защитниками замка уже существовали разногласия, когда в пять часов утра Людовик XVI проехал мимо них в строю. Сначала он посетил внутренние посты и нашел их воодушевленными самыми лучшими намерениями. Его сопровождали несколько членов его семьи, и вид у него был крайне печальный. "Я не стану, - сказал он, - отделять свое дело от дела добрых граждан; мы спасемся или погибнем вместе". Затем он спустился во двор в

сопровождении нескольких генеральских офицеров. Как только он появился, они подняли оружие. Раздался крик "Vive le roi!", который повторила национальная гвардия; но артиллеристы и батальон "Croix Rouge" ответили криком "Vive la nation!". В тот же миг новые батальоны, вооруженные ружьями и пиками, продефилировали перед королем и заняли свои места на террасе Сены с криками: "Да здравствует нация!". "Да здравствует Петион!". Король продолжил смотреть, однако не без грусти от этого предзнаменования. Он был принят с самыми сильными проявлениями преданности батальонами Филе-Сен-Томас и Пти-Пер, которые занимали террасу, простиравшуюся по всей длине замка. Когда он пересекал сад, чтобы посетить порты Пон-Турнан, батальоны пиктов преследовали его с криками: "Долой вето!" "Долой предателя!", а когда он вернулся, они покинули свою позицию, расположились у Пон-Рояля и направили свои пушки против замка. Два других батальона, размещенные во дворах, подражали им и расположились на площади дю Каррузель в позиции для атаки. Когда король вернулся в замок, он был бледен и подавлен, а королева сказала: "Все потеряно! Такой обзор принес больше вреда, чем пользы".

Пока все это происходило в Тюильри, повстанцы продвигались несколькими колоннами; они провели ночь в сборах и организации. Утром они захватили арсенал и раздали оружие. Колонна фобура Сент-Антуан, насчитывавшая около пятнадцати тысяч человек, и колонна фобура Сен-Марсо, насчитывавшая пять тысяч, начали шествие около шести. Толпа увеличивалась по мере продвижения. Директория департамента поставила артиллеристов на Пон-Нёф, чтобы предотвратить объединение повстанцев с двух берегов реки. Но Мануэль, городской писарь, приказал их убрать, и проход был свободен. Авангард фобургов, состоящий из марсельцев и бретонских федератов, уже прибыл на улицу Сент-Оноре, расположился в боевом порядке на Каррузеле и направил пушки на замок. Де Жоли и Шампион вернулись с собрания, заявив, что присутствующих недостаточно для дебатов, что их едва ли наберется шестьдесят или восемьдесят человек, и что их предложение не было услышано. Тогда Редерер, регистратор департамента, с членами департамента предстал перед толпой, заметив, что столь многочисленная толпа не может иметь доступа ни к королю, ни к национальному собранию, и рекомендовал им назначить двадцать депутатов и доверить им свои просьбы. Но его не послушали. Он обратился к национальной гвардии, напомнил им статью закона, которая предписывала им в случае нападения отражать силу силой. Очень небольшая часть национальной гвардии, казалось, была настроена так поступить; и единственным ответом артиллеристов был выстрел из пушки. Родерер, видя, что повстанцы повсюду торжествуют, что они хозяева поля, что они распоряжаются толпой и даже войсками, поспешно вернулся в замок, во главе исполнительной директории.

Король провел совет с королевой и министрами. Один из муниципальных чиновников только что объявил тревогу, сообщив, что колонны мятежников движутся к Тюильри. "Ну, и чего они хотят?" - спросил Жоли, хранитель печатей. "Отречения", - ответил офицер. "Оно должно быть объявлено собранием", - добавил министр. "И что последует за отречением?" - спросила королева. Муниципальный чиновник молча поклонился. В этот момент прибыл Родерер и усилил тревогу двора, объявив, что опасность чрезвычайная, что с мятежниками не будут иметь дела и что на национальную гвардию нельзя положиться. "Сир, - срочно сказал он, - вашему величеству нельзя терять и пяти минут: ваша единственная безопасность - в национальном собрании; по мнению департамента, вы должны отправиться туда без промедления. При дворе нет достаточного количества людей для защиты замка, и мы не уверены в них". При упоминании об обороне артиллеристы разрядили свои пушки". Король сначала ответил, что не заметил много людей на Каррузеле; королева оживленно ответила, что у короля есть силы для защиты замка. Но, услышав новый настойчивый голос Родерера, король, внимательно посмотрев на него несколько минут, повернулся к королеве и,

поднявшись, сказал: "Пойдемте". "Месье Родерер, - сказала мадам Елизавета, обращаясь к диктофону, - вы отвечаете за жизнь короля?" "Да, мадам, за свою собственную", - ответил он. "Я немедленно пройду перед ним".

Людовик XVI вышел из своих покоев вместе с семьей, министрами и членами департамента и объявил лицам, собравшимся для защиты замка, что он направляется в национальное собрание. Он встал между двумя шеренгами национальных гвардейцев, вызванных для его сопровождения, и пересек апартаменты и сад Тюильри. Депутация собрания, извещенная о его приближении, вышла ему навстречу: "Сир, - сказал председатель этой депутации, - собрание, желая обеспечить вашу безопасность, предлагает вам и вашей семье убежище в своем лоне". Процессия возобновила шествие и с некоторым трудом пересекла террасу Тюильри, которая была заполнена оживленной толпой, выкрикивающей угрозы и оскорбления. Король и его семья с большим трудом добрались до зала собрания, где заняли места, предназначенные для министров. "Господа, - сказал король, - я пришел сюда, чтобы избежать великого преступления; думаю, я не могу быть в большей безопасности, чем с вами". "Сир, - ответил Верньо, занимавший кресло, - вы можете положиться на твердость национального собрания. Его члены поклялись умереть, защищая права народа и законную власть". Затем король занял свое место рядом с президентом. Но Шабо напомнил ему, что собрание не может совещаться в присутствии короля, и Людовик XVI удалился со своей семьей и министрами в репортерскую ложу позади президента, откуда все происходящее было видно и слышно.

С отъездом короля исчезли все мотивы для сопротивления. Средства обороны также уменьшились с уходом национальных гвардейцев, сопровождавших короля. Жандармерия покинула свои посты с криками "Да здравствует нация!". Национальная гвардия начала переходить на сторону повстанцев. Но враги оказались лицом к лицу, и, хотя повод был устранен, бой все же начался. Колонна повстанцев окружила замок. Марсельцы и бретонцы, занимавшие первые ряды, только что форсировали Королевский порт на Каррузель и вошли во двор замка. Их возглавлял старый субалтерн по фамилии Вестерманн, друг Дантона и очень смелый человек. Он выстроил свои войска в боевой порядок и, подойдя к артиллеристам, побудил их присоединиться к марсельцам со своими орудиями. Швейцарцы заполнили окна замка и стояли неподвижно. В течение некоторого времени они противостояли друг другу, не предпринимая атак. Несколько нападавших дружно отошли, и швейцарцы в знак мира выбросили из окон несколько патронов. Они проникли в вестибюль, где их встретили другие защитники замка. Их разделял барьер. Здесь начался бой, но неизвестно, на чьей стороне он начался. Швейцарцы открыли убийственный огонь по нападавшим, которые были рассеяны. Площадь дю Каррузель была очищена. Но марсельцы и бретонцы вскоре вернулись с новыми силами; швейцарцы были обстреляны из пушек и окружены. Они оставались на своих постах до тех пор, пока не получили от короля приказ прекратить огонь. Однако разъяренная толпа не переставала преследовать их и предавалась самым жестоким расправам. Теперь это была уже не битва, а резня, и толпа совершала в замке все эксцессы победы.

Все это время собрание находилось в величайшей тревоге. Первая же канонада привела их в смятение. По мере того как стрельба становилась все более частой, волнение нарастало. В один момент члены собрания посчитали себя потерянными. Офицер, вошедший в зал, поспешно воскликнул: "По местам, законодатели; мы вынуждены!". Несколько человек поднялись, чтобы выйти. "Нет, нет", - закричали другие, - "это наш пост". Зрители на галерее мгновенно воскликнули: "Да здравствует национальное собрание!", а собрание ответило:

"Да здравствует нация!" Вслед за этим раздались победные крики, и судьба монархии была решена.

Собрание немедленно выступило с прокламацией о восстановлении спокойствия и призывом к народу уважать правосудие, своих судей, права человека, свободу и равенство. Но народ и его вожди имели в своих руках всю полноту власти и были намерены ею воспользоваться. Новый муниципалитет пришел, чтобы заявить о своей власти. Перед ним несли три знамени с надписью: "Патри, либерте, эгалите". Его обращение было властным и заканчивалось требованием низложения короля и созыва национального конвента. За ним последовали депутации, и все они выражали одно и то же желание, а точнее, отдавали один и тот же приказ.

Собрание почувствовало, что вынуждено уступить; однако оно не взяло на себя смещение короля. Верньо взошел на трибуну от имени комиссии из двенадцати человек и сказал: "Я собираюсь предложить вам очень суровую меру; я взываю к скорби ваших сердец, чтобы вы рассудили, насколько необходимо принять ее немедленно". Эта мера заключалась в созыве национального собрания, увольнении министров и отстранении короля от власти. Собрание приняло ее единогласно. Министры-жирондисты были отозваны, знаменитые декреты приведены в исполнение, около четырех тысяч священников, не придерживавшихся религии, были сосланы, а в армии были отправлены комиссары, чтобы удостовериться в их исполнении. Людовик XVI, которому собрание сначала определило в качестве резиденции Люксембург, был переведен в качестве узника в Тампль всемогущей коммуной под тем предлогом, что иначе она не могла бы отвечать за безопасность его персоны. Наконец, на 23 сентября было назначено открытие чрезвычайного собрания, призванного решить судьбу королевской власти. Но королевская власть пала уже 10 августа, в этот день, отмеченный восстанием народных масс против средних классов и конституционного трона, как 14 июля произошло восстание средних классов против привилегированного сословия и абсолютной власти короны. 10 августа началась диктаторская и произвольная эпоха революции. Обстоятельства становились все труднее и труднее, возникла обширная война, требовавшая еще большей энергии, чем прежде, и эта энергия, нерегулярная, потому что народная, делала господство низшего класса беспокойным, жестоким и деспотичным. Характер вопроса был полностью изменен; это был уже вопрос не свободы, а общественной безопасности; и обычный период, начиная с конца конституции 1791 года и до того времени, когда конституция III года установила директорию, был только длинной кампанией революции против партий и против Европы. Вряд ли могло быть иначе. "Революционное движение однажды установилось, - пишет М. де Местр в своих *"Рассуждениях о Франции"*. [Сноска: Лозанна, 1796 г.] "Франция и монархия могут быть спасены только якобинством. Наши внуки, которым будет мало дела до наших страданий и которые будут танцевать на наших могилах, будут смеяться над нашим нынешним невежеством; они легко утешат себя теми эксцессами, свидетелями которых мы были и которые сохранили целостность прекраснейшего из королевств".

Департаменты придерживались событий 10 августа. Армия, которая вскоре после этого попала под влияние революции, пока еще придерживалась конституционных роялистских принципов; но поскольку войска были подчинены партиям, они легко подчинялись господствующему мнению. Генералы второго ранга, такие как Дюмурьез, Кюстин, Бирон, Келлерман и Лабурдонне, были склонны принять последние изменения. Они еще не заявили о своей принадлежности к той или иной партии, рассматривая революцию как средство продвижения по службе. С двумя главными генералами дело обстояло иначе. Люкнер колебался между восстанием 10 августа, которое он называл "маленькой случайностью,

произошедшей с Парижем и его другом Лафайетом". Последний, глава конституционной партии, твердо придерживаясь своих клятв, желал по-прежнему защищать свергнутый трон и конституцию, которой больше не существовало. Он командовал примерно тридцатью тысячами человек, которые были преданы его персоне и его делу. Его штаб-квартира находилась недалеко от Седана. В своем проекте сопротивления в пользу конституции он договорился с муниципалитетом этого города и директорией департамента Арденны о создании гражданского центра, вокруг которого могли бы объединиться все департаменты. Три комиссара, Керсан, Антонель и Перальди, посланные законодательным собранием в его армию, были арестованы и заключены в башню Седана. Причина этой меры заключалась в том, что собрание было запугано, а члены, принявшие такую миссию, обязательно были лидерами или орудиями фракции, подчинившей себе национальное собрание и короля. Тогда войска и гражданские власти вновь присягнули конституции, а Лафайет попытался расширить круг восстания армии против народного восстания.

Генерал Лафайет в этот момент, возможно, слишком много думал о прошлом, о законе и общей присяге, и недостаточно - о действительно необычном положении, в котором находилась Франция. Он видел лишь крушение самых дорогих надежд друзей свободы, узурпацию государства толпой и анархическое правление якобинцев; он не понимал фатальности ситуации, которая делала необходимым триумф последнего участника революции. Вряд ли буржуазия, которая была достаточно сильна, чтобы свергнуть старую систему и привилегированные классы, но которая после этой победы почилла, могла противостоять эмигрантам и всей Европе. Для этого нужен был новый толчок, новая вера; нужен был многочисленный, пылкий, неиссякаемый класс, столь же воодушевленный 10 августа, как буржуазия была воодушевлена 14 июля. Лафайет не мог объединиться с этой партией; он боролся с ней при Учредительном собрании, на Марсовом поле, до и после 20 июня. Он не мог продолжать играть свою прежнюю роль и защищать дело, справедливое само по себе, но осужденное событиями, не ставя под угрозу свою страну и результаты революции, к которой он был искренне привязан. Его сопротивление, если бы оно продолжалось, привело бы к гражданской войне между народом и армией, в то время, когда не было уверенности, что объединение всех партий будет достаточным для борьбы с иностранной войной.

Было 19 августа, и армия вторжения, покинувшая Кобленц 30 июля, поднималась вверх по Мозелю и наступала на эту границу. Ввиду общей опасности войска были склонны возобновить повиновение собранию; Люкнер, сначала одобрявший взгляды Лафайета, отказался от них, плача и клянясь, перед муниципалитетом Меца; и сам Лафайет увидел необходимость уступить более могущественной судьбе. Он покинул свою армию, взяв на себя всю ответственность за восстание. Его сопровождали Бюро-де-Пюси, Латур-Мобур, Александр Ламет и некоторые офицеры его штаба. Он проследовал через вражеские посты в сторону Голландии, намереваясь отправиться в Соединенные Штаты, свою приемную страну. Но он был обнаружен и арестован вместе со своими спутниками. В нарушение прав наций с ним обращались как с военнопленным и заключили сначала в подземелья Магдебурга, а затем австрийцы в Ольмюце. Английский парламент сам предпринял шаги в его пользу, но только после договора Кампо-Формио Бонапарт освободил его из тюрьмы. В течение четырех лет тяжелейшего плена, подвергаясь всевозможным лишениям, находясь в неведении о состоянии своей страны и свободы, не имея перед собой никакой перспективы, кроме вечного и сурового заточения, он проявил самое героическое мужество. Он мог бы получить свободу, сделав определенные отступления, но он предпочел остаться погребенным в своей темнице, чтобы хоть в малейшей степени отказаться от священного дела, которое он принял.

В наше время было мало жизней более чистых, чем у Лафайета, мало характеров более прекрасных, мало людей, чья популярность была завоевана более справедливо и сохранялась дольше. Отстояв свободу в Америке на стороне Вашингтона, он хотел таким же образом утвердить ее во Франции; но эта благородная роль была невозможна в нашей революции. Когда у народа, стремящегося к свободе, нет внутренних разногласий и нет врагов, кроме иностранцев, он может найти освободителя; может произвести в Швейцарии Вильгельма Телля, в Нидерландах - принца Оранского, в Америке - Вашингтона; но когда он стремится к ней против своих соотечественников и иностранцев, сразу среди фракций и сражений, он может произвести только Кромвеля или Бонапарта, которые становятся диктаторами революций, когда борьба затихает и партии истощаются. Лафайет, участник первой эпохи кризиса, с энтузиазмом ратовал за его результаты. Он стал генералом среднего класса, во главе национальной гвардии при учредительном собрании, в армии при законодательном собрании. Он возвысился благодаря ей, и он закончит вместе с ней. О нем можно сказать, что если он и совершал некоторые проступки, связанные с положением, то у него всегда была только одна цель - свобода, и он использовал только одно средство - закон. То, как, будучи еще совсем молодым, он посвятил себя освобождению двух миров, его славное поведение и неизменная твердость с честью передадут его имя потомкам, у которых не может быть двух репутаций, как во времена партий, а только одна.

Авторы событий 10 августа все больше и больше расходились во мнениях, не имея общего взгляда на результаты, которые должна была принести эта революция. Более смелая партия, завладевшая коммуной или муниципалитетом, хотела с помощью этой коммуны управлять Парижем, с помощью Парижа - национальным собранием, а с помощью собрания - Францией. После того как Людовик XVI был перевезен в Храм, он сбросил все статуи королей и уничтожил все эмблемы монархии. Департамент пользовался правом надзора над муниципалитетом; чтобы стать полностью независимым, он отменил это право. Закон требовал определенных условий для того, чтобы стать гражданином; он постановил отменить их, чтобы ввести народ в управление государством. В то же время он требовал создания чрезвычайного трибунала для суда над *заговорщиками 10 августа*. Поскольку собрание оказалось недостаточно послушным и пыталось прокламациями вернуть народ к более справедливым и умеренным настроениям, оно получило угрожающие послания из Дома де Вилль. "Как гражданин, - говорил один из членов коммуны, - как народный судья, я пришел объявить вам, что сегодня вечером, в полночь, прозвучит набат, барабан будет бить по оружию. Народ устал от того, что за него не отомстили; трепещите, чтобы самим не вершить правосудие". "Если до истечения двух или трех часов не будет назван старшина присяжных, - говорит другой, - и если сами присяжные не будут в состоянии действовать, Париж постигнут великие бедствия". Чтобы предотвратить угрожающие вспышки, собрание было вынуждено назначить чрезвычайный уголовный трибунал. Этот трибунал осудил несколько человек, но Коммуна, задумавшая самые ужасные проекты, не сочла его достаточно оперативным.

Во главе Коммуны стояли Марат, Панис, Сержан, Дюплен, Ленфент, Лефорт, Журдей, Колло д'Эрбуа, Бийо-Варенн, Тальен и другие; но главным вождем партии в то время был Дантон. Он, как никто другой, отличился 10 августа. В течение всей той ночи он метался от секций к казармам марсельцев и бретонцев, а от них - к фобургам. Член революционной коммуны, он руководил ее операциями, а затем был назначен министром юстиции.

Дантон был гигантским революционером; он не считал порицаемыми никакие средства, если они были полезны, и, по его мнению, люди могли делать все, что осмеливались. Дантон, которого называли Мирабо народных масс, был физически похож на трибуна высших

классов; у него были неровные черты лица, мощный голос, бурная жестикуляция, смелое красноречие, властный лоб. Их пороки тоже были одинаковыми, только у Мирабо они были патрицианскими, а у Дантона - демократическими; то, что было смелого в концепциях Мирабо, можно было найти и у Дантона, но в другом виде, потому что в революции он принадлежал к другому классу и другой эпохе. Пылкий, перегруженный долгами и нуждами, с распущенными привычками, предававшийся то страстям, то партии, он был грозен в погоне за целью, но становился безразличным, как только добивался ее. Этот могущественный демагог представлял собой смесь самых противоположных пороков и качеств. Хотя он продался двору, он не казался подлым; он был одним из тех, кто, так сказать, придает видимость свободы даже подлости. Он был абсолютным истребителем, не будучи лично свирепым; неумолимый к массам, гуманный, великодушный даже к отдельным людям. [Сноска: В то время, когда коммуна устраивала резню 2 сентября, он спасал всех, кто обращался к нему; он по собственному желанию освободил из тюрьмы Дюпора, Барнава и Ш. Ламета, своих личных противников]. Революция, по его мнению, была игрой, в которой завоеватель, если ему это было нужно, выигрывал жизнь побежденного. Благосостояние его партии было в его глазах выше закона и даже человечности; этим объясняются его усилия после 10 августа и возвращение к умеренности, когда он считал республику установленной.

В это время пруссаки, продвигаясь по описанному выше плану вторжения, перешли границу, совершив двадцатидневный марш. Армия Седана осталась без предводителя и была не в состоянии противостоять силам, превосходящим ее по численности и гораздо лучше организованным. 20 августа пруссаки заняли Лонгви, 21-го подвергли его бомбардировке, а 24-го капитулировали. 30-го числа неприятельская армия прибыла к Вердену, заняла его и начала обстреливать. Верден был взят, дорога на столицу была открыта. Взятие Лонгви и приближение столь серьезной опасности повергло Париж в крайнее волнение и тревогу. Исполнительный совет, состоящий из министров, был созван комитетом общей обороны, чтобы обсудить наилучшие меры, которые следует принять в этой опасной ситуации. Одни предлагали ждать врага под стенами столицы, другие - удалиться в Сомюр. "Вы не забыли, - сказал Дантон, когда настала его очередь говорить, - что Франция - это Париж; если вы отдадите столицу иностранцам, вы сдадите себя и сдадите Францию. Именно в Париже мы должны защищать себя всеми возможными средствами. Я не могу одобрить ни один план, направленный на то, чтобы удалить вас из него. Второй проект кажется мне не лучше. Невозможно думать о борьбе под стенами столицы. Десятое августа разделило Францию на две партии, одна из которых придерживается королевской власти, а другая желает республики. Последняя, решительное меньшинство которой в государстве невозможно скрыть, - единственная, на которую вы можете рассчитывать в бою; другая откажется выступить в поход; она возбудит Париж в пользу иностранца, а ваши защитники, поставленные между двух огней, погибнут при отражении его. Если они падут, что кажется мне несомненным, ваша гибель и гибель Франции несомненны; если, вопреки всем ожиданиям, они вернутся победителями коалиции, эта победа все равно будет поражением для вас; ведь она будет стоять вам тысяч храбрых людей, в то время как роялисты, более многочисленные, чем вы, не потеряют ни своей силы, ни своего влияния. Я считаю, что для того, чтобы расстроить их меры и остановить врага, мы должны заставить роялистов бояться". Комитет, сразу поняв смысл этих слов, пришел в замешательство. "Да, говорю я вам, - продолжал Дантон, - мы должны заставить их бояться". Поскольку комитет отверг это предложение молчанием, полным тревоги, Дантон договорился с коммуной. Его целью было уничтожить врагов террором, все больше вовлекать народ в борьбу, делая его своим сообщником, и не оставить революции иного убежища, кроме победы.

Визиты в дома совершались с большой и мрачной церемонией; большое количество людей, чье состояние, взгляды или поведение вызвали подозрения, были брошены в тюрьму. Эти несчастные были взяты в особенности из двух раскольничьих классов, дворян и духовенства, которые были обвинены в заговоре под законодательным собранием. Все граждане, способные носить оружие, были записаны на Марсовом поле и первого сентября отправились на границу. Прозвучал торжественный сигнал, прозвучал набат, раздались пушечные выстрелы, и Дантон, явившись в собрание, чтобы сообщить о мерах, принятых для спасения страны, воскликнул: "Пушки, которые вы слышите, - это не тревожные пушки, а сигнал к атаке на врага! Что нужно, чтобы победить их, чтобы низложить их? Смелость, снова смелость, и еще раз смелость, и так до бесконечности!" Известие о взятии Вердена поступило в ночь на 1 сентября. Коммуна воспользовалась этим моментом, когда Париж, охваченный ужасом, думал, что видит врага уже у своих ворот, для осуществления своих страшных замыслов. Снова загремели пушки, прозвучал набат, заграждения были закрыты, и началась резня.

В течение трех дней заключенные, содержащиеся в Карме, Аббатстве, Консьержери, Силе и т. д., были уничтожены бандой из трехсот убийц, руководимых и оплачиваемых коммуной. Это тело, с невозмутимым фанатизмом предававшее убийству священные формы правосудия, то судьи, то палачи, казалось, скорее выполняло свое призвание, чем осуществляло месть; они убивали без вопросов, без угрызений совести, с убежденностью фанатиков и покорностью палачей. Если какие-то особые обстоятельства, казалось, приводили их в движение и напоминали о чувствах гуманности, справедливости и милосердия, они на мгновение поддавались этому впечатлению, а затем начинали все заново. Таким образом было спасено несколько человек, но их было очень мало. Собрание хотело предотвратить резню, но не смогло этого сделать. Министерство было так же неспособно, как и собрание; только ужасная коммуна могла приказать и сделать все; Петион, мэр, был отстранен от должности; солдаты, приставленные к заключенным, боялись сопротивляться убийцам и позволяли им действовать по своему усмотрению; толпа казалась равнодушной или соучастницей; остальные граждане не осмеливались даже выдать своего оцепенения. Мы могли бы удивиться тому, что столь великое преступление было задумано, исполнено и пережито с такой тщательностью, если бы не знали, на что способен фанатизм партии и что может преподнести страх. Но кара за это чудовищное преступление наконец обрушилась на головы его авторов. Большинство из них погибло в буре, которую они сами подняли, и с помощью тех же насильственных средств, которые они сами использовали. Партийные люди редко избегают участи, которой они заставили подвергнуться других.

Исполнительный совет, руководимый генералом Серваном в отношении военных действий, двинул вновь набранные батальоны к границе. Как человек рассудительный, он желал поставить генерала на угрожаемый пункт; но выбор был труден. Среди генералов, высказавшихся в пользу последних политических событий, Келлерманн казался пригодным только для подчиненного командования, и власти поэтому просто поставили его на место колеблющегося и некомпетентного Люкнера. Кюстин был малокомпетентен в своем искусстве; он годился для какого-нибудь лихого *coup de main*, но не для управления большой армией, которой доверена судьба Франции. В той же военной неполноценности обвиняли Бирона, Лабурдонне и остальных, которых поэтому оставили на прежних местах с корпусами под их командованием. Остался один Дюмурье, против которого жирондисты все еще сохраняли некоторую злобу и в котором они, кроме того, подозревали честолюбивые взгляды, вкусы и характер авантюриста, отдавая должное его превосходным талантам. Однако, поскольку он был единственным генералом, достойным столь важной должности, исполнительный совет поручил ему командование армией Мозеля.

Из лагеря в Мольде Дюмурье поспешно отправился в Седан. Он собрал военный совет, на котором общее мнение было в пользу того, чтобы отступить к Шалону или Реймсу и прикрыться Марной. Далекий от принятия этого опасного плана, который обескуражил бы войска, лишил бы их Лотарингии, Труа Эвекше и части Шампани и открыл бы дорогу на Париж, Дюмурье задумал проект, полный гениальности. Он увидел, что необходимо смелым маршем наступать на Аргоннский лес, где он мог бы безошибочно остановить врага. Этот лес имел четыре выхода: слева - Шен-Популе, в центре - Круа-о-Буа и Гранпре, справа - Лез-Ислетт, которые открывали или закрывали проход во Францию. Пруссаки находились всего в шести лье от леса, а Дюмурьеzu предстояло пройти двенадцать и скрыть свой замысел занять его, если он надеялся на успех. Он осуществил свой замысел умело и смело. Генерал Диллон, наступая на Ислеты, овладел ими с семью тысячами человек; сам он дошел до Гранпре и там разбил лагерь из тринадцати тысяч человек. Круа-о-Буа и Шен-Популе были таким же образом заняты и защищались некоторыми войсками. Именно здесь он написал военному министру Сервану: "Верден взят; я жду пруссаков. Лагеря Гранпре и Излетт - это Фермопилы Франции; но мне повезет больше, чем Леониду".

В таком положении Дюмурье мог остановить врага и сам спокойно ожидать помощи, которая шла к нему со всех концов Франции. Различные батальоны добровольцев отправились в лагеря в глубине страны, откуда их отправляли в его армию, как только они становились дисциплинированными. Бернонвиль, находившийся на фламандской границе, получил приказ выступить с девятью тысячами человек и к 13 сентября быть в Ретеле, слева от Дюмурьеzu. Дюваль также должен был 7-го числа выступить с семью тысячами человек к Шен-Популе; а Келлерманн наступал из Меца, справа от него, с подкреплением в двадцать две тысячи человек. Время, таким образом, было всем необходимым.

Герцог Брауншвейгский после взятия Вердена перешел Мёз тремя колоннами. Справа от него действовал генерал Клерфэ, слева - принц Гогенлоэ. Отказавшись от всякой надежды выбить Дюмурьеzu с его позиции, атаковав его спереди, он попытался повернуть его. Дюмурье был настолько неосторожен, что разместил почти все свои силы у Гранпре и Излетт, и лишь небольшой корпус у Шен-Популе и Куа-о-Буа - пунктов, правда, малозначительных. Пруссаки, соответственно, ухватились за эти и были на грани того, чтобы развернуть его в своем лагере у Гранпре и таким образом заставить сложить оружие. После этой грандиозной ошибки, которая нейтрализовала его первые маневры, он не отчаивался в своем положении. В ночь на 14 сентября он тайно разбил свой лагерь, перешел Эсну, подступы к которой могли быть для него закрыты, предпринял отступление, столь же успешное, как и его наступление на Аргонне, и сосредоточил свои силы в лагере у Сент-Менехульда. Он уже задержал продвижение пруссаков в Аргонне. Сезон, по мере того как он продвигался, становился все хуже. Теперь ему оставалось лишь удерживать позиции до прибытия Келлермана и Бернонвиля, и успех кампании был бы обеспечен. Войска стали дисциплинированными и закаленными, и армия насчитывала около семидесяти тысяч человек после прибытия Бернонвиля и Келлермана, которое состоялось 17-го числа.

Прусская армия следила за передвижениями Дюмурьеzu. 20-го числа она атаковала Келлермана у Вальми, чтобы отрезать французской армии путь к отступлению на Шалон. С обеих сторон велась ожесточенная канонада. Пруссаки колоннами продвигались к высотам Вальми, чтобы занять их. Келлерманн также выстроил свою пехоту в колонны, приказал им не стрелять, а ждать приближения противника и атаковать его штыком. Он отдал этот приказ с криком *"Да здравствует нация!"*, и этот клич, повторявшийся от одного конца линии до другого, поразил пруссаков еще больше, чем твердая позиция наших войск. Герцог Брауншвейгский заставил свои несколько пошатнувшиеся батальоны отступить; стрельба

продолжалась до вечера; противник предпринял новую атаку, но был отбит. День был наш; и успех при Вальми, почти незначительный сам по себе, произвел на наши войска и на мнение во Франции эффект самой полной победы.

К этой же эпохе можно отнести обескураживание и отступление противника. Пруссак вступили в эту кампанию по заверениям эмигрантов, что она будет простым военным променадом. У них не было ни магазинов, ни провизии; посреди совершенно открытой местности они встречали сопротивление, с каждым днем все более энергичное; непрекращающиеся дожди разбили дороги; солдаты шли по колено в грязи, и вот уже четыре дня единственной пищей для них была вареная кукуруза. Болезни, вызванные меловой водой, недостатком одежды и сыростью, сильно опустошали армию. Герцог Брауншвейгский советовал отступить, вопреки мнению короля Пруссии и эмигрантов, которые хотели рискнуть сразиться и овладеть Шаломом. Но поскольку судьба прусской монархии зависела от ее армии, и полное разорение этой армии было бы неизбежным следствием поражения, мнение герцога Брауншвейгского возобладало. Начались переговоры, и пруссак, отказавшись от своих первых требований, теперь требовали лишь восстановления короля на конституционном троне. Но конвент только что собрался, республика была провозглашена, и исполнительный совет ответил, "что Французская республика не может выслушать никаких предложений, пока прусские войска полностью не эвакуируют французскую территорию". Приняв это решение, пруссак начали отступление вечером 30 сентября. Его немного потревожил Келлерман, которого Дюмуре отправил в погоню, а сам отправился в Париж, чтобы насладиться своим триумфом и согласовать меры для вторжения в Бельгию. Французские войска вновь вступили в Верден и Лонгви, а противник, перейдя Арденны и Люксембург, перешел Рейн у Кобленца к концу октября. Эта кампания была отмечена общим успехом. Во Фландрии герцог Саксен-Тешен был вынужден снять осаду Лилля после семидневной бомбардировки, противоречащей как по продолжительности, так и по бесполезному варварству всем обычаям войны. На Рейне Кюстин взял Трев, Шпир и Майенс. В Альпах генерал Монтезю захватил Савойю, а генерал Ансельм - территорию Ниццы. Наши армии, победоносные на всех направлениях, повсеместно перешли в наступление, и революция была спасена.

Если бы мы представили картину государства, выходящего из великого кризиса, и сказали: "В этом государстве было абсолютное правительство, власть которого была ограничена; два привилегированных класса, утративших свое господство; огромное население, уже освобожденное влиянием цивилизации и интеллекта, но не имеющее политических прав и вынужденное, в силу неоднократных отказов, добиваться их самостоятельно"; если бы мы добавили: "Правительство, выступив против этой революции, подчинилось ей, но привилегированные классы постоянно противостояли ей", - то из этих данных, вероятно, можно было бы заключить следующее:

"Правительство будет полно сожаления, народ будет проявлять недоверие, а привилегированные классы будут нападать на новый порядок вещей, каждый по-своему. Дворянство, не имея возможности сделать это дома из-за своей слабости, эмигрирует, чтобы возбудить иностранные державы, которые будут готовиться к нападению; духовенство, которое потеряет средства к действию за границей, останется дома, где будет искать врагов революции. Народ, которому угрожают извне, который находится в опасности дома, раздраженный против эмигрантов, стремящихся вооружить иностранные державы, против иностранных держав, собирающихся покуситься на его независимость, против духовенства, возбуждающего страну к восстанию, будет считать врагами духовенство, эмигрантов и иностранные державы. Чтобы предотвратить ее, потребуется сначала надзор, затем

изгнание непокорных священников; конфискация имущества эмигрантов; война с союзной Европой. Первые авторы революции будут осуждать те из этих мер, которые нарушают закон; продолжатели революции, напротив, будут рассматривать их как спасение страны; возникнет раздор между теми, кто предпочитает конституцию государству, и теми, кто предпочитает государство конституции. Монарх, которого интересы короля, его привязанности и совесть побуждают отказаться от такого курса политики, окажется пособником контрреволюции, поскольку будет казаться, что он ее защищает. Тогда революционеры будут стремиться одержать верх над королем путем запугивания, а потерпев неудачу, свергнут его власть".

Такова была история законодательного собрания. Внутренние беспорядки привели к декрету против священников; внешние угрозы - к декрету против эмигрантов; коалиция иностранных держав - к войне против Европы; первое поражение наших армий - к формированию двадцатитысячного лагеря. Отказ Людовика XVI. принять большинство этих декретов вызвал подозрение жирондистов; разногласия между последними и конституционалистами, которые хотели, чтобы одни из них были законодателями, как в мирное время, другие - врагами, как во время войны, разобщили сторонников революции. Для жирондистов вопрос свободы был связан с победой, а победа - с декретами. 20 июня была предпринята попытка заставить их принять; но, потерпев неудачу, они решили, что нужно отказаться либо от короны, либо от революции, и принесли их 10 августа. Таким образом, если бы не эмиграция, вызвавшая войну, если бы не раскол, вызвавший беспорядки, король, вероятно, согласился бы на конституцию, а революционеры и не мечтали бы о республике.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ КОНВЕНТ

ГЛАВА VI

С 20 СЕНТЯБРЯ 1792 ГОДА ПО 21 ЯНВАРЯ 1793 ГОДА

Конвент был образован 20 сентября 1792 года, а 21-го приступил к работе. На своем первом заседании он отменил королевскую власть и провозгласил республику. 22-го числа он присвоил революцию себе, объявив, что она будет датироваться не *IV годом Свободы*, а *I годом Французской республики*. После этих первых мер, принятых путем аккламации, с неким соперничеством демократии и энтузиазмом двух партий, которые разделились к концу работы законодательного собрания, съезд, вместо того чтобы приступить к работе, предался внутренним ссорам. Жирондисты и Гора, прежде чем основать новую революцию, хотели знать, кому из них она будет принадлежать, и огромная опасность их положения не отвлекала их от этого поединка. Они больше, чем когда-либо, опасались усилий Европы. Австрия, Пруссия и некоторые немецкие князья напали на Францию до 10 августа, и были все основания полагать, что после падения монархии, заключения короля в тюрьму и сентябрьской резни против нее выступят и другие европейские государи. Внутри страны враги революции усилились. К сторонникам старого режима, аристократии и духовенства, добавились друзья конституционной монархии, для которых судьба Людовика XVI была предметом искренней заботы, и те, кто считал, что свобода невозможна без порядка или под властью толпы. Среди стольких препятствий и противников, в момент, когда требовался их строжайший союз, Жиронда и Гора напали друг на друга с самой яростной враждебностью. Правда, эти две партии были совершенно несовместимы, и их лидеры не могли объединиться, настолько сильны и разнообразны были основания для разделения в их соперничестве за власть и в их замыслах.

События вынудили жирондистов стать республиканцами. Для них было бы гораздо лучше оставаться конституционалистами. Целостность их целей, их отвращение к толпе, их неприятие насильственных мер и особенно благоразумие, которое советовало им предпринимать только те попытки, которые казались возможными, - все обстоятельства требовали от них этого; но им не оставили свободы оставаться теми, кем они были вначале. Они следовали предрассудкам, которые вели их к республике, и постепенно привыкли к этой форме правления. Теперь они горячо и искренне желали ее, но чувствовали, как трудно будет ее установить и укрепить. Они считали это великим и благородным делом, но чувствовали, что для этого не хватает людей. У народа не было ни ума, ни добродетели, необходимых для такого рода правления. Революция, совершенная учредительным собранием, была законной, скорее потому, что она была возможна, чем потому, что она была справедливой; у нее была своя конституция и свои граждане. Но новая революция, которая должна была призвать низшие классы к управлению государством, не могла быть долговечной. Она затронула бы слишком много интересов и имела бы лишь кратковременных защитников: низшие классы способны на разумные действия и поступки в период кризиса, но не надолго. И все же, соглашаясь на вторую революцию, именно этот низший класс должен был рассчитывать на поддержку. Жирондисты не приняли этот курс, и они оказались в совершенно ложном положении; они потеряли помощь конституционалистов, не получив ее от демократов; они не имели опоры ни на одну из крайностей общества. Таким образом, они образовали лишь половинчатую партию, которая вскоре была низвергнута, поскольку не имела корней. Жирондисты после 10 августа стали между средним классом и народными массами, как монархисты или партия Мунье и Неккера после 24 июля между привилегированными классами и буржуазией.

Гора, напротив, желала народной республики. Лидеры этой партии, раздосадованные заслугами жирондистов, стремились свергнуть и вытеснить их. Они были менее умны и менее красноречивы, но зато более умны, решительны и ничуть не щепетильны в средствах. Самая крайняя демократия казалась им лучшим из правительств, а то, что они называли народом, то есть низшее население, было предметом их постоянного обожания и самой горячей заботы. Ни одна партия не была более опасной; наиболее последовательно она работала на тех, кто вел с ней борьбу.

С самого открытия конвента жирондисты занимали правую скамью, а партия Горы - левую, откуда и пошло их название. Жирондисты были самыми сильными в собрании; выборы в департаментах в целом прошли в их пользу. Многие депутаты законодательного собрания были переизбраны, и поскольку в то время связи давали многое, члены, которые до 10 августа объединились с депутацией Жиронды и Парижской коммуны, вернулись с теми же взглядами. Другие пришли без какой-либо определенной системы или партии, без вражды или привязанности: они образовали то, что тогда называлось *Плен* или *Марэ*. Эта партия, не интересуясь борьбой между Жирондой и Горой, голосовала за ту сторону, которую считала наиболее справедливой, до тех пор, пока им позволяли быть умеренными, то есть пока они не опасались за себя.

Гора состояла из депутатов Парижа, избранных под влиянием Коммуны 10 августа, и некоторых весьма решительных республиканцев из провинций; время от времени она пополняла свои ряды теми, кого обстоятельства приводили в восторг или кто был движим страхом. Но, хотя и уступая конвенту по численности, он был не менее силен, даже в этот период. Он влиял на Париж; Коммуна была предана ему, и Коммуна сумела сделать себя верховной властью в государстве. Гора стремилась овладеть департаментами, пытаясь установить идентичность взглядов и поведения между парижским муниципалитетом и

провинциальными муниципалитетами; однако это ей не вполне удалось, и департаменты в большинстве своем были благосклонны к своим противникам, которые укрепляли свою добрую волю с помощью памфлетов и журналов, рассылаемых министром Роланом, дом которого Гора называла *общественным бюро*, а друзей - *интриганами*. Но помимо этого объединения коммун, которое рано или поздно должно было произойти, они были приняты якобинцами. Этот клуб, самый влиятельный, а также самый древний и обширный, менял свои взгляды при каждом кризисе, не меняя своего названия; он был каркасом, готовым для любой господствующей силы, исключая всех инакомыслящих. Парижский клуб был метрополией якобинизма и управлял остальными почти властно. Гора стала в нем хозяином; они уже изгнали из него жирондистов путем доносов и отвращения и заменили членов, взятых из буржуазии, на санкюлотов. Жирондистам не оставалось ничего, кроме министерства, которое, сорванное Коммуной, было бессильно в Париже. Напротив, Гора распоряжалась всей действенной силой столицы, общественным сознанием - якобинцы, секциями и фобургами - санкюлоты, мятежниками - муниципалитет.

Первой мерой партий после провозглашения республики была борьба друг с другом. Жирондисты были возмущены сентябрьской резней и с ужасом наблюдали на скамьях Конвента тех, кто советовал или приказывал их совершить. Двое, прежде всего, внушали им антипатию и отвращение: Робеспьер, которого они подозревали в стремлении к тирании, и Марат, который с самого начала революции в своих сочинениях провозглашал себя апостолом убийства. Они осуждали Робеспьера скорее с враждебностью, чем с благоразумием; он был еще недостаточно грозен, чтобы навлечь на себя обвинения в стремлении к диктатуре. Его враги, упрекая его в намерениях, которые тогда были маловероятны и, во всяком случае, не поддавались доказательствам, сами увеличивали его популярность и значение.

Робеспьер, сыгравший столь ужасную роль в нашей революции, начал занимать видное положение. До сих пор, несмотря на все его усилия, он имел начальников в своей собственной партии: в учредительном собрании - его знаменитых лидеров, в законодательном - Бриссо и Петиона, 10 августа - Дантона. В разные периоды он выступал против тех, чья известность или популярность оскорбляли его. Среди знаменитых личностей первого собрания он смог выделиться только необычностью своих взглядов и показал себя преувеличенным реформатором; во время второго собрания он стал конституционалистом, потому что его соперники были новаторами, и он говорил в пользу мира с якобинцами, потому что его соперники выступали за войну. С 10 августа он пытался в этом клубе уничтожить жирондистов и вытеснить Дантона, всегда связывая дело своего тщеславия с делом толпы. Этот человек с заурядными способностями и тщеславным характером был обязан своей неполноценности занять место среди последних, что было большим преимуществом во времена революции; его тщеславие заставляло его стремиться к первому рангу, делать все, чтобы достичь его, осмеливаться на все, чтобы удержаться там.

Робеспьер обладал всеми необходимыми качествами для тирании: душа не великая, правда, но и не обычная; преимущество одной единственной страсти, видимость патриотизма, заслуженная репутация неподкупности, аскетичная жизнь и отсутствие отвращения к пролитию крови. Он был доказательством того, что среди гражданских неурядиц не ум, а поведение ведет к политической удаче, и что настойчивая посредственность сильнее колеблющегося гения. Следует также отметить, что Робеспьер пользовался поддержкой огромной и фанатичной секты, чье правительство он добивался и чьи принципы отстаивал с момента закрытия Учредительного собрания. Эта секта ведет свое происхождение из XVIII века, определенные взгляды которого она представляла. В политике ее символом был

абсолютный суверенитет *социального договора* Ж.Ж. Руссо, а в вероисповедании - деизм "*Профессии веры савойского викария*"; позднее ей удалось на мгновение воплотить их в конституции 93-го года и поклоняться Верховному существу. В разные эпохи революции существовало больше фанатизма и системы, чем принято считать.

То ли жирондисты ясно предвидели господство Робеспьера, то ли поддались негодованию, но вместе с республиканцами они обвиняли его в самых тяжких преступлениях. Париж был охвачен духом раздоров; жирондисты хотели принять закон против тех, кто возбуждает беспорядки и насилие, и в то же время придать Конвенту независимую силу, опирающуюся на восемьдесят три департамента. Они назначили комиссию, которая должна была представить доклад по этому вопросу. Гора нападала на эту меру как на вредную для Парижа; Жиронда защищала ее, указывая на проект триумvirата, сформированного парижской депутацией. "Я родился в Париже, - сказал Оселен, - я депутат от этого города. Объявлено, что в самом центре его образовалась партия, желающая диктатуры, триумвиров, трибунов и т. д. Я заявляю, что только крайнее невежество или глубокое нечестие могло задумать такой проект. Пусть будет предан анафеме тот член парижской депутации, которому пришла в голову подобная идея!" "Да, - воскликнул Ребекки из Марселя, - да, в этом собрании существует партия, которая стремится к диктатуре, и я назову лидера этой партии - Робеспьер. Это тот человек, которого я осуждаю". Барбару подкрепил это осуждение своими показаниями; он был одним из главных авторов 10 августа; он был лидером марсельцев и обладал огромным влиянием на юге. Он заявил, что около 10 августа марсельцы пользовались большой популярностью у двух партий, разделивших столицу; его привели к Робеспьеру и велели ему примкнуть к тем гражданам, которые приобрели наибольшую популярность, и что Париж прямо назвал ему, *Робеспьеру, добродетельного человека, который должен стать диктатором Франции*. Барбару был человеком действия. Среди правых были и такие, кто считал, что они должны победить своих противников, чтобы не быть побежденными ими. Они хотели, воспользовавшись конвентом против Коммуны, противопоставить департаменты Парижу и, пока те остаются слабыми, ни в коем случае не щадить врагов, которым они иначе предоставили бы время стать сильнее. Но большинство опасалось разрыва и трепетало при мысли об энергичных мерах.

Это обвинение против Робеспьера не имело немедленных последствий; но оно обрушилось на Марата, который в своем журнале "*L'Ami du Peuple*" рекомендовал диктатуру, а на сайте восхвалял массовые убийства. Когда он взошел на трибуну, чтобы оправдаться, собрание содрогнулось. Со всех сторон раздалось "*A bas! à bas!*". Марат оставался невозмутимым. Выдержав небольшую паузу, он сказал: "В этом собрании у меня много личных врагов. (Я прошу их помнить о приличиях; я призываю их воздержаться от яростных криков и непристойных угроз в адрес человека, который послужил свободе и себе больше, чем они думают. Пусть хоть раз они научатся слушать". И этот человек выступил посреди конвента, поражая своей смелостью и хладнокровием, своими взглядами на проскрипции и диктатуру. Некоторое время он бегал из подвала в подвал, чтобы избежать общественного гнева и ордеров, выписанных на него. Появился только его кровавый дневник, в котором он требовал голов и готовил толпу к сентябрьской резне. Нет такой глупости, которая не могла бы прийти человеку в голову, и, что еще хуже, которая не могла бы быть реализована на мгновение. Марат был одержим определенными идеями. У революции были враги, и, по его мнению, она не сможет продержаться, если не освободится от них; с этого момента он считал, что нет ничего проще, чем истребить их и назначить диктатора, функции которого должны сводиться к проскрипциям; эти две меры он провозглашал вслух с циничной жестокостью, заботясь о приличиях не больше, чем о жизни людей, и презирая как слабых умом всех тех, кто называл его проекты зверскими, вместо того чтобы считать их глубокими. В революции были деятели,

действительно более кровожадные, чем он, но ни один из них не оказал более рокового влияния на свое время. Он развратил нравственность партий, уже достаточно развращенных; ему принадлежат две ведущие идеи, которые впоследствии были реализованы комитетом общественной безопасности в лице его комиссаров или правительства: массовое уничтожение и диктатура.

Обвинения Марата не принесли результатов; он вызывал больше отвращения, но меньше ненависти, чем Робеспьер; некоторые считали его сумасшедшим; другие рассматривали эти дебаты как ссору партий, а не как предмет, представляющий интерес для республики. Кроме того, было опасно пытаться очистить конвент или отстранить одного из его членов, и это был трудный шаг даже для партий. Дантон не оправдывал Марата. "Он мне не нравится, - сказал он, - я испытал на себе его темперамент; он вулканический, раздражительный и необщительный". Но зачем искать язык фракции в том, что он пишет? Разве у всеобщего возбуждения есть какая-то другая причина, кроме самого революционного движения?" Робеспьер, со своей стороны, заявил, что очень мало знает Марата; что до 10 августа у него был с ним только один разговор, после которого Марат, чьи бурные взгляды он не одобрял, считал его политические взгляды настолько узкими, что заявил в своем журнале, *что у него нет ни высоких взглядов, ни смелости государственного деятеля.*

Но он был объектом гораздо большего негодования, потому что его больше боялись. Первое обвинение Ребекки и Барбару не увенчалось успехом. Через некоторое время после этого министр Ролан выступил с докладом о состоянии Франции и Парижа; в нем он осудил сентябрьскую резню, посягательства Коммуны и действия агитаторов. "Когда, - говорил он, - они делают самых мудрых и бесстрашных защитников свободы одиозными или подозрительными, когда принципы бунта и резни смело исповедуются и аплодируются в собраниях, а против самого конвента поднимаются крики, я не могу больше сомневаться, что приверженцы старого режима, или ложные друзья народа, скрывающие свою экстравагантность или злобу под маской патриотизма, задумали план свержения, в котором они надеются возвыситься на руинах и трупах и удовлетворить свою жажду крови, золота и зверств".

В доказательство своего сообщения он привел письмо, в котором заместитель председателя второй секции уголовного трибунала сообщал ему, что ему и самым выдающимся жирондистам угрожают; что, по словам их врагов, *нужно еще одно кровопускание*; и что эти люди не услышат никого, кроме Робеспьера.

При этих словах последний поспешил к трибуне, чтобы оправдаться. "Никто, - воскликнул он, - не смеет обвинять меня в лицо!" "Я осмелюсь!" - воскликнул Луве, один из самых решительных людей Жиронды. "Да, Робеспьер, - продолжал он, не сводя с него глаз, - я обвиняю вас!" Робеспьер, до сих пор полный уверенности в себе, растрогался. Он уже однажды, во время встречи с якобинцами, померился силами с этим грозным противником, который, как он знал, был остроумным, стремительным и бескомпромиссным. Теперь Луве заговорил, и в своем красноречивом обращении не пожалел ни деяний, ни имен. Он проследил путь Робеспьера к якобинцам, к коммуне, к избирательному собранию: клеветал на лучших патриотов; осыпал самыми низкими лестями несколько сотен граждан, сначала названных народом Парижа, потом народом абсолютно, а затем государем; повторял вечное перечисление своих собственных достоинств, совершенств и добродетелей; и не переставал, после того как он говорил о силе, величии и суверенитете народа, заявлять, что он тоже народ". Затем он рассказал о том, как скрывался 10 августа, а после этого поколебал заговорщиков Коммуны. Затем он перешел к сентябрьской резне и воскликнул: "Революция 10 августа принадлежит всем!" - добавил он, указывая на нескольких членов Горы в коммуне,

- "но революция 2 сентября принадлежит им - и никому, кроме них! Разве не они прославили себя этим? Они сами, с жестоким презрением, называли нас патриотами только 10 августа. Со свирепой гордостью они называли себя патриотами 2 сентября! Ах, пусть они сохраняют это отличие, достойное свойственного им мужества; пусть они сохраняют его как наше оправдание и для своего вечного позора! Эти мнимые друзья народа хотят переложить на жителей Парижа ужасы, которыми была омрачена первая неделя сентября. Они подло оклеветали их. Жители Парижа умеют сражаться, они не умеют убивать! Правда, что они собирались целыми днями перед замком Тюильри в славное 10 августа; ложь, что их видели перед тюрьмами в ужасное 2 сентября. Сколько палачей было внутри? Двести; вероятно, не двести. А без них сколько зрителей, которых влекло туда поистине непостижимое любопытство? Самое большее - вдвое больше. Но, спрашивается, почему, если народ не содействовал этим убийствам, он не препятствовал им? Почему? Потому что опекунская власть Петиона была скована; потому что Ролан говорил впустую; потому что Дантон, министр юстиции, вообще не говорил... потому что председатели сорока восьми секций ждали приказов, которых не отдавал генерал; потому что муниципальные чиновники в своих платках председательствовали на этих зверских казнях. Но законодательное собрание? Законодательное собрание! Представители народа, вы отомстите за него! Беспомощное состояние, в которое были приведены ваши предшественники, является, среди таких преступлений, величайшим, за которое эти негодяи, которых я осуждаю, должны быть наказаны". Вернувшись к Робеспьеру, Луве указал на его амбиции, его усилия, его крайнее превосходство над народом и закончил свою пламенную филиппику рядом фактов, каждому из которых предшествовала эта ужасная форма: *"Робеспьер, я обвиняю тебя!"*.

Луве сошел с трибуны под аплодисменты, Робеспьер взошел на нее, чтобы оправдаться; он был бледен, и его приняли с ропотом. То ли от волнения, то ли боясь предрассудков, он попросил отсрочки на неделю. Время пришло; он появился не столько как обвиняемый, сколько как триумфатор; он с иронией отверг упреки Луве и пустился в длинные извинения за себя. Надо признать, что факты были туманны, и не требовалось особых усилий, чтобы ослабить или опровергнуть их. На галерею были посажены люди, чтобы аплодировать ему; даже сам конвент, который рассматривал эту ссору как результат частной неприязни и, как сказал Баррер, не боялся человека одного дня, мелкого вождя бунтовщиков, был настроен на прекращение этих дебатов. Поэтому, когда Робеспьер, закончив, заметил: "Со своей стороны, я не буду делать никаких личных выводов; я отказался от легкого преимущества отвечать на клевету моих противников более грозными разоблачениями; я хотел подавить оскорбительную часть моего оправдания. Я отказываюсь от справедливого возмездия, которое я имею право осуществить против моих клеветников; я не прошу ничего другого, кроме возвращения мира и торжества свободы!" Ему аплодировали, и съезд перешел к порядку дня. Луве тщетно пытался ответить; ему не позволили. Барбару так же тщетно представлял себя в роли обвинителя, а Ланжуайне выступил против предложения о порядке, не добившись возобновления дискуссии. Жирондисты сами поддержали его: они совершили одну ошибку, начав обвинение, и другую - не продолжив его. Гора одержала верх, поскольку не была побеждена, а Робеспьер приблизился к принятию на себя той роли, от которой он был так далек. Во время революции люди очень быстро становятся теми, кем их считают, и Гора приняла его за своего лидера, потому что жирондисты преследовали его в качестве такового.

Но гораздо важнее личных нападок были дискуссии о средствах управления, о руководстве властями и партиями. Жирондисты наносили удары не только против отдельных лиц, но и против коммуны. Ни одна из их мер не увенчалась успехом; они были плохо предложены или плохо поддержаны. Они должны были поддержать правительство, заменить муниципалитет,

сохранить свои позиции среди якобинцев и оказать им влияние, одержать верх над толпой или помешать ее действиям; но они ничего из этого не сделали. Один из них, Бузо, предложил дать Конвенту гвардию из трех тысяч человек, взятых из департаментов. Эта мера, которая, по крайней мере, сделала бы собрание независимым, не была поддержана достаточно энергично, чтобы быть принятой. Таким образом, жирондисты напали на Гору, не ослабив ее, на Коммуну, не покорив ее, на фобургов, не подавив их. Они раздражали Париж, вызывая к помощи департаментов, но не получая ее; таким образом, они действовали вопреки самым обычным правилам благоразумия, ведь всегда безопаснее сделать что-то, чем угрожать.

Их противники умело использовали это обстоятельство в своих интересах. Они тайно распространили сообщение, которое не могло не скомпрометировать жирондистов; оно заключалось в том, что они хотели бы перенести республику на юг и отказаться от остальной части империи. Тогда начался тот упрек в федерализме, который впоследствии стал таким роковым. Жирондисты презирали его, потому что не видели последствий; но он неизбежно завоевывал доверие по мере того, как они становились слабыми, а их враги - смелыми. Поводом для доклада послужил проект защиты за Луарой и переноса правительства на юг в случае вторжения на север и взятия Парижа, а также их пристрастие к провинциям и негодование против столичных агитаторов. Нет ничего проще, чем изменить внешний вид меры, изменив период, в который она была принята, и обнаружить в неодобрении, выраженном по поводу нерегулярных действий одного города, намерение объединить другие города государства в лигу против него. Поэтому жирондисты были представлены народу как федералисты. В то время как они осуждали Коммуну, обвиняли Робеспьера и Марата, Гора провозглашала *единство и неделимость республики*. Это был способ напасть на них и вызвать подозрения, хотя сами они так горячо поддерживали эти предложения, что, казалось, жалели, что не сделали их.

Но одно обстоятельство, внешне не связанное со спорами этих двух партий, еще лучше послужило делу Горы. Уже ободренные безуспешными попытками, направленными против них, они только и ждали случая, чтобы в свою очередь стать нападающими. Съезд устал от этих долгих дискуссий. Те члены, которые не были заинтересованы в них, и даже те из двух партий, которые не принадлежали к первому эшелону, почувствовали необходимость согласия и пожелали, чтобы люди занялись республикой. Наступило кажущееся перемирие, и внимание собрания на мгновение было обращено на новую конституцию, от которой Гора заставила его отказаться, чтобы решить судьбу павшего принца. Лидеры крайних левых были вынуждены пойти на это по нескольким причинам: они не хотели, чтобы жирондисты и умеренные члены Равнины, которые руководили комитетом конституции, первые - Петион, Кондорсе, Бриссо, Верньо, Генсонне, другие - Баррер, Съез и Томас Пейн, организовали республику. Они должны были установить систему буржуазии, сделав ее немного более демократичной, чем в 1791 году, в то время как сами стремились к созданию народа. Но достичь своей цели они могли только с помощью власти, а власть они могли получить, лишь затянув революционное состояние Франции. Помимо необходимости предотвратить установление правового порядка ужасным государственным переворотом, таким как осуждение Людовика XVI, который возбудил бы все страсти, сплотил бы вокруг них буйные партии, показав их непреклонными стражами республики, они надеялись разоблачить настроения жирондистов, которые не скрывали своего желания спасти Людовика XVI, и тем самым погубить их в глазах народа. Несомненно, в этой конъюнктуре было немало представителей Горы, которые в данном случае действовали с величайшей искренностью и только как республиканцы, в глазах которых Людовик XVI казался виновным в революции; а

свергнутый король был опасен для молодой демократии. Но эта партия была бы более благосклонна, если бы ей не пришлось разорять Жиронду одновременно с Людовиком XVI.

Уже некоторое время общественное мнение было готово к его суду. Якобинский клуб разразился ругательствами в его адрес; против его характера распространялись самые пагубные отзывы; его осуждение было необходимо для прочного утверждения свободы. Народные общества департаментов направили Конвенту петиции с той же целью. Секции предстали перед собранием и пронесли через него на литаврах раненых 10 августа, которые пришли взывать к Людовику Капету об отмщении. Теперь они называли Людовика XVI. только этим именем древнего вождя его рода, думая заменить титул короля его фамилией.

Партийные мотивы и народная вражда объединились против этого несчастного принца. Те, кто за два месяца до этого отверг бы мысль о том, чтобы подвергнуть его какому-либо иному наказанию, кроме свержения с престола, были ошеломлены; так быстро человек теряет в минуты кризиса право отстаивать свое мнение! Находка железного сундука особенно усилила фанатизм толпы и слабость защитников короля. После 10 августа в канцеляриях гражданского ведомства были найдены документы, доказывающие тайную переписку Людовика XVI с недовольными принцами, с эмиграцией и с Европой. В докладе, составленном по приказу законодательного собрания, его обвинили в намерении предать государство и свергнуть революцию. Его обвиняли в том, что 16 апреля 1791 года он написал епископу Клермонскому, что если он вернет себе власть, то вернет прежнее правительство и духовенство в прежнее состояние; что после этого он предложил войну, только чтобы ускорить приближение своих освободителей; что вел переписку с людьми, которые писали ему: "Война заставит все державы объединиться против подстрекателей и отступников, которые тиранят Францию, чтобы их наказание послужило примером для всех, кого побудят нарушить мир империй. Вы можете рассчитывать на сто пятьдесят тысяч человек, пруссаков, австрийцев и империалистов, а также на армию из двадцати тысяч эмигрантов"; о том, что был в хороших отношениях со своими братьями, которым он уступал в публичных мерах, и, наконец, о том, что он постоянно выступал против революции.

Вскоре в подтверждение этого обвинения были приведены свежие документы. В Тюильри, за панелью в стене, находилось отверстие, проделанное в стене и закрытое железной дверью. Министр Ролан указал на этот тайник, и там обнаружили доказательства всех заговоров и интриг двора против революции; проекты народных вождей укрепить конституционную власть короля, восстановить древний режим и аристократов; маневры Талона, договоренности с Мирабо, предложение, принятое Буйе, в рамках учредительного собрания, и некоторые новые заговоры в рамках законодательного собрания. Это открытие усилило раздражение против Людовика XVI. Бюст Мирабо был разбит якобинцами, и конвент прикрыл тот, который стоял в зале, где проходили его заседания.

В течение некоторого времени в собрании стоял вопрос о суде над этим принцем, который, будучи свергнут, уже не мог быть преследуем. Не было трибунала, уполномоченного вынести ему приговор, не было наказания, которое можно было бы применить к нему: поэтому они погрузились в ложные толкования неприкосновенности, предоставленной Людовику XVI, чтобы осудить его на законных основаниях. Величайшей ошибкой партий, наряду с несправедливостью, является желание не казаться таковыми. Комитет по законодательству, которому было поручено подготовить доклад по вопросу о том, может ли Людовик XVI быть судим и может ли он быть судим Конвентом, принял утвердительное решение. Депутат Мейе выступил против догмата неприкосновенности; но поскольку этот догмат повлиял на предшествующую эпоху революции, он утверждал, что Людовик XVI неприкосновенен как король, но не как личность. Он утверждал, что нация, неспособная отказаться от своей

гарантии в отношении актов власти, обеспечила неприкосновенность монарха ответственностью его министров; и что, когда Людовик XVI стал действовать как простой человек, ответственность которого ни на кого не распространялась, он перестал быть неприкосновенным. Таким образом, Мейе ограничил конституционную гарантию, предоставленную Людовику XVI, только действиями короля. Он пришел к выводу, что Людовика XVI можно судить, поскольку свержение с престола не является наказанием, а лишь сменой правительства; что он может быть привлечен к суду в силу уголовного кодекса, касающегося изменников и заговорщиков; что его можно судить Конвентом, не соблюдая процедуры других судов, поскольку, поскольку Конвент представляет народ - народ, включающий все интересы, и все интересы составляют справедливость - невозможно, чтобы национальный суд мог нарушить справедливость, и, следовательно, бесполезно подвергать его формам. Такова была цепь софистики, с помощью которой комитет превратил конвент в трибунал. Партия Робеспьера проявила себя гораздо последовательнее, остановившись только на государственных причинах и отвергнув формы как обманчивые.

Обсуждение началось 13 ноября, через шесть дней после доклада комитета. Сторонники неприкосновенности, считая Людовика XVI виновным, утверждали, что он не может быть предан суду. Главным из них был Моррисон. Он заявил, что неприкосновенность была общей; что конституция предполагала не только тайную враждебность со стороны Людовика XVI, а открытое нападение, и даже в этом случае только объявила о его низложении; что в этом отношении нация обязалась своим суверенитетом; что миссия конвента состояла в том, чтобы изменить правительство, а не судить Людовика XVI. Что, сдерживаемый правилами правосудия, он был также сдерживаем военными обычаями, которые допускают уничтожение врага только во время боя - после победы закон защищает его; что, кроме того, республика не заинтересована в осуждении Людовика; что она должна ограничиться по отношению к нему мерами общей безопасности, держать его в плену или изгнать из Франции. Таково было мнение правых конвента. Равнина разделяла мнение комитета; но Гора в то же время выступала против неприкосновенности и суда над Людовиком XVI.

"Граждане, - сказал Сен-Жюст, - я берусь доказать, что мнение Моррисона, поддерживающего неприкосновенность короля, и мнение комитета, требующего суда над ним как над гражданином, одинаково ложны; я утверждаю, что мы должны судить короля как врага; что мы должны не столько судить, сколько противостоять ему: что, не имея места в договоре, объединяющем французов, формы судопроизводства относятся не к гражданскому праву, а к праву наций; таким образом, всякое промедление или сдержанность в этом деле - чистейшее безрассудство, и рядом с безрассудством, откладывающим момент, который должен дать нам законы, самым роковым будет то, которое заставит нас временничать с королем." Сведя все к соображениям вражды и политики, Сен-Жюст добавил: "Те самые люди, которые собираются судить Людовика, должны основать республику: те, кто придает какое-либо значение справедливому наказанию короля, никогда не создадут республику. Граждане, если римский народ после шестисот лет добродетели и ненависти к королям; если Великобритания после смерти Кромвеля видела королей, восстановленных вопреки ее энергии, то чего не должны бояться добрые граждане, друзья свободы, среди нас, когда они видят, как топор дрожит в ваших руках, а народ, с первого дня своей свободы, уважает память своих цепей?"

Эта буйная партия, желавшая заменить государственный переворот приговором, не следовать ни закону, ни форме, но нанести Людовику XVI удар, как побежденному пленнику, заставив вражду даже пережить победу, имела лишь очень слабое большинство в Конвенте; но без него ее сильно поддерживали якобинцы и Коммуна. Несмотря на ужас, который она

уже внушала, ее убийственные предложения были отвергнуты конвентом; а сторонники неприкосновенности, в свою очередь, мужественно отстаивали соображения общественного интереса одновременно с правилами справедливости и гуманности. Они утверждали, что одни и те же люди не могут быть судьями и законодателями, присяжными и обвинителями. Они также хотели придать восходящей республике блеск великих добродетелей, таких как великодушие и прощение; они хотели последовать примеру жителей Рима, которые получили свою свободу и сохраняли ее пятьсот лет, потому что проявили себя великодушными; потому что изгнали Тарквинов, а не предали их смерти. С политической точки зрения, они показывали последствия осуждения короля, как оно повлияет на анархическую партию королевства, сделав ее еще более дерзкой; и в отношении Европы, чьи все еще нейтральные державы оно побудит присоединиться к коалиции против республики.

Но Робеспьер, который во время этих долгих дебатов проявлял смелость и настойчивость, предвещавшие его могущество, появился на трибуне, чтобы поддержать Сен-Жюста, упрекнуть конвент в том, что он подверг сомнению то, что было решено восстанием, и восстановил, путем сочувствия и публичной защиты, павшую роялистскую партию. "Собрание, - сказал Робеспьер, - невольно уведено далеко от настоящего вопроса. Здесь мы не имеем ничего общего с судом: Людовик - не обвиняемый; вы не судьи, вы - и можете быть только государственными деятелями. Вам не нужно выносить приговор за или против человека, но вы призваны принять меры общественной безопасности; совершить акт национальной предосторожности. Свергнутый король годится только для двух целей: нарушить спокойствие государства и поколебать его свободу, либо укрепить то или другое.

"Людовик был королем; республика основана; знаменитый вопрос, который вы обсуждаете, решен в этих нескольких словах. Людовика нельзя судить; он уже судим, он осужден, или республика не освобождена от наказания". Он требовал, чтобы конвент объявил Людовика XVI предателем французов, преступником человечества и немедленно приговорил его к смертной казни в связи с восстанием.

Гора этими крайними предложениями, популярностью, которой они не пользовались, сделал осуждение в определенной степени неизбежным. Опередив другие партии, она вынудила их следовать за ней, хотя и на расстоянии. Большинство конвента, состоявшее в значительной степени из жирондистов, которые не осмеливались объявить Людовика XVI неприкосновенным, и равнинников, по предложению Петитона, вопреки мнению фанатичной Горы и сторонников неприкосновенности, решило, что Людовик XVI должен быть предан суду конвента. Затем Робер Линде от имени комиссии из двадцати одного человека сделал доклад о Людовике XVI. Было составлено обвинительное заключение, в котором излагались вменяемые ему преступления, и конвент вызвал узника к себе.

Людовик находился в заточении в Храме уже четыре месяца. Он не был на свободе, как поначалу желало собрание, выделив ему в качестве резиденции Люксембург. Подозрительная коммуна тщательно охраняла его; но, покорный своей судьбе, готовый ко всему, он не проявлял ни нетерпения, ни сожаления, ни возмущения. При нем был только один слуга, Клери, который в то же время заботился о его семье. В первые месяцы заключения его не разлучали с семьей, и он по-прежнему находил утешение во встречах с ними. Он утешал и поддерживал двух своих товарищей по несчастью, жену и сестру; он был наставником юного дофина и давал ему уроки несчастного человека, пленного короля. Он много читал и часто обращался к "Истории Англии" Юма; там он прочел о многих свергнутых королях, а один из них был осужден народом. Человек всегда ищет судьбы, похожие на его собственную. Но утешение, которое он находил в присутствии родных, длилось недолго: как

только суд над ним был решен, его разлучили с ними. Коммуна хотела помешать заключенным договориться о своем оправдании; надзор, который она осуществляла за Людовиком XVI, с каждым днем становился все более пристальным и суровым.

При таком положении дел Сантерр получил приказ проводить Людовика XVI к барьеру конвента. Он направился в Храм в сопровождении мэра, который сообщил королю о своей миссии и поинтересовался, согласен ли тот спуститься. Людовик мгновение колебался, затем сказал: "Это еще одно насилие. Я должен уступить!" И он решил предстать перед Конвентом, не возражая против этого, как Карл I в отношении своих судей. "Представители, - сказал Баррер, когда было объявлено о его приближении, - вы собираетесь осуществить право национального правосудия. Пусть ваше поведение будет соответствовать вашим новым функциям"; и, обращаясь к галерее, он добавил: "Граждане, вспомните ужасное молчание, которое сопровождало Людовика по возвращении из Варенна; молчание, которое было предвестником суда над королями нациями". Людовик XVI выглядел твердым, когда вошел в зал, и обвел взглядом собравшихся. Его поставили у барной стойки, и президент сказал ему волнующим голосом: "Людовик, французская нация обвиняет вас. Сейчас вы услышите обвинения, содержащиеся в обвинительном акте. Луи, садитесь". Для него было приготовлено место, и он сел на него. Во время долгого допроса он проявлял спокойствие и выдержку, отвечал на каждый вопрос соответствующим образом, часто - в трогательной и триумфальной манере. На упреки в адрес его поведения до 14 июля он ответил напоминанием, что его власть тогда не была ограничена; до поездки в Варенн - декретом учредительного собрания, которое было удовлетворено его ответами; а после 10 августа - тем, что возложил все государственные акты на министерство и отрицал все тайные меры, которые приписывались лично ему. Это отрицание, однако, не отменяло, по мнению конвента, фактов, доказанных большей частью документами, написанными или подписанными рукой самого Людовика XVI; он воспользовался естественным правом каждого обвиняемого. Так, он не признал существование железного сундука и бумаг, которые были предъявлены. Людовик XVI ссылался на закон безопасности, который конвент не признавал, а конвент стремился защитить себя от антиреволюционных попыток, которые Людовик XVI не признавал.

Когда Людовик вернулся в Храм, конвент рассмотрел его просьбу о защитнике. Несколько человек из Горы тщетно противились этой просьбе. Съезд решил предоставить ему услуги адвоката. Именно тогда почтенный Малешерб предложил съезду защищать Людовика XVI. "Дважды, - писал он, - я был призван в совет того, кто был моим господином, в то время, когда эта функция была предметом честолюбия каждого человека; я обязан ему той же услугой сейчас, когда многие считают ее опасной". Его просьба была удовлетворена, Людовик XVI, оставшись в стороне, был тронут этим доказательством преданности. Когда Малешерб вошел в его комнату, он направился к нему, сжал его в объятиях и со слезами сказал: "Ваша жертва тем великодушнее, что вы подвергаете опасности свою жизнь, не спасая мою". Малешерб и Тронше беспрерывно трудились над его защитой, привлекая к ней мсье Дезе; они пытались возродить мужество короля, но тот не был склонен надеяться. "Я уверен, что они лишат меня жизни; но неважно, давайте займемся моим судом, как если бы я собирался его выиграть. По правде говоря, я его выиграю, ибо не оставлю на своей памяти никакого пятна".

Наконец настал день защиты; ее произнес мсье Дезе; Луи присутствовал. Глубочайшая тишина царила в зале и на галереях. Мсье Дезе использовал все соображения справедливости и невиновности в пользу королевского узника. Он апеллировал к

неприкосновенности, которая была ему дарована; он утверждал, что как король он не может быть судим; что как обвинители представители народа не могут быть его судьями. В этом он не выдвигал ничего такого, чего бы уже не придерживалась одна из партий собрания. Но главным образом он стремился оправдать поведение Людовика XVI, приписывая ему намерения, всегда чистые и безупречные. В заключение он произнес такие последние и торжественные слова: "Послушайте, что скажет история славе; Людовик, взойшедший на трон в двадцать лет, являл собой пример нравственности, справедливости и экономии; у него не было ни слабости, ни развращающей страсти: он был постоянным другом народа. Народ желал отмены деспотичного налога? Людовик отменил его: народ желал подавления рабства? Людовик подавил его: народ требовал реформ? Он их проводил: народ хотел изменить свои законы? Он согласился их изменить: народ хотел, чтобы миллионы французов были восстановлены в своих правах? Он их восстановил: народ хотел свободы? Он ее дал. Люди не могут отказать Людовику в славе, что он предвосхитил народ своими жертвами; и именно его предлагают убить. Граждане, я не буду продолжать, я оставляю это Истории; помните, она вынесет вам приговор, и ее приговор будет приговором веков". Но страсть оказалась глухой и неспособной к предвидению.

Жирондисты хотели спасти Людовика XVI, но боялись обвинения в роялизме, которое уже было наложено на них Горой. Во время всей операции их поведение было довольно двусмысленным; они не осмеливались высказываться ни в пользу, ни против обвиняемого; их умеренность погубила их, не послужив ему на пользу. В этот момент его дело, не только престола, но и жизни, было их собственным. Им предстояло решить, актом ли правосудия или государственным переворотом, вернуться ли им к правовому режиму или продлить революционный режим. Триумф жирондистов или Горы был связан с тем или иным из этих решений. Последние стали чрезвычайно активны. Они делали вид, что, следуя формам, люди забывают о республиканской энергии, и что защита Людовика XVI была лекцией о монархии, обращенной к нации. Якобинцы мощно поддерживали их, и в адвокатуру пришли депутации с требованием смерти короля.

Жирондисты же, не осмелившиеся отстаивать вопрос о неприкосновенности, предложили искусный способ спасти Людовика XVI от смерти, обратившись с приговором конвента к народу. Крайне правые по-прежнему протестовали против превращения собрания в трибунал; но вопрос о компетенции собрания был уже решен, и все их усилия были обращены в другое русло. Саллес предложил объявить короля виновным, но применение наказания оставить на усмотрение первичного собрания. Бюзот, опасаясь, что конвент навлечет на себя упрек в слабости, считал, что ему следует вынести приговор, а вынесенное им решение предоставить на усмотрение народа. Против этого совета решительно выступила Гора и даже многие более умеренные члены конвента, которые видели в созыве первичных собраний зародыш гражданской войны.

Собрание единогласно решило, что Луи виновен, когда был поставлен вопрос об обращении к народу. Двести восемьдесят четыре голоса проголосовали "за", четыреста двадцать четыре - "против"; десять человек отказались голосовать. Затем встал страшный вопрос о характере наказания. Париж находился в состоянии сильнейшего возбуждения: депутатам угрожали у самых дверей собрания; опасались новых эксцессов со стороны населения; якобинские клубы разражались экстравагантными ругательствами в адрес Людовика XVI и правых. Гора, до тех пор самая слабая партия в конвенте, пыталась получить большинство путем террора, решив, если это не удастся, тем не менее пожертвовать Людовиком XVI. Наконец, после четырех часов номинальных призывов, президент Верньо сказал: "Граждане, я собираюсь огласить результаты голосования. Когда правосудие высказалось, человечество должно

высказаться". В голосовании участвовал семьсот двадцать один человек. Фактическое большинство составило триста шестьдесят один голос. Решение о смерти короля было принято большинством в двадцать шесть голосов. Мнения были самые разные: жирондисты голосовали за его смерть, правда, с оговоркой; большинство членов Правых голосовали за тюремное заключение или изгнание; несколько представителей Горы голосовали вместе с жирондистами. Как только результат стал известен, президент сказал тоном, полным скорби: "От имени конвента я объявляю, что наказание, к которому он приговаривает Луи Капета, - это смерть". Те, кто взял на себя защиту, предстали перед адвокатом; они были глубоко потрясены. Они пытались вернуть собрание к чувствам сострадания, принимая во внимание незначительное большинство голосов в пользу приговора. Но этот вопрос уже обсуждался и был решен. "Законы принимаются только простым большинством", - сказал один из Гор. "Да, - ответил голос, - но законы могут быть отменены; вы не можете вернуть человеку жизнь". Малешербес хотел заговорить, но не смог. Рыдания мешали ему говорить; он смог произнести лишь несколько невнятных слов мольбы. Его горе тронуло собравшихся. Жирондисты приняли просьбу об отсрочке как последнее средство; но и это не помогло, и роковой приговор был произнесен.

Людовик ожидал этого. Когда Малешерб в слезах пришел объявить приговор, он застал его сидящим в темноте, опираясь локтями на стол, спрятав лицо в руках, в глубокой задумчивости. При звуках его входа Луи поднялся и сказал: "Вот уже два часа я пытаюсь понять, заслужил ли я за время своего правления хоть малейший упрек от своих подданных. Так вот, господин де Малешерб, клянусь вам правдой сердца, как человек, собирающийся предстать перед Богом, что я постоянно стремился к счастью моего народа и никогда не потакал желаниям, противоречащим ему". Малешерб убеждал, что отсрочка не будет отвергнута, но Людовик не ожидал этого. Проводив Малешерба, Людовик умолял его не покидать его в последние минуты жизни; Малешерб обещал вернуться, но приходил несколько раз, но так и не смог попасть к нему. Людовик часто спрашивал его и, казалось, был огорчен тем, что не видит его. Он без эмоций принял официальное сообщение о своем приговоре от министра юстиции. Он попросил три дня, чтобы подготовиться к представлению перед Богом, а также предоставить ему услуги священника и разрешить свободно общаться с женой и детьми. Только две последние просьбы были удовлетворены.

Допрос был тягостной сценой для этой опустевшей семьи, но момент разлуки был гораздо более тягостным. Луи, расставаясь с семьей, обещал увидеться с ними на следующий день; но, дойдя до своей комнаты, он почувствовал, что испытание будет слишком тяжелым, и, яростно зашагав взад-вперед, воскликнул: "Я не пойду!" Это была его последняя борьба; все остальное время он провел в подготовке к смерти. В ночь перед казнью он спокойно спал. Клери разбудил его, как и было приказано, в пять часов и получил его последние указания. Затем он вышел на связь, поручив Клери передать ему свои предсмертные слова и все, что ему было позволено завещать: кольцо, печатку и несколько волос. Уже били барабаны, слышались глухие звуки пушек и сбивчивые голоса. Наконец появился Сантерр. "Вы пришли за мной, - сказал Людовик, - я прошу вас об одной минуте". Он передал свое завещание в руки муниципального чиновника, попросил свою шляпу и твердым тоном сказал: "Пойдемте".

Карета за час доехала от Храма до площади Революции. На дороге выстроилась двойная шеренга солдат; более сорока тысяч человек были под оружием. Париж представлял собой мрачную картину. Присутствовавшие на казни граждане не выражали ни аплодисментов, ни сожаления; все молчали. Прибыв на место казни, Людовик сошел с кареты. Твердым шагом он взошел на эшафот, опустился на колени, чтобы принять благословение священника,

который, как записано, сказал: "Сын Святого Людовика, вознесись на небо!". С некоторым отвращением он подчинился связыванию рук и поспешно отошел к левой стороне эшафота; "Я умираю невиновным, - сказал он, - я прощаю своих врагов, а вы, несчастные люди..." Тут по сигналу барабаны и трубы заглушили его голос, и трое палачей схватили его. В десять минут десятого он перестал жить.

Так погиб в возрасте тридцати девяти лет, после шестнадцати с половиной лет правления, проведенных в попытках творить добро, лучший, но слабейший из монархов. Его предки завещали ему революцию. Он лучше, чем кто-либо из них, сумел предотвратить и завершить ее; ведь он мог стать королем-реформатором до того, как она разразилась, или конституционным королем после. Он, пожалуй, единственный принц, у которого не было другой страсти, кроме страсти к власти, и который соединил в себе два качества, которые делают хороших королей, - страх перед Богом и любовь к народу. Он погиб, став жертвой страстей, которые не разделял; страстей окружавших его людей, которым он был чужд, и страстей толпы, которые он не возбуждал. Немногие воспоминания о королях столь похвальны. История скажет о нем, что, будь у него чуть больше силы духа, он был бы образцовым царем.

ГЛАВА VII

С 21 ЯНВАРЯ 1793 ГОДА ПО 2 ИЮНЯ

Смерть Людовика XVI сделала различные партии непримиримыми и усилила внешних врагов революции. Республиканцам пришлось бороться со всей Европой, с несколькими классами недовольных и с самими собой. Но Гора, руководивший тогда народным движением, считал, что они слишком далеко зашли, чтобы не доводить дело до крайности. Устрашить врагов революции, возбудить фанатизм народа проповедями, опасностью и восстаниями, поставить на карту все - и правительство, и безопасность республики, вселить в него самый пылкий энтузиазм во имя свободы, равенства и братства, держать его в этом бурном кризисном состоянии, чтобы использовать его страсти и его силу - таков был план Дантона и Горы, избравших его своим вождем. Именно он усилил народное возбуждение растущими опасностями для республики и, прикрываясь именем революционного правительства, установил деспотию толпы вместо законной свободы. Робеспьер и Марат пошли еще дальше, чем он. Они стремились возвести в постоянное правительство то, что Дантон считал всего лишь преходящим. Последний был лишь политическим вождем, а остальные - настоящими сектантами: первый - более амбициозным, второй - более фанатичным.

В результате катастрофы 21 января Гора одержала великую победу над жирондистами, чья политика была гораздо нравственнее, чем их, и которые надеялись спасти революцию, не запятнав ее кровью. Но их гуманность, их дух справедливости оказались бесполезными и даже обернулись против них. Их обвинили во враждебности народу, потому что они выступали против его эксцессов; в пособничестве тирану, потому что они пытались спасти Людовика XVI; в предательстве республики, потому что они рекомендовали умеренность. Именно с этими упреками Гора с постоянной враждебностью преследовала их в лоне конвента с 21 января по 31 мая и 2 июня. Жирондистов долгое время поддерживал Центр, который выступал вместе с правыми против убийств и анархии, а вместе с левыми - за меры общественной безопасности. Эта масса, которая, собственно говоря, и составляла дух конвента, проявила некоторое мужество и уравнивала силу Горы и Коммуны, пока в ней находились эти смелые и красноречивые жирондисты, которые несли с собой в тюрьму и на эшафот все великодушные резолюции собрания.

На мгновение между различными партиями собрания возникло единство. Лепеллетье Сен-Фаржо был заколот отставным членом домашней стражи по имени Парис за то, что он высказался за смерть Людовика XVI. Члены конвента, объединенные общей опасностью, поклялись на его могиле забыть о своей вражде, но вскоре они ее возобновили. Некоторые из сентябрьских убийц, наказания которых желали более благородные республиканцы, предстали перед судом в Мо. Гора, опасаясь, что их прошлое поведение будет расследовано и что их противники воспользуются осуждением, чтобы более открыто напасть на них самих, прекратила это разбирательство. Эта безнаказанность еще больше ободрила лидеров толпы; и Марат, имевший в тот период невероятное влияние на толпу, подстрекал их к грабежу торговцев, которых он обвинял в монополизации провизии. В своих памфлетах и на собраниях якобинцев он яростно писал и говорил против аристократии мещан, купцов и *государственных деятелей* (так он называл жирондистов), то есть против тех, кто в собрании или в народе в целом все еще выступал против господства Сан-Кулотов и Горы. В фанатизме и непобедимом упрямстве этих сектантов было что-то страшное. С самого начала конвента они называли жирондистов интриганам за те министерские и довольно скрытные средства, с помощью которых они противостояли в департаментах наглому и публичному поведению якобинцев.

Соответственно, они регулярно осуждали их в клубе. "В Риме один оратор ежедневно кричал: "Карфаген должен быть разрушен!", так пусть же на эту трибуну каждый день поднимается якобинец и произносит эти единственные слова: "Интриганы должны быть уничтожены!". Кто сможет противостоять нам? Мы выступаем против преступности и эфемерной власти богатства; но в нашем деле есть правда, справедливость, бедность и добродетель. С таким оружием якобинцы вскоре должны будут сказать: "Нам оставалось только уйти, они уже вымерли"". Марат, который был гораздо смелее Робеспьера, чья ненависть и проекты все еще скрывались под определенными формами, был покровителем всех обличителей и любителей анархии. Некоторые представители Горы упрекали его в том, что он компрометирует их дело своими крайними советами и несвоевременными эксцессами; но весь якобинский народ поддерживал его даже против Робеспьера, который редко получал преимущество в спорах с ним. Грабеж, рекомендованный в феврале в "*Людах народа*" в отношении некоторых торговцев "для примера", состоялся, и Марат был донесен в конвент, который после бурного заседания принял решение о его обвинении. Но это постановление не имело никакого результата, поскольку обычные трибуналы не имели никакой власти. Это двойное усилие силы с одной стороны и слабости с другой произошло в феврале месяце. Более решительные события вскоре привели жирондистов к краху.

До сих пор военное положение Франции было удовлетворительным. Дюмуре только что увенчал блестящую Аргоннскую кампанию завоеванием Бельгии. После отступления пруссаков он отправился в Париж, чтобы согласовать меры по вторжению в Австрийские Нидерланды. Вернувшись к армии 20 октября 1792 года, он начал наступление 28 числа. План, который так неудачно, с такими малыми силами и успехом пытались осуществить в начале войны, был возобновлен и приведен в исполнение с превосходными средствами. Дюмуре, во главе Бельгийской армии, численностью в сорок тысяч человек, двинулся из Валансьена на Монс, поддерживаемый справа Арденнской армией, численностью около шестнадцати тысяч человек, под командованием генерала Валанса, который шел из Живе на Намюр; а слева - Северной армией, численностью в восемнадцать тысяч человек, под командованием генерала Лабурдонне, который шел из Лилля на Турней. Австрийская армия, расположившаяся перед Монсом, ожидала сражения в своих окопах. Дюмуре полностью разгромил ее; победа при Жемаппе открыла Бельгию для французов и вновь обеспечила нашему оружию превосходство в Европе. Победив 6 ноября, Дюмуре вступил в Монс 7-го, в

Брюссель 14-го и в Льеж 28-го. Валанс взял Намюр, Лабурдонне - Антверпен; и к середине декабря вторжение в Нидерланды было полностью завершено. Французская армия, овладев Мёз и Шельдой, встала на зимние позиции, оттеснив за Роер австрийцев, которых они могли оттеснить за Нижний Рейн.

С этого момента начались военные действия между Дюмурьезом и якобинцами. Декрет конвента от 15 сентября отменил бельгийские обычаи и привел к демократическому устройству страны. Якобинцы послали в Бельгию своих агентов для пропаганды революционных принципов и создания клубов по образцу родительского общества; но фламандцы, принявшие нас с энтузиазмом, охладели к тяжелым требованиям, предъявляемым к ним, и к общему грабежу и невыносимой анархии, которую принесли с собой якобинцы. Все те, кто выступал против австрийской армии и надеялся получить свободу под защитой Франции, нашли наше правление слишком суровым и пожалели, что обратились к нам за помощью или поддерживали нас. Дюмурье, вынашивавший проекты независимости для фламандцев и честолюбивые планы для себя, приехал в Париж, чтобы пожаловаться на такое невежливое поведение по отношению к завоеванным странам. Он изменил свой до сих пор двусмысленный курс; он использовал все средства, чтобы сохранить отношения с двумя фракциями; он встал под знамена ни одной из них, надеясь использовать Правых через своего друга Генсонне, а Горных - через Дантона и Лакруа, в то время как он потрясал обоих своими победами. Но в этом втором походе он попытался остановить якобинцев и спасти Людовика XVI; не достигнув своей цели, он вернулся в армию, чтобы начать вторую кампанию, очень недовольный и решивший сделать свои новые победы средством приостановить революцию и сменить правительство.

На этот раз европейские державы должны были атаковать все границы Франции. Военные успехи революции и катастрофа 21 января заставили большинство нерешительных или нейтральных правительств присоединиться к коалиции.

Сент-Джеймский двор, узнав о смерти Людовика XVI, уволил посла Шовелена, которого отказывался признавать с 10 августа и свержения короля. Конвент, обнаружив, что Англия уже вступила в союз с коалицией, и, следовательно, все ее обещания нейтралитета были тщетны и недостижимы, 1 февраля 1793 года объявил войну королю Великобритании и голландскому штатдхольдеру, который с 1788 года полностью подчинялся английскому кабинету. До сих пор Англия сохраняла видимость нейтралитета, но, воспользовавшись случаем, вышла на арену военных действий. Некоторое время настроенный на разрыв, Питт задействовал все свои ресурсы и в течение шести месяцев заключил семь союзных договоров и шесть договоров о субсидиях. [Сноска: Эти договоры были следующими: 4 марта, статьи между Великобританией и Ганновером; 25 марта, договор о союзе в Лондоне между Россией и Великобританией; 10 апреля, договор о субсидиях с ландграфом Гессен-Кассельским; 25 апреля, договор о субсидиях с Сардинией; 25 мая, договор о союзе в Мадриде с Испанией; 12 июля - союзный договор с Неаполем, королевством Обеих Сицилий; 14 июля - союзный договор в лагере перед Майенсом с Пруссией; 30 августа - союзный договор в Лондоне с императором; 21 сентября - договор о субсидиях с маркграфом Баденским; 26 сентября - союзный договор в Лондоне с Португалией. По этим договорам Англия предоставила значительные субсидии, особенно Австрии и Пруссии]. Таким образом, Англия стала душой коалиции против Франции; ее флоты были готовы к отплытию; министр получил 3 200 000 фунтов стерлингов чрезвычайных, и Питт задумал извлечь выгоду из нашей революции, обеспечив перевес Великобритании, как Ришелье и Мазарин воспользовались кризисом в Англии в 1640 году, чтобы установить французское господство в Европе. Двор Сент-Джеймса руководствовался исключительно английскими интересами; он

хотел любой ценой добиться укрепления аристократической власти внутри страны и исключительной империи в двух Индиях и на морях.

Двор Сент-Джеймса тогда произвел второй сбор коалиции. В Испании только что произошла смена министров; знаменитый Годой, герцог Алькудийский, впоследствии князь мира, был поставлен во главе правительства благодаря интригам Англии и эмигрантов. Эта держава пошла на разрыв с республикой, после того как тщетно ходатайствовала за Людовика XVI, и сделала свой нейтралитет ценой жизни короля. Германская империя полностью приняла войну; Бавария, Суабия и курфюрст Палатин присоединились к враждебным кругам империи. Неаполь последовал примеру Святого престола; единственными нейтральными державами были Венеция, Швейцария, Швеция, Дания и Турция. Россия все еще была занята вторым разделом Польши.

Со всех сторон республике угрожали самые воинственные войска Европы. Вскоре ей предстояло столкнуться с сорока пятью тысячами австро-сардинцев в Альпах; пятьюдесятью тысячами испанцев на Пиренеях; семьюдесятью тысячами австрийцев или имперцев, усиленных тридцатью восемью тысячами английских и голландских войск, на нижнем Рейне и в Бельгии; тридцатью тремя тысячами четырьмястами австрийцев между Мёзом и Мозелем; ста двенадцатью тысячами шестьюстами пруссаков, австрийцев и имперцев на среднем и верхнем Рейне. Чтобы противостоять такому количеству врагов, конвенция постановила набрать триста тысяч человек. Эта мера внешней обороны сопровождалась партийной мерой для внутренней. В тот момент, когда новые батальоны, собиравшиеся покинуть Париж, предстали перед собранием, Гора потребовала создания чрезвычайного трибунала для поддержания революции внутри страны, которую батальоны собирались защищать на границах. Этот трибунал, состоящий из девяти членов, должен был судить без присяжных и апелляции. Жирондисты всеми силами восстали против столь произвольного и грозного учреждения, но все было напрасно, ибо они, казалось, благоволили врагам республики, отвергая трибунал, предназначенный для их наказания. Все, чего они добились, - это введения в него присяжных, удаления некоторых жестоких людей и права отменять его акты до тех пор, пока они сохраняли хоть какое-то влияние.

Основные усилия коалиции были направлены против обширной границы, простиравшейся от северного моря до Хунингуэна. Принц Кобургский во главе австрийцев должен был атаковать французскую армию на реках Роер и Мёз, чтобы войти в Бельгию; пруссаки же с другой стороны должны были выступить против Кюстина, дать ему сражение, окружить Майенс и, взяв его, возобновить предыдущее вторжение. Эти две действующие армии поддерживались в промежуточном положении значительными силами. Дюмуре, поглощенный честолюбивыми и реакционными замыслами, в тот момент, когда он должен был думать только об опасностях для Франции, предложил себе восстановить монархию 1791 года, вопреки конвенту и Европе. То, что Буйе не смог сделать для абсолютного, а Лафайет - для конституционного трона, Дюмуре в менее благоприятный момент надеялся осуществить в одиночку в интересах разрушенной конституции и беспартийной монархии. Вместо того чтобы сохранять нейтралитет между фракциями, как диктовали обстоятельства генералу и даже честолюбцу, Дюмуре предпочел разрыв, чтобы поколебать их. Он задумал создать партию из Франции; войти в Голландию через голландских республиканцев, выступавших против штатгольдерства и английского влияния; освободить Бельгию от якобинцев; объединить эти страны в единое независимое государство и обеспечить себе их политический протекторат, приобретя всю славу завоевателя. Для устрашения партий он должен был собрать войска, двинуться на столицу, распустить конвент, подавить народные собрания, восстановить конституцию 1791 года и дать Франции короля.

Этот проект, неосуществимый в условиях сильного потрясения между революцией и Европой, показался легко осуществимым пылкому и авантюрному Дюмурьеzu. Вместо того чтобы защищать линию, угрожавшую от Майенса до Роера, он бросился на левый фланг операций и во главе двадцати тысяч человек вошел в Голландию. Быстрым маршем он должен был достичь центра Соединенных провинций, атаковать крепости с тыла и соединиться у Неймегена с двадцатью пятью тысячами человек под командованием генерала Миранды, который, вероятно, стал бы хозяином Маэстрихта. Сорокатысячная армия должна была наблюдать за австрийцами и защищать его права.

Дюмурье энергично продолжал свою экспедицию в Голландию; он взял Бреду и Гертруйденберг, готовился пройти через Бисбос и захватить Дордрехт. Но правая армия тем временем пережила самые тревожные поражения на Нижнем Мёзе. Австрийцы перешли в наступление, перешли Роер, разбили Миазинского у Экс-ла-Шапель; заставили Миранда снять блокаду Маэстрихта, который он бесполезно бомбардировал; переправились через Мёз и у Льежа заставили нашу армию, отступившую между Тирлемоном и Лувеном, полностью разбежаться. Дюмурье получил от исполнительного совета приказ немедленно покинуть Голландию и принять командование войсками в Бельгии; он был вынужден подчиниться и отчасти отказаться от своих самых смелых, но самых дорогих надежд.

Якобинцы при известии об этих поражениях стали гораздо более непримиримыми; не в силах представить себе поражение без предательства, особенно после блестящих и неожиданных побед последней кампании, они приписывали эти военные бедствия партийным комбинациям. Они осуждали жирондистов, министров и генералов, которые, по их мнению, объединились, чтобы отказаться от республики, и требовали их уничтожения. Соперничество смешалось с подозрительностью, и они желали как приобрести исключительное господство, так и защитить угрожаемую территорию; они начали с жирондистов. Так как они еще не приучили народ к мысли о запрещении представителей, то сначала прибегли к заговору, чтобы избавиться от них; они решили поразить их в конвенте, где все они будут собраны, и для осуществления заговора была назначена ночь на 10 марта. Собрание заседало постоянно ввиду общественной опасности. Накануне было решено, что якобинцы и кордельеры закроют шлагбаумы, затрубят в набат и двумя оркестрами пойдут на конвент и министров. Они выступили в назначенный час, но несколько обстоятельств помешали заговорщикам добиться успеха. Жирондисты, предупрежденные, не явились на вечернее заседание; секции объявили себя противниками заговора, а Бернонвиль, военный министр, выступил против них во главе батальона брестских федералистов; эти неожиданные препятствия, а также непрекращающийся дождь заставили заговорщиков рассеяться. На следующий день Верньо осудил комитет мятежников, затеявших эти убийства, потребовал, чтобы исполнительному совету было поручено навести справки о заговоре 10 марта, изучить реестры клубов и арестовать членов комитета мятежников. "Мы идем, - сказал он, - от преступлений к амнистиям, от амнистий к преступлениям. Многие граждане начали путать мятежи с великим восстанием свободы; рассматривать волнение грабителей как вспышку энергичных умов, а сам грабеж - как меру общей безопасности. Мы стали свидетелями развития этой странной системы свободы, в которой нам говорят: "Вы свободны, но думайте с нами, или мы осудим вас на месть народа; вы свободны, но склоните голову перед идолом, которому мы поклоняемся, или мы осудим вас на месть народа; вы свободны, но присоединитесь к нам в преследовании людей, чьей честности и интеллекта мы боимся, или мы осудим вас на месть народа". Граждане, у нас есть основания опасаться, что революция, подобно Сатурну, пожрет последовательно всех своих детей и породит лишь деспотизм и сопутствующие ему бедствия". Эти пророческие слова произвели некоторый эффект на собрание; но меры, предложенные Верньо, ни к чему не привели.

Якобинцы были на мгновение остановлены неудачей своего первого предприятия против своих противников; но восстание в Вандее придало им новое мужество. Вандейская война была неизбежным событием революции. Эта страна, ограниченная Луарой и морем, пересеченная немногочисленными дорогами, усеянная деревнями, хуторами и помещичьими резиденциями, сохраняла древнее феодальное состояние. В Вандее не было ни цивилизации, ни интеллекта, потому что не было среднего класса; а среднего класса не было потому, что не было городов, или их было очень мало. В то время крестьяне не имели никаких иных идей, кроме тех немногих, которые им передавали священники, и не отделяли свои интересы от интересов дворянства. Эти простые и крепкие люди, преданные старому положению вещей, не понимали революции, которая была результатом веры и необходимости, совершенно чуждых их положению. Дворяне и священники, сильные в этих районах, не эмигрировали; и древний режим действительно существовал там, потому что там были его доктрины и его общество. Рано или поздно война между Францией и Вандеей, столь разными странами, у которых не было ничего общего, кроме языка, была неизбежна. Два фанатизма - монархии и народного суверенитета, священства и человеческого разума - неизбежно должны были поднять свои знамена друг против друга и привести к торжеству старой или новой цивилизации.

В Вандее уже несколько раз происходили частичные беспорядки. В 1792 году граф де ла Руари подготовил всеобщее восстание, которое провалилось из-за его ареста; но все еще оставалось готово к восстанию, когда был приведен в исполнение указ о сборе трехсот тысяч человек. Этот сбор стал сигналом к восстанию. Вандейцы перебили жандармерию в Сен-Флоране и взяли в качестве вожаков в разных направлениях фуражира Катилино, морского офицера Шаретта и егеря Стоффле. Опираясь на оружие и деньги из Англии, мятеж вскоре охватил всю страну; девятьсот коммун при звуках набата поднялись на ноги, а затем к ним присоединились знатные вожди Боншам, Лескюр, Ларошаклен, д'Эльбе и Тальмон. Войска линии и батальоны национальной гвардии, выступившие против мятежников, были разбиты. Генерал Марке был разбит при Сен-Венсане Стоффле, генерал Говилье - при Бопре, д'Эльбе и Боншам, генерал Кетино - при Обье, Ларошаклен, а генерал Лигонье - при Шоле. Вандейцы, хозяева Шатильона, Брессюра и Вийера, сочли целесообразным разработать какой-то план организации, прежде чем продвигать свои преимущества дальше. Они сформировали три корпуса, каждый от десяти до двенадцати тысяч человек, в соответствии с делением Вандеи, под командованием трех командиров; первый, под командованием Боншама, охранял берега Луары и назывался *Анжуйской армией*; второй, расположенный в центре, образовал *Большую армию* под командованием д'Эльбе; третий, в Нижней Вандее, назывался *Армией дю Марэ* под командованием Шаретта. Повстанцы создали совет для определения своих действий и избрали генералиссимусом Катилино. Эти договоренности и такое разделение страны позволили им записывать повстанцев, распускать их по полям или призывать к оружию.

Известие об этом грозном восстании побудило конвент принять еще более жесткие меры против священников и эмигрантов. Он объявил вне закона всех священников и дворян, принимавших участие в каких-либо собраниях, и разоружил всех, кто принадлежал к привилегированным классам. Бывшие эмигранты были изгнаны навечно; они не могли вернуться под страхом смерти; их имущество было конфисковано. На дверях каждого дома должны были быть написаны имена всех его обитателей, и революционный трибунал, который был отложен, начал выполнять свои ужасные функции.

В то же время одна за другой приходили вести о новых военных катастрофах. Дюмурье, вернувшись в Бельгийскую армию, сосредоточил все свои силы для противостояния

австрийскому генералу, принцу Кобургскому. Его войска были сильно обескуражены и испытывали недостаток во всем; он написал Конвенту угрожающее письмо против якобинцев, которые осудили его. Вновь вернув своей армии часть былой уверенности благодаря некоторым незначительным преимуществам, он решился на генеральное сражение при Неервиндене и проиграл его. Бельгия была эвакуирована, и Дюмурье, оказавшись между австрийцами и якобинцами, избиваемый одними и атакуемый другими, прибегнул к виновному проекту дезертирства, чтобы осуществить свои прежние замыслы. Он провел переговоры с полковником Маком и договорился с австрийцами о походе на Париж с целью восстановления монархии, оставив их на границах и предварительно сдав им несколько крепостей в качестве гарантии. Вероятно, Дюмурье хотел посадить на конституционный трон молодого герцога де Шартра, отличившегося во время этой кампании; принц же Кобургский надеялся, что, если контрреволюция дойдет до этого момента, она будет продолжена и восстановит сына Людовика XVI и древнюю монархию. Контрреволюция не останавливается больше, чем революция; начавшись, она должна исчерпать себя". Якобинцы вскоре узнали о планах Дюмурье; он не принял особых мер, чтобы скрыть их; то ли он хотел испытать свои войска, то ли встревожить своих врагов, то ли просто следовал своему природному легкомыслию. Чтобы быть более уверенным в его замыслах, якобинский клуб направил к нему депутацию, состоявшую из Проли, Перейры и Дюбюиссона, трех своих членов. Доставленные к Дюмурье, они получили от него больше признаний, чем ожидали: "Конвент, - сказал он, - это собрание семисот тридцати пяти тиранов. Пока у меня есть четыре дюйма железа, я не позволю ему царствовать и проливать кровь вместе с революционным трибуналом, который он только что создал; что же касается республики, - добавил он, - то это пустое слово. Я верил в нее три дня. После Жемаппа я сожалею обо всех успехах, достигнутых в таком дурном деле. Есть только один способ спасти страну - восстановить конституцию 1791 года и короля". "Можете ли вы подумать об этом, генерал?" - сказал Дюбюиссон; "французы относятся к королевской власти с ужасом - само имя Людовика..." "Что значит, как называть короля - Людовик, Жак или Филипп?" "И каковы ваши средства?" "Моя армия - да, моя армия сделает это, и из моего лагеря или из крепости она выразит свое желание иметь короля". "Но ваш проект ставит под угрозу безопасность заключенных в Храме". "Если будут убиты последние Бурбоны, даже Кобленц, у Франции все равно останется король, и если Париж добавит это убийство к тем, что уже обесчестили его, я немедленно выступлю против него". Неосмотрительно раскрыв свои намерения, Дюмурье приступил к исполнению своего неосуществимого замысла. Он действительно находился в очень сложном положении; солдаты были очень привязаны к нему, но они также были преданы своей стране. Ему предстояло сдать несколько крепостей, которыми он не владел, и следовало предположить, что генералы, подчиненные ему, либо из верности республике, либо из честолюбия, поступят с ним так же, как он поступил с Лафайетом. Его первая попытка не была обнадеживающей; укрепившись в Сент-Аманде, он попытался овладеть Лиллем, Конде и Валансьеном, но потерпел неудачу в этом предприятии. Неудача заставила его колебаться и не позволила взять инициативу в свои руки.

С Конвентом все было иначе; он действовал с быстротой, смелостью, твердостью и, прежде всего, с точностью в достижении цели, что делало успех несомненным. Когда мы знаем, чего хотим, и желаем этого сильно и быстро, мы почти всегда достигаем своей цели. Этого качества не хватало Дюмурье, и оно препятствовало его дерзости и отпугивало его сторонников. Как только Конвенту стало известно о его проектах, он вызвал его к себе. Он отказался повиноваться, не подняв, однако, немедленно штандарт восстания. Конвент немедленно направил четырех представителей: Камю, Кинетта, Ламарка, Банкала и военного министра Бернонвиля, чтобы доставить его к себе или арестовать в окружении армии. Дюмурье принял комиссаров во главе своего штаба. Они вручили ему декрет

конвента; он прочел его и вернул им, заявив, что состояние его армии не позволит ему покинуть ее. Он предложил подать в отставку и обещал в более спокойное время сам потребовать судей и дать отчет о своих замыслах и о своем поведении. Комиссары пытались склонить его к покорности, приводя в пример древнеримских полководцев. "Мы всегда ошибаемся в своих цитатах, - ответил он, - и мы уродуем римскую историю, принимая в качестве оправдания наших преступлений пример их добродетелей. Римляне не убивали Тарквина; у римлян была упорядоченная республика и хорошие законы; у них не было ни якобинского клуба, ни революционного трибунала. Мы живем в эпоху анархии. Тигры хотят получить мою голову; я не отдам ее им". "Гражданин генерал, - спросил Камю, - вы подчинитесь декрету национального конвента и отправитесь в Париж?" "В настоящее время нет". "Тогда я объявляю, что отстраняю вас от должности; вы больше не генерал; я приказываю арестовать вас". "Это уже слишком", - сказал Дюмуре; он приказал арестовать комиссаров немецкими гусарами и передать их в качестве заложников австрийцам. После этого акта восстания он больше не мог колебаться. Дюмуре предпринял еще одну попытку напасть на Конде, но она удалась не лучше первой. Он попытался склонить армию присоединиться к нему, но она была оставлена им. Солдаты, вероятно, еще долгое время будут предпочитать республику своему генералу; привязанность к революции была во всем ее пылу, а гражданская власть - во всей ее силе. Дюмуре, объявив себя против конвента, испытал судьбу, которая постигла Лафайета, когда он объявил себя против законодательного собрания, и Буйе, когда он объявил себя против учредительного собрания. В этот период генерал, сочетавший твердость Буйе с патриотизмом и популярностью Лафайета, с победами и ресурсами Дюмуре, потерпел бы такое же поражение, как и они. Революция с приданным ей движением была неизбежно сильнее партий, генералов и Европы. Дюмуре перешел в австрийский лагерь с герцогом де Шартр, полковником Тувено и двумя эскадронами Бершини. Остальная часть его армии отправилась в лагерь у Фамаров и присоединилась к войскам под командованием Дампьера.

Конвент, узнав об аресте комиссаров, утвердился в качестве постоянного собрания, объявил Дюмуре изменником родины, разрешил любому гражданину нападать на него, назначил цену за его голову, декретировал знаменитый комитет общественной безопасности и изгнал из республики герцога Орлеанского и всех Бурбонов. Хотя жирондисты нападали на Дюмуре так же горячо, как и Гор, их обвинили в том, что они были его сообщниками, и это стало новым поводом для жалоб, добавившимся к остальным. Их враги становились с каждым днем все сильнее, и именно в моменты общественной опасности они были особенно опасны. До сих пор в борьбе между двумя партиями они одерживали верх по всем пунктам. Они прекратили все расследования сентябрьской резни; они поддерживали узурпацию Коммуны; они добились сначала суда, а затем смерти Людовика XVI; благодаря их средствам февральские грабежи и заговор 10 марта остались безнаказанными; они добились возведения революционного трибунала вопреки жирондистам; они с отвращением изгнали Ролана из министерства; и они только что победили Дюмуре. Оставалось только лишить жирондистов их последнего убежища - собрания, что они и предприняли 10 апреля и осуществили 2 июня.

В Конвенте Робеспьер нападал на Бриссо, Гваде, Верньо, Петiona и Генсонне; Марат осуждал их в народных обществах. Как президент якобинцев, он написал обращение к департаментам, в котором призвал гром петиций и обвинений против предателей и неверных делегатов, пытавшихся спасти тирана обращением к публике или его тюремным заключением. Правые и равнинные члены конвента сочли необходимым объединиться. Марат предстал перед революционным трибуналом. Эта новость привела в движение клубы, народ и коммуны. В отместку мэра Паш от имени тридцати пяти секций и генерального совета

потребовал изгнания главных жирондистов. Молодой Бойе Фонфред потребовал включить в список своих коллег, и члены правой и равнинной секций поднялись, восклицая: "Все! Все!" Эта петиция, хотя и объявленная клеветнической, стала первой атакой на конвент извне и подготовила общественное мнение к уничтожению Жиронды.

Обвинение Марата далеко не испугало якобинцев, сопровождавших его в революционный трибунал. Марат был оправдан, и его с триумфом повели в собрание. С этого момента подступы к залу стали заполняться смелыми санкюлотами, а приверженцы якобинцев заполнили галереи конвента. Клубисты и *трикотажники* Робеспьера постоянно перебивали ораторов правых и мешали дебатам, а в зале искали любую возможность избавиться от жирондистов. Анрио, комендант секции санкюлотов, возбудил против них батальоны, собиравшиеся отправиться в Вандею. Годе понял, что настало время для чего-то большего, чем жалобы и речи; он взошел на трибуну. "Граждане, - сказал он, - пока добродетельные люди довольствуются тем, что оплакивают несчастья страны, заговорщики активно готовят ее гибель. Вместе с Цезарем они говорят: "Пусть они говорят, а мы будем действовать". Так действуйте же и вы. Зло заключается в безнаказанности заговорщиков 10 марта; зло - в анархии; зло - в существовании парижских властей - властей, стремящихся одновременно к выгоде и господству. Граждане, еще есть время; вы можете спасти республику и свою скомпрометированную славу. Я предлагаю упразднить парижские власти, заменить в течение двадцати четырех часов муниципалитет председателями секций, собрать конвент в Бурже с наименьшей задержкой и передать этот декрет департаментам с помощью чрезвычайных курьеров". Гора на мгновение была удивлена предложением Гваде. Если бы его меры были сразу же приняты, это положило бы конец господству Коммуны и проектам заговорщиков; но также вероятно, что возбуждение партий привело бы к гражданской войне, что конвент был бы распущен собранием в Бурже, что все центры действия были бы уничтожены, и что революция не была бы достаточно сильна, чтобы противостоять внутренней борьбе и нападкам Европы. Именно этого опасалась умеренная партия в собрании. Опасаясь анархии, если карьера коммуны не будет остановлена, и контрреволюции, если толпа будет слишком тесно сдерживаться, она стремилась сохранить равновесие между двумя крайностями конвента. В эту партию входили комитеты общей и общественной безопасности. Ее возглавлял Баррер, который, как и все люди с честными намерениями, но слабым характером, выступал за умеренность до тех пор, пока страх не превращал его в орудие жестокости и тирании. Вместо решительных мер Гваде предложил назначить чрезвычайную комиссию из двенадцати членов для расследования действий муниципалитета, поиска авторов заговоров против национальных представителей и охраны их лиц. Этот средний курс был принят, но он оставил коммуну в силе, и коммуне суждено было одержать победу над конвентом.

Комиссия двенадцати своими расследованиями повергла членов Коммуны в большую тревогу. Она раскрыла новый заговор, который должен был быть приведен в исполнение 22 мая, и арестовала некоторых заговорщиков, в том числе Эбера, заместителя протоколиста, автора "*Пера Дюшена*", который был взят в самом лоне коммуны. Коммуна, поначалу ошеломленная, начала принимать меры по защите. С этого момента уже не заговор, а восстание стало порядком дня. Генеральный совет, воодушевленный Горой, окружил себя столичными агитаторами; он распространил сообщение о том, что Двенадцать хотят очистить съезд и заменить контрреволюционный трибунал тем, который оправдал Марата. Якобинцы, кордельеры, секции заседали постоянно. 26 мая волнение стало ощутимым, 27-го - достаточно решительным, чтобы побудить Коммуну начать наступление. Соответственно, она предстала перед конвентом и потребовала освобождения Эбера и подавления Двенадцати; ее сопровождали депутаты секций, которые выразили то же желание, и зал был

окружен большой толпой. Секция Сити даже осмелилась потребовать, чтобы Двенадцать предстали перед революционным трибуналом. Иснар, председатель собрания, ответил торжественным тоном: "Послушайте, что я вам скажу. Если хоть одно из этих восстаний, столь часто повторяющихся с 10 марта и о которых магистраты ни разу не уведомили собрание, поднимет враждебную руку против национальных представителей, я заявляю вам от имени всей Франции: Париж будет разрушен. Да, вся Франция поднимется, чтобы отомстить за такое преступление, и вскоре уже не будет сомнений, на каком берегу Сены стоял Париж". Этот ответ стал сигналом к большому беспорядкам. "И я заявляю вам, - воскликнул Дантон, - что такая наглость становится невыносимой; мы будем сопротивляться вам". Затем, повернувшись к правым, он добавил: "Никакого перемирия между Горой и трусами, пожелавшими спасти тирана".

Теперь в зале царило полнейшее смятение. С чужих галерей доносились обличения правых; Гора разразилась угрозами; ежеминутно прибывали депутации, и съезд окружала огромная толпа. Несколько секций Почты и Бутт-де-Мулен под командованием Раффе расположились в переходах и на проспектах, чтобы защищать его. Жирондисты противостояли, пока могли, депутациям и Горе. Угрожаемые внутри, осажденные снаружи, они воспользовались бы этим насилием, чтобы вызвать негодование собрания. Но министр внутренних дел Гарат лишил их этой возможности. Призванный дать отчет о состоянии Парижа, он заявил, что конвенту нечего бояться; и мнение Гарата, которого считали беспристрастным и чей примирительный склад ума вовлекал его в двусмысленные разбирательства, ободрило членов Горы. Иснар был вынужден оставить кресло, которое занял Эро де Сешель, что стало признаком победы Горы. Новый президент ответил петиционерам, которых Иснар до сих пор держал на заднем плане. "Власть разума и власть народа - это одно и то же. Вы требуете от нас магистрата и правосудия. Представители народа дадут вам и то, и другое". Было уже очень поздно; правые были обескуражены, некоторые из их членов ушли. Петиционеры перешли от адвокатуры к местам представителей и там, смешавшись с Горой, с криками и беспорядком, все вместе проголосовали за отставку двенадцати и освобождение заключенных. В половине двенадцатого, под аплодисменты галерей и людей снаружи, этот указ был принят.

Возможно, со стороны жирондистов было бы разумно, поскольку они действительно не были самой сильной партией, не возвращаться к этому вопросу. Движение предыдущего дня не имело бы иного результата, кроме подавления Двенадцати, если бы другие причины не затащили его. Но вражда достигла такого накала, что необходимо было довести ссору до конца; поскольку обе партии не могли терпеть друг друга, единственным выходом для них оставалась борьба; они должны были переходить от победы к поражению и от поражения к победе, с каждым днем все более и более возбуждаясь, пока наконец сильная сторона не одержала победу над слабой. На следующий день правые восстановили свои позиции в конвенте и объявили декрет предыдущего дня незаконно принятым, в беспорядке и под принуждением, и комиссия была вновь создана. "Вы вчера, - сказал Дантон, - совершили великий акт справедливости; но я заявляю вам, что если комиссия сохранит тираническую власть, которой она пользовалась до сих пор; если народные судьи не будут восстановлены в своих функциях; если добропорядочные граждане снова будут подвергаться произвольным арестам; тогда, доказав вам, что мы превосходим наших врагов в благоразумии, в мудрости, мы превзойдем их в дерзости и революционной силе". Дантон опасался начинать атаку; он боялся триумфа Горы так же сильно, как и жирондистов; поэтому он старался поочередно предвосхитить 31 мая и смягчить его результаты. Но он был вынужден присоединиться к своей партии во время конфликта и молчать после победы.

Возбуждение, которое было немного ослаблено подавлением Двенадцати, стало угрожающим при известии об их восстановлении. На скамьях секций и народных обществ раздавались ругательства, крики об опасности, призывы к восстанию. Выйдя из тюрьмы, Эбер вновь появился в коммуне. На его чело возложили корону, которую он перенес на бюст Брута, а затем бросился к якобинцам, чтобы потребовать отмщения за Двенадцать. Робеспьер, Марат, Дантон, Шометт и Паше организовали новое движение. Восстание было организовано по образцу восстания 10 августа. 29 мая было занято подготовкой общественного мнения. 30-го числа члены избирательной коллегии, комиссары клубов и депутаты секций собрались в Эвеше, объявили себя в состоянии восстания, распустили генеральный совет коммуны и немедленно восстановили его, заставив принести новую присягу; Анрио получил звание генерал-аншефа вооруженных сил, а санкюлотам было назначено по сорок су в день, пока они были под оружием. Эти приготовления были сделаны, и рано утром 31-го числа прозвучал набат, барабаны били по оружию, войска были собраны, и все двинулись к Конвенту, который уже некоторое время заседал в Тюильри.

Собрание собралось под звуки набата. Министр внутренних дел, управляющие департаментами и мэр Парижа были последовательно вызваны к трибуне. Гарат рассказал о взволнованном состоянии Парижа, но, похоже, не ожидал никаких опасных последствий. Луийе от имени департамента заявил, что это всего лишь *моральный* мятеж. Последним появился мэр Паше и с лицемерным видом сообщил о действиях повстанцев; он притворился, что использовал все средства для поддержания порядка; заверил, что охрана Конвента была удвоена, и запретил стрелять из сигнальной пушки; в тот же момент вдали послышался выстрел. Удивление и волнение собравшихся были чрезвычайными. Камбон призвал членов собрания к единству, а людей на галерее для посторонних - к молчанию. "В этих чрезвычайных обстоятельствах, - сказал он, - единственный способ сорвать замыслы злопыхателей - заставить уважать национальный конвент". "Я требую, - сказал Тьюриот, - немедленного упразднения Комиссии двенадцати". "А я, - вскричал Тальен, - чтобы меч закона поразил заговорщиков, осквернивших само лоно конвента". Жирондисты, со своей стороны, требовали, чтобы дерзкий Анрио был вызван на скамью подсудимых за то, что без разрешения конвента выстрелил из сигнальной пушки. "Если борьба состоится, - сказал Верньо, - то, независимо от ее успеха, она станет гибелью республики. Пусть каждый член поклянется умереть на своем посту". Все собрание поднялось, аплодируя этому предложению. Дантон бросился к трибуне: "Разогнать Комиссию двенадцати! Вы слышали гром пушек. Если вы политические законодатели, то, не порицая вспышку в Париже, вы обратите ее на пользу республике, исправив свои собственные ошибки, распустив свою комиссию. Я обращаюсь к тем, - продолжал он, услышав ропот вокруг себя, - кто обладает некоторым политическим талантом, а не к тупицам, которые могут действовать и говорить, повинувшись своим страстям. Подумайте о величии вашей цели; это спасение народа от его врагов, от аристократов, спасение от его собственной слепой ярости. Если несколько человек, действительно опасных, независимо от того, к какой партии они принадлежат, будут стремиться продлить движение, станут бесполезными, то в результате вашего акта справедливости сам Париж отбросит их назад в их первоначальное ничтожество. Я спокойно, просто и сознательно требую подавления комиссии по политическим мотивам". Комиссия подверглась яростным нападкам с одной стороны, слабо защищалась с другой; Баррер и комитет общественной безопасности, которые были ее создателями, предложили ее подавить, чтобы восстановить мир и избавить собрание от необходимости отдаваться на милость толпы. Умеренная часть Горы уже собиралась принять эту уступку, когда прибыли депутаты. Члены департамента, муниципалитета и комиссары секций, будучи допущены к адвокату, требовали не только подавления двенадцати, но и наказания умеренных членов, а также всех жирондистских вождей.

Тюильри был полностью блокирован повстанцами, а присутствие их комиссаров в Конвенте ободрило крайних представителей Горы, желавших уничтожить жирондистскую партию. Робеспьер, их лидер и оратор, произнес: "Граждане, давайте не будем терять этот день на пустые разговоры и ненужные меры; это, возможно, последний день, когда патриотизм будет бороться с тиранией. Пусть верные представители народа объединятся, чтобы обеспечить его счастье". Он призвал съезд следовать курсу, указанному петиционерами, а не тому, который предложил комитет общественной безопасности. Он разразился длинной декламацией против своих противников, когда вмешался Верньо: "Завершите это!" - "Я собираюсь завершить, и против вас! Против вас, которые после революции 10 августа пытались отправить на эшафот тех, кто ее совершил. Против вас, которые никогда не прекращали курс, предполагавший разрушение Парижа. Против вас, которые хотели спасти тирана. Против вас, сговорившихся с Дюмуре́зом. Против вас, яростно преследовавших тех самых патриотов, чьих голов требовал Дюмуре́. Против вас, чья преступная месть вызвала те крики места, которые вы пытаетесь сделать преступлением в своих жертвах. В заключение я предлагаю обвинительный декрет против всех сообщников Дюмуре́за, а также против тех, кого указывают просители". Несмотря на жестокость этой вспышки, партия Робеспьера не одержала победы. Восстание было направлено только против двенадцати, и комитет общественной безопасности, предложивший их подавить, одержал верх над коммуной. Собрание приняло декрет Баррера, который распустил Двенадцать, привел в состояние постоянной готовности общественные силы и, чтобы удовлетворить петиционеров, поручил Комитету общественной безопасности расследовать заговоры, о которых они заявляли. Как только толпа, окружавшая собрание, узнала об этих мерах, она встретила их аплодисментами и разошлась.

Но заговорщики не собирались довольствоваться этим полутриумфом: 30 мая они пошли дальше, чем 29-го, а 2 июня - дальше, чем 31 мая. Восстание из морального, как они его называли, стало личным; то есть оно было направлено уже не против власти, а против депутатов; оно перешло от Дантона и Горы к Робеспьеру, Марату и коммуне. Вечером 31-го числа один якобинский депутат сказал: "У нас еще только половина игры; мы должны ее завершить и не дать народу остыть". Анрио предложил предоставить вооруженные силы в распоряжение клуба. Комитет восстания открыто разместился рядом с Конвентом. Все 1 июня было посвящено подготовке большого движения. Коммуна обратилась к секциям с письмом: "Граждане, оставайтесь под оружием: опасность, грозящая стране, делает это высшим законом". Вечером Марат, который был главным автором 2 июня, отправился в Отель-де-Виль, поднялся на башню с часами и зазвонил в набат; он призвал членов совета не расходиться, пока они не получат обвинительный декрет против предателей и "государственных деятелей". На съезде собралось несколько депутатов, и заговорщики пришли потребовать декрет против запрещенных партий; но они еще не были достаточно сильны, чтобы добиться его от съезда.

Вся ночь прошла в приготовлениях; прозвенел набат, барабаны били по оружию, народ собирался вместе. В воскресенье утром, около восьми часов, Анрио предстал перед генеральным советом и от имени восставшего народа заявил своим сообщникам, что они не сложат оружия, пока не добьются ареста депутатов-заговорщиков. Затем он встал во главе огромной толпы, собравшейся на площади Вилле, обратился к ней с речью и дал сигнал к отходу. Было уже около десяти часов, когда повстанцы достигли площади Каррузель. Анрио расставил вокруг замка отряды самых преданных людей, и вскоре съезд был окружен восьмьюдесятью тысячами человек, большая часть которых не понимала, что от них требуется, и была настроена скорее на защиту, чем на нападение на депутацию.

Большинство проскрибированных членов не явились на собрание. Несколько человек, мужественных до последнего, пришли, чтобы в последний раз выдержать бурю. Как только заседание началось, на трибуну взошел бесстрашный Ланжуайне. "Я требую, - сказал он, - выступить по поводу всеобщего призыва к оружию, который сейчас раздается по всему Парижу". Его тут же прервали криками: "Долой! Долой! Он хочет гражданской войны! Он хочет контрреволюции! Он клеветает на Париж! Он оскорбляет народ". Несмотря на угрозы, оскорбления, крики с горы и галерей, Ланжуайне осудил проекты Коммуны и недовольных; его мужество росло вместе с опасностью. "Вы обвиняете нас, - говорил он, - в клевете на Париж! Париж чист, Париж добр, Париж угнетен тиранами, жаждущими крови и власти". Эти слова послужили сигналом к самым бурным беспорядкам; несколько депутатов Горы бросились к трибуне, чтобы сорвать с нее Ланжуайне, но он, крепко держась за нее, воскликнул с самым возвышенным мужеством: "Я требую роспуска всех революционных властей в Париже. Я требую, чтобы все, что они сделали за последние три дня, было объявлено недействительным. Я требую, чтобы все, кто присвоит себе новую власть, противоречащую закону, были поставлены вне закона, и чтобы каждый гражданин был волен наказывать их". Едва он закончил свое выступление, как пришли мятежные петиционеры и потребовали арестовать его и его коллег. "Граждане, - говорили они, - народ устал видеть, как его счастье все откладывается; он снова отдает его в ваши руки; спасите его, или мы заявляем, что он спасет себя сам".

По ходатайству повстанцев правые объявили перерыв, и съезд перешел к предыдущему вопросу. Петиционеры немедленно удалились в угрожающем положении; посторонние покинули галереи; раздались крики к оружию, и в зале поднялась большая суматоха: "Спасите народ!" - вскричал один из горцев. "Спасите своих коллег, издав указ об их предварительном аресте". "Нет, нет!" - ответили правые и даже часть левых. "Мы все разделим их судьбу!" - воскликнул Ла Ревейер-Лепо. Комитет общественной безопасности, призванный сделать доклад, ужаснувшись масштабам опасности, предложил 31 мая примирительную меру, чтобы удовлетворить мятежников, не жертвуя полностью запрещенными членами. "Комитет, - заявил Баррер, - взывает к великодушию и патриотизму обвиняемых членов. Он просит их приостановить свои полномочия, представляя им, что только это может положить конец расколу, от которого страдает республика, только это может восстановить в ней мир". Несколько человек приняли это предложение. Иснар сразу же подал в отставку; Лантенас, Дюссолькс и Фоше последовали его примеру; Ланжуайне не захотел. Он сказал: "До сих пор я, как мне кажется, проявлял определенное мужество; не ждите от меня ни отстранения, ни отставки". Когда древние, - продолжал он, не переставая, - готовили жертву, они увенчивали ее цветами и охапками, когда вели к алтарю; но они не оскорбляли ее". Барбару был так же тверд, как и Ланжуайнис. "Я поклялся, - сказал он, - умереть на своем посту; я сдержу свою клятву". Сами заговорщики Горы протестовали против предложения комитета. Марат настаивал на том, что те, кто приносит жертвы, должны быть чисты; а Бийо-Варенн требовал суда над жирондистами, а не их отстранения.

В это время Лакруа, депутат от Горы, ворвался в дом и на трибуну и заявил, что его оскорбили у дверей, что ему отказали в выходе и что съезд больше не свободен. Многие представители Горы выразили свое негодование по поводу Анрио и его войск. Дантон заявил, что необходимо решительно отомстить за это оскорбление национального величия. Баррер предложил конвенту предстать перед народом. "Представители, - сказал он, - защитите свою свободу; отложите заседания; опустите штыки, которые вас окружают". Весь съезд встал и отправился в процессию, впереди шли сержанты, а возглавлял ее президент, который был покрыт в знак своего страдания. Прибыв к дверям на площади Каррузель, они обнаружили там Анрио верхом на лошади, с саблей в руке. "Чего требует народ?" - спросил президент,

Эро де Сешель; "конвент всецело занят тем, чтобы содействовать его счастью". "Эро", - ответил Анрио, - "народ поднялся не для того, чтобы выслушивать фразы; он требует, чтобы ему выдали двадцать четыре предателя". "Выдайте нас всех!" - закричали те, кто окружил президента. Тогда Анрио обратился к своим людям и воскликнул: "Канониры, к пушкам". Два орудия были направлены на конвент, который, удалившись в сады, искал выход в разных местах, но обнаружил, что все пути охраняются. Солдаты повсюду были под оружием. Марат прошел сквозь ряды, ободряя и возбуждая их. "Никакой слабости, - говорил он, - не покидайте своих постов, пока они их не сдадут". Затем съезд вернулся в дом, подавленный чувством своего бессилия, убежденный в бесполезности своих усилий и полностью покоренный. Арест запрещенных членов больше не вызывал возражений. Марат, истинный диктатор собрания, властно решал судьбу его членов. "Дюссоль, - сказал он, - старый болтун, неспособный руководить партией; Латен - жалкое существо, недостойное даже мысли; Дюко обвиняется лишь в нескольких нелепых представлениях и вовсе не является человеком, способным стать вождем контрреволюции. Я требую, чтобы они были вычеркнуты из списка, а их имена заменены именами Валазе". Соответственно, эти имена были вычеркнуты, их заменили именами Валазе, и список, измененный таким образом, был принят, причем в голосовании приняла участие едва ли половина членов собрания.

Вот имена знаменитых людей, внесенных в список: жирондисты Генсонне, Гуаде, Бриссо, Горсас, Петион, Верньо, Саллес, Барбару, Шамбон, Бузо, Бирото, Лидон, Рабо, Ласурс, Ланжуайне, Гранженев, Лехарди, Лесаж, Луве, Валазе, Лебрэн, министр иностранных дел, Клавьер, министр налогов; а также члены Совета двенадцати: Кервелеган, Гардиен, Рабо Сент-Этьен, Буало, Бертран, Виже, Моллево, Анри Ла Ривьер, Гомайер и Берготинг. Конвент поместил их под арест в их собственных домах и под защиту народа. Приказ о содержании самого собрания в плену был немедленно отозван, толпа рассеялась, но с этого момента конвент перестал быть свободным.

Так пала партия Жиронды, партия, прославившаяся великими талантами и великим мужеством, партия, сделавшая честь молодой республике своим ужасом перед кровопролитием, своей ненавистью к преступлению и анархии, своей любовью к порядку, справедливости и свободе; партия, неудачно оказавшаяся между средним классом, с революцией которого она боролась, и толпой, правительство которой она отвергла. Обреченная на бездействие, она могла прославить свое поражение только мужественной борьбой и славной смертью. В этот период его судьбу можно было легко предвидеть: он был изгнан с поста на пост; от якобинцев - вторжением Гора; от коммуны - вспышкой Петиона; от министерства - отставкой Ролана и его коллег; от армии - дезертирством Дюмурье. Один только конвент остался за ним, там он создал свои укрепления, там он сражался и там пал. Его враги использовали против него, в свою очередь, мятежи и заговоры. Заговоры привели к созданию Комиссии двенадцати, которая, казалось, дала кратковременное преимущество Жиронде, но это только сильнее возбудило против нее ее противников. Они возбудили народ и отняли у жирондистов сначала власть, уничтожив Двенадцать, а затем и политическое существование, отстранив их лидеров.

Последствия этого катастрофического события не оправдали ничьих ожиданий. Дантонисты думали, что разногласиям партий пришел конец: разразилась гражданская война. Умеренные члены комитета общественной безопасности думали, что конвент вернет себе всю свою власть: он был полностью подавлен. Коммуна думала, что 31 мая обеспечит ей господство; господство перешло к Робеспьеру и нескольким людям, преданным его состоянию или принципу крайней демократии. Наконец, к партиям, потерпевшим поражение, добавилась еще одна, отныне враждебная; и как после 10 августа республика

противостояла конституционалистам, так после 31 мая царствующий террор противостоял умеренной партии республики.

ГЛАВА VIII

СО 2 ИЮНЯ 1793 ГОДА ПО АПРЕЛЬ 1794 ГОДА

Предполагалось, что жирондисты не смирятся со своим поражением и что 31 мая станет сигналом к восстанию департаментов против Горы и Парижской коммуны. Это было последнее испытание, которое им оставалось сделать, и они его предприняли. Но в этой решительной мере проявилось то же отсутствие единства, которое стало причиной их поражения в собрании. Сомнительно, что жирондисты одержали бы победу, если бы были едины, и особенно сомнительно, что их победа спасла бы революцию. Как бы они смогли добиться с помощью справедливых законов того, что Гора осуществила насильственными мерами? Смогли бы они без фанатизма победить иностранных врагов, без террора усмирить партии, без *максимума* накормить народ и без реквизиций снабдить армию. Если бы 31 мая имело другой результат, то, вероятно, сразу же произошло бы то, что случилось гораздо позже, а именно: постепенное затихание революционного движения, усиление нападков со стороны Европы, общее возобновление военных действий всеми партиями, дни Прериала, без сил оттеснить толпу; дни Вандемьера, без сил отразить роялистов; вторжение союзников и, согласно политике того времени, раздел Франции. Республика была недостаточно сильна, чтобы выдержать столько атак, как после термидорской реакции.

Как бы то ни было, жирондисты, которые должны были сохранять спокойствие или бороться все вместе, не сделали этого, и после 2 июня все умеренные люди партии остались под декретом об аресте: остальные бежали. Среди первых были Верньо, Генсонне, Дюко, Фонфред и другие; среди последних - Петион, Барбару, Гваде, Луве, Бузот и Ланжуайне. Они отправились в Эврё, в департаменте Эвр, где Бузот пользовался большим влиянием, а затем в Кан, в Кальвадосе. Они сделали этот город центром восстания. Вскоре к ним присоединилась Бретань. Восставшие под именем *собрания департаментов, собравшихся в Кане*, сформировали армию, назначили командующим генерала Вимпфена, арестовали Ромма и Приера де ла Марна, которые были членами Горы и комиссарами конвента, и приготовились к походу на Париж. Оттуда молодая, красивая и смелая женщина Шарлотта Кордей отправилась наказывать Марата, главного виновника событий 31 мая и 2 июня. Она надеялась спасти республику, пожертвовав собой ради ее дела. Но тирания не была уделом одного человека; она принадлежала партии и жестокому положению республики. Шарлотта Кордей, осуществив свой великодушный, но тщетный замысел, умерла с неизменным спокойствием, скромным мужеством и удовлетворением от того, что все сделала правильно. [Сноска: Ниже приведены некоторые из ответов этой героической девушки перед революционным трибуналом: - "С какой целью вы убили Марата?" - "Чтобы положить конец смуте во Франции". "Давно ли вы задумали этот проект?" - "Со времени проскрипции народных депутатов 31 мая". "Вы узнали тогда из газет, что Марат был другом анархии?" - "Да, я знала, что он извращал Францию. Я убила, - добавила она, повысив голос, - человека, чтобы спасти тысячу; злодея, чтобы спасти невинных; дикого зверя, чтобы дать спокойствие моей стране. Я была республиканкой до революции, и я никогда не была лишена энергии"]. Но после убийства Марат стал вызывать у народа больший энтузиазм, чем при жизни. К нему обращались на всех площадях, его бюст был установлен во всех народных обществах, а конвент был вынужден отдать ему почести в Пантеоне.

В то же время восстал Лион, Марсель и Бордо взяли в руки оружие, и более шестидесяти департаментов присоединились к восстанию. Эта атака вскоре привела к всеобщему

восстанию всех партий, и роялисты в большинстве своем воспользовались движением, начатым жирондистами. Особенно они стремились направить восстание в Лионе, чтобы сделать его центром движения на юге. Этот город был сильно привязан к древнему порядку вещей. Производство серебра и золота, шелковых вышивок и торговля предметами роскоши ставили его в зависимость от высших классов. Поэтому он рано выступил против социальных перемен, которые разрушали его прежние связи и губили его производство, уничтожая дворянство и духовенство. Лион, соответственно, в 1790 году, еще при учредительном собрании, когда принцы-эмигранты находились по соседству, при туринском дворе, предпринял попытки восстания. Эти попытки, направляемые священниками и дворянами, были подавлены, но дух остался прежним. Там, как и в других местах, после 10 августа люди желали совершить революцию народа и установить его правительство. Шалье, фанатичный подражатель Марата, стоял во главе якобинцев, санкюлотов и муниципалитета Лиона. Его дерзость возросла после резни в сентябре и 21 января. Пока еще ничего не было решено между низшим республиканским классом и средним роялистским классом, один из которых имел власть в муниципалитете, а другой - в секциях. Но к концу мая споры усилились; они подрались, и секция одержала верх. Муниципалитет был осажден и взят штурмом. Бежавший Шалье был задержан и казнен. Секции, еще не решившиеся сбросить иго конвента, пытались оправдаться необходимостью вооружаться, поскольку якобинцы и члены корпорации заставили их сделать это. Конвент, который мог спастись только с помощью смелости, потеряв все, если уступит, ничего не слушал. Тем временем стало известно о восстании в Кальвадосе, и жители Лиона, воодушевленные таким образом, уже не боялись поднять штандарт восстания. Они привели свой город в состояние обороны, возвели укрепления, сформировали двадцатитысячную армию, приняли в нее эмигрантов, поручили командование своими силами роялисту Преси и маркизу де Вирье и согласовали свои действия с королем Сардинии.

Восстание в Лионе вызывало тем больше опасений у конвента, что его центральное положение обеспечивало ему поддержку юга, который был вооружен, а на западе также происходило восстание. В Марселе новости от 31 мая пробудили партизан жирондистов: Ребекки поспешно отправился туда. Секции были собраны, члены революционного трибунала объявлены вне закона, два представителя, Бо и Антибуль, были арестованы, а десятитысячная армия собрана для наступления на Париж. Эти меры были делом рук роялистов, которые, как и везде, только и ждали случая возродить свою партию, сначала принимали республиканский облик, а теперь действовали от своего имени. Они заручились поддержкой секций, и движение стало осуществляться уже не в пользу жирондистов, а в пользу контрреволюционеров. В условиях восстания та партия, чьи взгляды наиболее яростны и чья цель наиболее ясна, вытесняет своих союзников. Ребекки, заметив этот новый поворот восстания, в отчаянии бросился в марсельский порт. Повстанцы отправились в Лион; их примеру быстро подражали в Тулоне, Ниме, Монтобане и главных городах юга. В Кальвадосе восстание носило тот же роялистский характер, поскольку маркиз де Пюизайе во главе части войск вступил в ряды жирондистов. Города Бордо, Нант, Брест и Л'Ориент благосклонно отнеслись к лицам, проскрибированным 2 июня, и некоторые открыто присоединились к ним; но они не принесли большой пользы, поскольку их сдерживала партия якобинцев или необходимость борьбы с роялистами на западе.

Последние, во время этого почти всеобщего восстания департаментов, продолжали расширять свои предприятия. После первых побед вандейцы захватили Брессюир, Аржантон и Туар. Будучи полными хозяевами в своей стране, они намеревались овладеть границами и открыть путь в революционную Францию, а также сообщение с Англией. 6 июня вандейская армия, состоявшая из сорока тысяч человек под командованием Катилюно, Лескюра,

Стоффле и Ларошаклена, двинулась на Сомюр, который взяла штурмом. Затем он приготовился атаковать и захватить Нант, чтобы завладеть своей страной и стать хозяином течения Луары. Катилино во главе венецианских войск оставил гарнизон в Сомюре, взял Анжер, переправился через Луару, сделал вид, что наступает на Тур и Ле-Ман, а затем стремительно бросился на Нант, который он атаковал на правом берегу, в то время как Шаретт должен был атаковать его на левом.

Казалось, все складывалось для того, чтобы свергнуть конвент. Его армии были разбиты на севере и в Пиренеях, ему угрожали лионцы в центре, марсельцы на юге, жирондисты в одной части запада, вандейцы в другой, а двадцать тысяч пьемонтцев вторглись во Францию. Военная реакция, которая после блестящих Аргоннской и Бельгийской кампаний наступила, главным образом, из-за разногласий между Дюмурьезом и якобинцами, между армией и правительством, проявилась самым катастрофическим образом после дезертирства главнокомандующего. Больше не было ни единства действий, ни энтузиазма в войсках, ни согласия между Конвентом, занятым своими распрями, и удрученными генералами. Остатки армии Дюмурьева собрались в лагере у Фамаров под командованием Дампьера, но были вынуждены отступить, потерпев поражение, под пушками Бушена. Дампьер был убит. Граница от Дюнкерка до Живе оказалась под угрозой превосходящих сил. Кюстин был срочно вызван с Мозеля к северной армии, но его присутствие не восстановило дела. Валансьенн, ключ к Франции, был взят; Конде разделил ту же участь; армия, гонимая с позиции на позицию, отступила за Скарп, перед Аррасом, последним пунктом между Скарпом и Парижем. Майенс, с другой стороны, сильно потесненный неприятелем и голодом, потерял всякую надежду получить помощь от армии Мозеля, приведенной в бездействие, и, отчаявшись в возможности долго продержаться, капитулировал. Наконец, английское правительство, видя, что Париж и департаменты страдают от голода, после 31 мая и 2 июня объявило все порты Франции в состоянии блокады, и что все нейтральные корабли, пытающиеся привезти провизию, будут конфискованы. Эта мера, новая в анналах истории и обреченная на голод целого народа, через три месяца после этого стала законом *максимума*. Положение республики не могло быть хуже.

Съезд был, как бы сказать, захвачен врасплох. Он был дезорганизован, потому что возник в результате борьбы, и потому что завоеватели не успели утвердиться. После 2 июня, до того, как опасность стала столь серьезной как на границах, так и в департаментах, Гора разослала комиссаров во все стороны и сразу же обратила свое внимание на конституцию, которую так долго ждали и на которую возлагали большие надежды. Жирондисты желали принять ее до 21 января, чтобы спасти Людовика XVI, заменив революционное положение вещей правовым порядком; они вернулись к этому вопросу до 31 мая, чтобы предотвратить свое собственное разорение. Но Гора дважды отвлекала собрание от этого обсуждения двумя государственными переворотами, судом над Людовиком XVI и ликвидацией Жиронды. Теперь, став хозяевами положения, они попытались обезопасить республиканцев, издав декрет о конституции. Эро де Сешель стал законодателем Горы, как Кондорсе был законодателем Жиронды. Через несколько дней эта новая конституция была принята конвентом и представлена на утверждение первичных собраний. Легко представить себе ее характер с учетом господствовавших тогда представлений о демократическом правлении. Учредительное собрание считалось аристократическим: установленный им закон рассматривался как нарушение прав народа, поскольку он ставил условия для осуществления политических прав; поскольку он не признавал абсолютного равенства; поскольку в нем депутаты и магистраты назначались выборщиками, а эти выборщики - народом; поскольку в некоторых случаях он ограничивал национальный суверенитет, отстраняя часть активных граждан от высоких государственных функций, а пролетариев - от

функций действующих граждан; наконец, поскольку, вместо того чтобы установить население как единственную основу политических прав, он объединил его во всех своих операциях с собственностью. Конституционный закон 1793 года установил чистый режим множества: он не только признавал народ источником всей власти, но и делегировал народу ее осуществление; неограниченный суверенитет; чрезвычайная подвижность магистратуры; прямые выборы, на которых каждый мог голосовать; первичные собрания, которые могли собираться без созыва в определенное время для избрания представителей и контроля за их действиями; национальное собрание, которое должно было обновляться ежегодно и которое, говоря правильно, было лишь комитетом первичных собраний; такова была эта конституция. Поскольку она делала толпу управляемой и полностью дезорганизовывала власть, она была неосуществима в любое время, но особенно в момент всеобщей войны. Гора, вместо крайней демократии, нуждалась в суровой диктатуре. Действие конституции было приостановлено, как только она была принята, а революционное правительство укреплено и сохранялось до заключения мира.

Как во время обсуждения конституции, так и во время ее представления первичным собраниям, Горцы осознали опасность, которая им угрожала. Эти смельчаки, которым предстояло усмирить три или четыре партии внутри страны, прекратить несколько видов гражданской войны, исправить бедствия армий и дать отпор всей Европе, не были встревожены своим положением. Представители сорока четырех тысяч муниципалитетов пришли принять конституцию. Допущенные в зал заседаний после оглашения согласия народа, они потребовали *ареста всех подозреваемых лиц и массового сбора населения*. "Что ж, - воскликнул Дантон, - давайте ответим на их пожелания". Депутаты первичных собраний только что взяли на себя инициативу, внушая нам ужас! Я требую, чтобы конвент, который должен сейчас проникнуться чувством своего достоинства, ибо ему только что была передана вся национальная власть, я требую, чтобы он сейчас же декретом передал первичным собраниям право снабжать государство оружием, провиантом и боеприпасами, обращаться к народу, возбуждать энергию граждан и поднимать четыреста тысяч человек. Именно пушечными ядрами мы должны провозгласить конституцию нашим врагам! Настало время дать последнюю великую клятву, что мы уничтожим тиранию или погибнем!" Эту клятву немедленно принесли все присутствующие депутаты и граждане. Через несколько дней после этого Баррер от имени комитета общественной безопасности, состоявшего из революционно настроенных депутатов и ставшего центром деятельности и управления собранием, предложил меры еще более общего характера: "Свобода, - говорил он, - стала кредитором каждого гражданина; одни обязаны ей своим трудом, другие - своим состоянием, эти - советом, те - оружием; все обязаны ей своей кровью. Соответственно, все французы, любого возраста и пола, призваны своей страной защищать свободу; все способности, физические или моральные; все средства, политические или торговые; все металлы, все элементы - ее данники. Пусть каждый занимает свой пост в национальном и военном движении, которое должно произойти. Юноши будут сражаться; женатые мужчины будут ковать оружие, перевозить багаж и артиллерию и готовить провизию; женщины будут делать палатки и одежду для солдат и проявлять гостеприимство в приютах для раненых; дети будут делать ворс из старого льна; а старики, возобновив миссию, которую они выполняли в древности, будут нести себя в общественные места, где они будут возбуждать мужество молодых воинов и пропагандировать доктрину ненависти к королям и единства республики. Национальные здания должны быть превращены в казармы, общественные площади - в мастерские; земля из погребов будет служить для приготовления селитры; все седельные лошади должны быть реквизированы для кавалерии, все тягловые - для артиллерии; мушки, пистолеты, шпаги и пики, принадлежащие частным лицам, должны быть

использованы для внутренней службы. Республика, будучи всего лишь большим городом, в состоянии необходимости должна превратить Францию в огромный лагерь".

Меры, предложенные Баррером, были немедленно приняты. Все французы, от восемнадцати до пяти с половиной лет, взяли в руки оружие, армии набирались за счет сборов людей и поддерживались за счет сборов провианта. Очень скоро у республики было четырнадцать армий и двенадцать сотен тысяч солдат. Франция, став лагерем и мастерской для республиканцев, в то же время стала тюрьмой для тех, кто не принимал республику. В походе против явных врагов было решено обезопасить себя от врагов тайных, и был принят знаменитый закон о *подозреваемых*. Все иностранцы были арестованы по причине их враждебных махинаций, а сторонники конституционной монархии и ограниченной республики были заключены в тюрьму, где их должны были держать под замком, пока не будет заключен мир. В то время это была лишь разумная мера предосторожности. Буржуазия, торговый люд и средние слои предоставили заключенных после 31 мая, как дворянство и духовенство после 10 августа. Для внутренних районов была сформирована революционная армия из шести тысяч солдат и тысячи артиллеристов. Каждому неимущему гражданину выдавалось по сорок су в день, чтобы он мог присутствовать на собраниях секций. Выдавались свидетельства о гражданстве, чтобы удостовериться во мнении всех, кто сотрудничал с революционным движением. Функционеры были поставлены под наблюдение клубов, в каждой секции был создан революционный комитет, и таким образом они готовились к встрече с врагом со всех сторон, как за границей, так и дома.

Мятежники в Кальвадосе были легко подавлены; при первой же стычке в Верноне повстанческие войска разбежались. Вимпфен тщетно пытался их собрать. Умеренный класс, те, кто встал на защиту жирондистов, не проявляли ни пыла, ни активности. Когда конституция была принята другими департаментами, они увидели возможность признать, что ошиблись, когда думали, что берут в руки оружие против простого фракционного меньшинства. Отказ был сделан в Кане, который был штаб-квартирой восстания. Комиссары Горы не стали осквернять эту первую победу казнями. Генерал Карто, напротив, выступил во главе нескольких отрядов против секционной армии юга; он разбил ее силы, преследовал ее до Марселя, вошел в город вслед за ней, и Прованс был бы подчинен, как Кальвадос, если бы роялисты, укрывшиеся в Тулоне после поражения, не призвали на помощь англичан и не отдали им в руки этот ключ к Франции. Адмирал Худ вошел в город от имени Людовика XVII, которого он провозгласил королем, разоружил флот, отправил морем восемь тысяч испанцев, занял окружающие форты и заставил Карто, наступавшего на Тулон, отступить к Марселю.

Несмотря на этот удар, конвенционалистам удалось изолировать восстание, и это было очень важно. Комиссары Горы вошли в столицы мятежников: Робер Линде - в Кан, Тальен - в Бордо, Баррас и Фрерон - в Марсель. Оставалось взять только два города - Тулон и Лион.

Одновременное нападение с юга, запада и центра больше не предполагалось, а во внутренних районах противник только оборонялся. Лион был осажден Келлерманом, генералом армии Альп; три корпуса давили на город со всех сторон. Солдаты-ветераны Альп, революционные батальоны и новоиспеченные войска ежедневно подкрепляли осаждающих. Жители Лиона защищались со всем мужеством отчаяния. Сначала они рассчитывали на помощь повстанцев с юга; но те были отбиты Карто, и лионцы возложили последнюю надежду на пьемонтскую армию, которая попыталась провести диверсию в их пользу, но была отбита Келлерманом. Нажав еще энергичнее, они увидели, что их первые

позиции сданы. Начался голод, и мужество покинуло их. Лидеры роялистов, убедившись в бесполезности длительного сопротивления, покинули город, а республиканская армия вошла в стены, где ожидала приказов конвента. Через несколько месяцев после этого сам Тулон, защищаемый войсками ветеранов и грозными укреплениями, перешел во власть республиканцев. Батальоны итальянской армии, усиленные теми, что остались в распоряжении после взятия Лиона, тесно прижались к нему. После многократных атак и демонстрации мастерства и доблести они овладели им, и взятие Тулона завершило то, что было начато взятием Лиона.

Повсюду конвент одерживал победы. Потеряв много людей и своего главнокомандующего Катилино, вандейцы потерпели неудачу при штурме Нанта. Это нападение положило конец агрессивному и многообещающему движению вандейского мятежа. Роялисты отошли от Луары, оставили Сомюр и вернулись в свои прежние места расквартирования. Однако они были все еще грозны, и республиканцы, преследовавшие их, были снова разбиты в Вандее. Генерал Бирон, сменивший генерала Беррюйера, безуспешно продолжал войну с небольшими отрядами; его умеренность и несовершенная система наступления привели к тому, что его сменили Канкло и Россиньоля, которые были не более удачливы, чем он. У них было два лидера, две армии и два центра действий - один в Нанте, другой в Сомюре, которые находились под противоположным влиянием. Генерал Канкло не мог договориться с генералом Россиньолем, а умеренный горный комиссар Филиппо - с Бурботтом, комиссаром комитета общественной безопасности; и эта попытка вторжения провалилась, как и предыдущие, из-за отсутствия согласованности в планах и действиях. Комитет общественной безопасности вскоре исправил ситуацию, назначив одного единственного главнокомандующего, Лешеля, и начав широкомасштабную войну в Ла-Вандее. Этот новый метод, при содействии гарнизона Майенса, состоявшего из семнадцати тысяч ветеранов, которые, освобожденные от операций против союзных государств после капитуляции, были заняты во внутренних районах, полностью изменил ход войны. Роялисты потерпели четыре поражения подряд: два при Шатильоне, два при Шоле. Лескюр, Боншам и д'Эльбе были смертельно ранены, и повстанцы, полностью разбитые в Верхней Вандее и опасаясь, что их истребят, если они укроются в Нижней Вандее, решили покинуть свою страну в количестве восьмидесяти тысяч человек. Эта эмиграция через Бретань, которую они надеялись подтолкнуть к восстанию, стала для них роковой. Они были отбиты перед Гранвилем, полностью разгромлены при Мансе, уничтожены при Савене, и лишь несколько тысяч человек, обломки этой огромной эмиграции, вернулись в Вандею. Эти катастрофы, непоправимые для дела роялистов, захват острова Нуармутье у Шаретта, рассеяние войск этого вождя, смерть Ларошаклена сделали республиканцев хозяевами страны. Комитет общественной безопасности, не без оснований полагая, что его враги побеждены, но не покорены, принял страшную систему истребления, чтобы предотвратить их новое восстание. Генерал Турро окружил Вандею шестнадцатью укрепленными лагерями; двенадцать подвижных колонн, называемых *адскими*, пронесли по стране во всех направлениях, с мечом и огнем в руках, прочесывая леса, разгоняя собрания и наводя ужас на всю эту несчастную страну.

Иностранные армии также были отброшены от границ, на которые они вторглись. Взяв Валансьенн и Конде, блокировав Мобёж и Ле-Кесной, враг под командованием герцога Йоркского двинулся на Кассель, Хондшот и Фурнес. Комитет общественной безопасности, недовольный Кюстином, к которому относились с подозрением как к жирондисту, сменил его на генерала Гушара. Враг, до сих пор успешно действовавший, был разбит при Хондшоте

и вынужден был отступить. Военная реакция началась со смелых мер Комитета общественной безопасности. Сам Гушар был отстранен от должности. Журдан принял командование северной армией, одержал важную победу при Ватиньи над принцем Кобургским, снял осаду Маубежа и возобновил наступление на этой границе. Аналогичные успехи имели место и на всех остальных. Открылась бессмертная кампания 1793-1794 годов. То, что Журдан сделал с армией севера, Хош и Пишегрю сделали с армией Мозеля, а Келлерман - с армией Альп. Враг был отбит и сдержан со всех сторон. После 31 мая произошло то, что последовало за 10 августа. Отсутствие союза между генералами и лидерами собрания было устранено, революционное движение, которое ослабло, усилилось, и победы возобновились. Армии, как и партии, переживали свои кризисы, и эти кризисы приводили к успехам или поражениям, всегда по одному и тому же закону.

В 1792 году, в начале войны, генералы были конституционалистами, а министры - жирондистами. Рошамбо, Лафайет и Люкнер вовсе не были согласны с Дюмуре́зом, Серваном, Клавьером и Роланом. Кроме того, в армии было мало энтузиазма; она была разбита. После 10 августа генералы-жирондисты - Дюмуре́, Кюстин, Келлерман и Диллон - сменили генералов-конституционалистов. Между армией и правительством установилось единство взглядов, доверие и сотрудничество. Катастрофа 10 августа усилила эту энергию, повысив необходимость победы; результатом стали план Аргонской кампании, победы при Вальми и Жемаппе и вторжение в Бельгию. Борьба между Горой и Жирондой, между Дюмуре́зом и якобинцами снова внесла разлад в отношения между армией и правительством и разрушила доверие войск, которые испытали немедленные и многочисленные поражения. Дезертирство со стороны Дюмуре́за, как и отступление со стороны Лафайета. После 31 мая, когда была свергнута партия Жиронды, после создания Комитета общественной безопасности, заменившего генералов-жирондистов Дюмуре́за, Кюстина, Гушара и Диллона генералами Горы - Журданом, Хоше, Пишегрю и Моро; После восстановления революционного движения с помощью описанных нами смелых мер, Аргоннская и Бельгийская кампании были возобновлены в 1794 году, и гений Карно сравнялся с гением Дюмуре́, если не превзошел его.

Во время этой войны Комитет общественной безопасности разрешил ужасающее количество казней. Армии ограничиваются резней в бою; не так обстоит дело с партиями, которые в жестоких обстоятельствах, опасаясь возобновления боя после победы, ограждают себя от новых нападений неумолимой строгостью. По обычаю всех правительств, считающих свое собственное сохранение вопросом права, они рассматривают тех, кто нападает на них, как врагов, пока они сражаются, как заговорщиков, когда они терпят поражение; и таким образом уничтожают их как с помощью войны, так и с помощью закона.

Все эти взгляды одновременно определяли политику Комитета общественной безопасности, политику мести, террора и самосохранения. Именно из этих соображений он исходил в отношении восставших городов: "Название Лион, - заявил Баррер, - не должно больше существовать. Вы назовете его *Вилле-Аффранчи*, и на руинах этого знаменитого города будет воздвигнут памятник, свидетельствующий о преступлении и наказании врагов свободы. Его история будет изложена в таких словах: "*Лион воевал против свободы; Лиона больше не существует*". Для осуществления этой страшной анафемы комитет послал в этот несчастный город Колло-д'Эрбуа, Фуше и Кутона, которые перебили жителей виноградными пулями и разрушили здания. Повстанцы Тулона подверглись почти такой же участи от рук представителей Барраса и Фрерона. В Кане, Марселе и Бордо казни были менее массовыми и менее жестокими, потому что они соответствовали тяжести восстания, которое не было предпринято в сотрудничестве с иностранными врагами.

Во внутренних районах диктаторское правительство наносило удары по всем партиям, с которыми оно враждовало, в лице их крупнейших представителей. Осуждение королевы Марии-Антуанетты было направлено против Европы; осуждение двадцати двух - против жирондистов; осуждение мудрого Бейли - против старых конституционалистов; наконец, осуждение герцога Орлеанского - против некоторых членов Горы, которые, как предполагалось, замыслили его возвышение. Несчастливая вдова Людовика XVI была первой приговорена к смерти этим кровавым революционным трибуналом. Вскоре за ней последовали приговоренные 2 июня. Она погибла 16 октября, а депутаты-жирондисты - 31-го. Их было двадцать один: Бриссо, Верньо, Генсонне, Фонфред, Дюко, Валазе, Ласурс, Силлери, Гардиен, Карра, Дюперре, Дюпра, Фоше, Бове, Дюшатель, Майнвизель, Лаказ, Буало, Лехарди, Антибуль и Виже. Семьдесят три их коллеги, протестовавшие против их ареста, также были заключены в тюрьму, но комитет не решился применить к ним смертную казнь.

Во время дебатов эти прославленные заключенные демонстрировали неизменное и спокойное мужество. Верньо на мгновение возвысил свой красноречивый голос, но тщетно. Валазе, услышав приговор, проткнул себя пиньяром, а Ласурс сказал судьям: "Я умираю в то время, когда народ потерял рассудок; вы умрете, когда он придет в себя". Они шли на казнь со всем стоицизмом того времени, распевая *"Марсельезу"* и применяя ее к своему случаю:

"Allons, enfants de la patrie,
Le jour de gloire est arrivé:
Contre nous de la tyrannie
Le couteau sanglant est levé" и т. д.

Почти все другие лидеры этой партии имели насильственный конец. Саллес, Гваде и Барбару были обнаружены в гrotтах Сент-Эмильона, недалеко от Бордо, и погибли на эшафоте. Петион и Бузо, проблуждав некоторое время, покончили жизнь самоубийством; их нашли мертвыми в поле, наполовину съеденными волками. Рабо-Сен-Этьен был предан старым другом; мадам Ролан также была приговорена к смерти и проявила мужество римской матроны. Ее муж, узнав о ее смерти, покинул свое убежище и покончил с собой на большой дороге. Кондорсе, объявленный вне закона вскоре после 2 июня, был схвачен при попытке к бегству и спасся от ножа палача только благодаря яду. Луве, Кервелеган, Ланжуине, Анри Ла Ривьер, Лесаж, Ла Ревейер-Лепо были единственными ведущими жирондистами, которые, надежно укрывшись, ожидали окончания яростной бури.

Революционное правительство было сформировано; оно было провозглашено Конвентом 10 октября. До 31 мая власть нигде не была сосредоточена - ни в министерстве, ни в коммуне, ни в конвенте. Естественно, что власть должна была сосредоточиться в этом крайнем положении дел и в тот момент, когда глубоко ощущалась необходимость единства и быстроты действий. Собрание было самой центральной и обширной властью, и диктатура естественным образом оказалась в его лоне, осуществлялась там господствующей фракцией, а в ней - несколькими людьми. Комитет общественной безопасности конвента, созданный 6 апреля, чтобы, как видно из названия, обеспечить защиту революции с помощью чрезвычайных мер, сам по себе представлял собой законченную структуру правительства. Сформированный во время разделения Горы и Жиронды, он состоял из нейтральных членов конвента до 31 мая, а при его первом обновлении - из членов крайней Горы. Баррер остался в нем; но Робеспьер присоединился к нему, и в его партии преобладали Сен-Жюст, Кутон, Колло-д'Эрбуа и Бийо-Варенн. Он отбросил некоторых дантонистов, которые еще оставались в ней, таких как Эро де Сешель и Робер Линде, взял

верх над Баррером и узурпировал лидерство, взяв на себя руководство общественным сознанием и полицией. Его соратники разделили между собой различные ведомства. Сен-Жюст взял на себя наблюдение и обличение партий; Кутон - бурные предложения, которые требовали смягчения формы; Бийо-Варенн и Колло-д'Эрбуа руководили миссиями в департаменты; Карно - военное ведомство; Камбон - казначейство; Приер де ла Кот-д'Ор, Приер де ла Марна и некоторые другие - различные отрасли внутренней администрации; Баррер был ежедневным оратором, вечно готовым панегиристом диктаторского комитета. Ниже их, помогая в деталях революционной администрации и в осуществлении мелких мер, располагался комитет общей безопасности, составленный в том же духе, что и большой комитет, имевший, как и он, двенадцать членов, которые переизбирались каждые три месяца и всегда обновлялись на своих постах.

Вся революционная власть была сосредоточена в руках этих людей. Сен-Жюст, предлагая установить децемвиральную власть до восстановления мира, не скрывал ни мотивов, ни цели этой диктатуры. "Вы не должны больше проявлять снисходительность к врагам нового порядка вещей", - говорил он. Свобода должна восторжествовать любой ценой". В нынешних условиях республики конституция не может быть установлена; она гарантировала бы безнаказанность посягательств на нашу свободу, потому что не хватало бы насилия, необходимого для их сдерживания. Нынешнее правительство недостаточно свободно, чтобы действовать. Вы недостаточно близко, чтобы со всех сторон наносить удары по авторам этих нападений; меч закона должен простираться повсюду; ваша рука должна ощущаться повсюду". Так была создана та страшная сила, которая сначала уничтожила врагов Горы, затем Гору и Коммуну, и, наконец, саму себя. Комитет делал все от имени Конвента, который он использовал как инструмент. Он назначал и увольнял генералов, министров, представителей, комиссаров, судей и присяжных. Он нападал на фракции; он брал на себя инициативу во всех мерах. Через его комиссаров армии и генералы зависели от него, и он управлял департаментами с суверенной властью. С помощью закона, касающегося подозреваемых лиц, она распоряжалась свободами людей; с помощью революционного трибунала - жизнями людей; с помощью поборов и *максимума* - имуществом; с помощью обвинительных декретов в напуганном конвенте - своими собственными членами. Наконец, его диктатуру поддерживала толпа, которая дискутировала в клубах, управляла в революционных комитетах, чьи услуги она оплачивала ежедневным пособием и кого она кормила *максимумом*. Толпа придерживалась системы, которая разжигала ее страсти, преувеличивала ее значение, ставила ее на первое место и, казалось, делала для нее все.

Новаторы, отделенные войной и своими законами от всех государств и всех форм правления, решили расширить это разделение. Беспрецедентным переворотом они установили совершенно новую эру; изменили деление года, названия месяцев и дней; заменили республиканский календарь христианским, декаду - неделей, а день отдыха установили не на субботу, а на десятый день. Новая эра начиналась с 22 сентября 1792 года, эпохи основания республики. Было двенадцать равных месяцев по тридцать дней, которые начинались 22 сентября в следующем порядке: *Vendémiaire, Brumaire, Frimaire* - осень; *Nivôse, Pluviôse, Ventôse* - зима; *Germinal, Floréal, Prairial* - весна; *Messidor, Thermidor, Fructidor* - лето. Каждый месяц состоял из трех декад, каждая декада - из десяти дней, и каждый день назывался по его порядку в декаде: *примиди, дуоди, триди, квартади, квинтиди, секстиди, септиди, октиди, нониди, декади*. Лишние пять дней были отнесены к концу года; они получили название *Sans-culottides* и были посвящены: первый - празднику гения; второй - празднику труда; третий - празднику действий; четвертый - празднику наград; пятый - празднику мнения. Конституция 1793 года привела к установлению республиканского календаря, а республиканский календарь - к отмене христианского

культа. Скоро мы увидим, как Коммуна и Комитет общественной безопасности предложат каждый свою религию: Коммуна - поклонение разуму, Комитет общественной безопасности - поклонение Высшему существу. Но сначала мы должны упомянуть о новой борьбе между самими авторами катастрофы 31 мая.

Коммуна и Гора совершили эту революцию против Жиронды, и только комитет извлек из нее пользу. В течение пяти месяцев, с июня по ноябрь, комитет, приняв все меры по защите, естественно, стал первой силой в республике. Когда фактическая борьба была как бы закончена, Коммуна стремилась поколебать Комитет, а Гора - сбросить его иго. Наиболее ярко революция проявилась в муниципальной фракции. Имея цель, противоположную цели комитета общественной безопасности, она хотела вместо обычной диктатуры - самой крайней местной демократии, а вместо религии - освящения материализма. Политическая анархия и религиозный атеизм были символами этой партии и средствами, с помощью которых она стремилась установить свое правление. Революция - это следствие различных систем, будораживших эпоху, которая ее породила. Так, во время продолжительного кризиса во Франции ультрамонтанский католицизм был представлен духовенством, которое не совершало обрядов; янсенизм - духовенством конституционалистов; философский деизм - поклонением Верховному Существо, учрежденным комитетом общественной безопасности; материализм школы Гольбаха - поклонением Разуму и Природе, декретированным коммуной. То же самое происходило и с политическими взглядами - от королевской власти *Древнего режима* до неограниченной демократии муниципальной фракции. Последняя потеряла в лице Марата свою главную опору, своего истинного лидера, в то время как комитет общественной безопасности все еще сохранял Робеспьера. Во главе фракции стояли люди, пользовавшиеся большой популярностью среди низших классов; Шометт и его заместитель Эбер были ее политическими лидерами; Ронсен, комендант революционной армии, - ее генералом; атеист Анахарсис Клуц - ее апостолом. В секциях она опиралась на революционные комитеты, в которых было много непонятных иностранцев, предположительно, и не без вероятности, являвшихся агентами Англии, посланными уничтожить республику, ввергнув ее в анархию и излишества. Клуб Кордельеров состоял исключительно из его приверженцев. *Вье Корделье* Дантона, внесшие столь мощный вклад в 10 августа и составлявшие коммуны того периода, вошли в правительство и конвент, а в клубе их заменили члены, которых они презрительно называли *патриотами третьей реквизиции*.

Фракция Эбера, которая в сочинении под названием "*Пер Дюшесн*" пропагандировала непристойные выражения, низкие и жестокие чувства, а к партийным казням добавляла насмешки над жертвами, за короткое время добилась страшных успехов. Она заставила епископа Парижа и его викариев отречься от христианства на съезде, а съезд - принять декрет о том, что *поклонение Разуму должно быть заменено католической религией*. Церкви были закрыты или превращены в храмы разума, а в каждом городе были устроены праздники, которые стали скандальными сценами атеизма. Комитет общественной безопасности был встревожен силой этой ультрареволюционной фракции и поспешил остановить и уничтожить ее. Робеспьер вскоре выступил с нападками на нее в собрании (15 фримера, год II, 5 декабря 1793 года). "Граждане, представители народа, - сказал он, - короли, заключившие союз против республики, ведут против нас войну армиями и интригами; мы противопоставим их армиям более храбрых, а их интригам - бдительность и ужас национального правосудия". Намереваясь возобновить свои тайные заговоры, как только они будут разрушены рукой патриотизма, умело направляя оружие свободы против самой свободы, эмиссары врагов Франции теперь работают над тем, чтобы свергнуть республику республиканизмом и разжечь гражданскую войну философией". Он причислил

ультрареволюционеров Коммуны к внешним врагам республики. "Ваша задача, - обратился он к конвенту, - предотвратить глупости и экстравагантности, которые совпадают с проектами иностранных заговоров. Я требую, чтобы вы запретили отдельным органам власти (коммуне) служить нашим врагам необдуманными мерами, и чтобы ни одной вооруженной силе не было позволено вмешиваться в вопросы религиозных взглядов". И конвент, аплодировавший отречению по требованию коммуны, по предложению Робеспьера постановил, что *любое насилие и любые меры, направленные против свободы вероисповедания, запрещены*.

Комитет общественной безопасности был слишком силен, чтобы не одержать победу над Коммуной; но в то же время он должен был противостоять умеренной партии Горы, которая требовала прекращения деятельности революционного правительства и диктатуры комитетов. Революционное правительство было создано только для сдерживания, диктатура - для завоевания; а поскольку Дантон и его партия уже не считали сдерживание и победу необходимыми, они стремились установить законный порядок и независимость конвента; они хотели сбросить фракцию Коммуны, прекратить деятельность революционного трибунала, опустошить тюрьмы, заполненные подозреваемыми, сократить или уничтожить полномочия комитетов. Этот проект в пользу милосердия, гуманности и законного правления был задуман Дантоном, Филиппо, Камилем Десмуленом, Фабр-д'Эглантинем, Лакруа, генералом Вестерманом и всеми друзьями Дантона. Прежде всего они хотели, *чтобы республика одержала верх на поле боя*; но после завоевания они желали примирения.

Эта партия, ставшая умеренной, отказалась от власти; она отстранилась от правительства, или потерпела, чтобы ее исключила партия Робеспьера. Более того, с 31 мая ревностные патриоты считали поведение Дантона двусмысленным. В тот день он вел себя мягко, а впоследствии не одобрил осуждение двадцати двух человек. Они стали упрекать его в беспорядочной жизни, продажных страстях, смене партии и несвоевременной умеренности. Чтобы избежать бури, он удалился в свое родное место, Арсис-сюр-Об, и там, казалось, забыл обо всем в уединении. За время его отсутствия фракция Эбера добилась огромных успехов, и друзья Дантона поспешили призвать его на помощь. Он вернулся в начале декабря. Филиппо сразу же осудил методы ведения Вандейской войны; генерал Вестерманн, отличившийся в этой войне и только что уволенный Комитетом общественной безопасности, поддержал Филиппо, а Камиль Десмулен опубликовал первые номера своего "*Vieux Cordelier*". Этот блестящий и пылкий молодой человек следил за всеми движениями революции с 14 июля по 31 мая, одобряя все ее преувеличения и все ее меры. Однако сердце его было мягким и нежным, хотя взгляды были жестокими, а юмор - горьким. Он восхвалял революционный режим, потому что считал его необходимым для установления республики; он участвовал в разорении Жиронды, потому что боялся раздоров в республике. Ради республики он пожертвовал даже своими угрызениями совести и желаниями сердца, даже справедливостью и гуманностью; он отдал все своей партии, думая, что отдает ее республике; но теперь он не мог ни хвалить, ни молчать; свою энергичную деятельность, которую он использовал для республики, он теперь направил против тех, кто разрушал ее кровопролитием. В своем "*Вьё Корделье*" он говорил о свободе с глубиной Макиавелли, а о людях - с остроумием Вольтера. Но вскоре он поднял против себя фанатиков и диктаторов, призвав правительство к чувствам умеренности, сострадания и справедливости.

Он нарисовал поразительную картину нынешней тирании под именем тирании прошлой. Примеры он брал из Тацита. "В этот период, - говорит он, - слова стали государственными преступлениями: нужен был еще один шаг, чтобы сделать преступными простые взгляды, печаль, жалость, вздохи - даже само молчание. Вскоре Кремуций Корд назвал Брута и

Кассия последними римлянами; потомок Кассия обладал портретом своего предка; Мамеркус Скаурус написал трагедию, в которой были строки с двойным смыслом, - это стало высокоразумием или антиреволюционным преступлением; контрреволюционное преступление Торквата Силана - быть экстравагантным; контрреволюционное преступление Помпония - потому что друг Сеяна попросил убежища в одном из его загородных домов; контрреволюционное преступление - оплакивать несчастья времени, так как это было обвинением правительству; контрреволюционное преступление консула Фузия Гемина - оплакивать печальную смерть сына.

"Если человек хотел избежать смерти сам, он должен был радоваться смерти своего друга или родственника. При Нероне многие отправлялись воздать благодарность богам за своих родственников, которых он предал смерти. По крайней мере, необходимо было создать видимость довольства, ведь даже страха было достаточно, чтобы сделать человека виновным. Все вызывало у тирана негодование. Если гражданин пользовался популярностью, его считали соперником князя, способным разжечь гражданскую войну, и подозревали. Если же он, напротив, избегал популярности и сидел у своего камина, его уединенный образ жизни привлекал внимание, и его подозревали. Был ли человек богат; опасались, что его щедрость может развратить народ, и его подозревали. Если человек был беден, за ним нужно было пристально наблюдать, ведь никто не может быть таким предприимчивым, как те, у кого ничего нет, и его подозревали. Если его нрав был мрачен и меланхоличен, а одежда небрежна, предполагалось, что его беды вызваны состоянием государственных дел, и его подозревали. Если гражданин предавался хорошему образу жизни в ущерб своему пищеварению, говорили, что он делает это потому, что принц живет плохо, и его подозревали. Если он был добродетелен и строг в своих манерах, считалось, что он порицает двор, и его подозревали. Если он был философом, оратором или поэтом, считалось неподобающим иметь большую известность, чем правительство, и его подозревали. Наконец, если кто-либо приобретал известность на войне, его талант только делал его опасным; возникала необходимость избавиться от генерала или как можно скорее удалить его из армии; его подозревали.

"Естественная смерть знаменитого человека или даже государственного чиновника была настолько редкой, что историки передавали ее потомкам как событие, достойное памяти в отдаленные века. Смерть стольких невинных и достойных граждан казалась меньшим бедствием, чем наглость и позорная роскошь их убийц и обличителей. Каждый день священный и неприкосновенный доносчик триумфально входил во дворец мертвых и получал богатое наследство. Все эти доносчики брали себе прославленные имена и называли себя Котта, Сципион, Регул, Саев, Северус. Чтобы отличиться блестящим дебютом, маркиз Серен выдвинул обвинение в антиреволюционной деятельности против своего престарелого отца, уже находившегося в изгнании, после чего гордо назвал себя Брутом. Таковы были обвинители, таковы судьи; трибуналы, защитники жизни и собственности, превратились в бойни, где кражи и убийства носили названия наказаний и конфискаций".

Камиль Десмулен не ограничился нападками на революционный и диктаторский режим, он требовал его отмены. Он требовал создания комитета милосердия, как единственного способа прекращения революции и умиротворения партий. Его журнал оказал большое влияние на общественное мнение, вселил в него надежду и мужество: Читали ли вы *"Вье Корделье"*? спрашивали со всех сторон. В то же время Фабр-д'Эглантин, Лакруа и Бурдон де л'Уаз призывали конвент сбросить иго комитета; они стремились объединить Горных и Правых, чтобы восстановить свободу и власть собрания. Поскольку комитеты были всемогущи, они пытались разрушить их постепенно, что было наилучшим вариантом. Важно

было изменить общественное мнение и поощрить собрание, чтобы поддержать себя моральной силой против революционной силы, силой конвента против власти комитетов. Дантониисты в Горе старались оторвать Робеспьера от других декабристов; Бийо-Варенн, Колло-д'Эрбуа и Сен-Жюст, один только, казались им непоколебимо приверженными к царствованию террора. Баррер придерживался его по слабости, а Кутон - из-за преданности Робеспьеру. Они надеялись склонить последнего на сторону умеренности благодаря его дружбе с Дантоном, его идеям порядка, его строгим привычкам, его исповеданию общественной добродетели и его гордости. Он защищал семьдесят три заключенных в тюрьму депутата-жирондиста против комитетов и якобинцев; он осмелился напасть на Клоотца и Эбера как на ультрареволюционеров; он побудил конвент принять декрет о существовании Верховного существа. Робеспьер был самым популярным человеком того времени; он был в какой-то степени модератором республики и диктатором мнений: заполучив его, они надеялись одолеть и комитеты, и Коммуну, не нанося ущерба делу революции.

Дантон видел его по возвращении из Арси-сюр-Об, и, казалось, они понимали друг друга; подвергаясь нападкам якобинцев, он защищался с его помощью. Робеспьер сам читал и исправлял *"Вье Корделье"* и одобрял его. В то же время он исповедовал некоторые принципы умеренности; но затем все те, кто осуществлял революционное правительство или считал его необходимым, воспрянули духом. Бийо-Варенн и Сен-Жюст открыто поддерживали политику комитетов. О последнем Десмулен сказал: "Он так себя ценит, что носит свою голову на плечах с таким уважением, как если бы это было святое таинство". "А я, - ответил Сен-Жюст, - заставлю его нести свою, как другого Сен-Дени". В это время прибыл Колло д'Эрбуа, который был с миссией. Он защитил фракцию анархистов, которую на мгновение удалось запугать, и которая обрела новую дерзость благодаря его присутствию. Якобинцы изгнали Камиля Десмулена из своего общества, и Баррер напал на него в Конвенте от имени правительства. Не обошли стороной и самого Робеспьера: его обвинили в *умеренности*, и против него начался ропот.

Однако, поскольку его авторитет был огромен и без него нельзя было ни нападать, ни завоевывать, его искали с обеих сторон. Пользуясь своим превосходным положением, он не принял ни одну из сторон и стремился уничтожить лидеров каждой из них, одного за другим.

В этих условиях он хотел пожертвовать Коммуной и анархистами; комитеты хотели пожертвовать Горой и умеренными. Они пришли к соглашению: Робеспьер выдал членам комитета Дантона, Десмулена и их друзей, а члены комитета выдали Эбера, Клоотца, Шометта, Ронсена и их сообщников. Отдав сначала предпочтение умеренным, он подготовил гибель анархистов и достиг двух целей, благоприятных для его господства или для его гордости: он опрокинул грозную фракцию и избавился от революционной репутации, соперничающей с его собственной.

Мотивы общественной безопасности, надо признать, смешивались с этими партийными комбинациями. В этот период всеобщей ярости против республики и еще не окончательных побед с ее стороны комитеты не считали, что наступил момент для заключения мира с Европой и внутренними раскольниками; они считали невозможным продолжать войну без диктатуры. Кроме того, они считали эбертистов непристойной фракцией, которая развращает народ и служит иностранному врагу анархией, а дантониистов - партией, чья политическая умеренность и частная безнравственность компрометируют и позорят республику. Правительство через посредство Баррера предложило собранию продолжить войну, активизировав ее ведение; Робеспьер же через несколько дней после этого потребовал сохранения революционного правительства. В партии якобинцев он уже

высказался против *Вьё Корделье*, которое до сих пор поддерживал. Он отверг легальное правительство в следующих выражениях: - "Без него, - сказал он, - мы не можем жить."

"Снаружи, - говорил он, - все тираны окружают нас; внутри все друзья тирании сговариваются против нас; они будут продолжать сговариваться, пока преступление не останется без надежды. Мы должны уничтожить inferнальных и внешних врагов республики или погибнуть вместе с ней". В такой ситуации первая максима вашей политики должна заключаться в том, чтобы вести за собой народ с помощью разума, а врагов народа - с помощью террора. Если в мирное время добродетель является главной движущей силой народного правительства, то во время революции главной движущей силой является и добродетель, и террор; добродетель, без которой террор становится роковым, террор, без которого добродетель бессильна. Покорите, таким образом, врагов свободы террором; и, как основатели республики, вы будете действовать правильно. Правительство революции - это деспотизм свободы против тирании".

В этой речи он осудил умеренных и ультрареволюционеров, поскольку и те, и другие желают гибели республики. "Они продвигаются, - говорил он, - под разными знаменами и разными дорогами, но они идут к одной цели; эта цель - дезорганизация народного правительства, разрушение конвенции и торжество тирании. Одна из этих двух фракций сводит нас к слабости, другая доводит нас до крайностей". Он подготовил общественное мнение к их запрету, и его речь, принятая без обсуждения, была разослана во все народные общества, во все органы власти и во все армии.

После этого начала военных действий Дантон, который не отказался от связи с Робеспьером, попросил о встрече с ним. Она состоялась в резиденции самого Робеспьера. Они были холодными и горькими; Дантон яростно жаловался, а Робеспьер был сдержан. "Я знаю, - сказал Дантон, - всю ненависть, которую питает ко мне комитет; но я ее не боюсь". "Вы ошибаетесь", - ответил Робеспьер, - "он не питает к вам никаких дурных намерений, но вам не мешало бы получить объяснение". "Объяснения?" - возразил Дантон, - "Объяснения? Для этого нужна добрая воля!" Заметив, что Робеспьер помрачнел при этих словах, он добавил: "Несомненно, необходимо уничтожить роялистов, но мы должны наносить только те удары, которые пойдут на пользу республике; мы не должны смешивать невиновных с виновными". "А кто сказал, - резко воскликнул Робеспьер, - что невиновный человек был предан смерти?" Дантон повернулся к одному из своих друзей, сопровождавших его, и с горькой улыбкой сказал: "Что вы на это скажете? Ни один невинный человек не погиб!" После этого они расстались, и всякая дружба между ними прекратилась.

Через несколько дней после этого Сен-Жюст взобрался на трибуну и стал угрожать всем инакомыслящим, умеренным и анархистам более открыто, чем это делалось до сих пор. "Граждане, - сказал он, - вы желали республики; если вы в то же время не желаете всего, что ее составляет, вы завалите народ ее развалинами. Что такое республика, так это уничтожение всего, что ей противостоит. Мы виновны перед республикой, потому что жалеем заключенных; мы виновны перед республикой, потому что не желаем добродетели; мы виновны перед республикой, потому что не желаем террора. Чего же вы хотите, те, кто не желает добродетели, чтобы быть счастливыми? (Анархисты.) Чего же вы хотите, те, кто не желает применять террор против злых? (Умеренные.) Чего же вы хотите, те, кто преследует общественные места, чтобы их видели, и чтобы о вас говорили: "Вы видите, как такой-то проходит мимо?" (Дантон). Вы погибнете, те из вас, кто ищет удачи, кто принимает умопомрачительный вид и изображает патриота, чтобы иностранец мог купить вас или правительство дало вам место; вы из фракции снисходительных, кто стремится спасти виновных; вы из иностранной фракции, кто направляет суровость против защитников

народа. Уже приняты меры, чтобы обезопасить виновных; их теснят со всех сторон. Давайте воздадим должное гению французского народа за то, что свобода одержала победу над одним из самых опасных нападениях, когда-либо замышлявшихся против нее. Развитие этого обширного заговора, паника, которую он вызовет, и меры, которые мы вам сейчас предложим, освободят республику и весь мир от всех заговорщиков".

Сен-Жюст наделил правительство самыми широкими полномочиями против заговорщиков Коммуны. Он постановил, что справедливость и честность должны быть в порядке вещей. Анархисты не смогли принять никаких мер защиты; они на мгновение завуалировали права человека в клубе Кордельеров и предприняли попытку восстания, но без бодрости и единства. Народ не шелохнулся, и комитет заставил своего коменданта Анрио схватить заменявшего его Эбера, Ронсена, революционного генерала, Анахарсиса Клоотца, Монморо, оратора рода человеческого, Венсана и т. д. Они предстали перед революционным трибуналом *как агенты иностранных держав и как участники заговора с целью поставить тирана над государством*. Этим тираном должен был стать Паше, получивший титул *Великого Жюжа*. Лидеры анархистов потеряли свою смелость, как только их арестовали; они защищались и, в большинстве своем, умерли, не проявив никакого мужества. Комитет общественной безопасности распустил революционную армию, уменьшил власть секционных комитетов, обязал Коммуну предстать перед Конвентом и поблагодарить за арест и наказание заговорщиков, ее соучастников.

Теперь Дантону предстояло защищаться; проскрипция, поразив коммуну, угрожала ему самому. Ему советовали быть начеку и принять немедленные меры; но, не сумев опрокинуть диктаторскую власть, возбудив общественное мнение и собрание с помощью общественных журналов и друзей Горы, на что он мог рассчитывать в качестве поддержки? Конвент, правда, склонялся в пользу его и его дела; но он был полностью подчинен революционной власти комитета. Дантон был вынужден поддержать его, и ни правительство, ни собрание, ни коммуна, ни клубы не ожидали проскрипции, не предпринимая никаких усилий, чтобы избежать ее.

Друзья умоляли его защищаться. "Я предпочел бы, - сказал он, - быть гильотинированным, чем быть гильотинированным; кроме того, моя жизнь не стоит таких хлопот, и я устал от мира". "Члены комитета добиваются твоей смерти". "Ну что ж, - воскликнул он нетерпеливо, - если Бийо и Робеспьер убьют меня, их проклянут как тиранов; дом Робеспьера сравняют с землей; на него насыплют соли; на нем воздвигнут виселицу, посвященную отмщению за преступления! Но мои друзья скажут обо мне, что я был хорошим отцом, хорошим другом, хорошим гражданином; они не забудут меня". "Вы можете предотвратить..." "Я лучше буду гильотинирован, чем стану гильотиниром". "Что ж, тогда вам следует уйти". "Уходите!" - повторил он, презрительно скривив губы, - "Уходите! Разве можно унести нашу страну на подошве ботинка?"

Единственным средством Дантона теперь оставалось испытать свое столь известное и мощное красноречие, обличить Робеспьера и комитет и пробудить конвент против их тирании. Его убедительно просили сделать это; но он слишком хорошо знал, как трудно свергнуть установившееся господство, слишком хорошо знал полное подчинение и ужас собрания, чтобы полагаться на действенность таких средств. Поэтому он ждал, полагая, что его враги, осмелившиеся на столь многое, не решатся его проскрибировать.

10-го числа Жерминаля ему сообщили, что его арест обсуждается в комитете общественной безопасности, и снова предложили спастись бегством. После минутного раздумья он воскликнул: "Они не посмеют". Ночью его дом окружили, и он был доставлен в Люксембург

вместе с Камилем Десмуленом, Филиппо, Лакруа и Вестерманом. По прибытии он с радушием встретил заключенных, которые столпились вокруг него. "Господа, - сказал он, - я надеялся через некоторое время освободить вас, но вот я пришел присоединиться к вам, и я не знаю, чем все это может закончиться". Примерно через час его поместили в одиночную камеру, в которую был заключен Эбер и которую так скоро должен был занять Робеспьер. Там, поддавшись размышлениям и сожалениям, он воскликнул: "Именно в это время я учредил революционный трибунал. Я прошу прощения у Бога и людей за то, что сделал это; но я задумал его не для того, чтобы стать бичом человечества".

Его арест вызвал всеобщее волнение и мрачную тревогу. На следующий день, при открытии заседаний в собрании, люди говорили шепотом; они с тревогой спрашивали, что послужило поводом для этого нового дела против представителей народа. "Граждане, - воскликнул наконец Лежандр, - за ночь были арестованы четыре члена этого собрания. Один из них - Дантон, других я не знаю. Граждане, я заявляю, что считаю Дантона таким же чистым, как и я сам, но тем не менее он находится в темнице". Они, несомненно, опасаются, что его ответы опровергнут обвинения, выдвинутые против него: Поэтому я предлагаю, чтобы, прежде чем выслушивать какие-либо доклады, вы послали за заключенными и выслушали их". Это предложение было встречено благосклонно и внушило собранию кратковременное мужество: несколько членов пожелали, чтобы оно было поставлено на голосование, но такое положение вещей продлилось недолго. Робеспьер взошел на трибуну. "По волнению, какого давно не было в этом собрании, - сказал он, - по сенсации, которую произвели слова оратора, которого вы только что слышали, легко понять, что перед нами вопрос, представляющий большой интерес; вопрос о том, кому отдать предпочтение перед страной - двум или трем лицам. Сегодня мы увидим, сможет ли конвент разбить в пух и прах идола, давно истлевшего, или его падение ошеломит и конвент, и французский народ". И нескольких его слов хватило, чтобы восстановить тишину и покорность в собрании, сдержать друзей Дантона и заставить самого Лежандра отказаться от своих слов. Вскоре после этого в зал вошел Сен-Жюст, за ним последовали другие члены комитетов. Он зачитал длинный доклад против арестованных членов, в котором порицал их взгляды, их политическое поведение, их личную жизнь, их проекты, выставляя их, путем невероятных и тонких комбинаций, соучастниками всех заговоров и слугами всех партий. Собрание, выслушав без ропота, с недоумением приняло единогласное решение об импичменте Дантона и его друзей, и даже с аплодисментами. Каждый стремился выиграть время у тирании и отдавал чужие головы, чтобы спасти свою.

Обвиняемые предстали перед революционным трибуналом; их поведение было надменным и полным мужества. Они демонстрировали дерзость речи и презрение к судьям, совершенно необычное для них: Дантон ответил президенту Дюма, который задал ему обычные вопросы о его имени, возрасте, месте жительства: "Я Дантон, довольно известный в революции; мне тридцать пять лет. Мое место жительства скоро превратится в ничто. Мое имя будет жить в Пантеоне истории". Его пренебрежительные или возмущенные ответы, холодные и взвешенные ответы Лакруа, строгое достоинство Филиппо, энергичность Десмулена начали приводить в движение народ. Но обвиняемых заставили замолчать под предлогом недостаточного уважения к правосудию и немедленно осудили без слушаний. "Мы погибли, - воскликнул Дантон, - ради честолюбия нескольких жалких разбойников, но они недолго будут наслаждаться плодами своей преступной победы. Я зову Робеспьера за собой - Робеспьер пойдет за мной". Их отвели в Консьержери, а оттуда на эшафот.

Они шли на смерть с бесстрашием, обычным для той эпохи. На эшафоте было много войск под оружием, а их эскорт был многочисленным. Толпа, обычно громко аплодирующая,

молчала. Камиль Десмулен, оказавшись в роковой телеге, все еще был полон изумления от своего осуждения, которого он не мог понять. "Вот, значит, - сказал он, - награда, уготованная первому апостолу свободы". Дантон выпрямился и гордо и спокойно огляделся вокруг. У подножия эшафота он выдал кратковременное волнение. "О, моя лучшая возлюбленная, моя жена!" - воскликнул он, - "Я больше не увижу тебя". Затем внезапно прервал себя: "Никакой слабости, Дантон!". Так погибли последние защитники гуманности и умеренности; последние, кто стремился к миру среди победителей революции и жалости к побежденным. В течение долгого времени после них не раздавалось ни одного голоса против диктатуры террора; от одного конца Франции до другого она наносила молчаливые и удвоенные удары. Жирондисты пытались предотвратить это жестокое правление, дантонисты - остановить его; все погибли, и завоеватели получали тем больше жертв, чем больше врагов возникало вокруг них. В такой кровавой карьере невозможно остановиться, пока тиран сам не будет убит. Децемвиры, после окончательного падения жирондистов, сделали *террор* порядком дня; после падения эбертистов - *справедливость* и *честность*, потому что это были *нечистые люди из фракции*; после падения дантонистов - *террор* и все *добродетели*, потому что эти дантонисты были, по их выражению, *индультенты и аморалы*.

ГЛАВА IX

ОТ СМЕРТИ ДАНТОНА, АПРЕЛЬ 1794 ГОДА, ДО 9 ТЕРМИДОРА (27 ИЮЛЯ 1794 ГОДА)

В течение четырех месяцев после падения партии Дантона комитеты осуществляли свою власть без сопротивления и ограничений. Смерть стала единственным средством управления, и республика была отдана на откуп ежедневным и систематическим казням. Именно тогда были придуманы предполагаемые заговоры заключенных тюрем, переполненных по закону *подозреваемых* или опустошенных по закону 22-го прериаля, который можно назвать законом *осужденных*; Затем эмиссары Комитета общественной безопасности полностью заменили в департаментах эмиссаров Горы; на западе появился Каррьер, ставленник Бийо, на юге - Майгре, ставленник Кутона, на севере - Жозеф Лебон, ставленник Робеспьера. *Массовое истребление* врагов демократической диктатуры, которое уже было осуществлено в Лионе и Тулоне выстрелами из винограда, стало еще более ужасным, благодаря нойдам в Нанте и эшафотам в Аррасе, Париже и Оранже.

Пусть этот пример научит людей истине, которая для их блага должна быть общеизвестной, что в революции все зависит от первого отказа и первой борьбы. Чтобы осуществить мирное нововведение, его не следует оспаривать; в противном случае объявляется война, и революция распространяется, потому что вся нация поднимается на ее защиту. Когда общество сотрясается до основания, торжествуют самые смелые, и вместо мудрых и умеренных реформаторов мы находим только крайних и негибких новаторов. Вовлеченные в борьбу, они поддерживают себя ею; одной рукой они борются за сохранение своего господства, другой - создают свою систему с целью ее укрепления; они совершают массовые убийства во имя своих доктрин: добродетель, гуманность, благосостояние народа, все самое святое на земле они используют для санкции своих казней и для защиты своей диктатуры. Пока они не обессилеют и не падут, гибнут все без разбора - и враги, и сторонники реформ. Буря разбивает целый народ о скалы революции. Поинтересуйтесь, что стало с людьми 1789 года в 1794 году, и окажется, что все они были одинаково сметены в этом огромном кораблекрушении. Как только одна партия появлялась на поле битвы, она созывала к себе все остальные, и все они, как и она, были поочередно побеждены и истреблены: конституционалисты, жирондисты, Гора и сами декабристы. С каждым поражением кровь лилась все сильнее, а система тирании становилась все более жестокой. Декабристы были самыми жестокими, потому что они были последними.

Комитет общественной безопасности, будучи одновременно объектом нападок Европы и ненависти стольких покоренных партий, считал, что любое ослабление насилия приведет к его гибели; он хотел одновременно покорить своих врагов и избавиться от них. "Мертвые сами по себе не возвращаются", - говорил Баррер. "Чем свободнее потеет общественное тело, тем здоровее оно становится", - добавлял Колло д'Эрбуа. Но декабристы, не подозревая, что их власть эфемерна, стремились основать демократию и искали в институтах гарантии ее постоянства в то время, когда они перестанут применять казни. Им в высшей степени был присущ фанатизм некоторых социальных теорий, как миллениариям английской революции, с которыми их можно сравнить, был присущ фанатизм некоторых религиозных идей. Одни исходили из народа, другие обращались к Богу; эти желали абсолютного политического равенства, те стремились к евангельскому равенству; эти стремились к царствованию добродетели, те - к царствованию святых. Человеческая природа во всем впадает в крайности и порождает в религиозную эпоху демократических христиан, в философскую эпоху - политических демократов.

Робеспьер и Сен-Жюст разработали план этой демократии, принципы которой они исповедовали во всех своих речах; они хотели изменить нравы, ум и обычаи Франции и сделать ее республикой по примеру древних; они стремились установить господство народа; иметь магистратов, свободных от гордыни; граждан, свободных от порока; братство в общении, простоту нравов, строгость характера и поклонение добродетели. Символические слова секты можно найти в речах всех докладчиков комитета, и особенно в речах Робеспьера и Сен-Жюста. *Свобода и равенство* для правления республики; *неделимость* для ее формы; *общественная безопасность* для ее защиты и сохранения; *добродетель* для ее принципа; *Верховное существо* для ее религии; что касается граждан, то *братство* для их повседневного общения; *честность* для их поведения; *здравый смысл* для их умственных качеств; *скромность* для их общественных действий, которые должны были иметь целью благосостояние государства, а не их собственное: таков был символ этой демократии. Фанатизм не мог пойти дальше. Авторы этой системы не задумывались о ее практичности; они считали ее справедливой и естественной; имея власть, они пытались установить ее с помощью насилия. Ни одно из этих слов не послужило для осуждения партии или отдельных лиц. Роялистов и аристократов преследовали во имя *свободы и равенства*; жирондистов - во имя *неделимости*; Филиппо, Камиля Десмулена и умеренную партию - во имя *общественной безопасности*; Шометт, Анахарсис Клуц, Гобет, Эбер, вся анархическая и атеистическая партия - во имя *добродетели и Верховного Существа*; Шабо, Базире, Фабр-д'Эглантин - во имя *порядочности*; Дантон - во имя *добродетели и скромности*. В глазах фанатиков эти *моральные преступления* требовали их уничтожения, так же как и заговоры, в которых их обвиняли.

Робеспьер был покровителем этой секты, которая имела в комитете более ревностного, бескорыстного и фанатичного приверженца, чем он сам, в лице Сен-Жюста, которого называли Апокалиптическим. Черты его лица были смелыми, но правильными и отличались решительным, но меланхоличным выражением. Его взгляд был твердым и пронзительным, волосы - черными, прямыми и длинными. Его манеры были холодными, а характер - пылким; простой в своих привычках, строгий и сентиментальный, он без колебаний продвигался к завершению своей системы. Хотя ему не исполнилось и двадцати пяти лет, он был самым смелым из декабристов, потому что его убеждения были самыми глубокими. Страстно преданный республике, он был неутомим в комитетах, бесстрашен в своих миссиях в армиях, где подавал пример мужества, разделяя походы и опасности солдат. Его пристрастие к толпе не заставляло его внимать ее склонностям; отнюдь не перенимая вместе с Эбером их одежду и язык, он хотел придать им легкость, серьезность и достоинство. Но его политика делала его

более страшным, чем его народные настроения. В нем было много смелости, хладнокровия, готовности и решительности. Редко склонный к жалости, он до мелочей продумывал свои меры по обеспечению общественной безопасности и немедленно приводил их в исполнение. Если он считал необходимыми победу, проскрипции, диктатуру, то сразу же требовал их. В отличие от Робеспьера, он был полностью человеком действия. Последний, понимая, какую пользу он может извлечь из него, рано склонил его на свою сторону в Конвенте. Сен-Жюста, в свою очередь, привлекли к Робеспьеру его репутация неподкупного человека, его строгая жизнь и соответствие их идей.

Ужасные последствия их объединения можно представить, если учесть их популярность, завистливые и тиранические страсти одного из них, несгибаемый характер и систематические взгляды другого. Кутон присоединился к ним; он был лично предан Робеспьеру. Хотя у него была мягкая внешность и частично парализованное тело, он был человеком беспощадного фанатизма. В комитете они образовали триумvirат, который вскоре попытался захватить всю власть. Это стремление оттолкнуло остальных членов комитета и привело к их гибели. Тем временем триумvirат властно управлял съездом и самим комитетом. Когда нужно было запугать собрание, это поручалось Сен-Жюсту; когда хотели заставить его врасплох, прибегали к помощи Кутона. Если собрание роптало или колебалось, Робеспьер вставал и одним словом восстанавливал тишину и ужас.

В течение первых двух месяцев после падения Коммуны и партии Дантона декабристы, которые еще не были разделены, старались обеспечить свое господство: их комиссары сдерживали департаменты, а армии республики одерживали победы на всех границах. Комитет воспользовался этим моментом безопасности и единения, чтобы заложить фундамент новых нравов и новых институтов. Никогда не следует забывать, что во время революции людьми движут две тенденции: привязанность к своим идеям и жажда командования. Члены комитета вначале были согласны в своих демократических настроениях, а в конце боролись за власть.

Бийо-Варенн представил теорию народного правительства и способы сделать армию всегда подчиненной нации. Робеспьер произнес речь о моральных чувствах и торжествах, подобающих республике: он посвятил празднества *Верховному существу, Истине, Справедливости, Скромности, Дружбе, Бережливости, Верности, Бессмертию, Несчастью и т. д.*, словом, всем моральным и республиканским добродетелям. Таким образом, он подготовил установление нового культа *Верховного существа*. Баррер сделал доклад об искоренении нищенства и о помощи, которую республика должна оказывать неимущим гражданам. Все эти доклады перешли в декреты, в соответствии с пожеланиями демократов. Баррер, чьи привычные речи в Конвенте были рассчитаны на то, чтобы скрыть от самого себя свою подневольность, был одним из самых гибких орудий комитета; он принадлежал к режиму террора не по жестокости и не по фанатизму. Его манеры были мягкими, личная жизнь безупречной, и он обладал большой умеренностью ума. Но он был робок, и, будучи конституционным роялистом до 10 августа и умеренным республиканцем до 31 мая, он стал панегиристом и соправителем децемвиральной тирании. Это показывает, что в революции никто не должен становиться действующим лицом без решения характера. Интеллект сам по себе недостаточно непреклонен; он слишком уступчив; он находит причины для всего, даже для того, что вызывает у него ужас и отвращение; он никогда не знает, когда остановиться, в тот момент, когда всегда нужно быть готовым умереть, покончить со своей ролью или со своими взглядами.

Робеспьер, считавшийся основателем этой моральной демократии, теперь достиг высшей степени возвышения и власти. Он стал объектом всеобщей лести своей партии; он был

великим человеком республики. Люди говорили только о его добродетели, о его гении и о его красноречии. Два обстоятельства способствовали еще большему росту его значимости. 3-го прериаля один малоизвестный, но бесстрашный человек, по имени л'Адмирал, решил освободить Францию от Робеспьера и Колло д'Эрбуа. Весь день он тщетно ждал Робеспьера, а ночью решил убить Колло. Он дважды выстрелил в него из пистолетов, но промахнулся. На следующий день к Робеспьеру явилась молодая девушка по имени Сесиль Рено и очень просила поговорить с ним. Поскольку его не было дома, а она все еще настаивала на том, чтобы ее впустили, ее задержали. При ней была небольшая посылка, а при ней нашли два ножа. "Какой мотив привел вас к Робеспьеру?" - спросили ее эксперты. "Я хотела поговорить с ним". "По какому делу?" "Это зависело от того, как я смогу его найти". "Вы знакомы с гражданином Робеспьером?" "Нет, я хотел с ним познакомиться; я пришел к нему домой, чтобы посмотреть, что из себя представляет тиран". "Что вы собирались делать с вашими двумя ножами?" "Ничего, у меня не было намерения причинить кому-либо вред". "А ваша посылка?" "В ней смена белья для использования в том месте, куда меня отправят". "И куда же?" "В тюрьму, а оттуда на гильотину". В конце концов несчастную девушку доставили туда, и ее семья разделила ее участь.

Робеспьер получал знаки самого пьянящего обожания. На съезде якобинцев и в Конвенте его сохранение приписывали *доброму гению республики и Верховному существу*, существование которого он провозгласил 18-го Флореаля. Празднование новой религии во всей Франции было назначено на 20-е Праирial. 16-го числа Робеспьер был единогласно назначен президентом конвента, чтобы иметь возможность выступить в качестве понтифика на празднике. На этой церемонии он появился во главе собрания, его лицо светилось радостью и уверенностью, что было для него необычным выражением. Он шел один, на пятнадцать футов впереди своих коллег, одетый в великолепное платье, держа в руках цветы и колосья кукурузы, и был объектом всеобщего внимания. Ожидания по этому поводу были всеобщими: враги Робеспьера предвкушали попытки узурпации, преследуемые надеялись на более мягкий режим. Он разочаровал всех. Он томил народ в качестве первосвященника и завершил свою речь, в которой все ожидали найти надежду на более счастливые перспективы, такими обескураживающими словами: *"Люди, давайте сегодня предадимся восторгу! Завтра мы возобновим борьбу с пороками и тиранами"*.

Через два дня после этого, 22 прериаля, Кутон представил конвенту новый закон. Революционный трибунал послушно расправился со всеми, на кого ему указали: роялисты, конституционалисты, жирондисты, анархисты, Гор - все были одинаково отправлены на казнь. Но эта процедура не была достаточно быстрой, чтобы удовлетворить систематических истребителей, которые хотели быстро и любой ценой избавиться от всех своих пленников. Все же некоторые формы были соблюдены; их пресекли. "Всякое опоздание, - говорил Кутон, - есть преступление, всякая снисходительная формальность - общественная опасность; в наказании врагов государства не должно быть больше задержки, чем достаточно для их признания". До сих пор у заключенных были адвокаты; теперь их не было: *закон предоставляет присяжных-патриотов для защиты оклеветанных патриотов; заговорщикам же он не предоставляет ни одного.* Сначала их судили по отдельности, теперь - *массово.* Раньше, даже когда речь шла о революции, существовала некоторая точность в определении преступлений; теперь же виновными объявлялись *все враги народа*, а также все, *кто стремился уничтожить свободу силой или хитростью.* Если раньше присяжные руководствовались законом, то *теперь они руководствовались только своей совестью.* Одного трибунала, Фукие-Тинвиля и нескольких присяжных, было недостаточно для увеличения числа жертв, которые грозил принести новый закон; трибунал был разделен на четыре секции, число судей и присяжных было увеличено, а в помощь государственному

обвинителю были назначены четыре заместителя. Наконец, народные депутаты и раньше не могли быть привлечены к суду без постановления конвента; теперь же закон был составлен таким образом, что их можно было судить по постановлению комитетов. Закон, касающийся подозреваемых лиц, дал начало закону Прериала.

Как только Кутон сделал свой доклад, по собранию пронесся ропот изумления и тревоги. "Если этот закон пройдет, - воскликнул Руампс, - нам останется только вышибить себе мозги. Я требую отмены". Это предложение было поддержано, но Робеспьер поднялся на трибуну. "Уже давно, - сказал он, - национальное собрание привыкло обсуждать и принимать решения одновременно, потому что оно давно освободилось от тирании фракций. Я предлагаю, чтобы, не рассматривая вопрос об отсрочке, съезд обсудил предложенный закон до восьми часов вечера, если потребуется". Обсуждение началось немедленно, и через тридцать минут после второго чтения декрет был принят. Но на следующий день несколько членов, больше опасаясь закона, чем комитета, вернулись к дебатам предыдущего дня. Гора, друзья Дантона, опасаясь, ради собственной выгоды, новых положений, которые оставляли представителей на милость декабристов, предложили конвенту обеспечить безопасность своих членов. Первым по этому вопросу высказался Бурдон де л'Уаз; его поддержали. Мерлен искусной поправкой восстановил старые гарантии конвенционалистов, и собрание приняло меру Мерлена. Постепенно против декрета стали выдвигать возражения; смелость Горы возросла, и дискуссия стала очень оживленной. Кутон напал на Гору. "Пусть они знают, - ответил Бурдон де л'Уаз, - пусть члены комитета знают, что если они патриоты, то и мы патриоты. Пусть они знают, что я не отвечу с горечью на их упреки. Я уважаю Кутона, я уважаю комитет; но я также уважаю непоколебимую Гору, которая спасла нашу свободу". Робеспьер, удивленный таким неожиданным сопротивлением, поспешил к трибуне. "Конвент, - сказал он, - Гора и комитет - это одно и то же! Каждый представитель народа, искренне любящий свободу, каждый представитель народа, готовый умереть за свою страну, принадлежит к Горе! Мы должны оскорбить нашу страну, убить народ, если позволим нескольким интриганам, более презренным, чем другие, потому что они более лицемерны, оттянуть на себя часть Горы и сделать себя лидерами партии". "В мои намерения никогда не входило, - сказал Бурдон, - делать себя лидером партии". "Было бы верхом бесчестия, - продолжал Робеспьер, - если бы несколько наших коллег, введенных в заблуждение клеветой относительно наших намерений и цели наших трудов....". "Я настаиваю на том, чтобы вы доказали то, что утверждаете", - возразил Бурдон. "Меня совершенно недвусмысленно называли негодяем". "Я не называл Бурдона. Горе тому, кто сам себя называет! Да, Гора чиста, она возвышенна; интриганам не место на Горе!" "Назовите их!" "Я назову их, когда это будет необходимо". Угрозы и властный тон Робеспьера, поддержка других децемвиров и чувство страха, охватившее всех, вызвали глубокое молчание. Поправка Мерлена была отменена как оскорбительная для комитета общественной безопасности, и закон был принят в целом. С этого времени казни стали совершаться партиями, и ежедневно на смерть отправлялось по пятьдесят человек. *Террор* внутри террора продолжался около двух месяцев.

Но конец этой системы приближался. Заседания Прериала стали сроком союза для членов комитетов. С этого момента среди них начались тихие разногласия. Они продвигались вперед вместе, пока им приходилось бороться вместе; но это перестало быть таковым, когда они оказались одни на арене, с привычкой к состязаниям и желанием властвовать. Кроме того, их мнения уже не совпадали: демократическая партия была разделена падением старой коммуны; Бийо-Варенн, Колло-д'Эрбуа и главные члены Комитета общей безопасности - Вадье, Амар, Вуланд - придерживались этой низвергнутой фракции и предпочитали *поклонение Разуму*, а не *Высшему существу*. Они также завидовали славе и

опасались власти Робеспьера, которого, в свою очередь, раздражало их тайное неодобрение и препятствия, которые они чинили его воле. В этот период он задумал расправиться с наиболее предприимчивыми членами Горы - Тальеном, Бурдоном, Лежандром, Фрероном, Ровером и т. д., а также со своими соперниками по комитету.

В распоряжении Робеспьера была огромная сила, простой народ, считавший, что революция зависит от него, поддерживал его как представителя своих доктрин и интересов; вооруженные силы Парижа, которыми командовал Анрио, были в его распоряжении. Он имел полную власть над якобинцами, которых принимал и изгонял по своему усмотрению; все важные посты были заняты его креатурами; он сам сформировал революционный трибунал и новый комитет, заменив Пайяна, национального агента, на Шометта, генерального прокурора, а Флерио на Паше, занимавшего пост мэра. Но каков был его замысел, когда он предоставил самые влиятельные места новым людям и отделил себя от комитетов? Стремился ли он к диктатуре? Стремился ли он установить свою демократию *добродетели*, погубив оставшихся *безнравственных* членов Горы и *фракционеров* из комитета? Каждая партия лишилась своих лидеров: Жиронда - *двадцати двух*; Коммуна - Эбера, Шометта и Ронсена; Гора - Дантона, Шабо, Лакруа и Камиля Десмулена. Но, запрещая лидеров, Робеспьер тщательно оберегал секты. Он защитил *семьдесят три заключенных* от доносов якобинцев и ненависти комитетов; он поставил себя во главе новой коммуны; у него больше не было причин опасаться противодействия своим проектам, какими бы они ни были, за исключением нескольких представителей Горы и членов конвенционального правительства. Именно против этого двойного препятствия он и направил свои усилия в последние минуты своей карьеры. Вероятно, он не отделял республику от своего протектората и думал установить их обе после свержения других партий.

Комитеты противостояли Робеспьеру по-своему. Они тайно пытались добиться его падения, обвиняя его в тирании; они заставляли рассматривать установление его религии как предвестие его узурпации; они напоминали о его надменном поведении 20-го Приариала и о том, что он держал на расстоянии даже национальный конвент. Между собой они называли его *Писистратом*, и это имя уже переходило из уст в уста. Одно обстоятельство, достаточно незначительное в любое другое время, дало им возможность косвенно напасть на него. Старая женщина, по имени *Екатерина Тео*, выступала в роли пророчицы в безвестном жилище, окруженная несколькими мистическими сектами: они называли ее *Богоматерью*, и она возвещала о скором пришествии *Мессии*. Среди ее последователей был старый соратник Робеспьера по Учредительному собранию, шартрский Дом Жерле, имевший гражданское свидетельство от самого Робеспьера. Когда комитеты открыли *тайны Богоматери* и ее предсказания, они поверили или сделали вид, что поверили, что Робеспьер воспользовался ее помощью, чтобы одержать верх над фанатиками или объявить о своем возвышении. Они переделали ее имя *Теот* в имя *Теос*, означающее Бог; и хитроумно намекали, что Робеспьер и есть тот самый Мессия, о котором она возвещала. Престарелый Вадье, от имени комитета общей безопасности, был уполномочен выступить с предложением против этой новой секты. Он был тщеславен и хитер; он осудил тех, кто был посвящен в эти тайны, превратил поклонение в насмешку, привлек к этому Робеспьера, не называя его имени, и отправил фанатиков в тюрьму. Робеспьер хотел их спасти. Поведение Комитета общей безопасности сильно раздражало его, и в Якобинском клубе он с презрением и гневом отзывался о речи Вадье. Он столкнулся с новым противодействием со стороны Комитета общественной безопасности, который отказался выступить против лиц, на которых он им указал. С этого времени он перестал присоединяться к своим коллегам в правительстве и редко присутствовал на заседаниях конвента. Но он регулярно посещал

якобинцев и с трибуны этого клуба надеялся низвергнуть своих врагов, как он это делал до сих пор.

От природы печальный, подозрительный и робкий, он стал еще более меланхоличным и недоверчивым, чем прежде. Он никогда не выходил на улицу без сопровождения нескольких якобинцев, вооруженных палками, которых называли его телохранителями. Вскоре он начал свои обличения в народном собрании. "*Все продажные люди*, - говорил он, - *должны быть изгнаны из конвента*". Он имел в виду друзей Дантона. Робеспьер следил за ними с величайшей тревогой. Каждый день шпионы следили за всеми их передвижениями, наблюдали за их действиями, местами обитания и разговорами. Робеспьер не только нападал на якобинцев, но и выступал против самого комитета, для чего выбрал день, когда Баррер председательствовал в народном собрании. По окончании заседания последний вернулся домой удрученным; "Я испытываю отвращение к людям", - сказал он Виллату. "Что могло побудить его напасть на вас?" - поинтересовался тот. "Робеспьер ненасытен, - ответил Баррер, - поскольку мы не делаем всего, чего он хочет, он должен порвать с нами. Если бы он говорил с нами о Тюрио, Гуффруа, Ровере Лекуантре, Панисе, Камбоне, Монестье и остальных дантонистах, мы могли бы согласиться с ним; пусть он даже потребует Талльена, Бурдона де л'Уаза, Лежандра, Фрерона, хорошо; но Дюваль, Аудуан, Леонард Бурдон, Вадье, Вуланд - на это невозможно согласиться". Отказаться от членов комитета общей безопасности означало подвергнуть себя опасности; поэтому, опасаясь, они стойко ожидали нападения. Робеспьер был очень грозен в отношении своей силы, своей ненависти и своих замыслов; именно он должен был начать борьбу.

Но как он мог начать ее? Впервые он стал автором заговора; до сих пор он пользовался всеми народными движениями. Дантон, кордельеры и фобурги подняли восстание 10 августа против трона; Марат, Гора и Коммуна подняли восстание 31 мая против Жиронды; Бийо, Сен-Жюст и комитеты разрушили Коммуну и ослабили Гору. Робеспьер остался один. Не имея возможности получить помощь от правительства, поскольку он объявил о своем несогласии с комитетами, он прибегнул к помощи населения и якобинцев. Главными заговорщиками были Сен-Жюст и Кутон в комитете; Флерио - мэр и Пайан - национальный агент в коммуне; Дюма - президент и Коффиналь - вице-президент в революционном трибунале; Анрио, командующий вооруженными силами, и народное общество. 15-го мессидора, через три недели после закона Прериала и за двадцать четыре дня до 9-го термидора, резолюция была уже принята; в это время и под этой датой Анрио писал мэру: "Вы будете довольны мной, товарищ, и тем, как я буду действовать; поверьте мне, люди, которые любят свою страну, легко соглашаются направлять все свои шаги на пользу общественным делам. Я желал бы, да и желаю, чтобы *тайна операции* осталась за нами двумя; нечестивцы не должны ничего знать о ней. Здоровья вам и братства".

Сен-Жюст находился с миссией в северной армии; Робеспьер поспешил отозвать его. Ожидая его возвращения, он готовил общественное мнение к якобинцам. На заседании 3-го термидора он жаловался на поведение комитетов и на *преследование патриотов*, которых он поклялся защищать. "Нигде не должно быть больше следов преступлений или фракций, - говорил он, - ни в одном месте. Несколько негодяев позорят Конвенцию, но она не позволит себе поддаться их влиянию". Затем он призвал своих коллег, якобинцев, не допустить *их отражения* в Национальном собрании. Такова была операция 31 мая. 4-го числа он принял депутацию из департамента Эсна, которая пришла пожаловаться ему на действия правительства, с которым он уже месяц как не был знаком. "Конвент, - сказал Робеспьер в своем ответе депутации, - в том положении, в котором он сейчас находится, израненный коррупцией и совершенно неспособный к самовосстановлению, не может спасти

республику - оба должны погибнуть. Проскрипция патриотов - это порядок дня. Что касается меня, то я одной ногой в могиле; через несколько дней за мной последует и другая. Остальное - в руках Провидения". Тогда он был немного нездоров и специально преувеличивал свое уныние, свои страхи и опасности республики, чтобы разжечь патриотов и снова связать судьбу революции со своей собственной.

Тем временем. Из армии прибыл Сен-Жюст. Он узнал от Робеспьера о положении дел. Он явился в комитеты, члены которых приняли его холодно; каждый раз, когда он входил, они прекращали обсуждение. Сен-Жюст, который по их молчанию, несколькими случайным словам и выражению недоумения или враждебности на их лицах понял, что нельзя терять времени, заставил Робеспьера действовать. Его Максим должен был нанести удар сразу и решительно. "Решайтесь, - говорил он, - в этом секрет революций". Но он хотел убедить Робеспьера принять меры, которые были невозможны, побуждая его нанести удар по своим врагам, не предупредив их. В его распоряжении была сила революционного мнения, а не организованная сила. Он должен был обратиться за помощью к конвенту или коммуне, к законной власти правительства или к чрезвычайной власти восстания. Таков был обычай, и таковы должны быть все государственные перевороты. Они могли прибегнуть к восстанию только после того, как получили отказ собрания, иначе для восстания не хватало предлога. Поэтому Робеспьер был вынужден начать атаку в самом Конвенте. Он надеялся получить от него все, что только можно, или, если, вопреки своему обыкновению, он окажет сопротивление, он рассчитывал на то, что народ, побуждаемый коммуной, восстанет 9 термидора против проскрибированных Горы и Комитета общественной безопасности, как он восстал 31 мая против проскрибированных Жиронды и Комиссии двенадцати. Человек почти всегда ориентируется в своем поведении и надеждах на прошлое.

8 термидора он пришел в конвент в ранний час. Он взошел на трибуну и обличал комитет в искуснейшей речи. "Я пришел, - сказал он, - чтобы защитить перед вами оскорбленный авторитет и попранную свободу. Я буду защищать и себя; вас это не удивит; вы не похожи на тиранов, с которыми боретесь". Крики оскорбленной невинности не доносятся до ваших ушей, и вы знаете, что это дело не чуждо вашим интересам". После этого вступления он жаловался на тех, кто его оклеветал; он нападал на тех, кто стремился к гибели республики либо чрезмерностью, либо умеренностью; на тех, кто преследовал мирных граждан, то есть комитеты, и на тех, кто преследовал истинных патриотов, то есть Горы. Он ассоциировал себя с намерениями, прошлым поведением и духом конвента; он добавил, что его враги - это он сам: "Что я сделал, чтобы заслужить преследование, если оно не вписывается в общую систему их заговора против конвента? Разве вы не заметили, что, чтобы изолировать вас от народа, они выдали, что вы диктаторы, правящие с помощью террора и отвергнутые молчаливым желанием всех французов? Что касается меня, то к какой фракции я принадлежу? К вам самим. К той фракции, которая с самого начала революции свергла все фракции и избавилась от признанных предателей. Это вы, это народ, это принципы. Вот фракция, которой я предан и против которой направлены все преступления. По крайней мере, в течение шести недель моя неспособность творить добро и пресекать зло вынудила меня полностью отказаться от функций члена комитета общественной безопасности. Стал ли патриотизм более защищенным? Стали ли фракции более робкими? Или страна стала более счастливой? Во все времена мое влияние сводилось к отстаиванию интересов моей страны в национальном представительстве и в трибунале общественного мнения". После того как он попытался спутать свое дело с делом конвента, он попытался возбудить его против комитетов, остановившись на идее их независимости. "Представители народа, - сказал он, - настало время вновь обрести подобающую вам гордость и возвышенность характера. Вы

созданы не для того, чтобы вами управляли, а для того, чтобы управлять хранителями вашего доверия".

Пока он пытался соблазнить собрание возвращением власти и прекращением рабства, он обращался к умеренной партии, напоминая им, что они обязаны ему жизнью семидесяти трех человек, и давая надежду на возвращение порядка, справедливости и милосердия. Он говорил о том, что нужно изменить пожирающую и плутовскую систему финансов, смягчить революционное правительство, направить его влияние и наказать его предприимчивых агентов. Наконец, он взывал к народу, говорил о его нуждах и силе. И когда он напомнил обо всем, что могло повлиять на интересы, надежды или страхи конвента, он добавил: "Итак, мы говорим, что существует заговор против общественной свободы; что он обязан своей силой преступной коалиции, которая интригуется в самом сердце конвента; что у этой коалиции есть сообщники в комитете общей безопасности; что враги республики противопоставили этот комитет комитету общественной безопасности и таким образом создали два правительства; что члены комитета общественной безопасности участвуют в этом заговоре; что созданная таким образом коалиция стремится к гибели как патриотов, так и страны; какое средство есть от этого зла? Наказать предателей; составить заново комитет общей безопасности; очистить этот комитет и сделать его подчиненным комитету общественной безопасности; очистить сам комитет; создать единство правительства под верховной властью конвента; сокрушить каждую фракцию под тяжестью национальной власти и установить на их развалинах власть справедливости и свободы".

Ни ропота, ни аплодисментов не вызвало это объявление войны. Молчание, в котором был услышан Робеспьер, продолжалось еще долго после того, как он прекратил говорить. Тревожные взгляды металась по всем частям сомневающегося собрания. Наконец поднялся Лекуантр из Версаля и предложил напечатать речь. Это предложение стало сигналом для агитации, обсуждения и сопротивления. Бурдон де л'Уаз выступил против предложения напечатать речь как опасную меру. Ему аплодировали. Но Баррер в своей двусмысленной манере заявил, что все речи должны быть опубликованы, а Кутон предложил разослать ее во все коммуны республики, и конвент, напуганный этим явным согласием двух противоположных фракций, постановил и напечатать, и распространить речь.

Члены двух комитетов, подвергшихся нападению, которые до сих пор хранили молчание, видя, что Гора сорвана, а большинство не определилось, решили, что настало время высказаться. Сначала Вадье выступил против речи Робеспьера и против самого Робеспьера. Камбон пошел дальше. "Настало время, - воскликнул он, - сказать всю правду: один человек парализовал решение Национального собрания; этот человек - Робеспьер". "Маска должна быть сорвана, - добавил Бийо-Варенн, - какое бы лицо она ни прикрывала; я предпочел бы, чтобы мой труп послужил честолубцу для его трона, а не стал бы из-за моего молчания соучастником его преступлений". Панис, Бентаболь, Шарлье, Тирион, Амар поочередно нападали на него. Фрерон предложил Конвенту сбросить роковое иго комитетов. "Пришло время, - сказал он, - возродить свободу мнений; я предлагаю, чтобы собрание отменило декрет, дающий комитету право арестовывать представителей народа. Кто может говорить свободно, опасаясь ареста?" Раздались аплодисменты, но момент для полного освобождения конвента еще не наступил. Необходимо было бороться с Робеспьером из-за спин комитетов, чтобы впоследствии легче было атаковать комитеты. Предложение Фрерона было отклонено. "Человек, которому страх мешает высказать свое мнение, - сказал Бийо-Варенн, глядя на него, - недостойн звания представителя народа". Внимание вновь было приковано к Робеспьеру. Декрет, предписывающий напечатать его речь, был отозван, и

съезд передал ее на рассмотрение комитетов. Робеспьер, который был удивлен таким пламенным сопротивлением, затем сказал: "Что! У меня хватило смелости изложить собранию истины, которые я считаю необходимыми для безопасности страны, а вы отправляете мои рассуждения на рассмотрение членов, которых я обвиняю". Он удалился, несколько обескураженный, но надеясь вернуть собрание к своим взглядам или, скорее, подчинить его себе с помощью заговорщиков-якобинцев и Коммуны.

Вечером он отправился в народное общество. Его приняли с энтузиазмом. Он прочитал речь, которую только что осудило собрание, и якобинцы осыпали его аплодисментами. Затем он пересказал им нападки, которые были направлены против него, и, чтобы усилить их волнение, добавил: "Если понадобится, я готов выпить чашу Сократа". Робеспьер, - вскричал один из депутатов, - я выпью ее вместе с вами". "Враги Робеспьера, - кричали со всех сторон, - враги страны; пусть их назовут, и они перестанут жить". Всю ночь Робеспьер готовил своих партизан к следующему дню. Было решено, что они должны собраться у коммуны и якобинцев, чтобы быть готовыми к любому событию, а он в сопровождении своих друзей отправился в собрание.

Комитеты также провели ночь в раздумьях. Среди них появился Сен-Жюст. Его коллеги попытались отделить его от триумvirата; они поручили ему составить отчет о событиях предыдущего дня и представить его им. Но вместо этого он составил обвинительный акт, который не стал им сообщать, и сказал, удаляясь: "Вы иссушили мое сердце; я собираюсь открыть его съезду". Комитеты возлагали все свои надежды на мужество собрания и союз партий. Гора ничего не упустила, чтобы добиться этого спасительного соглашения. Они обратились к самым влиятельным членам правых и мари. Они умоляли Буасси д'Англаса и Дюрана де Майяна, стоявших во главе этих партий, объединиться с ними против Робеспьера. Сначала они колебались: они были так встревожены его силой, так полны негодования против Горы, что дважды отстраняли дантонистов, не выслушав их. Наконец дантонисты в третий раз вернулись к обвинениям, и тогда правые и равнинные обязались их поддержать. Таким образом, заговор существовал с обеих сторон. Все партии собрания объединились против Робеспьера, все сообщники триумvirов были готовы действовать против конвента. В таком положении дел началось заседание девятого термидора.

Члены собрания прибыли на него раньше обычного. Около половины одиннадцатого они собрались в переходах, подбадривая друг друга. Бурдон де л'Уаз, один из Гор, подошел к Дюрану де Майяну, умеренному, сжал его руку и сказал: "Люди Правой партии - прекрасные люди". Ровер и Талльен подошли и присоединились к поздравлениям Бурдона. В двенадцать они увидели из дверей зала, как Сен-Жюст поднимается на трибуну. "*Сейчас самое время*", - сказал Талльен, и они вошли в зал. Робеспьер занял место перед трибуной, несомненно, для того, чтобы устроить противников своим видом. Сен-Жюст начал: "Я не принадлежу ни к какой фракции, я буду противостоять им всем. Ход вещей, возможно, сделал эту трибуну тарпейской скалой для того, кто скажет вам, что члены правительства сошли с пути благоразумия". Тут Талльен прервал Сен-Жюста и яростно воскликнул: "Ни один добропорядочный гражданин не может сдержать слез при виде жалкого состояния государственных дел. Мы не видим ничего, кроме раскола. Вчера один член правительства отделился от него, чтобы обвинить его. Сегодня другой делает то же самое. Люди по-прежнему стремятся нападать друг на друга, усугублять беды страны, толкать ее в пропасть. Пусть завеса будет полностью разорвана". "Должно! Должно!" - раздалось со всех сторон.

Бийо-Варенн поднялся со своего места: "Вчера, - сказал он, - общество якобинцев было заполнено наемными людьми, ибо ни у кого не было карты; вчера в этом обществе был разработан план убийства членов Национального собрания; вчера я видел людей,

произносящих самые жестокие оскорбления в адрес тех, кто никогда не отступал от революции. Я вижу на Горе одного из тех, кто угрожал республике; вот он". "Арестовать его! Арестовать его!" - раздался общий крик. Сержант схватил его и отвел в комитет общей безопасности. "Пришло время говорить правду", - сказал Бийо. "Собрание неверно оценит события и положение, в котором оно находится, если скроет от себя, что оно находится между двумя боями. Оно погибнет, если будет слабым". "Нет! Нет! Она не погибнет!" - воскликнули все члены, поднимаясь со своих мест. Они поклялись спасти республику. Зрители на галерее аплодировали и кричали: "Да здравствует Рациональная конвенция!" Порывистый Лебас попытался выступить в защиту триумвиров; ему не дали этого сделать, и Бийо продолжил. Он предупреждал конвент об опасности, нападал на Робеспьера, указывал на его сообщников, осуждал его поведение и планы диктатуры. Все взгляды были устремлены на него. Некоторое время он стойко выдерживал их, но в конце концов, не в силах сдержать себя, бросился на трибуну. Крик "Долой тирана!" мгновенно стал всеобщим и заглушил его голос.

"Только что, - сказал Таллиен, - я потребовал, чтобы завеса была разорвана. Мне доставляет удовольствие видеть, что она полностью разорвана. Заговорщики разоблачены; скоро они будут уничтожены, и свобода восторжествует. Я присутствовал вчера на заседании якобинцев; я дрожал за свою страну. Я видел, как формируется армия этого нового Кромвеля, и вооружился пиньяром, чтобы проткнуть ему сердце, если национальный конвент наберется смелости и объявит ему импичмент". Он достал свое острие, помахал им перед возмущенным собранием и прежде всего потребовал ареста Анрио, постоянного заседания собрания; и оба предложения были приняты под крики "Да здравствует республика!". Бийо также добился ареста трех самых дерзких сообщников Робеспьера - Дюма, Буланже и Дюфрезе. Баррер распорядился поставить конвент под охрану вооруженных отрядов и подготовил воззвание к народу. Каждый предлагал свои меры предосторожности. Вадье на мгновение отвлек собрание от грозившей ему опасности, обратившись к делу Екатерины Теос. "Не будем отвлекаться от истинной цели обсуждения", - сказал Талльен. "Я возьму на себя труд вернуть вас к ней", - сказал Робеспьер. "Давайте обратимся к тирану", - ответил Талльен, нападая на него еще более горячо, чем прежде.

Робеспьер, несколько раз пытавшийся заговорить, поднимаясь и спускаясь по лестнице трибуны, в то время как его голос заглушали крики "Долой тирана!" и колокол, в который продолжал звонить президент Тьюрио, сделал последнее усилие, чтобы быть услышанным. "Президент убийц, - вскричал он, - в последний раз дайте мне сказать?" Но Тьюрио продолжал звонить в свой колокол. Робеспьер, взглянув на зрителей на галерее, которые оставались неподвижными, повернулся к правым. "Чистые и добродетельные люди, - сказал он, - я прибегаю к вам; дайте мне слово, от которого отказываются эти убийцы". Ответа не последовало; воцарилась глубокая тишина. Тогда, совершенно удрученный, он вернулся на свое место и опустил на него, изнемогая от усталости и ярости. У него пошла пена изо рта, и он захлебывался речью. "Негодяй!" - сказал кто-то из Горы, - "кровь Дантона душил тебя". Его ареста требовали и поддерживали со всех сторон. Теперь поднялся молодой Робеспьер: "Я виновен так же, как и мой брат", - сказал он. "Я разделяю его добродетели, и я разделю его судьбу". "Я не стану участвовать в поношении этого декрета", - добавил Лебас; "Я тоже требую своего ареста". Собрание единогласно постановило арестовать обоих Робеспьеров, Кутона, Лебаса и Сен-Жюста. Последний, постояв некоторое время на трибуне с неизменным лицом, спустился с самообладанием на свое место. Он встретил эту затянувшуюся бурю без малейших признаков волнения. Триумвиры были переданы жандармерии, которая удалила их под всеобщие аплодисменты. Робеспьер воскликнул,

выходя: "Республика погибла, разбойники торжествуют". Было уже половина пятого, и заседание было прервано до семи.

Во время этого бурного поединка сообщники триумвиров собрались в Коммуне и у якобинцев. Мэр Флерио, национальный агент Пайан и комендант Анрио находились в гостинице де Виль с полудня. Они собрали муниципальных чиновников под звуки барабана, надеясь, что Робеспьер будет торжествовать в этом собрании и что им не потребуется ни декрет генерального совета о восстании, ни секции для его поддержания. Через несколько часов после этого прибыл сержант конвента, чтобы вызвать мэра в зал заседаний для доклада о положении дел в Париже. "Идите и скажите своим негодям, - сказал Анрио, - что мы обсуждаем, как их очистить. Не забудьте передать Робеспьеру, чтобы он был тверд и ничего не боялся". Около половины четвертого они узнали об аресте триумвиров и указе против их сообщников. Немедленно прозвучал набат, шлагбаумы закрылись, собрался генеральный совет, созвали секционеров. Канонирам было приказано привести свои орудия в коммуну, а революционным комитетам - принести клятву восстания. Якобинцам, которые постоянно заседали, было отправлено послание. Муниципальные депутаты были приняты с величайшим энтузиазмом. "Общество следит за страной", - сказали им. "Оно поклялось скорее умереть, чем жить под властью преступлений". В то же время они объединились и наладили быструю связь между двумя центрами восстания. Анрио, чтобы пробудить народ, бегал по улицам с пистолетом в руке во главе своего штаба, кричал "К оружию!", толкал толпу и подстрекал всех встречных идти в коммуну, чтобы *спасти страну*. Во время выполнения этого поручения два члена конвента заметили его на улице Сент-Оноре. Именем закона они вызвали нескольких жандармов, чтобы те исполнили приказ о его аресте; те повиновались, и Анрио был схвачен и препровожден в комитет общей безопасности.

Однако ни одна из сторон еще ничего не решила. Каждая сторона использовала свои средства власти: конвент - свои декреты, коммуна - восстание; каждая сторона знала, каковы будут последствия поражения, и это делало их обеих такими активными, такими полными предвидения и решения. Успех долгое время оставался неопределенным. С полудня до пяти конвенция одержала верх; она добилась ареста триумвиров, национального агента Пайана и коменданта Анрио. Он уже собрался, а Коммуна еще не собрала свои силы; но с шести до восьми мятежники восстановили свои позиции, и дело Конвента было почти проиграно. За это время национальные представители разошлись, а Коммуна удвоила свои усилия и дерзость.

Робеспьер был переведен в Люксембург, его брат - в Сен-Лазар, Сен-Жюст - в Экоссе, Кутон - в Ла-Бурб, Лебас - в Консьержери. Коммуна, приказав тюремщикам не принимать их, послала муниципальных чиновников с отрядами, чтобы их вывезти. Робеспьера освободили первым и с триумфом проводили в Отель-де-Виль. По прибытии его встретили с величайшим энтузиазмом: "Да здравствует Робеспьер! Долой предателей!" - раздавалось со всех сторон. Немного раньше Коффиналь во главе двухсот канониров отправился освобождать Анрио, который был задержан в комитете общей безопасности. Было уже семь часов, и конвент возобновил свое заседание. Его охрана насчитывала не более ста человек. Прибыл Коффиналь, пробрался через внешние дворы, вошел в зал заседаний комитета и доставил Анрио. Тот отправился на площадь Каррузель, обратился к канонирам и приказал им направить орудия на конвент.

Собрание как раз в это время обсуждало опасность, которой оно подвергалось. Оно только что узнало о тревожных успехах заговорщиков, о мятежных приказах Коммуны, о спасении

триумвиров, об их присутствии в гостинице де Виль, о ярости якобинцев, о последовательном созыве революционного совета и секций. С каждым мгновением он все больше опасался насильственного вторжения, когда испуганные члены комитетов ворвались в здание, спасаясь от Коффиналя. Они узнали, что комитеты окружены, а Анрио освобожден. Эта новость вызвала большое волнение. В следующий момент в зал стремительно вошел Амар и объявил, что канониры, подстрекаемые Анрио, повернули орудия на съезд. "Граждане, - сказал президент, надевая шляпу в знак беды, - настал час умереть на посту!" "Да, да! Мы умрем там!" - воскликнули все члены конвента. Люди на галереях бросились к выходу с криками: "К оружию! Давайте прогоним негодяев!" И собрание мужественно объявило Анрио вне закона.

К счастью для собрания, Анрио не смог убедить канониров стрелять. Его влияние ограничилось тем, что он уговорил их сопровождать его, а сам направился к гостинице де Виль. Отказ канониров решил судьбу дня. С этого момента дела коммуны, находившейся на пороге триумфа, пошли на спад. Потерпев неудачу при внезапном нападении основными силами, она перешла к медленным мерам восстания; точка нападения была изменена, и вскоре уже не коммуна осаждала Тюильри, а конвент шел к гостинице де Виль. Собрание немедленно объявило вне закона депутатов, участвовавших в заговоре, и восставшую коммуну. Оно направило комиссаров в секции, чтобы заручиться их помощью, назначило представителя Барраса комендантом вооруженных сил, присоединив к нему Фрерона, Ровера, Бурдона де л'Уаза, Феро, Леонарда Бурдона, Лежандра, всех решительных людей: и сделало комитеты центром операций.

Секции, по приглашению коммуны, собрались около девяти часов; большая часть горожан, пришедших туда, была встревожена, неуверенна и лишь смутно осведомлена о ссорах между коммуной и конвентом. Эмиссары повстанцев призывали их присоединиться к ним и направить свои батальоны к Отелю де Виль. Секции ограничились отправкой депутации, но как только комиссары конвента прибыли к ним, сообщили им о декретах и приглашениях собрания и сообщили, что у них есть лидер и место для сплочения, они больше не колебались. Их батальоны последовательно предстали перед собранием; они поклялись защищать его и прошли строем через зал под крики энтузиазма и искренние аплодисменты. "Минуты драгоценны, - сказал Фрерон, - мы должны действовать; Баррас ушел, чтобы принять распоряжения комитетов; мы выступим против мятежников; мы призовем их именем конвента выдать предателей, а если они откажутся, мы обратим в пепел здание, в котором они находятся". "Идите", - сказал президент, - "и пусть не наступит день, пока не падут головы заговорщиков". Несколько батальонов и несколько артиллерийских орудий были размещены вокруг собрания, чтобы защитить его от нападения, а затем секции двумя колоннами двинулись к коммуне. Была уже почти полночь.

Заговорщики все еще были в сборе. Робеспьер, встреченный криками энтузиазма, обещаниями преданности и победы, был введен в общий совет между Пайаном и Флерио. Площадь де Грив была заполнена людьми, сверкали штыки, пики и пушки. Они ждали только прибытия секций, чтобы приступить к действиям. Присутствие их депутатов и направление в их среду муниципальных комиссаров внушало надежду на их помощь. Анрио ответил за все. Заговорщики рассчитывали на уверенную победу; они назначили исполнительную комиссию, подготовили обращения к армиям и составили различные списки. Однако наступила половина второго ночи, а ни одна секция еще не появилась, ни один приказ еще не был отдан, триумвиры все еще заседали, и толпа на площади де Грив была обескуражена этой медлительностью и нерешительностью. Шепотом распространилось сообщение, что секции объявили о поддержке конвента, что Коммуна объявлена вне закона и что войска

конвента наступают. Рвение вооруженной толпы уже улеглось, когда среди них промелькнуло несколько эмиссаров собрания, поднявших крик: "Да здравствует конвент!". Несколько голосов повторили его. Затем они зачитали прокламацию о запрете коммуны; выслушав ее, вся толпа разошлась. Площадь де Грив вмиг опустела. Через несколько минут Анрио спустился вниз с саблей в руке, чтобы возбудить их мужество, но никого не нашел: "Что! - воскликнул он, - неужели это возможно? Эти негодяи-канониры, которые пять часов назад спасли мне жизнь, теперь оставили меня". Он снова поднялся. В этот момент появились колонны конвента, окружили Отель де Виль, молча овладели всеми его выходами, а затем с криком: "Да здравствует национальный конвент!"

Заговорщики, поняв, что их потеряли, попытались скрыться от насилия своих врагов. Жандарм по имени Меда, первым вошедший в комнату, где собрались заговорщики, выстрелил в Робеспьера из пистолета и раздробил ему челюсть; Лебас смертельно ранил себя; Робеспьер-младший выпрыгнул из окна третьего этажа и остался жив; Кутон спрятался под стол; Сен-Жюст ждал своей участи; Коффиналь, упрекнув Анрио в трусости, сбросил его из окна в водосток и скрылся. Тем временем конвенционалисты проникли в Отель де Виль, прошли по опустевшим залам, схватили заговорщиков и с триумфом понесли их в собрание. Бурдон вошел в зал с криком: "Победа! Победа! Предателей больше нет!" "Жалкий Робеспьер там, - сказал президент, - его везут на каталке. Несомненно, вы не хотите, чтобы его привезли". "Нет! Нет!" - закричали они; "Отнесите его на площадь Революции!" Его поместили на некоторое время в Комитет общей безопасности, а затем перевели в Консьержери; и здесь, распростертый на столе, с обезображенным и окровавленным лицом, подвергаемый всеобщим взглядам, ругательствам и проклятиям, он увидел различных партий, ликующих по поводу его падения и обвиняющих его во всех совершенных преступлениях. В последние минуты жизни он проявлял бесчувствие. Его отвезли в Консьержери, после чего он предстал перед революционным трибуналом, который, опознав его и его сообщников, отправил их на эшафот. 10 термидора, около пяти часов вечера, он взошел на смертную телегу, расположившись между Анрио и Кутоном, изуродованным, как и он сам. Его голова была обмотана бельем, пропитанным кровью; лицо было синюшным, глаза почти не видели. Вокруг повозки собралась огромная толпа, проявляя бурную и ликующую радость. Они поздравляли и обнимали друг друга, осыпая его проклятиями, и подходили поближе, чтобы рассмотреть его поближе. Жандармы указывали на него своими саблями. Что касается его самого, то он, казалось, смотрел на толпу с презрительной жалостью; Сен-Жюст спокойно взирал на них; остальные, числом двадцать два человека, были подавлены. Робеспьер взошел на эшафот последним; когда его голова упала, в воздухе поднялись крики аплодисментов, продолжавшиеся несколько минут.

С ним закончилось царствование террора, хотя он и не был самым ревностным сторонником этой системы в своей партии. Если бы он стремился к верховенству, то, получив его, проявил бы умеренность; и царствование террора, прекратившееся с его падением, прекратилось бы и с его триумфом. Я считаю, что его гибель была неизбежной; у него не было организованной силы; его партизаны, хотя и были многочисленны, не были зачислены; его инструментом была сила мнения и террора; соответственно, не будучи в состоянии удивить своих врагов сильной рукой, по примеру Кромвеля, он пытался запугать их. Террор не удался, и он попробовал восстание. Но поскольку конвент при поддержке комитетов стал мужественным, секции, полагаясь на мужество конвента, естественно, выступили бы против мятежников. Нападая на правительство, он возбуждал собрание; возбуждая собрание, он возбуждал народ, и эта коалиция неизбежно погубила его. Конвент 9 термидора уже не был, как 31 мая, разделенным, нерешительным, противостоящим компактной, многочисленной и смелой фракции. Все партии были объединены поражением, несчастьем и грозящим им

проскрипцией и, естественно, сотрудничали бы в случае борьбы. Поэтому от самого Робеспьера не зависело, избежит ли он поражения; и не в его власти было отделиться от комитетов. В том положении, которого он достиг, человек поглощен своими страстями, обманут надеждами и удачей, до сих пор благоприятной; и когда эшафот воздвигнут, справедливость и милосердие так же невозможны, как мир, спокойствие и раздача власти, когда объявлена война. Человек должен пасть тем же путем, каким он возник; человек фракции должен погибнуть на эшафоте, как завоеватели на войне.

ГЛАВА X

ОТ 9 ТЕРМИДОРА ДО 1 ПРЕРИАЛЯ, ГОД III. (20 МАЯ 1795 ГОДА). ЭПОХА ВЗЛЕТА И ПАДЕНИЯ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ

9 термидора стало первым днем революции, в который пали те, кто нападал. Уже одно это свидетельствовало о том, что восходящее революционное движение достигло своего предела. С этого дня неизбежно началось противоположное движение. Общее восстание всех партий против одного человека должно было положить конец тому сжатию, под которым они находились. При Робеспьере комитеты подчинили себе друг друга, и децемвиральное правительство потеряло престиж террора, который составлял его силу. Комитеты освободили конвент, который постепенно освободил всю республику. Однако они думали, что работают для себя и для продления революционного правительства, в то время как большая часть тех, кто их поддерживал, ставила своей целью свержение диктатуры, независимость собрания и установление законного порядка. Таким образом, со следующего дня после 9-го термидора среди завоевателей существовали две противоположные партии: комитетчиков и Горы, получившие название термидорианской.

Первая была лишена половины своих сил; кроме потери своего вождя, она больше не имела Коммуны, мятежные члены которой, в количестве семидесяти двух человек, были отправлены на эшафот, и которая, после своего двойного поражения при Эбере и при Робеспьере, не была вновь организована и осталась без прямого влияния. Но эта партия сохранила за собой руководство делами через комитеты. Все ее члены были привержены революционной системе; одни, такие как Бийо-Варенн, Колло-д'Эрбуа, Баррер, Вадье, Амар, видели в ней свою единственную безопасность; другие, такие как Карно, Камбон, два Приера, де ла Марн и де ла Кот-д'Ор и т. д., боялись контрреволюции и наказания своих коллег. В конвент вошли все комиссары, отправленные до сих пор с миссиями, несколько человек из Горы, которые проявили себя 9 термидора, и остатки партии Робеспьера. Без якобинцев к ней присоединились и фавориты, и низшие слои населения.

Термидорианская партия состояла из большего числа конвенционалистов. Весь центр собрания и то, что осталось от правых, присоединились к Горе, которая отказалась от своих прежних преувеличенных взглядов. Коалиция умеренных, Буасси д'Англаса, Съеса, Камбасереса, Шенье, Тибодо, с дантонистами, Тальеном, Фрероном, Лежандром, Баррасом, Бурдоном де л'Уазом, Ровером, Бентаболом, Дюмоном и двумя Мерлинами, полностью изменила характер собрания. После 9-го термидора первым шагом этой партии было обеспечение своей империи в конвенте. Вскоре она нашла путь в правительство и сумела исключить прежних обитателей. Поддерживаемая общественным мнением, собранием, комитетами, она открыто продвигалась к своей цели; она выступила против главных децемвиров и некоторых их агентов. Поскольку у них было много сторонников в Париже, она обратилась за помощью к молодым людям против якобинцев, к секциям против фобургов. В то же время, чтобы укрепить свои позиции, она отозвала в собрание всех депутатов, которых Комитет общественной безопасности проскрибировал; сначала семьдесят три,

протестовавших против 31 мая, а затем и самих оставшихся в живых жертв того дня. Якобинцы проявили волнение: закрыли их клуб; фобурги подняли восстание: разоружили их. Свергнув революционное правительство, она направила свое внимание на создание другого и на введение, согласно конституции III года, целесообразного, либерального, регулярного и стабильного порядка вещей, взамен чрезвычайного и временного, в котором конвент находился с самого начала своей деятельности до этого момента. Но все это происходило постепенно.

После общей победы обе партии не сразу начали расходиться. Революционный трибунал был особым объектом всеобщего ужаса. 11 термидора он был приостановлен; но Бийо-Варенн на том же заседании отменил декрет о приостановке. Он утверждал, что виновны только сообщники Робеспьера, что большинство судей и присяжных - люди честные, и их желательно оставить на своих постах. Баррер представил соответствующий декрет: он утверждал, что триумвиры ничего не сделали для революционного правительства, что они часто даже противились его мерам; что их единственной заботой было поставить в нем своих креатур и придать ему направление, благоприятное для их собственных проектов; он настаивал, чтобы укрепить это правительство, на сохранении закона *подозреваемых* и трибунала с его существующими членами, включая Фукье-Тинвиля. При этом имени в собрании поднялся всеобщий ропот. Фрерон, сделавшись органом всеобщего негодования, воскликнул: "Я требую, чтобы земля наконец освободилась от этого чудовища, а Фукье был отправлен в ад, где он будет погряз в пролитой им крови". Его предложение было встречено аплодисментами, а обвинение Фукье - постановлением. Баррер, однако, не считал себя побежденным; он все еще сохранял по отношению к конвенту тот властный язык, который с успехом использовал старый комитет; это было одновременно привычкой и расчетом с его стороны, поскольку он хорошо знал, что ничто так легко не продолжается, как то, что уже имело успех.

Но политические терзания Баррера, человека благородного происхождения, который до 10 августа был роялистом-фельянцем, не позволяли ему перейти на этот властный и непреклонный тон. "Кто этот президент фельянов, - сказал Мерлен де Тионвиль, - который берется диктовать нам закон?" Зал разразился аплодисментами. Баррер смутился, покинул трибуну, и эта первая проверка комитетов показала их упадок в конвенте. Революционный трибунал продолжал существовать, но уже в другом составе и с другой организацией. Закон 22-го прериаля был отменен, и теперь в судебных процессах было столько же рассуждений и умеренности, столько же охранительных форм, сколько раньше было жестокости и бесчеловечности. Этот трибунал больше не использовался против лиц, ранее находившихся под подозрением, которые по-прежнему содержались в тюрьме, хотя и при более мягком обращении, и которые, постепенно, были возвращены на свободу по плану, предложенному Камилем Десмуленом для его Комитета милосердия.

13-го числа термидора само правительство стало предметом обсуждения. В комитете общественной безопасности не хватало многих членов; Эро де Сешель так и не был заменен; Жан-Бон-Сен-Андре и Приер де ла Марн находились в командировках; Робеспьер, Кутон и Сен-Жюст погибли на эшафоте. На их места были назначены Тальен, Бреар, Эшассеро, Трейльяр, Тьюрио и Лалуа, чье вступление еще больше ослабило влияние старых членов. В то же время были реорганизованы два комитета, чтобы сделать их более зависимыми от собрания и менее - друг от друга. Комитету общественной безопасности были поручены военные и дипломатические операции; комитету общей безопасности - внутреннее управление. Поскольку было желательно, ограничив революционную власть, успокоить лихорадку, возбуждавшую толпу, и постепенно рассеять ее, ежедневные собрания секций

были сокращены до одного в десять дней, а выплата сорока су в день, которую в последнее время получал каждый неимущий гражданин, принимавший в них участие, была прекращена.

Эти меры были приведены в исполнение, и 11 числа Фруктидора, через месяц после смерти Робеспьера, Лекуантр из Версаля осудил Бийо, Колло, Баррера из комитета общественной безопасности, а также Вадье, Амара и Вуланда из комитета общей безопасности. Накануне вечером Талльен решительно выступил с осуждением режима террора, и Лекуантр был воодушевлен сенсацией, которую произвела речь Талльена. Он выдвинул двадцать три обвинения против обвиняемых; он вменил им в вину все меры жестокости и тирании, которые они обрушили на триумвиров, и назвал их преемниками Робеспьера. Этот донос взволновал собрание, и особенно тех, кто поддерживал комитеты или желал, чтобы в республике прекратились разногласия. "Если бы преступления, в которых нас упрекает Леконтр, были доказаны, - сказал Бийо-Варенн, - если бы они были столь же реальны, сколь абсурдны и химеричны, то, несомненно, ни один из нас не заслуживал бы того, чтобы потерять голову на эшафоте. Но я не могу доказать Лекуантру документами или какими-либо свидетельствами, достойными доверия, ни один из фактов, в которых он нас обвиняет". Он отверг обвинения, выдвинутые против него Лекуантром; он обвинил своих врагов в продажности и интригах, которые хотели принести его в жертву памяти Дантона, *одиозного заговорщика, надежды всех отцеубийственных фракций*. "Что ищут эти люди, - продолжал он, - что ищут эти люди, которые называют нас преемниками Робеспьера? Граждане, знаете ли вы, чего они добиваются? Уничтожить свободу на могиле тирана". Обличение Лекуантра было преждевременным; почти весь конвент признал его клеветническим. Обвиняемые и их друзья поддались вспышкам безудержного и все еще сильного негодования, так как на них впервые напали; обвинитель, почти никем не поддержанный, замолчал. Бийо-Варенн и его друзья на время одержали победу.

Через несколько дней после этого наступил срок для обновления трети состава комитета. Жребий определил следующих членов, которые должны были уйти в отставку: Баррер, Карно, Робер Линде - в комитете общественной безопасности; Вадье, Вуланд, Моиз Бейль - в комитете общей безопасности. Их заменили термидорианцы; Колло-д'Эрбуа, а также Бийо-Варенн, сочтя себя слишком слабыми, подали в отставку. Другое обстоятельство еще более способствовало падению их партии, возбудив против нее общественное мнение; это была огласка преступлений Жозефа Лебона и Каррьера, двух проконсулов комитета. Они были посланы: один - в Аррас и Камбрэ, на границу, подверженную вторжению; другой - в Нант, на рубеж Вандейской войны. Они прославили свою миссию тем, что, помимо всего прочего, проявили жестокость и капризную тиранию, которые, впрочем, обычно присущи тем, кто наделен высшей человеческой властью. Лебон, молодой и слабого телосложения, был от природы мягким. Во время первой миссии он был гуманен; но комитет порицал его за это и отправил в Аррас с приказом проявить себя *несколько более революционно*. Чтобы не отстать от неумолимой политики комитета, он пошел на неслыханные эксцессы; он смешивал разврат с истреблением; гильотина всегда была при нем, и он называл ее священной. Он общался с палачом и допускал его к своему столу. Каррьер, имея больше жертв, превзошел даже Лебона; он был желчен, фанатичен и по природе своей кровожаден. Он только и ждал случая, чтобы совершить чудовища, которые даже воображение Марата не осмелилось бы представить. Посланный на границу восставшей страны, он приговорил к смерти все враждебное население - священников, женщин, детей, стариков и девушек. Поскольку эшафот был недостаточен для его жестокости, он заменил революционную трибуну компанией убийц, названной компанией Марата, а вместо гильотины - лодками с фальшивым дном, с помощью которых он топил свои жертвы в Луаре. Крики мести и

справедливости были подняты против этих бесчинств. После 9-го термидора Лебон подвергся первому нападению, поскольку он был в первую очередь агентом Робеспьера. Впоследствии преследованию подвергся Каррье, который был членом комитета общественной безопасности и чье поведение Робеспьер не одобрял.

В парижских тюрьмах находились девяносто четыре жителя Нанта, искренне преданные революции и мужественно защищавшие свой город во время нападения на него вандейцев. Каррьер отправил их в Париж как федералистов. До девятого термидора было небезопасно представлять их перед революционным трибуналом; их доставили туда, чтобы разоблачить преступления Каррье. Судили их нарочито торжественно, суд длился почти месяц, было дано время общественному мнению заявить о себе, и после их оправдания раздались всеобщие требования правосудия к Нантскому революционному комитету и к проконсулу Каррье. Лежандр возобновил импичмент Леконтра в отношении Бийо, Баррера, Колло и Вадье, которых щедро защищали Карно, Приер и Камбон, их бывшие коллеги, требовавшие разделить их участь. Предложение Лекуантра не принесло никаких результатов, и на данный момент к суду были привлечены только члены революционного комитета Нанта, но мы можем наблюдать за успехами термидорианской партии. На этот раз члены комитета были вынуждены прибегнуть к защите, и конвент просто перешел к порядку дня, по вопросу о доносе Лежандра, не признав его клеветническим, как это было сделано в отношении Лекуантра.

Однако революционные демократы все еще были очень сильны в Париже: если они потеряли коммуну, трибунал, конвент и комитет, то сохранили якобинцев и фавров. Именно в этих народных обществах концентрировалась их партия, особенно в целях самозащиты. Каррьер усердно посещал их и обращался к ним за помощью; Бийо-Варенн и Колло-д'Эрбуа также прибегали к ним; но они, будучи в меньшей степени подвержены опасности, были осмотрительны. Их порицали за молчание. *"Лев спит, - ответил Бийо-Варенн, - но его пробуждение будет ужасным"*. Этот клуб был изгнан после 10-го термидора и поздравил конвент от имени возрожденных обществ с падением Робеспьера и тирании. В это время, когда против многих его лидеров было возбуждено дело, а многие якобинцы были заключены в тюрьмы департаментов, он пришел от имени объединенных обществ, *"чтобы выразить крик скорби, раздававшийся из всех частей республики, и голос угнетенных патриотов, погруженных в темницы, которые только что покинули аристократы"*.

Конвент, не уступая якобинцам, запретил, чтобы уничтожить их влияние, все коллективные петиции, ассоциации отделений, переписку и т. д. между головным обществом и его отделениями, и таким образом дезорганизовал знаменитую конфедерацию клубов. Якобинцы, отвергнутые конвентом, начали будоражить Париж, где они по-прежнему были хозяевами. Затем термидорианцы также начали созывать свой народ, обращаясь к поддержке секций. В то же время Фрерон в своем журнале *l'Orateur du Peuple* призвал молодых людей к оружию и поставил себя во главе их. Это новое и нерегулярное ополчение называло себя *"Дореволюционной молодежью Фрерона"*. Все, кто в него входил, принадлежали к богатым и средним слоям населения; они приняли особый костюм, который назывался *Costume à la victime*. Вместо блузы якобинцев они носили квадратное открытое пальто и очень низкие туфли; длинные по бокам волосы были закручены сзади в локоны, называемые *каденетами*; они были вооружены короткими палками, свинцовыми и похожими на дубинки. Некоторые из этих молодых людей и некоторые из сектантов были роялистами; другие следовали импульсу момента, который был антиреволюционным. Последние действовали без цели и амбиций, выступая в поддержку сильнейшей партии, особенно когда победа этой партии обещала восстановить порядок, недостаток которого

ощущался в целом. Другая партия боролась под руководством термидорианцев против старых комитетов, как термидорианцы боролись под руководством старых комитетов против Робеспьера; она ждала случая действовать самостоятельно, который представился после полного падения революционной партии. В обстановке насилия обе партии, движимые страхом и обидой, беспощадно преследовали друг друга и часто сходились на улицах под крики "Да здравствует Монтань!" или "Да здравствует Конвент!". *Молодежь Доре* была сильна в Пале-Рояле, где их поддерживали лавочники; но якобинцы были сильнее всех в саду Тюильри, который находился рядом с их клубом.

С каждым днем эти распри становились все более оживленными, и Париж превратился в поле битвы, где судьба сторон решалась оружием. Этому состоянию войны и беспорядка неизбежно должен был прийти конец; а поскольку у сторон не хватало мудрости прийти к взаимопониманию, то одна или другая неизбежно должна была одержать верх. Термидорианцы были более сильной стороной, и победа, естественно, досталась им. В день, следующий за тем, когда Бийо говорил о *пробуждении льва* в народном обществе, в Париже началось сильное волнение. Якобинский клуб хотели взять штурмом. Люди кричали на улицах: "Великий якобинский заговор! Объявите якобинцев вне закона!". В этот период проходил суд над революционным комитетом Нанта. В свою защиту они утверждали, что получили от Каррьера кровавые приказы, которые они исполнили; это заставило конвент приступить к изучению его поведения. Каррьеру было позволено защищаться до того, как против него был принят декрет. Он оправдывал свою жестокость жестокостью венецианцев и безумной яростью гражданской войны. "Когда я выступал, - говорил он, - в воздухе еще звучали гражданские песни двадцати тысяч мучеников, кричавших "Да здравствует республика!" в разгар пыток". Как можно было услышать голос человечества, погибшего в этом ужасном кризисе? Что бы сделали мои противники на моем месте? Я спас республику в Нанте; моя жизнь была посвящена моей стране, и я готов умереть за нее". Из пятисот избирателей четыреста девяносто восемь были за импичмент; двое других проголосовали за него, но условно.

Якобинцы, обнаружив, что их противники переходят от подчиненных агентов к самим представителям, посчитали себя проигравшими. Они попытались поднять народ, не столько для защиты Каррьера, сколько для поддержки своей партии, которой угрожали все больше и больше. Но их сдерживали *дореволюционная молодежь* и секционеры, которые в конце концов пришли на место своих заседаний, чтобы распустить клуб. Последовал острый конфликт. Осаждающие разбили камнями окна, выбили двери и разогнали якобинцев после некоторого сопротивления с их стороны. Последние пожаловались конвенту на это насилие. Рюбель, назначенный для составления отчета по этому вопросу, не был к ним благосклонен. "Где была организована тирания?" - спросил он. "В Якобинском клубе. Где она имела свою поддержку и своих спутников? В Якобинском клубе. Кто покрыл Францию трауром, поверг семьи в отчаяние, наполнил республику бастилиями, сделал республиканский строй настолько odioзным, что раб, обремененный оковами, отказался бы жить при нем? Якобинцы. Кто сожалеет об ужасном правлении, под которым мы живем? Якобинцы. Если у вас нет мужества принять решение в такой момент, республике конец, потому что у вас есть якобинцы". Конвент временно отстранил их от власти, чтобы провести эксгумацию и реорганизацию, не решаясь уничтожить их сразу. Якобинцы, бросив вызов декрету, собрались с оружием в руках на своем обычном месте встречи; термидорианский отряд, уже осаждавший их там, снова пришел, чтобы напасть на них. Они окружили клуб с криками "Да здравствует конвент! Долой якобинцев!". Последние приготовились к обороне; они покинули свои места, с криками "Да здравствует республика!" бросились к дверям и предприняли попытку вылазки. Сначала они взяли несколько пленных, но вскоре, уступая численности,

покорились и прошли через ряды победителей, которые, обезоружив их, осыпали их шипением, оскорблениями и даже ударами. Эти незаконные экспедиции сопровождалась всеми теми эксцессами, которые сопутствуют партийной борьбе.

На следующий день уполномоченные конвента пришли, чтобы закрыть клуб, наложить печати на его реестры и бумаги, и с этого момента общество якобинцев прекратило свое существование. Этот народный орган сослужил мощную службу революции, когда для отпора Европе необходимо было передать власть народу и придать республике всю энергию обороны; но теперь он только мешал прогрессу нового порядка вещей.

Положение дел изменилось; на смену диктатуре должна была прийти свобода, теперь, когда спасение революции свершилось, и для ее сохранения необходимо было вернуться к правовому порядку. Непомерная и чрезвычайная власть, подобная конфедерации клубов, неизбежно закончилась бы поражением партии, которая ее поддерживала, а сама эта партия - обстоятельствами, которые ее породили.

Каррьер, представ перед революционным трибуналом, был судим без перерыва и осужден вместе с большинством своих сообщников. Во время процесса были восстановлены семьдесят три депутата, чей протест против 31 мая исключил их из собраний. Мерлен де Дуэ внес предложение об их отзыве от имени комитета общественной безопасности; его предложение было встречено аплодисментами, и семьдесят три депутата вернулись на свои места в Конвенте. Семьдесят три, в свою очередь, попытались добиться возвращения объявленных вне закона депутатов, но встретили горячее сопротивление. Термидорианцы и члены новых комитетов опасались, что такая мера поставит под вопрос саму революцию. Кроме того, они опасались введения новой партии в состав конвента, и без того расколото, и отзыва непримиримых врагов, которые могли вызвать по отношению к себе реакцию, подобную той, что произошла против старых комитетов. Поэтому они решительно выступили против этого предложения, а Мерлен де Дуэ дошел до того, что сказал: "Вы хотите открыть двери Храма?". Маленький сын Людовика XVI был заключен в тюрьму, а жирондистов из-за результатов 31 мая спутали с роялистами; кроме того, 31 мая по-прежнему фигурировало в числе революционных дат наряду с 10 августа и 14 июля. Ретроградному движению еще предстояло сделать несколько шагов, прежде чем оно достигнет этого срока. Республиканская контрреволюция вернулась с 9 термидора 1794 года к 3 октября 1793 года, когда были арестованы семьдесят три человека, но не к 2 июня 1793 года, когда были арестованы двадцать два человека. После свержения Робеспьера и комитета пришлось напасть на Марата и Гору. В почти геометрической прогрессии народного движения для этого требовалось еще несколько месяцев.

Далее они отменили децемвиральную систему. Был отменен декрет против священников и дворян, которые составляли два запрещенных класса во времена террора; был отменен *максимум*, чтобы восстановить доверие, положив конец коммерческой тирании; общие и искренние усилия были направлены на то, чтобы заменить деспотическое давление комитета общественной безопасности самой возвышенной свободой. Этот период также был отмечен независимостью прессы, восстановлением религиозного культа и возвращением собственности, конфискованной у федералистов во время правления комитетов.

Наступила полная реакция против революционного правительства; вскоре она охватила Марата и Гору. После 9-го термидора было решено противопоставить Робеспьеру репутацию великого революционера, и для этой цели был выбран Марат. Ему были уготованы почести Пантеона, которые Робеспьер, находясь у власти, не предоставил ему. Теперь он, в свою

очередь, подвергся нападению. Его бюст был выставлен в Конвенте, театрах, на площадях и в народных собраниях. *Молодежь Доре* разбила его в театре Фейдо. Гора подала жалобу, но конвент постановил, что ни один гражданин не может получить почести Пантеона, а его бюст не может быть помещен в конвент, пока он не умрет в течение десяти лет. Бюст Марата исчез из зала Конвента, а поскольку волнение в фобургах было очень велико, через него дефилировали секции - обычная опора собрания. Кроме того, напротив Инвалидов находился возвышенный курган - *Гора*, над которой возвышалась колоссальная группа, изображающая Геркулеса, сокрушающего гидру. Секция Галле-о-Бле потребовала убрать это сооружение. Левая часть собрания зашумела. "Гигант, - сказал один из членов, - это эмблема народа". "Я вижу в нем только гору, - ответил другой, - а что такое гора, как не вечный протест против равенства". Эти слова вызвали бурные аплодисменты, и их хватило, чтобы донести петицию и низвергнуть памятник победы и господства одной партии.

Далее были упомянуты запрещенные конвенционалисты; уже некоторое время назад их запрет был отменен. Иснар и Луве обратились к собранию с просьбой восстановить их в правах; им возразили, что последствия 31 мая и восстания в департаментах будут иметь последствия. "Я не стану, - сказал Шенье, выступивший в их поддержку, - я не стану так оскорблять национальный конвент, чтобы ставить перед ним призрак федерализма, который нелепо сделали главным обвинением против ваших коллег. Они бежали, скажут они, они спрятались. Так вот в чем их преступление! Если бы это, ради благополучия республики, было преступлением всех! Почему не нашлось достаточно глубоких пещер, чтобы сохранить для страны размышления Кондорсе, красноречие Верньо? Почему бы какой-нибудь гостеприимной стране в день 10-го термидора не вернуть к жизни эту колонию энергичных патриотов и добродетельных республиканцев? Но от этих людей, омраченных несчастьем, можно ожидать проектов мести. Воспитанные в школе страданий, они научились лишь оплакивать человеческие ошибки. Нет, нет, Кондорсе, Рабо-Сен-Этьен, Верньо, Камиль Десмулен не ищут кровавых жертв; их челюсти не умиротворяются гекатомбами". Левые выступили против предложения Шенье. "Вы собираетесь, - воскликнул Бентаболь, - разжечь все страсти; если вы нападаете на восстание 31 мая, вы нападаете на восемьдесят тысяч человек, которые с ним согласились". "Давайте позаботимся о том, - ответил Съез, - чтобы не путать работу тирании с работой принципов. Когда люди, поддерживаемые подчиненной властью, соперницей нашей, сумели организовать величайшее из преступлений, роковое 31 мая и 2 июня, это было не делом патриотизма, а возмущением тирании; с тех пор вы видели, как съезд господствует, большинство угнетает, меньшинство диктует законы. Нынешняя сессия делится на три различных периода: до 31 мая было угнетение конвента народом; до 9 термидора - угнетение народа конвентом, который сам был объектом тирании; и, наконец, после 9 термидора справедливость по отношению к конвенту возобновила свои права". Он потребовал отозвать проскрибированных членов в качестве залога единства в собрании и безопасности для республики. Мерлен де Дуай немедленно предложил вернуть их от имени комитета общественной безопасности; предложение было удовлетворено, и после восемнадцатимесячного запрета двадцать два конвенционалиста вновь заняли свои места; среди них были Иснар, Луве, Ланжуайне, Кервелеган, Анри Ла Ривьер, Ла Ревейер-Лепо и Лесаж - все, что осталось от блестящего, но неудачливого Жиронды. Они присоединились к умеренной партии, которая с каждым днем все больше и больше состояла из остатков разных партий. Старые враги, забыв обиды и борьбу за господство, поскольку у них теперь были одни и те же интересы и одна и та же цель, стали союзниками. Это было начало умиротворения между теми, кто желал республики против роялистов, и практической конституции, в противовес революционерам. В этот период все меры против федералистов были отменены, и жирондисты взяли на себя руководство республиканской контрреволюцией.

Однако конвент был слишком далеко заведен сторонниками реакции; в своем стремлении все исправить и всех наказать он впал в излишества справедливости. После отмены децемвирального режима прошлое должно было быть похоронено в забвении, а революционная пропасть закрыта после того, как в нее было брошено несколько искупительных жертв. Только безопасность приводит к умиротворению, а умиротворение допускает только свободу. Вновь вступив на путь, характеризуемый страстями, они лишь перенесли тиранию, насилие и бедствия. До сих пор буржуазия приносилась в жертву толпе, теперь же все было наоборот. На смену *максимальной прибыли* пришла акционирование, а осведомители из среднего класса полностью превзошли народных осведомителей. Против всех, кто принимал участие в диктаторском правлении, были приняты самые решительные меры. Секции, где заседали представители среднего класса, требовали разоружения и наказания членов своих революционных комитетов, состоявших из санкюлотов. Поднялся общий шум и крик против *террористов*, число которых росло с каждым днем. Департаменты доносили на всех бывших проконсулов, приводя в отчаяние многочисленную партию, которой на самом деле уже не стоило опасаться, поскольку она потеряла всякую власть, угрожая ей тем самым большими и вечными репрессиями.

Страх перед проскрипциями и ряд других причин располагали их к восстанию. Всеобщая нужда была ужасной. Труд и его продукция сократились со времен революции, во время которой богатые сидели в тюрьмах, а бедные управляли; подавление *максимума* вызвало жестокий кризис, который торговцы и фермеры обернули себе на пользу, введя губительную монополию и кабалу. Чтобы усугубить трудности, цессионарии впали в немилость, и их стоимость уменьшалась с каждым днем. Их было выпущено более чем на восемь миллионов долларов. Небезопасность этих бумажных денег, вызванная революционными конфискациями, обесценившими национальное имущество, отсутствие у купцов, торговцев и т. д. уверенности в стабильности революционного правительства, которое они считали лишь временным, - все это в совокупности привело к тому, что реальная стоимость ассигнатов снизилась до одной пятнадцатой их номинальной стоимости. Они принимались неохотно, а специя накапливалась с еще большей тщательностью, пропорционально растущему спросу на нее и обесцениванию бумажных денег. Народ, нуждаясь в продовольствии и не имея средств для его покупки, даже когда у него были ассигнации, находился в полном бедствии. Они приписывали это купцам, фермерам, землевладельцам и другим собственникам, правительству и с сожалением говорили о том, что раньше, при Комитете общественной безопасности, они пользовались и властью, и продовольствием. Конвент, правда, назначил комитет по пропитанию для снабжения Парижа провизией, но этот комитет с большим трудом и большими затратами мог изо дня в день добывать пятнадцать сотен мешков муки, необходимых для поддержания огромного города; и люди, которые часами толпились перед булочными, ожидая фунта плохого хлеба, выдаваемого каждому жителю, были громки в своих жалобах и бурны в своем ропоте. Они называли Буасси д'Англаса, председателя комитета пропитания, *Буасси-Фамином*. Таково было состояние фанатично настроенной и возмущенной толпы, когда ее бывшие лидеры предстали перед судом.

12-го числа, через некоторое время после возвращения жирондистов, собрание постановило арестовать Бийо-Варенна, Колло-д'Эрбуа, Баррера и Вадье. Суд над ними перед Конвентом был назначен на 3-е число Жерминаля. 1-го (20 марта 1795 года), в день Декады, в который собирались секции, их сторонники устроили бунт, чтобы не допустить их привлечения к суду; их делу были посвящены внешние кварталы фобургов Сен-Антуан и Сен-Марсо. Из этих кварталов они направились, наполовину петиционеры, наполовину повстанцы, к Конвенту, чтобы потребовать хлеба, конституции 93-го года и освобождения заключенных патриотов. На пути им встретилось несколько молодых людей, которых они

бросили в бассейны Тюильри. Однако вскоре распространилась весть о том, что съезду угрожает опасность и что якобинцы собираются освободить своих вождей, и *молодежь Доре*, за которой последовало около пяти тысяч граждан внутренних кварталов, пришла, разогнала фавров и стала охранять собрание. Последнее, предупрежденное этой новой опасностью, по предложению Съеса восстановило старое военное положение под названием *loi de grande police*.

Эта акция в пользу обвиняемых провалилась, и 3-го Жерминаля они предстали перед Конвентом. Один только Вадье смирился. Их поведение было расследовано с величайшей торжественностью; их обвинили в тирании над народом и притеснении конвента. Несмотря на то, что доказательств в пользу этого обвинения было предостаточно, обвиняемые защищались с большим упорством. Они приписывали Робеспьеру притеснение собрания и самих себя; они пытались оправдать свое поведение, ссылаясь на меры, принятые комитетом и конвентом, ссылаясь на волнение того времени и необходимость обеспечить защиту и безопасность республики. Их бывшие коллеги выступили в качестве свидетелей в их пользу и пожелали объединить с ними усилия. *Крета* (так тогда называли остатки Горы) также горячо поддерживали их. Суд над ними длился девять дней, и в каждом заседании участвовали и обвинение, и защита. В фаворских кварталах царило сильное волнение. Толпы, собиравшиеся каждый день с 1-го Жерминаля, 12-го числа увеличились вдвое, и произошло новое восстание, чтобы приостановить процесс, который первое восстание не смогло предотвратить. Агитаторы, более многочисленные и смелые, прорвались через охрану конвента и вошли в зал, написав мелом на шляпах слова: "Хлеб", "Конституция 93-го года", "Свобода патриотам". Многие из депутатов *Крете* выступили в их поддержку; остальные члены, пораженные беспорядком и суматохой этого народного вторжения, ожидали прибытия внутренних секций для своего освобождения. Все дебаты были закончены. По сигналу тревоги прозвучал набат, снятый с коммуны после ее поражения и установленный на вершине Тюильри, где заседал конвент. Комитет приказал барабанам бить по оружию. Через некоторое время жители ближайших кварталов собрались, выступили с оружием в руках на помощь Конвенту и спасли его во второй раз. Комитет приговорил обвиняемых, чье дело послужило поводом для восстания, к транспортировке и постановил арестовать семнадцать членов *Крете*, которые благоволили к мятежникам и могли считаться их сообщниками. Среди них были Камбон, Руамп, Леонард Бурдон, Тьюрио, Шасл, Амар и Лекуантр, которые после отзыва жирондистов вернулись на Гору. На следующий день они и приговоренные к транспортировке были доставлены в замок Хам.

События 12-го числа Жерминаля ничего не решили. Фавбурги были отбиты, но не побеждены, а прежде чем партия будет окончательно уничтожена, у нее должны быть отняты и власть, и доверие путем решительного поражения. После стольких вопросов, решенных против демократизаторов, оставался один, имевший первостепенное значение, - конституция. От нее зависело господство народных масс или буржуазии. Сторонники революционного правительства опирались на демократическую конституцию 93-го года, которая представляла для них средство вернуть утраченную власть. Их противники, напротив, стремились заменить ее конституцией, которая обеспечила бы им все преимущества, еще больше сконцентрировав власть и передав ее среднему классу. В течение месяца обе партии готовились к этому последнему поединку. Конституция 1793 года, получившая одобрение народа, пользовалась большим авторитетом. Поэтому на нее нападали с бесконечной осторожностью. Сначала нападавшие намеревались провести ее в жизнь без всяких ограничений; затем они назначили комиссию из одиннадцати членов для подготовки *органических законов*, которые должны были сделать ее практически осуществимой; потом они осмелились выдвинуть против нее возражения на том основании,

что она слишком слабо распределяет власть и признает только одно собрание, зависящее от народа, даже в своих законодательных мерах. Наконец, депутация секционеров дошла до того, что назвала конституцию 93 года децемвиральной, продиктованной террором. Все ее сторонники, одновременно возмущенные и охваченные страхом, организовали восстание для ее поддержания. Это было еще одно 31 мая, такое же ужасное, как и первое, но не имевшее поддержки всемогущей коммуны, не руководимое генеральным комендантом, не имевшее дело с запуганным конвентом и покорными секциями, оно не привело к тем же результатам.

Заговорщики, предупрежденные неудачей восстаний 1-го и 12-го Жерминаля, не упустили ничего, чтобы компенсировать отсутствие прямой цели и организации. 1-го прериаля (20 мая) от имени народа, восставшего с целью добыть хлеб и свои права, они объявили об упразднении революционного правительства, установлении демократической конституции 93-го года, увольнении и аресте членов существующего правительства, освобождении патриотов, созыве первичных собраний 25-го прериаля, созыве законодательного собрания, призванного заменить конвент, 25-го мессидора, и приостановлении всякой власти, не исходящей от народа. Они решили образовать новый муниципалитет, который должен был служить общим центром; взять в свои руки барьеры, телеграф, пушки, дудки, барабаны и не успокаиваться, пока не обеспечат покой, счастье, свободу и средства к существованию для всей французской нации. Они пригласили артиллерию, жандармов, конных и пеших солдат, присоединились к народным знаменам и двинулись на конвент.

Тем временем последний обсуждал средства предотвращения восстания. Ежедневные собрания, вызванные раздачей хлеба и народным волнением, скрыли от него подготовку к большому восстанию, и он не предпринял никаких мер для его предотвращения. Комитеты поспешили известить его об опасности; он немедленно объявил свое заседание постоянным, назначил Париж ответственным за безопасность представителей республики, закрыл свои двери, объявил вне закона всех вожakov толпы, призвал граждан секций к оружию и назначил во главе их восемь комиссаров, среди которых были Лежандр, Анри Ла Ривьер, Кервелеган и др. Едва эти депутаты ушли, как снаружи послышался громкий шум. Наружная дверь была взломана, и несколько женщин вбежали на галереи с криками: "Хлеб и конституция 93-го года!". Съезд принял их решительно. "Ваши крики, - сказал президент Вернье, - не изменят нашего положения; они ни на минуту не ускорят прибытие припасов. Они только помешают этому". Страшный шум заглушил голос президента и прервал заседание. Галереи были очищены, но мятежники-фавориты вскоре добрались до внутренних дверей и, найдя их закрытыми, выбили их топорами и молотками, а затем ворвались внутрь в окружении съезда.

Зал превратился в поле битвы. Ветераны и жандармы, которым была доверена охрана собрания, закричали: "К оружию!". Депутат Оги, со шпагой в руке, возглавил их, сумел отбить нападавших и даже взять нескольких из них в плен. Но мятежники, более многочисленные, вернулись к атаке и снова ворвались в дом. Депутат Феро поспешно вошел в дом, преследуемый повстанцами, которые сделали несколько выстрелов по дому. Они прицелились в Буасси д'Англаса, который занимал кресло президента вместо Вернье. Феро бросился к трибуне, чтобы прикрыть его своим телом; на него обрушились удары пик и сабель, и он упал тяжело раненный.

Мятежники затащили его в вестибюль и, приняв за Ферерона, отрубили ему голову и насадили на пик.

После этой стычки они стали хозяевами зала. Большинство депутатов разбежались. Остались только члены *Крете* и Буасси д'Англас, который, спокойный, в шляпе, не обращая внимания на угрозы и оскорбления, протестовал от имени конвента против этого народного насилия. Они протянули ему окровавленную голову Феро; он почтительно склонился перед ней. Его пытались заставить, приставив пики к его груди, вынести на голосование предложения повстанцев; он стойко и мужественно отказался. Но *Кретуа*, одобрявшие восстание, завладели бюро и трибуной и под аплодисменты толпы декретировали все статьи, содержащиеся в манифесте восстания. Депутат Ромм стал их органом. Далее они назначили исполнительную комиссию в составе Бурботта, Дюруа, Дюкенуа, Приера де ла Марна и главнокомандующего вооруженными силами, депутата Субрани. Таким образом, они готовились к возвращению своего господства. Они постановили отозвать своих заключенных коллег, уволить своих врагов, принять демократическую конституцию, вновь создать якобинский клуб. Но им недостаточно было на короткое время узурпировать собрание; необходимо было завоевать секции, ибо только с ними они могли вести настоящую борьбу.

Комиссары, направленные в секции, быстро собрали их вместе. Батальоны *Бутте-де-Мулен*, *Лепеллетье*, *дез Пик*, *де ла Фонтен-Гренель*, находившиеся ближе всех, вскоре заняли Каррузель и главные проспекты. Затем положение дел изменилось; Лежандр, Кервелеган и Оги осадили повстанцев, в свою очередь, во главе сектантов. Сначала они встретили некоторое сопротивление. Но вскоре, оцетинившись штыками, они вошли в зал, где все еще совещались заговорщики, и Лежандр воскликнул: "*Именем закона я приказываю вооруженным гражданам удалиться*". Они на мгновение замешкались, но появление батальонов, которые теперь входили в каждую дверь, устрасило их, и они поспешно покинули зал в беспорядке бегства. Собрание вновь стало полным; секции получили благодарственный голос, и обсуждение возобновилось. Все принятые за это время меры были отменены, а четырнадцать представителей, к которым впоследствии присоединились еще четырнадцать, были арестованы за организацию восстания или его одобрение в своих речах. Была полночь; в пять утра заключенные были уже в шести лье от Парижа.

Несмотря на это поражение, фавбурги не считали себя побежденными и на следующий день массово выступили с пушками против конвента. Секции, со своей стороны, выступили на его защиту. Обе стороны были на грани столкновения; пушки фавюров, установленные на площади Каррузель, были направлены на замок, когда собрание послало комиссаров к мятежникам. Начались переговоры. Депутат от фобургов, допущенный к участию в конвенте, сначала повторил требование, выдвинутое накануне, добавив: "Мы готовы скорее умереть на том посту, который занимаем сейчас, чем ослабить наши нынешние требования. Я ничего не боюсь! Меня зовут Сен-Лежье. Да здравствует Республика! Да здравствует Конвенция! Если она основана на принципах, как я считаю". Депутат был принят благосклонно, и они пришли к дружеским отношениям с фавюрами, не предоставив им, однако, ничего положительного. Последние, не имея больше ни генерального совета коммуны, который мог бы поддержать их решения, ни полководца, подобного Анрио, который мог бы держать их под оружием, пока их предложения не будут приняты, не пошли дальше. Они удалились, получив заверение, что конвент будет усердно заниматься вопросом положений и вскоре опубликует органические законы конституции 93 года. Этот день показал, что огромная физическая сила и определенная цель - не единственное, что необходимо для достижения успеха; также необходимы лидеры и власть, которая будет поддерживать и направлять восстание. Съезд был единственной оставшейся законной властью: партия, которой он отдал предпочтение, восторжествовала.

Шесть демократических членов Горы - Гужон, Бурботт, Ромме, Дюруа, Дюкенуа и Субрани - предстали перед военной комиссией. Они вели себя твердо, как люди, фанатично преданные своему делу, и почти все были свободны от эксцессов. Единственное, что было против них, - это движение прериаля; но этого было достаточно во времена партийных распрей, и они были приговорены к смерти. Все они зарезали себя одним и тем же ножом, который передавали от одного к другому, восклицая: *"Да здравствует Республика!"*. Ромме, Гужону и Дюкенуа посчастливилось нанести себе смертельные раны; остальные трое были доставлены на эшафот в предсмертном состоянии, но встретили смерть с безмятежным выражением лица.

Тем временем фавбурги, хотя и были отбиты 1-го числа и отвлечены от своей цели 2-го числа в Прериале, все еще имели возможность восстать. Событие, гораздо менее важное, чем предыдущие бунты, привело к их окончательному краху. Убийца Феро был найден, осужден, а 4-го числа, в день казни, толпе удалось спасти его. Всеобщее возмущение вызвала эта попытка, и конвент приказал разоружить фавров. Они были окружены всеми внутренними секциями. После попытки сопротивления они сдались, отдав некоторых своих лидеров, оружие и артиллерию. Демократическая партия потеряла своих вождей, свои клубы и власть; у нее не осталось ничего, кроме вооруженной силы, которая делала ее по-прежнему грозной, и учреждений, с помощью которых она еще могла все вернуть себе. После последней проверки низший класс был полностью отстранен от управления государством, революционные комитеты, которые составляли его собрания, были уничтожены; канониры, составлявшие его вооруженную силу, были разоружены; конституция 93-го года, которая была его кодексом, была отменена; и на этом власть толпы закончилась.

С 9 термидора по 1 прериаля с Горой обращались так же, как с жирондистской партией со 2 июня по 9 термидора. Семьдесят шесть ее членов были приговорены к смерти или аресту. В свою очередь, она подверглась судьбе, которую навязала другой; ведь во времена, когда страсти вступают в игру, партии не умеют договариваться и стремятся только к завоеванию. Как и жирондисты, они прибегли к восстанию, чтобы вернуть себе утраченную власть; как и они, они пали. Верньо, Бриссо, Гваде и др. были судимы революционным трибуналом; Бурботт, Дюруа, Субрани, Ромм, Гужон, Дюкенуа - военной комиссией. Все они погибли с одинаковым мужеством; это показывает, что все партии одинаковы и руководствуются одними и теми же максимами или, если угодно, одними и теми же потребностями. С этого времени средний класс возобновил управление революцией без него, и собрание было так же едино под жирондистами, как после 2 июня под Горой.

ГЛАВА XI

ОТ 1-ГО ПРЕРИАЛЯ (20 МАЯ 1795 ГОДА) ДО 4-ГО БРЮМЕРА (26 ОКТЯБРЯ), ГОД IV., ЗАВЕРШЕНИЕ КОНВЕНТА

Внешнее процветание революции в основном способствовало падению диктаторского правительства и партии якобинцев. Растущие победы республики, которым они в значительной степени способствовали своими энергичными мерами и энтузиазмом, сделали их власть излишней. Комитет общественной безопасности, подавив своей сильной и грозной рукой внутренние районы Франции, создал ресурсы, организовал армии, нашел генералов и вел их к победам, которые в конечном итоге обеспечили триумф революции перед лицом Европы. Процветающее положение уже не требовало прежних усилий; его миссия была выполнена, ведь особый удел диктатуры - спасать страну и дело и погибать от той самой безопасности, которую она обеспечила. Внутренние события не позволили нам

быстро описать импульс, который Комитет общественной безопасности придал армии после 31 мая, и результаты, которые он получил благодаря этому.

Массовый рекрутский сбор, состоявшийся летом 1793 года, сформировал войска Горы. Лидеры этой партии вскоре выбрали из второстепенных рядов генералов, принадлежащих к Горе, чтобы заменить генералов-жирондистов. Этими генералами были Журдан, Пишегрю, Хош, Моро, Вестерманн, Дюгомье, Марсо, Жубер, Клебер и др. Карно, войдя в комитет общественной безопасности, стал военным министром и главнокомандующим всех республиканских армий. Вместо разрозненных частей, действующих несогласованно на отдельных участках, он действовал сильными массами, сосредоточенными на одной цели. Он начал практиковать великий план ведения войны, который он с успехом опробовал при Ватиньи, в качестве комиссара конвента. Эта важная победа, в которой он участвовал лично, оттеснила союзных генералов, Клерфэ и принца Кобургского, за Самбр и сняла осаду Маубежа. В течение зимы 1793 и 1794 годов обе армии находились друг подле друга, ничего не предпринимая.

В начале кампании каждая из них задумала план вторжения. Австрийская армия наступала на города на Сомме, в Перонне, Сен-Кантене, Аррасе и угрожала Парижу, а французская армия вновь проектировала завоевание Бельгии. План комитета общественной безопасности сочетался с расплывчатыми замыслами коалиции. Пишегрю, во главе пятидесяти тысяч человек армии севера, вошел во Фландрию, упираясь в море и Шельду. Справа от него Моро с двадцатью тысячами человек двинулся на Менин и Куртрей. Генерал Суам с тридцатью тысячами человек остался под Лиллем, чтобы поддержать крайний правый фланг армии вторжения против австрийцев; а Журдан с армией Мозеля направился к Шарлеруа через Арлон и Динан, чтобы соединиться с армией севера.

Австрийцы, атакованные во Фландрии и подвергшиеся угрозе неожиданного удара в тыл со стороны Журдана, вскоре оставили свои позиции на Сомме. Клерфэ и герцог Йоркский позволили разбить себя при Куртрее и Гугледе армии Пишегрю, а Кобург при Флерюсе - армии Журдана, который только что взял Шарлеруа. Два победоносных генерала быстро завершили вторжение в Нидерланды. Англо-голландская армия отступила к Антверпену, оттуда к Бреде, а от Бреды к Буа-ле-Дюку, получая постоянные подкрепления. Она переправилась через Ваал и отступила в Голландию. Австрийцы с тем же неуспехом пытались охватить Брюссель и Маэстрихт: их преследовала и била армия Журдана, которая после объединения получила название армии *Самбра и Мёза*, и которая не оставила их за Рором, как это сделал Дюмурье, а загнала за Рейн. Журдан овладел Кельном и Бонном и связался своей левой стороной с правой стороной армии Мозеля, которая продвинулась в страну Люксембург и, объединившись с ним, заняла Кобленц. Произошло общее и согласованное движение всех французских армий, все они шли к рейнской границе. К моменту поражения были форсированы линии Вейсенбурга. Комитет общественной безопасности использовал в Рейнской армии оперативные меры, свойственные его политике. Комиссары, Сен-Жюст и Лебас, передали главное командование Хоше, сделали террор и победу порядком дня; и генералы Брунsvик и Вурмсер очень скоро были отброшены от Гагенау на линии Лаутера и, не имея возможности даже удержать эту позицию, перешли Рейн у Филипсбурга. Шпиль и Вормс были вновь взяты. Республиканские войска, повсеместно одерживая победы, заняли Бельгию, часть Голландии, расположенную слева от Мёза, и все города на Рейне, кроме Майенса и Мангейма, которые были тесно осаждены.

Альпийская армия не добилась особых успехов в этой кампании. Она попыталась вторгнуться в Пьемонт, но потерпела неудачу. На испанской границе война началась под плохим предлогом: две армии - восточная и западная Пиренейская, немногочисленные и

плохо дисциплинированные, постоянно терпели поражения; одна отступила при Перпиньяне, другая - при Байонне. Комитет общественной безопасности с запозданием обратил свое внимание и усилия на этот пункт, который не был для него самым опасным. Но как только он ввел свою систему, генералов и организацию в обеих армиях, ситуация изменилась. Дюгомье, после неоднократных успехов, вытеснил испанцев с французской территории и вступил на полуостров со стороны Каталонии. Монсей также вторгся на него через долину Бастан, другой проем Пиренеев, и стал хозяином Сан-Себастьяна и Фонтарабии. Коалиция была повсеместно побеждена, и некоторые из объединившихся держав начали раскаиваться в своей излишней самоуверенности.

Тем временем до армий дошли новости о революции 9 термидора. Они были полностью республиканскими и опасались, что падение Робеспьера приведет к падению народного правительства; соответственно, они восприняли эту новость с явным неодобрением; но, поскольку армии были покорны гражданской власти, никто из них не восстал. Восстания в армии происходили только с 14 июля по 31 мая; потому что, будучи убежищем завоеванных партий, их лидеры в каждый кризис имели преимущество политического первенства и спорили со всей пылкостью скомпрометированных фракций. При Комитете общественной безопасности, напротив, самые известные генералы не имели никакого политического влияния и были подчинены ужасной дисциплине партий. Хотя генералы иногда мешали, конвенту не составляло труда держать армии в повиновении.

Через некоторое время после этого движение вторжения было продолжено в Голландии и на Испанском полуострове. В середине зимы на Соединенные провинции с нескольких сторон напал Пишегрю, призвавший голландских патриотов к свободе. Партия, выступавшая против штатхольдерата, поддержала победоносные усилия французской армии, и революция и завоевание произошли одновременно в Лейдене, Амстердаме, Гааге и Утрехте. Штатхольдер укрылся в Англии, его власть была упразднена, а собрание Генеральных штатов провозгласило суверенитет народа и образовало Голландскую республику, которая заключила тесный союз с Францией, уступившей ей по Парижскому договору от 16 мая 1795 года Голландскую Фландрию, Маэстрихт, Венлоо и зависимые от них территории. Навигация по Рейну, Шельде и Мёзу была оставлена свободной для обеих стран. Голландия, благодаря своим богатствам, внесла весомый вклад в продолжение войны против коалиции. Это важное завоевание в то же время лишило англичан мощной поддержки и вынудило Пруссию, которой угрожали Рейн и Голландия, заключить в Базеле с Французской республикой мир, к которому она давно уже была не расположена из-за своих неудач и дел в Польше. В Базеле 10 июля был также заключен мир с Испанией, встревоженной нашими успехами на ее территории. Фигьер и крепость Росас были взяты, Периньон продвигался в Каталонию, а Монсей, овладев Вилла-Реалем, Бильбао и Витторией, выступил в поход против испанцев, отступивших к границам Старой Кастилии. Мадридский кабинет потребовал мира. Он признал Французскую республику, которая восстановила свои завоевания и получила в обмен часть Сан-Доминго, принадлежавшую Испании. Две дисциплинированные армии Пиренеев присоединились к армии Альп, которая таким образом вскоре овладела Пьемонтом и вступила в Италию - Тоскана заключила мир с республикой только 9 февраля 1795 года.

Эти частичные умиротворения и неудачи союзных войск дали другое направление усилиям Англии и эмигрантской партии. Наступило время сделать внутренние районы Франции центром контрреволюционного движения. В 1791 году, когда во Франции царил единодушие, роялисты возлагали все свои надежды на иностранные державы; теперь же раздоры внутри страны и поражение их союзников в Европе не оставляли им иного средства,

кроме заговоров. Безуспешные попытки, как мы видели, никогда не приводят побежденные партии в отчаяние: только победа изматывает и утомляет, и рано или поздно восстанавливает господство тех, кто ждет.

События в Прериале и поражение якобинской партии определили контрреволюционное движение. В этот период реакция, которую до этого вели умеренные республиканцы, стала в целом роялистской. Сторонники монархии были все так же разделены, как и с момента открытия Генеральных штатов до 10 августа. Во внутренних районах страны старые конституционалисты, заседавшие в секциях и состоявшие из зажиточных представителей среднего класса, придерживались не тех же взглядов на монархию, что абсолютные роялисты. Они все еще ощущали соперничество и противостояние интересов, естественное для среднего класса против привилегированных классов. Сами абсолютные роялисты не были согласны между собой; партия, избиравшаяся во внутренних районах, мало сочувствовала той, которая была зачислена в армию Европы; кроме того, помимо разногласий между эмигрантами и венецианцами, среди эмигрантов возникли разногласия со дня их отъезда из Франции. Тем временем все эти роялисты разных взглядов, не имея пока возможности бороться за награду за победу, пришли к соглашению атаковать конвенцию сообща. Эмигранты и священники, которые в течение нескольких месяцев возвращались в большом количестве, взяли знамя секций, совершенно уверенные, что если они одержат верх с помощью среднего класса, то создадут свое собственное правительство; ведь у них был лидер и определенная цель, которой не было у секционеров.

Эта реакция нового характера некоторое время сдерживалась в Париже, где Конвент, сильная и нейтральная власть, желал предотвратить насилие и узурпацию обеих партий. Свергнув власть якобинцев, он подавил месть роялистов. Именно тогда большая часть *труппы Доре* покинула свое дело, лидеры секций подготовили буржуазию к выступлению против собрания, а конфедерация журналистов сменила конфедерацию якобинцев. Ла Арп, Рише-де-Серизи, Понселен, Тронсон-дю-Кудрей, Маршен и другие стали органами этого нового мнения и литературными клубами. Активные, но нерегулярные отряды этой партии собрались в театре Фейдо, на бульваре Итальянцев и в Пале-Рояле и начали *преследование якобинцев*, распевая при этом "*Ревель дю Пепл*". В то время слово "проскрипция" звучало как "террорист", в силу чего *честный человек* мог с чистой совестью напасть на революционера. Класс террористов был расширен по желанию или страсти новых реакционеров, которые носили прически *à la victime* и, не боясь больше заявлять о своих намерениях, с некоторых пор приняли форму Шуана - серое пальто с отворотом и зеленым или черным воротником.

Но эта реакция была гораздо более яростной в тех департаментах, где не было власти, которая могла бы вмешаться в предотвращение кровопролития. Здесь существовали только две партии: та, что господствовала, и та, что страдала под Горой. Промежуточным классом попеременно управляли то роялисты, то демократы. Последние, предвидя ужасные репрессии, которым они подвергнутся в случае своего падения, держались до тех пор, пока могли; но поражение под Парижем привело к их падению в департаментах. Тогда были проведены партийные казни, подобные тем, что совершали проконсулы комитета общественной безопасности. Юг особенно часто становился жертвой массовых убийств и актов личной мести. Организовывались общества, называвшиеся "*Компаньоны де Жезус*" и "*Компаньоны дю Солей*", которые были роялистского происхождения, и осуществляли ужасные расправы. В Лионе, Эксе, Тарасконе и Марселе они убивали в тюрьмах тех, кто принимал участие в предыдущем режиме. Почти на всем юге было 2 сентября. В Лионе после первых революционных расправ члены *компартии* отслеживали тех, кто не был захвачен, и,

встретив одного, без всякой иной формы, кроме восклицания: "Вот матавон" (так их называли), убивали и бросали в Рону. В Тарасконе они сбрасывали их с вершины башни на скалу на берегу Роны. Во время этого нового царствования террора и общего поражения революционеров Англия и эмигранты предприняли смелое предприятие в Кибероне.

Вандейцы были измотаны постоянными поражениями, но не были полностью уничтожены. Однако их потери и разногласия между их главными лидерами, Шареттом и Стоффле, делали их крайне слабым подспорьем. Шаретт даже согласился на переговоры с республикой, и между ним и конвентом в Жюсне было заключено своего рода умиротворение. Маркиз де Пюизе, человек предприимчивый, но непостоянный и более способный к интригам, чем к энергичным партийным концепциям, намеревался заменить почти угасшее восстание в Вандее восстанием в Бретани. Со времени предприятия Вимпфена, которым командовал Пюизе, в Кальвадосе и Морбиане уже существовали банды шуанов, состоявшие из остатков партий, авантюристов, людей без работы и дерзких контрабандистов, которые совершали экспедиции, но не могли удержаться на поле боя, как вандейцы. Пюизае прибег к помощи Англии, чтобы расширить *Шуанери*, заставив ее надеяться на всеобщее восстание в Бретани, а оттуда и в остальной Франции, если она высадит ядро армии с боеприпасами и пушками.

Министерство Великобритании, обманутое в отношении коалиции, не желало ничего лучшего, чем подвергнуть республику новым опасностям, в то время как оно стремилось возродить мужество Европы. Оно доверилось Пюизе и весной 1795 года подготовило экспедицию, в которой приняли участие самые энергичные эмигранты, почти все офицеры бывшего флота и все, кто, устав от роли изгнанников и тягот скитальческой жизни, хотел испытать судьбу в последний раз.

Английский флот высадил на полуострове Киберон пятнадцать сотен эмигрантов, шесть тысяч пленных республиканцев, принявших решение эмигрантов вернуться во Францию, шестьдесят тысяч мушкетов и полное снаряжение для армии в сорок тысяч человек. Пятнадцать сотен чуанцев присоединились к армии во время ее высадки, но вскоре она была атакована генералом Хоше. Его атака оказалась успешной; пленные республиканцы, находившиеся в рядах армии, дезертировали, и она была разбита после самого энергичного сопротивления. В смертельной войне между эмигрантами и республикой побежденные, которых считали *преступниками*, были безжалостно истреблены. Их гибель нанесла глубокую и неизлечимую рану эмигрантской партии.

Надежды, основанные на победах в Европе, на прогресс восстания и попытки эмигрантов, были таким образом разрушены, и пришлось прибегнуть к помощи недовольных слоев населения. Они надеялись совершить контрреволюцию с помощью новой конституции, принятой конвентом 22 августа 1795 года. Эта конституция, правда, была делом рук умеренной республиканской партии; но поскольку она восстанавливала господство среднего класса, лидеры роялистов думали, что с ее помощью они смогут легко войти в законодательный орган и правительство.

Эта конституция была самой лучшей, самой мудрой, самой либеральной и самой предусмотрительной из всех, что были созданы или спроектированы до сих пор; она содержала результат шестилетнего революционного и законодательного опыта. В этот период конвент почувствовал необходимость организовать власть и сделать народ оседлым, в то время как первое собрание, исходя из своего положения, чувствовало необходимость только ослабить королевскую власть и взбудоражить нацию. Все было исчерпано, от трона до народа; существование теперь зависело от реконструкции и восстановления порядка, в

то же время поддерживая большую активность нации. Новая конституция выполнила эту задачу. Она мало чем отличалась от конституции 1791 года в отношении осуществления суверенитета, но значительно отличалась во всем, что касалось правительства. Законодательная власть была передана двум советам - *Синьоров* и *Ансиенов*, а исполнительная - директории из пяти членов. Он восстановил две степени выборов, призванные замедлить народное движение и привести к более просвещенному выбору, чем немедленные выборы. Мудрые, но умеренные требования к имуществу, предъявляемые к членам первичных собраний и избирательных собраний, вновь придали политическое значение среднему классу, к которому было крайне необходимо вернуться после отстранения множества и отказа от конституции 93 года.

Чтобы предотвратить деспотизм или раболепие одного собрания, необходимо было разместить где-то власть, которая могла бы сдерживать или защищать его. Разделение законодательного органа на два совета, которые имели одинаковое происхождение, одинаковый срок действия и различались только функциями, достигло двойной цели - не тревожить народ аристократическим учреждением и способствовать формированию хорошего правительства. Совету пятисот, члены которого должны были достигать тридцатилетнего возраста, была доверена лишь инициатива и обсуждение законов. Совет древних, состоящий из двухсот пятидесяти членов, достигших сорокалетнего возраста, должен был принимать или отклонять их.

Чтобы избежать проволочек в законодательных мерах и не допустить обязательной санкции со стороны Совета древних в момент народного волнения, решение принималось только после трех чтений, на расстоянии не менее пяти дней друг от друга. В экстренных случаях эта формальность отменялась, и совет имел право определять степень срочности. Совет действовал иногда как законодательная власть, когда он не утверждал меры полностью, и использовал форму "*Le Conseil des Anciens ne peut pas adopter*", а иногда как консервативная власть, когда он рассматривал меру только в ее юридическом значении и говорил "*La Constitution annule*". Впервые были приняты частичные перевыборы, и было установлено обновление половины совета каждые два года, чтобы избежать наплыва законодателей, которые приходили с неумеренным желанием нововведений и внезапно меняли дух собрания.

Исполнительная власть была отделена от советов и больше не существовала в комитетах. Монархии все еще слишком сильно боялись, чтобы допустить назначение президента республики. Поэтому они ограничились созданием директории из пяти членов, назначаемых советом древних по рекомендации совета пятисот. Директория могла быть привлечена к суду советами, но не могла быть ими уволена. На них возлагалась общая и независимая власть, но при этом было высказано пожелание не допустить злоупотребления ею, а особенно предупредить опасность того, что долгое привыкание к власти приведет к узурпации. Им принадлежало управление вооруженными силами и финансами, назначение должностных лиц, ведение переговоров, но они ничего не могли делать сами; у них были министры и генералы, за поведение которых они отвечали. Каждый член был президентом в течение трех месяцев, держал печати и ставил свою подпись. Каждый год один из членов должен был уезжать. Из этого рассказа видно, что функции королевской власти в том виде, в каком они были в 1791 году, разделяли совет древних, обладавший *правом вето*, и директория, которой принадлежала исполнительная власть. Директория имела гвардию, национальный дворец, Люксембург, в качестве резиденции, и своего рода гражданский список. Совет древних, призванный сдерживать посягательства законодательной власти, был наделен

средствами для сдерживания узурпаций директории; он мог менять резиденцию советов и правительства.

Прозорливость этой конституции была безгранична: она предотвращала народное насилие, посягательства на власть и предусматривала все опасности, которые возникали во время различных кризисов революции. Если какая-либо конституция и могла прочно утвердиться в тот период, то это была директивная конституция. Она восстановила власть, даровала свободу и предоставила различным партиям возможность мира, если бы каждая из них, искренне отказавшись от исключительного господства и удовлетворившись общим правом, заняла свое место в государстве. Но оно просуществовало не дольше других, потому что не могло установить законный порядок вопреки партиям. Каждая из них стремилась к власти, чтобы сделать свою систему и свои интересы господствующими, и вместо господства права пришлось вернуться к господству силы и государственным переворотам. Когда стороны не желают прекратить революцию, а те, кто не господствует, никогда не желают ее прекращать, конституция, какой бы прекрасной она ни была, не может этого сделать.

Члены Комиссии одиннадцати, которые до событий в Прериале занимались только подготовкой органических законов конституции 93 года, а после этих событий составили конституцию III года, стояли во главе конвенциональной партии. Эта партия не принадлежала ни к старой Жиронде, ни к старой Горе. Нейтральная до 31 мая, до 9 термидора, она обладала властью с этого времени, потому что двойное поражение жирондистов и Горы оставило ее самой сильной. К ней присоединились люди крайних сторон, положившие начало слиянию партий. Мерлен де Дуэ представлял партию той массы, которая уступила обстоятельствам, Тибодо - партию, продолжавшую бездействовать, а Дону - мужественную партию. Последний с момента открытия собрания, как 21 января, так и 31 мая, объявил себя противником всех государственных переворотов, поскольку желал режима конвента, без партийного насилия и мер. После 9-го термидора он порицал ярость, проявленную к вождям революционного правительства, жертвой которого он стал, будучи одним из *семидесяти трех*. Он добился большого превосходства, поскольку люди постепенно приближались к правовой системе. Его просвещенная привязанность к революции, благородная независимость, основательность и масштабность его идей, а также невозмутимая стойкость сделали его одним из самых влиятельных деятелей этого периода. Он был главным автором конституции III года, и конвент поручил ему, вместе с другими своими членами, взять на себя защиту республики во время кризиса в Вандемьере.

Реакция постепенно усиливалась; ей косвенно способствовали правые, которые с момента открытия конвента были лишь случайными республиканцами. Они не были готовы отражать атаки роялистов с той же энергией, что и революционеры. Среди них были Буасси д'Англас, Ланжуинэ, Анри Ла Ривьер, Саладин, Обри и другие; они составили в собрании ядро секционной партии. Старые и ярые члены Горы, такие как Ровер, Бурдон де л'Уаз и т. д., увлеченные контрреволюционным движением, терпели затягивание реакции, несомненно, для того, чтобы заключить мир с теми, с кем они так яростно боролись.

Но конвенциональная партия, успокоившись в отношении демократов, поставила перед собой задачу не допустить торжества роялистов. Она считала, что безопасность республики зависит от формирования советов, а советы, избранные средним классом, которым руководили роялисты, будут составлены на контрреволюционных принципах. Важно было доверить опеку над режимом, который они собирались установить, тем, кто был заинтересован в его защите. Чтобы избежать ошибки Учредительного собрания, которое исключило себя из состава сменившего его законодательного органа, съезд постановил декретом, что две трети его членов должны быть переизбраны. Таким образом, он обеспечил

себе большинство в советах и выдвижение директории; он мог провести свою конституцию в государство и закрепить ее без насилия. Это переизбрание двух третей было не совсем законным, но политическим и единственным средством спасти Францию от власти демократов или контрреволюционеров. Конвент предоставил себе умеренную диктатуру декретами от 5 и 13 фруктидора (22 и 30 августа 1795 года), один из которых устанавливал перевыборы, а другой определял их порядок. Но эти два исключительных декрета были представлены на ратификацию первичным собраниям одновременно с конституционным актом.

Роялистская партия была застигнута врасплох декретами Фруктидора. Она надеялась войти в состав правительства советов, в состав советов путем выборов и добиться изменения системы, когда окажется у власти. Она выступала против конвента. Роялистский комитет Парижа, чьим агентом был малоизвестный человек по имени Леметр, журналисты и лидеры секций объединились. Им не составило труда заручиться поддержкой общественного мнения, единственным органом которого они являлись; они обвинили конвент в увековечивании своей власти и посягательстве на суверенитет народа. Главные сторонники двух третей, Луве, Дону и Шенье, не остались в стороне, и все было готово к грандиозному движению. Фобур Сен-Жермен, в последнее время почти безлюдный, постепенно заполнялся; сюда стекались эмигранты, а заговорщики, почти не скрывая своих планов, приняли шуанскую форму.

Конвент, видя, что буря нарастает, обратился за поддержкой к армии, которая в то время была республиканской, и в Париже был сформирован лагерь. Народ был распушен, и роялисты закрепили за собой буржуазию. Тем временем первичные собрания собрались 20 фруктидора, чтобы обсудить конституционный акт и декреты двух третей, которые должны были быть приняты или отвергнуты вместе. Секция Лепеллетье (бывшая "Филе Сен-Тома") была центром всех остальных. По предложению этой секции было решено, что власть всех учредительных органов прекращается в присутствии собравшегося народа. Секция Лепеллетье, руководимая Рише-Серизи, Ла Арпом, Лакретелем-младшим, Вобланом и т. д., обратила свое внимание на организацию повстанческого правительства под названием центрального комитета. Этот комитет должен был заменить в Вандемьере, против конвента, комитет от 10 августа против трона и от 31 мая против жирондистов. Большинство секций приняло эту меру, которая была отменена конвентом, декрет которого, в свою очередь, был отвергнут большинством секций. Теперь борьба стала открытой; в Париже отделили конституционный акт, который был принят, от декретов о перевыборах, которые были отвергнуты.

1-го вандемьера конвент провозгласил принятие декретов большинством первичных собраний Франции. Секции вновь собрались, чтобы назначить выборщиков, которые должны были выбрать членов законодательного собрания. 10-го числа они постановили, что выборщики должны собраться в Театре Франции (он находился тогда по другую сторону мостов); их должны сопровождать вооруженные силы секций, поклявшиеся защищать их до смерти. Соответственно, 11 числа выборщики собрались под председательством герцога де Нивернуа и под охраной нескольких отрядов кавалеров и гренадеров.

Конвент, предупрежденный об опасности, заседал постоянно, расположив вокруг места своего заседания войска лагеря Саблонов, и сосредоточил свои полномочия в комитете из пяти членов, которым были поручены все меры общественной безопасности. Этими членами были Коломбель, Баррас, Дону, Летурнер и Мерлен де Дуай. В течение некоторого времени революционеров перестали опасаться, и все, кто был заключен в тюрьму за события в Прериале, были освобождены. Под названием *"Батальон патриотов 89-го года"* было

зачислено около пятнадцати или восемнадцатисот человек, против которых в департаментах или в Париже действовали друзья реакции. Вечером 11-го числа конвент послал запрос, чтобы силой распустить собрание выборщиков, но они уже перенесли заседание на следующий день.

В ночь на 11-е декрет, распускающий коллегию выборщиков и вооружающий батальон патриотов 89-го года, вызвал сильнейшее волнение. Барабаны били по оружию; секция Лепеллетье выступала против деспотизма конвента, против возвращения *царствования террора* и в течение всего 12-го дня готовила другие секции к поединку. Вечером конвент, не менее взволнованный, решил взять инициативу в свои руки, окружить заговорщическую секцию и прекратить кризис, обезоружив ее. Эта миссия была возложена на Мену, генерала внутренних дел, и Лапорта, его представителя. Штаб-квартирой сектантов стал монастырь Филе Сен-Томы, перед которым в боевом строю находилось семь или восемь сотен человек. Они были окружены превосходящими силами с бульваров с каждой стороны и с улицы Вивьен напротив. Вместо того чтобы разоружить их, руководители экспедиции начали переговоры. Обе стороны согласились отступить, но не успели обычные войска отойти, как сектанты вернулись с подкреплением. Это была их полная победа, которая, будучи преувеличенной в Париже, как это всегда бывает, увеличила их численность и придавала им смелости для нападения на конвент на следующий день.

Около одиннадцати вечера конвент узнал о результатах экспедиции и о том опасном эффекте, который она произвела; он немедленно отстранил Мену и передал командование вооруженными силами Баррасу, генералу, командовавшему 9 термидора. Баррас попросил комитет пяти назначить своим вторым командиром молодого офицера, который отличился при осаде Тулона, но был уволен Обри из партии реакции; молодого человека талантливого и решительного, способного сослужить хорошую службу республике в трудную минуту. Этим молодым офицером был Бонапарт. Он предстал перед комитетом, но в его облике не было ничего, что могло бы возвестить о его удивительной судьбе. Не будучи человеком партийным, впервые вызванный на эту великую арену действий, его поведение демонстрировало робость и неуверенность, которые полностью исчезли в ходе подготовки к сражению и в пылу борьбы. Он немедленно послал за артиллерией лагеря Саблонов и расположил ее вместе с пятью тысячами человек обычной армии на всех направлениях, с которых можно было атаковать конвенцию. В полдень 13-го вандемьера корпус конвента имел вид укрепленного места, которое можно было взять только штурмом. Линия обороны простиралась с левой стороны Тюильри вдоль реки, от Пон-Нёф до Пон-Людовика XV; с правой - по всем маленьким улочкам, выходящим на улицу Сент-Оноре, от улиц Роан, де Л'Эшель и бульвара Дофин до площади Революции. Спереди Лувр, Сад инфантов и Каррузель были оснащены пушками, а позади, у моста Турнан и площади Революции, был разбит резервный парк. В таком положении конвент ожидал мятежников.

Вскоре последние охватили его с нескольких сторон. У них было около сорока тысяч человек под оружием, которыми командовали генералы Даникан, Духу и бывший гардемарин Лафонд. Тридцать две секции, составлявшие большинство, предоставили свой военный контингент. Из остальных шестнадцати секций несколько фобургов ввели свои войска в батальон 89-го года. Несколько секций, из Кинзе-Винга и Монреа, прислали помощь во время действия; другие, хотя и были настроены благосклонно, как секция Попинкура, не смогли этого сделать; и, наконец, третьи сохраняли нейтралитет, как секция Индивизибилите. С двух до трех часов генерал Карто, занимавший Пон-Нёф с четырьмя сотнями человек и двумя четырехфунтовыми орудиями, был окружен несколькими

колоннами сектантов, которые вынудили его отойти на Лувр. Это преимущество ободрило повстанцев, которые были сильны на всех направлениях. Генерал Даникан призвал конвент вывести свои войска и разоружить террористов. Офицера, которому был вручен этот призыв, ввели в собрание с завязанными глазами, и его сообщение вызвало некоторое волнение: несколько депутатов высказались за примирительные меры. Буасси д'Англас посоветовал посоветоваться с Даниканом; Гамон предложил прокламацию, в которой они должны были призвать горожан к отступлению, обещая затем разоружить батальон 89-го года. Это обращение вызвало бурный ропот. Шенье бросился к трибуне. "Я удивлен, - сказал он, - что здесь обсуждаются требования секций, находящихся в состоянии бунта. О переговорах не должно быть и речи; для национального конвента есть только победа или смерть". Ланжуайне хотел поддержать это обращение, говоря об опасности и страданиях гражданской войны; но конвент не стал его слушать и по предложению Фермонда перешел к порядку дня. Дебаты о мерах мира или войны с секциями продолжались еще некоторое время, когда около половины четвертого раздалось несколько выстрелов из мушкетов, положивших конец всем дискуссиям. Привезли семьсот пушек, и конвент взял оружие в руки как резервный корпус.

Конфликт начался на улице Сент-Оноре, хозяевами которой были повстанцы. Первые выстрелы раздались со стороны отеля де Ноай, и убийственный огонь пронесся по всей длине этой линии. Через несколько мгновений после этого с другой стороны две колонны сектантов, численностью около четырех тысяч человек, под командованием графа де Молеврие продвинулись по набережным и атаковали Пон-Рояль. Действие стало общим, но оно не могло продолжаться долго; место было слишком хорошо защищено, чтобы его можно было взять штурмом. После часового боя сектанты были отброшены от Сен-Рош и улицы Сент-Оноре пушками конвента и батальоном патриотов. Колонна Пон-Рояля получила три артиллерийских залпа спереди и сбоку, с моста и набережных, которые полностью обратили ее в бегство. В семь часов обычные войска, одерживая победы со всех сторон, перешли в наступление; к девяти часам они вытеснили сектантов из Театра Республики и с постов, которые они еще занимали в окрестностях Пале-Рояля. Ночью они приготовились строить баррикады, и на улице де ла Луа (Ришелье) было сделано несколько залпов, чтобы помешать работам. На следующий день, 14-го числа, войска конвента разоружили секцию Лепеллетье и заставили остальных вернуться к порядку.

Собрание, которое сражалось только для своей защиты, проявило большую сдержанность. Вандемьер 13-го был 10 августа роялистов против республики, за исключением того, что конвент противостоял буржуазии гораздо лучше, чем трон противостоял фобургам. Положение Франции во многом способствовало этой победе. Теперь люди желали республики без революционного правительства, умеренного режима без контрреволюции. Конвент, который был посредником и выступал как против исключительного господства низшего класса, отброшенного им в Прериале, так и против реакционного господства буржуазии, отвергнутого им в Вандемьере, казался единственно способным удовлетворить это двойное желание и положить конец государственной войне между двумя партиями, которая затягивалась их попеременным вхождением в правительство. Такое положение, а также собственные опасности придали ей мужество для сопротивления и обеспечили ее триумф. Разделы не могли заставить его врасплох, а тем более взять штурмом.

После событий в Вандемьере конвент занялся формированием советов и директории. Третья часть, свободно избранная, благоприятствовала реакции. Несколько конвенционалистов во главе с Таллиеном предложили аннулировать выборы этой *третьей части* и хотели приостановить на более длительное время конвенциональное правительство. Тибодо

разоблачил их замысел с большим мужеством и красноречием. Вся конвенциональная партия приняла его мнение. Она отвергла все излишние произволы и проявила нетерпение выйти из временного состояния, в котором находилась последние три года. Съезд создал *национальное избирательное собрание*, чтобы набрать *две трети* голосов из числа своих членов. Затем он сформировал советы: Совет *древних* из двухсот пятидесяти членов, которым, согласно новому закону, исполнилось сорок лет, и Совет *пятисот* из остальных. Советы собрались в Тюильри. Затем они приступили к формированию правительства.

Нападение Вандемьера было совсем недавним; и республиканская партия, особенно опасаясь контрреволюции, согласилась выбирать директоров только из конвенционалистов, и далее из числа тех, кто голосовал за смерть короля. Некоторые из наиболее влиятельных членов, среди которых был и Дону, выступили против этой точки зрения, которая ограничивала выбор и придавала правительству диктаторский и революционный характер; но она возобладала. Среди избранных конвенционалистов были Ла Ревейер-Лепо, пользовавшийся всеобщим доверием благодаря своему мужественному поведению 31 мая, честности и умеренности; Съес, человек, пользовавшийся наибольшей известностью в то время; Рюбель, обладавший большой административной активностью; Летурнер, один из членов комиссии пяти во время последнего кризиса; и Баррас, выбранный за две удачи - Термидор и Вандемьер. Съезд, который отказался участвовать в законодательной комиссии *одинадцати*, также отказался войти в директорию. Трудно сказать, было ли это нежелание вызвано расчетом или непреодолимой антипатией к Рюбелю. Его заменил Карно, единственный член прежнего комитета, которому они были склонны отдать предпочтение, учитывая его политическую чистоту и большую долю в победах республики. Таков был первый состав Директории. 4 брюмера конвент принял закон об амнистии, чтобы вступить в законное правление, переименовал площадь Революции в площадь Согласия и объявил свое заседание закрытым.

Конвент просуществовал три года, с 21 сентября 1792 года по 26 октября 1795 года (4-е брюмера, год IV.). Он проходил по нескольким направлениям. В течение шести первых месяцев своего существования он был втянут в борьбу, развернувшуюся между легальной партией Жиронды и революционной партией Горы. Последняя лидировала с 31 мая 1793 года до 9 термидора II года. (26 июля 1794 года). Затем конвент подчинился Комитету общественной безопасности, который сначала уничтожил своих старых союзников из Коммуны и Горы, а затем погиб из-за собственных разногласий. С 9 термидора по месяц брюмера IV года конвент победил революционную и роялистскую партии и стремился установить умеренную республику в противовес обеим.

За этот долгий и страшный период жестокость ситуации превратила революцию в войну, а собрание - в поле битвы. Каждая партия стремилась установить свое господство победой и закрепить его, создав свою систему. Жирондисты предприняли попытку и погибли; Гора предприняла попытку и погибла; партия Коммуны предприняла попытку и погибла; партия Робеспьера предприняла попытку и погибла. Они могли только завоевывать, они не могли основать систему. Свойством такого шторма было ниспровергать все, что пыталось устояться. Все было временным: господство, люди, партии, системы, потому что единственным реальным и возможным была война. Год был необходим для того, чтобы конвенциональная партия, вернувшись к власти, смогла вернуть революцию в законное русло; и она могла добиться этого только двумя победами - в Прериале и в Вандемьере. Но конвент, вернувшись к тому, с чего начал, и выполнив свою истинную миссию, которая заключалась в установлении республики после ее защиты, исчез с театра мира, который он наполнил своим удивлением. Будучи революционной властью, она прекратила свое

существование, как только восстановился законный порядок. Три года диктатуры были потеряны для свободы, но не для революции.

ИСПОЛНИТЕЛЬНАЯ ДИРЕКТОРИЯ

ГЛАВА XII

ОТ ВВЕДЕНИЯ ДИРЕКТОРИИ 27 ОКТЯБРЯ 1795 ГОДА ДО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕРЕВОРОТА 18 ФРУКТИДОРА V ГОДА (3 АВГУСТА 1797 ГОДА)

Французская революция, уничтожившая старое правительство и основательно перевернув старое общество, имела две совершенно различные цели: создание свободной конституции и более совершенного состояния цивилизации. Шесть лет, которые мы только что пережили, были поиском правительства каждым из классов, составлявших французскую нацию. Привилегированные классы хотели установить свой режим против двора и буржуазии, сохранив социальные порядки и Генеральные штаты; буржуазия стремилась установить свой режим против привилегированных классов и народных масс с помощью конституции 1791 года; народные массы хотели установить свой режим против всех остальных с помощью конституции 1793 года. Ни одно из этих правительств не смогло стать консолидированным, потому что все они были исключительными. Но во время своих попыток каждый класс, находясь некоторое время у власти, уничтожал в высших классах все, что было нетерпимо или рассчитано на противодействие прогрессу новой цивилизации.

Когда директория сменила конвенцию, борьба между классами значительно ослабла. Высшие слои каждого из них образовали партию, которая по-прежнему боролась за владения и форму правления; но масса нации, которая была так сильно взволнована с 1789 по 1795 год, жаждала снова стать оседлой и устроить себя в соответствии с новым порядком вещей. Этот период стал свидетелем окончания движения за свободу и начала движения к цивилизации. Революция приобрела свой второй характер, характер порядка, основания, покоя, после волнения, огромного труда и системы полного разрушения первых лет.

Этот второй период был примечателен тем, что представлял собой своего рода отказ от свободы. Различные партии, не имея больше возможности обладать ею исключительным и прочным образом, впали в уныние и ушли из общественной жизни в частную. Этот второй период разделился на две эпохи: либеральную - при Директории и в начале консульства, и военную - в конце консульства и при империи. Революция с каждым днем становилась все более материализованной; сделав нацию из сектантов, она сделала нацию из рабочих, а затем - нацию из солдат.

Многие иллюзии уже были разрушены; люди прошли через столько различных состояний, прожили столько за несколько лет, что все идеи были спутаны, а верования поколеблены. Господство среднего класса и толпы прошло, как стремительная фантасмагория. Они были далеки от той Франции 14 июля, с ее глубокими убеждениями, высокой моралью, ее собранием, осуществляющим всемогущую власть свободы и разума, ее народными магистратами, ее гражданской гвардией, ее блестящей, мирной и оживленной внешностью, носящей отпечаток порядка и независимости. Они были далеки от более мрачной и более бурной Франции 10 августа, когда один класс владел правительством и обществом и ввел в них свой язык, манеры и костюмы, возбуждение своих страхов, фанатизм своих идей, недоверие к своему положению. Тогда частная жизнь полностью уступила место общественной; республика представляла собой, в свою очередь, то собрание, то лагерь; богатые подчинялись бедным; вероучение демократии сочеталось с мрачным и потрепанным управлением народом. В каждый из этих периодов люди были сильно

привязаны к той или иной идее: сначала к свободе и конституционной монархии, затем к равенству, братству и республике. Но в начале Директории не было веры ни во что; в великом кораблекрушении партий было потеряно все - и добродетель буржуазии, и добродетель народа.

Люди выходили из этой неистовой суматохи ослабленными и израненными, и каждый, с ужасом вспоминая свое политическое существование, с головой окунаясь в удовольствия и отношения частной жизни, которые так долго были приостановлены. Балы, банкеты, разврат, великолепные кареты стали модными как никогда; это была реакция на древний режим. Правление санкюлотов вернуло господство богатых; клубы - возвращение салонов. Что касается остального, то едва ли можно было предположить, что первый симптом возобновления современной цивилизации должен быть таким неравномерным. Директивные манеры были продуктом другого общества, которое должно было появиться снова, прежде чем новое состояние общества сможет регулировать свои отношения и формировать свои собственные манеры. В этом переходе роскошь породит труд, биржевая работа - торговлю; салоны соберут вместе партии, которые не могут сблизиться иначе как в частной жизни; одним словом, цивилизация снова принесет свободу.

Положение республики к моменту учреждения Директории было удручающим. Не существовало ни элемента порядка, ни администрации. В государственной казне не было денег; курьеры часто задерживались из-за отсутствия небольшой суммы, необходимой для отправления. Во внутренних районах царили анархия и беспокойство; бумажная валюта, находящаяся на последней стадии дискредитации, разрушала доверие и торговлю; дефицит затянулся, каждый отказывался расставаться со своими товарами, поскольку это было равносильно их раздаче; арсеналы были исчерпаны или почти пусты. Кроме того, армии испытывали недостаток в багажных повозках, лошадях и провианте; солдатам не хватало одежды, а генералы часто не могли получить свое жалованье в размере восьми франков в месяц в специях, что было необходимым дополнением, пусть и небольшим, к их жалованью в ассигнациях; и, наконец, войска, недовольные и недисциплинированные из-за своей нужды, снова были избиты и находились в обороне.

Ситуация достигла этого кризисного состояния после падения Комитета общественной безопасности. Этот комитет предвидел дефицит и подготовился к нему, как в армии, так и во внутренних войсках, путем реквизиций и *максимума*. Никто не осмеливался освободить себя от этой финансовой системы, которая делала богатые и торговые классы зависимыми от солдат и народа, и в то время провизия не исчезала с рынка. Но с тех пор как насилие и конфискации прекратились, народ, конвент и армии оказались во власти землевладельцев и спекулянтов, и возникла страшная нехватка, реакция против *максимума*. Система конвента заключалась, с точки зрения политической экономии, в потреблении огромного капитала, представленного ассигнатами. Это собрание было богатым правительством, которое разорило себя, защищая революцию. Почти половина территории Франции, состоявшая из доменов короны, церковной собственности или имений эмигрантского дворянства, была продана, а вырученные деньги пошли на содержание народа, который мало трудился, и на внешнюю защиту республики армиями. До 9 термидора было выпущено более восьми миллиардов ассигнаций, а с тех пор к этой и без того огромной сумме добавилось тридцать тысяч миллионов. Продолжать такую систему было нельзя; необходимо было начать работу заново и вернуться к реальным деньгам.

Люди, назначенные для исправления этой великой дезорганизации, были в большинстве своем обыкновенно талантливы; но они принялись за работу с рвением, мужеством и здравым смыслом. Когда директора, - говорит М. Бейльоль, - [Сноска: *"Критический разбор*

рассуждений мадам де Сталь о французской революции", М. Ж. Ш. Бейльоль, т. II, стр. 275, 281]. "В Люксембурге не было ни одного предмета мебели. В небольшой комнате, за маленьким поломанным столиком, одна ножка которого была наполовину отъедена от старости, на котором лежали бумага для писем и калюмет, по счастливой случайности принесенные из комитета общественной безопасности, сидели четыре стула с соломенным дном, напротив нескольких поленьев тускло горящих дров, все это было позаимствовано у Дюпона, носильщика; Кто поверит, что именно в таком состоянии члены нового правительства, изучив все трудности, а может быть, и весь ужас своего положения, решили, что они встретят все препятствия и либо погибнут, либо спасут Францию из пропасти, в которую она упала? На листе писчей бумаги они начертали акт, которым решились объявить себя учрежденными; акт, который они немедленно отправили в законодательные палаты".

Затем директора приступили к распределению своих обязанностей, руководствуясь теми соображениями, которые побудили конституционную партию избрать их. Рюбеллу, обладавшему большой энергией, юристу, сведущему в государственном управлении и дипломатии, поручили департаменты права, финансов и иностранных дел. Его мастерство и властный характер вскоре сделали его движущей силой Директории во всех гражданских делах. Баррас не обладал специальными знаниями; его ум был посредственным, средства - скудными, привычки - вялыми. В час опасности его решимость позволяла ему принимать внезапные меры, как во время Термидора или Вандемьера. Но поскольку в обычных случаях он был приспособлен только для наблюдения за партиями, в интригах которых он разбирался лучше, чем кто-либо другой, полицейское управление было поручено ему. Он хорошо подходил для этой задачи: гибкий и вкрадчивый, без пристрастия к какой-либо политической секте, с революционными связями в прошлом, а его рождение давало ему доступ к аристократии. Баррас взял на себя представительство директории и установил в Люксембурге своего рода республиканское регентство. Чистый и умеренный Ла Ревейер, чья мягкость сочеталась с мужеством, чья искренняя привязанность к республике и законным мерам обеспечила ему пост в директории, с общего согласия собрания и общественного мнения, поручил ему моральный департамент, охватывающий образование, искусства, науки, мануфактуры и т. д. Летурнер, бывший артиллерийский офицер, член комитета общественной безопасности в последний период конвента, был назначен в военный департамент. Но когда Карно был выбран, после отказа Съеса, он взял на себя руководство военными операциями, оставив своему коллеге Летурнеру флот и колонии. Его высокие таланты и решительный характер обеспечили ему преимущество в этом направлении. Летурнер примыкал к нему, как Ла Ревейер к Ревелю, а Баррас находился между ними. В этот период директора с величайшим согласием обратили свое внимание на улучшение и благосостояние государства.

Директора откровенно следовали по пути, проложенному для них конституцией. Утвердив власть в центре республики, они организовали ее в департаментах и установили, как могли, соответствие между местными администрациями и своей собственной. Оказавшись между двумя исключительными и недовольными партиями - прериальской и вандемьерской, - они попытались с помощью решительной линии поведения подчинить их порядку вещей, занимающему место посередине между их крайними притязаниями. Они стремились возродить энтузиазм и порядок первых лет революции. "Вы, кого мы призываем разделить наши труды, - писали они своим агентам, - вы, кто вместе с нами должен содействовать прогрессу республиканской конституции, вашей первой добродетелью, вашим первым чувством должны быть та решительная решимость, та патриотическая вера, которая также породила своих энтузиастов и свои чудеса. Все будет достигнуто, когда благодаря вашей заботе та искренняя любовь к свободе, которая освятила рассвет революции, вновь оживит

сердце каждого француза. Знамена свободы, развевающиеся на каждом доме, и республиканский символ, написанный на каждой двери, несомненно, представляют собой интересное зрелище. Добейтесь большего; ускорьте тот день, когда священное имя республики будет добровольно начертано на каждом сердце".

За короткое время мудрые и твердые действия нового правительства восстановили доверие, труд и изобилие. Циркуляция провизии была налажена, и уже через месяц Директория была освобождена от обязанности снабжать Париж припасами, которые она сама же и осуществляла. Огромная активность, вызванная революцией, стала направляться на развитие промышленности и сельского хозяйства. Часть населения покинула клубы и публичные места ради мастерских и полей, и тогда стала ощущаться польза революции, которая, уничтожив корпорации, разделив собственность, отменив привилегии, увеличила в четыре раза средства цивилизации и была призвана принести огромные блага Франции. Директория поощряла это движение в сторону труда полезными учреждениями. Она восстановила публичные выставки продуктов промышленности и усовершенствовала систему образования, декретированную Конвентом. Национальный институт, начальные, центральные и нормальные школы составили полную систему республиканских учреждений. Ла Ревейер, директор, которому был поручен моральный отдел правительства, попытался под именем *теофилантропии* установить деистическую религию, которую комитет общественной безопасности тщетно пытался утвердить *праздником Супружества*. Он предоставил храмы, гимны, формы и своего рода литургию для новой религии; но такая вера могла быть только индивидуальной и не могла долго оставаться общественной. *Теофилантропы*, чья религия была противоположна политическим взглядам и неверию революционеров, подвергались большому насмешкам. Таким образом, при переходе от общественных институтов к индивидуальной вере все, что было свободой, превратилось в цивилизацию, а то, что было религией, стало мнением. Деисты остались, но *теофилантропы* больше не встречались.

Директория, нуждаясь в деньгах и скованная катастрофическим состоянием финансов, прибегла к мерам несколько экстраординарным. Она продала или заложила самые ценные предметы гардероба, чтобы удовлетворить самые насущные потребности. Национальное имущество еще оставалось; но оно продавалось плохо и за ассигнации. Директория предложила принудительный заем, который был декретирован советами. Это был пережиток революционных мер по отношению к богатым; но, будучи принят нерешительно и проведен без должных полномочий, он не имел успеха. Тогда Директория попыталась возродить бумажные деньги; она предложила выпустить *территориальные мандаты*, которые должны были заменить находившиеся в обращении ассигнаты по курсу тридцать за один и занять место денег. Советы постановили выпустить *территориальные мандаты* на сумму две тысячи четыреста миллионов. Их преимущество заключалось в том, что они могли быть обменены сразу и по предъявлении на национальные домены, которые их представляли. Их продажа была очень широкой, и таким образом была завершена революционная миссия ассигнатов, которые стали вторым периодом. Они обеспечили Директории кратковременный ресурс; но они также потеряли кредит и незаметно привели к банкротству, которое было переходом от бумаги к спекуляциям.

Военное положение республики не было блестящим; к концу конвента количество побед сократилось. Неоднозначное положение и слабость центральной власти, как и дефицит, ослабили дисциплину войск. Да и генералы, разочарованные тем, что отличились столь малым количеством побед и не были подстегнуты энергичным правительством, стали склонны к неповиновению. Конвент поручил Пишегрю и Журдану, одному во главе Рейнской

армии, другому - Самбр-и-Мёз, окружить и захватить Майенс, чтобы занять всю линию Рейна. Пишегрю сделал этот проект полностью провальным; хотя он пользовался полным доверием республики и пользовался величайшей военной славой того времени, он разрабатывал контрреволюционные планы вместе с принцем Конде; но они не смогли договориться. Пишегрю убеждал принца-эмигранта войти со своими войсками во Францию через Швейцарию или Рейн, обещая бездействовать - единственное, что было в его силах сделать в пользу такой попытки. В качестве предварительного условия принц потребовал, чтобы Пишегрю поднял белый флаг в своей армии, которая, как известно, была республиканской. Эта нерешительность, несомненно, вредила проектам реакционеров, готовивших заговор Вандемьера. Но Пишегрю, желая, так или иначе, услужить своим новым союзникам и предать свою страну, допустил поражение под Гейдельбергом, скомпрометировал армию Журдана, эвакуировал Мангейм, с большими потерями снял осаду Майенса и открыл эту границу для врага.

Директория обнаружила, что Рейн открыт по направлению к Майенсу, война в Вандее разгорелась с новой силой, побережьям Франции и Голландии угрожало наступление со стороны Англии; наконец, армия Италии была лишена всего и лишь держала оборону под командованием Шерера и Келлермана. Карно подготовил новый план кампании, который должен был привести армии республики в самое сердце враждебных государств. Бонапарт, назначенный генералом внутренних дел после событий в Вандемьере, был поставлен во главе армии Италии; Журдан сохранил за собой командование армией Самбре-и-Моза, а Моро - армией Рейна, вместо Пишегрю. Последнему, чья измена была заподозрена Директорией, но не доказана, было предложено посольство в Швецию, от которого он отказался и удалился в Арбуа, свое родное место. Три большие армии, поставленные по приказу Бонапарта, Журдана и Моро, должны были напасть на Австрийскую монархию со стороны Италии и Германии, соединиться у входа в Тироль и эшелонированным маршем двинуться на Вену. Генералы готовились к осуществлению этого масштабного движения, успех которого сделал бы республику хозяйкой штаб-квартиры коалиции на континенте.

Директория передала генералу Хоше командование побережьем и поручила ему завершить Вандейскую войну. Хош изменил систему ведения войны, принятую его предшественниками. Вандея была настроена на подчинение. Предыдущие победы не привели к успеху ее дела; поражения и несчастья подвергали ее разграблению и пожарам. Повстанцы, непоправимо уязвленные катастрофой при Савене, потерей своего главного вождя и лучших солдат, разрушительной системой адских колонн, теперь желали лишь жить в хороших отношениях с республикой. Теперь война зависела только от нескольких вождей, от Шаретта, Стоффле и т. д. Хоше понял, что необходимо отучить массы от этих людей путем уступок, а затем разгромить их. Он умело отделил дело роялистов от дела религии и использовал священников против генералов, проявляя большую снисходительность к католической религии. Он прочесал страну четырьмя мощными колоннами, отобрал у жителей их скот и вернул его только в обмен на оружие. Он не давал покоя вооруженным людям, победил Шаретта в нескольких схватках, преследовал его от одного отступления к другому и наконец взял его в плен. Стоффле хотел снова поднять вендский штандарт на своей территории, но его отдали республиканцам. Эти два вождя, которые были свидетелями начала восстания, присутствовали при его завершении. Они погибли мужественно: Стоффле - в Анжере, Шаретт - в Нанте, проявив характер и таланты, достойные большого театра. Хош также умиротворил Бретань. Морбиан был занят многочисленными отрядами шуанов, которые образовали грозное объединение, главным предводителем которого был Жорж Кадудаль. Не вступая в кампанию, они овладевали страной. Хоше направил против них всю свою силу и активность и вскоре уничтожил или истощил их. Большинство их предводителей бросили оружие и

укрылись в Англии. Директория, узнав об этом удачном умиротворении, официально объявила обоим советам 28-го мессидора (июнь 1796 года), что гражданская война окончательно прекращена.

Так прошла зима IV года. Но Директория не могла не подвергнуться нападкам со стороны двух партий, чьему господству мешало ее существование, - демократов и роялистов. Первые представляли собой несгибаемую и предприимчивую секту. Для них 9-е термидора было эпохой боли и угнетения: они хотели установить абсолютное равенство, несмотря на состояние общества, и демократическую свободу, несмотря на цивилизацию. Эта секта была побеждена настолько, что фактически предотвратила ее возвращение к власти. 9 термидора она была изгнана из правительства, 2 прериала - из общества; она потеряла и власть, и восстания. Но, несмотря на дезорганизацию и запрет, она была далека от исчезновения. После неудачной попытки роялистов в Вандеьере она возникла благодаря их отстранению.

Демократы вновь основали свой клуб в Пантеоне, который Директория терпела некоторое время. Их вождем был "Гракх" Бабеф, который называл себя "народным трибуном". Это был смелый человек, с возвышенным воображением, необычайным фанатизмом демократии и огромным влиянием на свою партию. В своем журнале он готовил царствование всеобщего счастья. Общество в Пантеоне с каждым днем становилось все многочисленнее и тревожнее для директории, которая поначалу пыталась его сдерживать. Но вскоре заседания затянулись до глубокой ночи; демократы пришли туда с оружием в руках и предложили выступить против Директории и советов. Директория решила выступить против них открыто. 8-го Вентоса, год IV. (февраль 1796 года), она закрыла общество Пантеона, а 9-го числа своим посланием уведомила об этом законодательный орган.

Демократы, лишившись места для собраний, прибегли к другому плану. Они соблазнили полицию, состоявшую в основном из свергнутых революционеров, и в сотрудничестве с ней должны были уничтожить конституцию III года. Директория, осведомленная об этом новом маневре, распустила полицию, заставив ее разоружить другие войска, на которые она могла положиться. Заговорщики, застигнутые врасплох во второй раз, остановились на проекте нападения и восстания: они образовали восставший комитет общественной безопасности, который поддерживал связь через второстепенных агентов с низшими порядками двенадцати парижских коммун. Членами этого главного комитета были Бабёф, глава заговора, бывшие конвенционалисты, такие как Вадье, Амар, Шудье, Рикорд, представитель Друэ, бывшие генералы децемвирального комитета, Россиньоль, Паррен, Фийон, Лами. Армию этой фракции составляли многие кассированные офицеры, патриоты департаментов и старая якобинская масса. Вожди часто собирались в месте, которое они называли Храмом Разума; здесь они пели причитания по поводу смерти Робеспьера и сожалели о рабстве народа. Они вступили в переговоры с войсками Гренельского лагеря, приняли в их число капитана этого лагеря по имени Гризель, которого считали своим, и согласовали все меры для нападения.

Их план состоял в том, чтобы установить всеобщее счастье, а для этого произвести распределение имущества и добиться преобладания правительства истинных, чистых и абсолютных демократов; создать съезд, состоящий из шестидесяти восьми членов Горы, оставшихся от числа исключенных после термидорианской реакции, и присоединить к ним по одному демократу от каждого департамента; наконец, выступить из разных кварталов, в которых они распределились, и одновременно двинуться против директории и против советов. В ночь восстания они должны были вывесить два плаката: один со словами: "Конституция 1793 года! Свобода! Равенство! Общее счастье!", другой - со следующей

декларацией: "Те, кто узурпирует суверенитет, должны быть преданы смерти свободными людьми". Все было готово, прокламации напечатаны, назначен день, когда их предал Гризель, как это обычно бывает в заговорах.

21 мая, накануне дня, назначенного для нападения, заговорщики были схвачены на обычном месте встречи. В доме Бабефа нашли план заговора и все связанные с ним документы. Директория сообщила об этом советам в послании и объявила народу в прокламации. Эта странная попытка, столь сильно смахивающая на фанатизм, которая могла быть лишь повторением восстания в Прериале, но без средств и надежд на успех, вызвала величайший ужас. Общественное мнение все еще было напугано недавним господством якобинцев.

Бабеф, как дерзкий заговорщик, будучи пленником, предложил директории условия мира: - "Не сочтете ли вы ниже своего достоинства?

"Не сочтете ли вы ниже своего достоинства, граждане директора, - писал он им, - вести себя со мной, как власть с властью? Вы видели, какое огромное доверие питают ко мне; вы видели, что моя партия вполне может уравновесить на весах вашу собственную; вы видели ее огромные разветвления. Я убежден, что вы содрогнулись при виде этого". В заключение он сказал: "Я вижу только один разумный способ действий: объявить, что серьезного заговора не было. Пять человек, показав себя великими и великодушными, могут сейчас спасти страну. Я отвечу, что патриоты будут защищать вас своими жизнями; патриоты не ненавидят вас, они только ненавидят ваши непопулярные меры. Со своей стороны, я дам вам гарантию, столь же обширную, как и моя вечная франшиза". Директория, вместо этого примирения, опубликовала письмо Бабефа и передала заговорщиков в Вандомский суд.

Их партизаны предприняли еще одну попытку. 13 фруктидора (августа), около одиннадцати вечера, они в количестве шести или семисот человек, вооруженные саблями и пистолетами, выступили против директории, которую защищала ее охрана. Затем они направились к лагерю Гренель, которым надеялись завладеть благодаря установленной с ним переписке. Войска уже отошли на покой, когда появились заговорщики. На крик часового "*Qui vive?*" они ответили: "*Да здравствует республика! Да здравствует конституция 93-го года!*". Часовые объявили тревогу по всему лагерю. Заговорщики, опираясь на помощь расформированного батальона из Гарда, направились к палатке главнокомандующего Мало, который отдал приказ подать сигнал к оружию и приказал своим полуодетым драгунам встать в строй. Заговорщики, удивленные таким приемом, слабо защищались: они были перебиты драгунами или обращены в бегство, оставив на поле боя множество убитых и пленных. Эта злополучная экспедиция была почти последней в партии: с каждым поражением она теряла свои силы, своих вождей и приобретала тайное убеждение, что ее правлению пришел конец. Гренельское предприятие оказалось для нее самым роковым; помимо убитых в бою, многие были приговорены к смерти военными комиссиями, которые были для нее тем же, чем революционные трибуналы были для ее противников. Комиссия Гренельского лагеря за пять заседаний приговорила тридцать заговорщиков к смерти, тридцать - к транспортировке и двадцать пять - к тюремному заключению.

Вскоре после этого верховный суд Вандома судил Бабефа и его сообщников, среди которых были Амар, Вадье и Дарте, бывший секретарь Жозефа Лебона. Никто из них не лгал; они говорили как люди, которые не боялись ни объявить о своей цели, ни умереть за свое дело. В начале и в конце каждого заседания они пели "*Марсельезу*". Эта старая песня победы и их твердый нрав поразили общественное мнение и, казалось, сделали их еще более грозными. Жены сопровождали их на суде, и Бабеф в конце своей защиты обратился к ним и сказал, что "*они должны сопровождать их даже на Голгофу, потому что причина их наказания не*

приведет их к позору". Высший суд приговорил Бабефа и Дарте к смерти: услышав приговор, они оба закололи себя пиньяром. Бабёф был последним лидером старой коммуны и комитета общественной безопасности, которые разошлись перед Термидором, а затем снова объединились. Эта партия уменьшалась с каждым днем. Ее рассеяние и изоляция особенно относятся к этому периоду. При реакции она все еще составляла компактную массу; при Бабёфе она сохраняла положение грозной ассоциации. С этого времени демократы существовали, но партия распалась.

В промежутке между предприятием Гренель и осуждением Бабёфа роялисты также составили свой заговор. Проекты демократов вызвали движение мнений, противоположное тому, которое проявилось после Вандемьера, и контрреволюционеры, в свою очередь, ободрились. Тайные вожди этой партии надеялись найти себе помощников в войсках Гренельского лагеря, которые отбили фракцию Бабефа. Эта партия, нетерпеливая и неумелая, не имея возможности использовать весь состав секций, как в Вандемьере, или массу советов, как 18 февраля, воспользовалась тремя людьми без имени и влияния: аббатом Бротье, бывшим советником парламента Лавильернуа и своего рода авантюристом по имени Дюнан. Они сразу же, со всей простотой, обратились к Мало с просьбой о лагере Гренель, чтобы с его помощью восстановить древний режим. Мало передал их директории, которая передала их в гражданские трибуналы, не имея возможности, как он того желал, судить их военными комиссарами. Судьи их партии, избранные под влиянием Вандемьера, отнеслись к ним с большим вниманием, и приговор, вынесенный им, был лишь кратким тюремным заключением. В этот период возникла борьба между всеми органами власти, назначенными секциями, и директорией, поддерживаемой армией; каждая из них брала свои силы и судей везде, где преобладала ее партия; в результате, когда избирательная власть оказалась в распоряжении контрреволюции, директория была вынуждена ввести в штат армию, что впоследствии вызвало серьезные неудобства.

Директория, одержав победу над двумя раскольничьими партиями, одержала победу и над Европой. Новая кампания началась при самых благоприятных обстоятельствах. Бонапарт, прибыв в Ниццу, ознаменовал свое командование одним из самых дерзких вторжений. До сих пор его армия слонялась без дела по склону Альп; она была лишена всего и насчитывала едва ли тридцать тысяч человек, но зато была наделена храбростью и патриотизмом, и с их помощью Бонапарт начал то всемирное опустошение, которым он увлекал за собой всех на протяжении двадцати лет. Он разбил кантоны и вошел в долину Савоны, чтобы пройти в Италию между Альпами и Апеннинскими горами. Перед ним было девяносто тысяч войск коалиции, которыми в центре командовал Аржентау, слева - Колль, а справа - Болье. Эта огромная армия была рассеяна за несколько дней благодаря чудесам гения и отваги. Бонапарт разгромил центр при Монтенотте и вошел в Пьемонт; при Миллезимо он полностью отделил сардинцев от австрийской армии. Они поспешили защитить Турин и Милан, столицы своего господства. Прежде чем преследовать австрийцев, республиканский генерал бросился влево, чтобы отрезать сардинскую армию. Судьба Пьемонта была решена в Мондови, и перепуганный туринский двор поспешил покориться. В Кераско было заключено перемирие, за которым вскоре последовал мирный договор, подписанный в Париже 18 мая 1796 года между республикой и сардинским королем, который уступил Савойю и графства Ницца и Тенда. Взятие Александрии, открывшей Ломбардскую страну, разрушение крепостей Суза и Брюнетта на границах Франции, отказ от территории Ниццы и Савойи и предоставление в распоряжение другой армии Альп, под командованием Келлермана, стало наградой за двухнедельную кампанию и шесть побед.

Закончив войну с Пьемонтом, Бонапарт выступил против австрийской армии, которой он не давал покоя. Он перешел По у Пьяченцы и Адду у Лоди. Последняя победа открыла ворота Милана и обеспечила ему владение Ломбардией. Генерал Болье был оттеснен в дефиле Тироля республиканской армией, которая взяла Мантую и появилась на горах империи. На смену Болье пришел генерал Вурмсер, и новая армия была отправлена на соединение с обломками побежденной. Вурмсер двинулся вперед, чтобы освободить Мантую и вновь сделать Италию полем битвы; но его, как и его предшественника, одолел Бонапарт, который, подняв блокаду Мантуи, чтобы противостоять новому врагу, возобновил ее с еще большей силой и вновь занял свои позиции в Тироле. План вторжения был выполнен с большим союзом и успехом. В то время как итальянская армия угрожала Австрии со стороны Тироля, две армии по Мёз и Рейну вступили в Германию; Моро, поддерживаемый Журданом слева, был готов соединиться с Бонапартом справа. Обе армии перешли Рейн у Нейвида и Страсбурга и продвинулись на фронте, вытянутом в эшелоны на расстояние шестидесяти миль, оттесняя неприятеля, который, отступая перед ними, стремился затруднить их марш и прорвать их линию. Они почти достигли цели своего предприятия; Моро вошел в Ульм и Аугсбург, переправился через Лик, и его передовой отряд находился на крайнем рубеже Тирольских дефиле, когда Журдан, по недоразумению, вышел за линию, был атакован эрцгерцогом Карлом и полностью разбит. Моро, оказавшись на левом фланге, был вынужден ретироваться, после чего совершил свое памятное отступление. Ошибка Журдана была очень серьезной: она помешала успеху этого грандиозного плана кампании и дала передышку австрийскому правительству.

Венский кабинет, потерявший в этой войне Бельгию и чувствовавший важность сохранения Италии, защищал ее с величайшим упорством. Вурмсер, потерпев новое поражение, вынужден был броситься в Мантую с обломками своей армии. Генерал Альвинзи, во главе пятидесяти тысяч венгров, пришел испытать судьбу, но не добился большего успеха, чем Болье или Вурмсер. К чудесам, уже одержанным армией Италии, добавились новые победы, обеспечившие завоевание этой страны. Мантуя капитулировала; республиканские войска, хозяева Италии, отправились в Вену через горы. Перед Бонапартом был принц Карл, последняя надежда Австрии. Вскоре он прошел через дефиле Тироля и вступил на равнины Германии. Тем временем армия Рейна под командованием Моро и армия Мёза под командованием Хоше успешно возобновили план предыдущей кампании, а Венский кабинет, охваченный тревогой, заключил Леобенское перемирие. Он исчерпал все свои силы и испытал всех своих генералов, в то время как Французская республика находилась в полном расцвете завоевательных сил.

Итальянская армия завершила в Европе дело французской революции. Эта замечательная кампания стала результатом союза гениального генерала и умной армии. Бонапарт имел генерал-лейтенантов, способных командовать, умеющих взять на себя ответственность за ход сражения, и армию граждан, обладающих культурным умом, глубокими чувствами, сильным подражанием всему великому; страстно привязанных к революции, которая возвеличила их страну, сохранила их независимость в условиях дисциплины и предоставила возможность каждому солдату стать генералом. Нет ничего, чего бы не смог добиться гениальный вождь с такими людьми. Должно быть, вспоминая свои прежние годы, он сожалел, что когда-либо сосредоточил в себе всю свободу и интеллект, что создавал механические армии и генералов, способных только подчиняться. Бонапарт начал третью эпоху войны. Кампания 1792 года была проведена по старой системе, с разрозненными корпусами, действовавшими по отдельности, не отступая от своей постоянной линии.

Комитет общественной безопасности сконцентрировал корпуса, заставил их действовать уже не только по тому, что было перед ними, но и на расстоянии; он ускорил их движение и направил их к общей цели. Бонапарт сделал для каждого сражения то, что комитет делал для каждой кампании. Он свел все эти корпуса в одну точку и быстротой своих действий уничтожил несколько армий одной. Он распоряжался целыми массами войск по своему усмотрению, перемещал их то туда, то сюда, выдвигал вперед или держал вдали от глаз, имел их в полном своем распоряжении, когда, где и как ему было угодно, будь то для занятия позиции или для получения сражения. Его дипломатия была столь же виртуозной, как и его военная наука.

Все итальянские правительства, кроме Венеции и Генуи, присоединились к коалиции, но народ выступал за Французскую республику. Бонапарт сделал ставку на последнюю. Он упразднил Пьемонт, который не мог завоевать; превратил миланцев, до сих пор зависевших от Австрии, в *Цизальпинскую республику*; ослабил Тоскану и мелких князей Пармы и Модены контрибуцией, не лишая их собственности; Папа, подписавший перемирие после первого успеха Бонапарта против Болье и не замедливший нарушить его по прибытии Вурмсера, купил мир, уступив Романию, Болонью и Феррару, которые были присоединены к Цизальпинской республике; Наконец, аристократия Венеции и Генуи, поддержав коалицию и подняв восстание в тылу армии, сменила правительство, и Бонапарт сделал его демократическим, чтобы противопоставить власть народа власти дворянства. Таким образом, революция проникла в Италию.

Австрия по Леобенскому мирному договору уступила Бельгию Франции и признала Ломбардскую республику. Все союзные державы сложили оружие, и даже Англия просила о мире. Франция, мирная и свободная у себя дома, на своих границах достигла естественных пределов и была окружена поднимающимися республиками, такими как Голландия, Ломбардия и Лигурия, которые защищали ее стороны и расширяли ее систему в Европе. Коалиция была мало расположена к новым нападкам на революцию, все правительства которой победили: анархия после 10 августа, диктатура после 31 мая и законная власть при директории; революция, которая при каждой новой вражде продвигалась на шаг дальше по европейской территории. В 1792 году она распространилась только на Бельгию; в 1794 году она достигла Голландии и Рейна; в 1796 году она достигла Италии и вступила в Германию. Если коалиция продолжит свое продвижение, то у нее есть основания опасаться, что она пойдет дальше в своих завоеваниях. Казалось, все готово для всеобщего мира.

Но положение Директории существенно изменили выборы V года (май 1797 г.). Эти выборы, введя законным путем роялистскую партию в законодательный орган и правительство, вновь поставили под вопрос то, что было решено в результате Вандемьерского конфликта. До этого момента между директорией и советами существовало хорошее взаимопонимание. Состоящие из конвенционалистов, объединенных общими интересами и необходимостью установления республики, после того как их обдували ветры всех партий, они проявляли много доброй воли в общении и единства в своих мерах. Советы уступили различным требованиям Директории; за исключением нескольких незначительных изменений, они одобрили ее проекты, касающиеся финансов и администрации, ее поведение в отношении заговоров, армий и Европы. Антиконвенциональное меньшинство образовало в советах оппозицию; но эта оппозиция, ожидая усиления новой трети, осторожно выступала против политики Директории. Во главе ее стояли Барбе-Марбуа, Пасторе, Вобланк, Дюма, Порталис, Симеон, Тронсон-Дюкудрей, Дюпон де Немур, большинство из которых были членами правых в законодательном собрании, а некоторые из них - явными роялистами. Вскоре их

позиция стала менее двусмысленной и более агрессивной, поскольку к ним добавились члены, избранные в V году.

Роялисты образовали грозную и активную конфедерацию, имевшую своих лидеров, агентов, бюджеты и журналы. Они не допускали республиканцев к выборам, влияли на массы, которые всегда следуют за самой энергичной партией, чье знамя они на мгновение принимают. Они не принимали даже патриотов первой эпохи, а избирали только решительных контрреволюционеров или двусмысленных конституционалистов. Республиканская партия была тогда поставлена в правительстве и в армии, роялистская - в избирательных собраниях и советах.

1-го прериаля V года (20 мая) оба совета открыли свои заседания. С самого начала они проявили тот дух, который ими руководил. Пишегрю, которого роялисты перевели на новое поле битвы контрреволюции, с энтузиазмом был избран председателем Совета *молодежи*. Барбе-Марбуа с тем же энтузиазмом отдал ему пост председателя совета старших. Законодательный орган приступил к назначению директора вместо Летурнера, который 30-го Флореаля был определен голосованием в качестве выбывшего члена. Их выбор пал на Бартелеми, посла в Швейцарии, чьи умеренные взгляды и приверженность миру устраивали совет и Европу, но он был мало приспособлен для управления республикой из-за своего отсутствия во Франции во время всей революции.

За этими первыми враждебными действиями против Директории и конвенциональной партии последовали более реальные нападки. Теперь ее администрация и политика подвергались нападкам без всяких угрызений совести. Директория сделала все, что могло сделать законное правительство в условиях революционной ситуации. Ее обвиняли в продолжении войны и беспорядке в финансовом ведомстве. Законодательное большинство умело переключило свое внимание на общественные нужды; оно поддерживало полную свободу печати, что позволяло журналистам нападать на Директорию и готовить почву для другой системы; оно поддерживало мир, потому что это привело бы к разоружению республики, и, наконец, оно поддерживало экономию.

Эти требования были в одном смысле полезными и национальными. Франция устала и чувствовала потребность во всех этих вещах, чтобы завершить свое социальное восстановление; соответственно, нация наполовину приняла взгляды роялистов, но из совершенно других побуждений. С большей тревогой она наблюдала за мерами, принятыми советами по отношению к священникам и эмигрантам. Умиротворения хотелось, но народ не желал, чтобы побежденные враги революции вернулись с триумфом. Соборы с большой поспешностью приняли законы в их отношении. Они справедливо отменили наказание в виде перевозки или тюремного заключения для священников за вопросы религии или инквизиции; но они хотели восстановить древние прерогативы их формы богослужения; сделать католицизм, уже восстановленный, внешне очевидным с помощью колоколов, и освободить священников от присяги государственных служащих. Камилл Жордан, молодой депутат от Лионне, полный красноречия и мужества, но исповедующий неразумные взгляды, был главным панегиристом духовенства в молодом совете. Речь, которую он произнес по этому поводу, вызвала большое удивление и яростное сопротивление. Тот небольшой энтузиазм, который еще сохранялся, был исключительно патриотическим, и все были поражены, увидев возрождение другого энтузиазма - религиозного: прошлый век и революция сделали людей совершенно непривычными к нему и не позволили им понять его. Настал момент, когда старая партия возродила свое вероучение, ввела свой язык и смешала их с вероучением и языком партии реформ, которая до сих пор господствовала одна. В результате, как обычно бывает со всем неожиданным, было создано неблагоприятное и

смехотворное впечатление о Камилле Жордане, которого прозвали *Жордан-Карильон*, *Жордан-ле-Клош*. Попытка защитников духовенства, однако, не увенчалась успехом; совет из пятисот человек не решился пока принять декрет об использовании колоколов или сделать священников независимыми. После некоторых колебаний умеренная партия присоединилась к партии директории и поддержала гражданскую присягу криками "Да здравствует Республика!".

Тем временем продолжались военные действия против Директории, особенно в совете пятисот, который был более рьяным и нетерпеливым, чем древний. Все это значительно ободрило роялистскую фракцию в глубине страны. Возобновились контрреволюционные репрессии против *патриотов* и тех, кто приобрел национальную собственность. Священники-эмигранты и раскольники возвращались толпами и, не в силах вынести ничего, напоминающего о революции, не скрывали своих замыслов по ее свержению. Директория, которой угрожали в центре и от которой отреклись в департаментах, стала совершенно бессильной.

Но необходимость обороны, тревога всех людей, преданных Директории, а особенно революции, придавали правительству мужество и поддержку. Агрессивные действия советов вызвали подозрение в их привязанности к республике, и масса, которая сначала поддерживала, теперь отказалась от них. Конституционалисты 1791 года и партия Директории образовали союз. Клуб *Сальма*, созданный под эгидой этого союза, был противопоставлен клубу *Клиши*, который долгое время был местом встречи наиболее влиятельных членов советов. Директория, прибегая к мнению, не пренебрегала своей главной силой - поддержкой войск. Она подвела к Парижу несколько полков армии Самбре-и-Мёз под командованием Хоше. Конституционный радиус в шесть мириаметров (двенадцать лье), который войска не могли законно преодолеть, был нарушен: советы донесли об этом нарушении в Директорию, которая притворилась невежественной, не поверила и привела очень слабые оправдания.

Две партии наблюдали друг за другом. Одна занимала свои посты в Директории, в клубе *Сальма* и в армии, другая - в советах, в *Клиши* и в *салонах* роялистов. Масса людей была зрителями. Каждая из двух партий была настроена на революционные действия по отношению к другой. Промежуточная конституционная и примирительная партия пыталась предотвратить борьбу и добиться союза, который был совершенно невозможен. Во главе ее стоял Карно: несколько членов молодого совета под руководством Тибодо и довольно большое число древних поддерживали его проекты умеренности. Карно, который в тот период был руководителем конституции, вместе с Бартелеми, руководившим законодательной властью, составляли меньшинство в правительстве. Карно, очень строгий в своем поведении и очень упрямый в своих взглядах, не мог согласиться ни с Баррасом, ни с властным Рюбелем. К этой противоположности характеров добавилась разница в системе. Баррас и Ревбель, поддерживаемые Ла Ревейером, были не прочь совершить государственный переворот против советов, в то время как Карно желал строго следовать закону. Этот великий гражданин в каждую эпоху революции прекрасно видел, какой способ правления ей подходит, и его мнение сразу же превратилось в твердую идею. При Комитете общественной безопасности его неизменной системой была диктатура, а при Директории - законное правление. Не признавая разницы в положении, он оказался в двусмысленном положении; он желал мира в момент войны и закона в момент государственных переворотов.

Советы, несколько встревоженные приготовлениями Директории, похоже, решили, что ценой примирения станет увольнение нескольких министров, которым они не доверяли. Это были Мерлен де Дуэ, министр юстиции, Делакура, министр иностранных дел, и Рамель,

министр финансов. С другой стороны, они хотели сохранить Петietta на посту военного министра, Бенеша - на посту министра внутренних дел, а Кошона де Лаппарента - на посту министра полиции. Законодательный орган, не обладая директивной властью, желал удостовериться в том, что министерство существует. Чтобы не поддаться этому желанию, которое ввело бы в правительство врага, Рюбель, Ла Ревейер и Баррас уволили министров, защищенных советами, и оставили других. Бенеша заменил Франсуа де Нёфшато, Пети - Хош, а вскоре после этого - Шерер; Кошон де Лаппарен - Ленуар-Ларош; Ленуар-Ларош, который был слишком малорешителен, - Сотин. Талейран также вошел в состав этого министерства. Он был вычеркнут из списка эмигрантов с момента закрытия конвента как революционер 1791 года; его большая проницательность, которая всегда причисляла его к партии, имевшей наибольшие надежды на победу, сделала его в этот период директивным республиканцем. Он держал портфель Делакура и своими советами и смелостью внес большой вклад в события Фруктидора.

Война теперь казалась все более и более неизбежной. Директория не желала примирения, которое, в лучшем случае, лишь отсрочило бы ее гибель и гибель республики до выборов VI года. Из армий посыпались угрожающие адреса против советов. Бонапарт с тревогой наблюдал за событиями, которые готовились в Париже. Будучи в близких отношениях с Карно и напрямую переписываясь с ним, он послал Лавалетта, своего помощника по лагерю, чтобы тот предоставил ему отчет о расколе в правительстве, интригах и заговорах, которыми оно было охвачено. Бонапарт обещал Директории поддержку своей армии в случае реальной опасности. Он отправил Ожеро в Париж с обращениями от своих войск. "Трепещите, роялисты!" - говорили солдаты. "От Адига до Сены всего один шаг. Трепещите! Ваши беззакония сочтены, а расплата за них - на конце наших штыков". "Мы с негодованием наблюдаем, - говорили штабисты, - за кознями королевской власти, угрожающими свободе. На гривах героев, убитых за нашу страну, мы поклялись в непримиримой войне против королевской власти и роялистов. Таковы наши настроения; таковы же и ваши, и всех патриотов. Пусть роялисты покажут себя, их дни сочтены". Советы протестовали, но тщетно, против этих рассуждений армии. Генерал Ришпанс, командовавший войсками, прибывшими из армии Самбре-и-Мёз, разместил их в Версале, Мёдоне и Венсене.

Советы нападали в Прериале, но, поскольку успех их дела мог быть отложен до VI года, когда оно могло быть осуществлено без риска и сражений, после Термидора (июль 1797 года) они держали оборону. Однако тогда они сделали все возможное для подготовки к поединку: отдали приказ закрыть *конституционные кружки*, чтобы избавиться от клуба *Сальма*; они также расширили полномочия комиссии инспекторов зала, которая стала правительством законодательного органа и в которую входили два роялистских заговорщика, Виллот и Пишегрю. Гвардия советов, находившаяся под контролем директории, была передана в непосредственное распоряжение инспекторов зала. Наконец, 17 фруктидора, законодательному органу пришлось в голову обратиться за помощью к ополчению Вандемьера, и он постановил, по предложению Пишегрю, сформировать национальную гвардию. На следующий день, 18-го числа, эта мера должна была быть приведена в исполнение, и советы декретом приказали войскам отойти на некоторое расстояние. Дело дошло до того, что для решения великой борьбы революции с древним строем требовалась новая победа. Порывистый генерал Виллот хотел, чтобы они взяли инициативу в свои руки, объявили импичмент трем директорам, Баррасу, Рюбелю и Ла Ревейеру; заставили двух других присоединиться к законодательному органу; если правительство откажется подчиниться, затрубили в набат и вместе со старыми секционерами двинулись против Директории; поставили Пишегрю во главе этого *законного восстания* и выполнили все эти меры быстро, смело и в середине дня. Говорят, что Пишегрю колебался, и, поскольку мнение

нерешительных людей преобладало, был принят запоздалый курс юридических приготовлений.

Однако с директорией дело обстояло иначе. Баррас, Рюбель и Ла Ревейер решили немедленно атаковать Карно, Бартелеми и законодательное большинство. Утро 18-го числа было назначено для осуществления этого государственного переворота. Ночью войска, расположившиеся в окрестностях Парижа, вошли в город под командованием Ожеро. По замыслу директорского триумvirата, войска должны были занять Тюильри до собрания законодательного органа, чтобы избежать насильственного изгнания; созвать советы в окрестностях Люксембурга, арестовав их главных руководителей, и законодательными мерами совершить государственный переворот, начатый силой. Она была согласована с меньшинством советов и опиралась на одобрение массы. Войска подошли к гостинице де Виль в час ночи, расположились на набережных, мостах и Елисейских полях, и вскоре двенадцать тысяч человек и сорок орудий окружили Тюильри. В четыре часа прозвучал тревожный выстрел, и Ожеро появился у ворот Пон-Турнан.

Охрана законодательного органа была под оружием. Инспекторы зала, предупрежденные накануне о готовящемся движении, отправились в Национальный дворец (Тюильри), чтобы защищать вход. Рамель, командующий законодательной гвардией, был предан советам и расставил свои восемьсот grenadiers в разных аллеях сада, закрытых воротами. Но Пишегрю, Виллот и Рамель не могли противостоять Директории с такими малыми и неопределенными силами. Ожеро не пришлось даже форсировать проход через Пон-Турнан: как только он оказался перед grenadiers, он крикнул: "Вы республиканцы?". Те опустили оружие и ответили: "Да здравствует Ожеро! Да здравствует директриса!" и присоединились к нему. Ожеро пересек сад, вошел в зал советов, арестовал Пишегрю, Виллота, Рамеля и всех инспекторов зала и препроводил их в Храм. Члены советов, спешно созванные инспекторами, толпами направились к месту заседаний, но были арестованы или отказаны в приеме вооруженной силой. Ожеро объявил им, что Директория, движимая необходимостью защитить республику от заговорщиков среди них, назначила местом их заседаний Одеон и Медицинскую школу. Большая часть присутствующих депутатов выступила против военного насилия и диктаторской узурпации, но они были вынуждены уступить.

В шесть утра эта экспедиция была завершена. Проснувшись, жители Парижа обнаружили, что войска все еще под оружием, а стены украшены прокламациями, возвещающими о раскрытии грозного заговора. Людей призывали соблюдать порядок и уверенность. В директории было напечатано письмо генерала Моро, в котором он подробно рассказывал о заговоре своего предшественника Пишегрю с эмигрантами, и еще одно письмо принца де Конде к Имберу Колomezу, члену Древних. Все население хранило спокойствие; они были лишь зрителями события, произошедшего без вмешательства сторон и только при содействии армии. Они не выражали ни одобрения, ни сожаления.

Директория почувствовала необходимость узаконить, а тем более прекратить этот необычный акт. Как только члены пятисот и древние собрались в Одеоне и Медицинской школе в достаточном для дискуссии количестве, они решили заседать постоянно. Послание Директории возвестило о мотиве, которым руководствовались все ее меры. "Граждане, законодатели, - говорилось в послании, - если бы Директория промедлила еще один день, республика была бы отдана на растерзание врагам. Место, где вы заседаете, было местом встречи заговорщиков: отсюда они вчера распространяли свои планы и приказы о доставке оружия; отсюда они вчера вечером переписывались со своими сообщниками; наконец, отсюда или поблизости они снова пытались собрать подпольные и подстрекательские

собрания, которые полиция в данный момент пытается разогнать. Мы поставили бы под угрозу благополучие общества и его верных представителей, если бы позволили им оставаться в заговоре вместе с врагами страны".

Младший совет назначил комиссию в составе Съеса, Пулена-Гранпре, Вилье, Шазалья и Буле де ла Мерта, которой было поручено представить закон об *общественной безопасности*. Закон представлял собой меру остракизма; в этот второй революционно-диктаторский период эшафот был заменен только транспортировкой.

Среди пятисот человек, приговоренных к казни, были: Обри, Ж. Ж. Эме, Байяр, Блен, Буасси-д'Англас, Борн, Бурдон-де-Л'Уаз, Кадруа, Кушери, Делахайе, Деларю, Думер, Дюмоляр, Дюпланье, Жибер Десмольер, Анри Ла Ривьер, Имбер-Коломез, Камиль Жордан, Журдан (де Буш-дю-Рон) Галль, Ла Карьер, Лемаршан-Гомикур, Лемерер, Мерсан, Мадье, Майяр, Ноай, Андре, Мак-Картен, Пави, Пасторе, Пишегрю, Полиссар, Прайер-Монто, Кватремер-Кинси, Саладин, Симеон, Вовилье, Вьено-Ваублан, Вилларе-Жуазе, Виллот. В совете древних: Барбе-Марбуа, Дюма, Ферро-Вайян, Лафон-Ладебат, Ломон, Мурьер, Мурина, Паради, Порталис, Ровер, Тронсон-Дюкудрей. В каталоге: Карно и Бартелеми. Они также осудили аббата Броттье, Лавильернуа, Дюнана, бывшего министра полиции Кошона, бывшего агента полиции Доссонвиля, генералов Миранду и Моргана, журналиста Суара, бывшего конвенционалиста Мейле и коменданта Рамеля. Нескольким из проскрибированных удалось избежать декрета о ссылке; среди них был и Карно. Большинство из них были перевезены в Кайенну, но многие не покинули остров Ре.

Директория значительно расширила этот акт остракизма. В приговор о высылке были включены авторы тридцати пяти журналов. Она хотела разом поразить все проспекты республики в советах, в прессе, в избирательных собраниях, в департаментах, словом, везде, где они себя проявляли. Выборы в сорока восьми департаментах были аннулированы, законы в пользу священников и эмигрантов отменены, и вскоре после этого исчезновение всех, кто правил в департаментах после 9-го термидора, подняло дух павшей республиканской партии. Фруктидорский переворот не был чисто центральным; как и победа Вандемьера, он погубил роялистскую партию, которую предыдущее поражение только оттолкнуло. Но, вновь заменив законное правительство диктатурой, она сделала необходимой еще одну революцию, о которой мы расскажем позже.

Можно сказать, что 18 фруктидора V года было необходимо, чтобы директория одержала победу над контрреволюцией, разгромив советы; или чтобы советы одержали победу над республикой, свергнув директорию. Итак, вопрос поставлен, осталось выяснить, во-первых, могла ли Директория победить каким-либо другим способом, кроме государственного переворота; во-вторых, не злоупотребила ли она своей победой?

Правительство не имело права распускать советы. По окончании революции, целью которой было утверждение крайне правых, они не могли передать второстепенной власти контроль над суверенитетом народа, а в некоторых случаях и подчинить законодательную власть директории. Не имея такой уступки экспериментальной политике, какие средства оставались у директории для изгнания врага из сердца государства? Не имея больше возможности защищать революцию с помощью закона, она не могла прибегнуть ни к чему другому, кроме диктатуры; но, прибегнув к ней, она нарушила условия своего существования; спасая революцию, она вскоре пала сама.

Что касается победы, то она омрачила ее насилием, пытаясь сделать ее слишком полной. Приговор о ссылке был распространен на слишком большое число жертв; мелкие страсти людей смешались с защитой дела, и Директория не проявила того нежелания к

произвольным мерам, которое является единственным оправданием государственных переворотов. Чтобы достичь своей цели, она должна была сослать только главных заговорщиков; но редко случается, чтобы партия не злоупотребляла диктатурой и чтобы, обладая властью, она не верила в опасность поблажек. Поражение 18-го фруктидора было четвертым для роялистской партии; два произошли для того, чтобы лишить ее власти, - 14 июля и 10 августа; два - чтобы не допустить ее восстановления, - 13-го вендемьера и 18-го фруктидора. Это повторение бессильных попыток и длительных поражений не в малой степени способствовало подчинению этой партии консульству и империи.

ГЛАВА XIII

ОТ 18 ФРУКТИДОРА V ГОДА (4 СЕНТЯБРЯ 1797 ГОДА) ДО 18 БРЮМЕРА VIII ГОДА. (9 НОЯБРЯ 1799 Г.)

Главным результатом 18-го фруктидора стал возврат, с небольшими смягчениями, к революционному правительству. Два древних привилегированных класса были снова исключены из общества; инакомыслящие священники были снова изгнаны. Шуаны и бывшие беглецы, занимавшие поле битвы в департаментах, оставили его старым республиканцам: те, кто входил в военное сословие Бурбонов, высшие офицеры короны, члены парламентов, командоры орденов Святого Духа и Святого Людовика, рыцари Мальты, все те, кто протестовал против отмены дворянства и сохранил его титулы, должны были покинуть территорию республики. Дворяне, получившие дворянство, могли пользоваться правами граждан только по истечении семилетнего срока и после прохождения своего рода ученичества в качестве французов. Эта партия, стремясь к власти, восстановила диктатуру.

В этот период Директория достигла максимума своего могущества; некоторое время у нее не было врагов в оружии. Освободившись от всякой внутренней оппозиции, она навязала Австрии континентальный мир по договору Кампо-Формио, а империи - по Раштадтскому конгрессу. Кампо-Формийский договор был более выгоден Венскому кабинету, чем Леобенские прелиминарии. Его бельгийские и ломбардские государства были оплачены частью венецианских. Эта старая республика была разделена; Франция сохранила за собой Ионические острова, а город Венецию и провинции Истрия и Далмация отдала Австрии. В этом Директория совершила большую ошибку и была виновна в покушении на свободу. В фанатизме системы мы можем желать освободить страну, но никогда не должны ее отдавать. Произвольно распределив территорию маленького государства, Директория подала дурной пример этого движения наций, которому с тех пор слишком часто следуют. Кроме того, австрийское владычество рано или поздно распространилось бы на Италию благодаря этой неосмотрительной уступке Венеции.

Коалиция 1792 и 1793 годов была распущена; единственной воюющей державой оставалась Англия. Лондонский кабинет вовсе не был расположен уступить Франции, на которую он напал в надежде ослабить ее, Бельгию, Люксембург, левый берег Рейна, Порентгюи, Ниццу, Савойю, протекторат Генуи, Милан и Голландию. Но, сочтя необходимым умиротворить английскую оппозицию и реорганизовать свои средства нападения, он сделал предложения о мире; он послал лорда Мальмсбери в качестве полномочного представителя сначала в Париж, затем в Лилль. Но предложения Питта не были искренними, Директория не позволила обмануть себя его дипломатическими уловками. Переговоры дважды прерывались, и война между двумя державами продолжалась. Пока Англия вела переговоры в Лилле, она готовила в Петербурге тройственный союз, или вторую коалицию.

Директория, оставшаяся без финансов, без внутренней партии, не имевшая никакой поддержки, кроме армии, и не пользовавшаяся никаким авторитетом, кроме того, который

она получала от продолжения своих побед, была не в том состоянии, чтобы согласиться на общий мир. Он усилил общественное недовольство, установив некоторые налоги и сократив долг до консолидированной трети, выплачиваемой только в специях, что разорило держателей фондов. Стало необходимо поддерживать себя войной. Огромное количество солдат не могло быть распущено без опасности. Кроме того, лишившись власти и отдавшись на милость Европы, Директория предприняла попытку, которая никогда не вызывала потрясений, разве что во времена великого спокойствия, легкости, изобилия и занятости. В силу своего положения Директория была вынуждена вторгнуться в Швейцарию и предпринять экспедицию в Египет.

Бонапарт к тому времени вернулся в Париж. Завоеватель Италии и умиротворитель континента был принят с энтузиазмом, сдерживаемым со стороны директории, но глубоко прочувствованным народом. Ему были оказаны почести, которых еще не удостоивался ни один генерал республики. В Люксембурге был приготовлен патриотический алтарь, и он прошел под аркой из штандартов, завоеванных в Италии, на пути к триумфальной церемонии в свою честь. Его томил Баррас, президент Директории, который, поздравив его с победами, предложил ему "увенчать столь благородную жизнь завоеванием, которым великая страна обязана своему оскорбленному достоинству". Это было завоевание Англии. Казалось, что все готовится к наступлению, в то время как на самом деле речь шла о вторжении в Египет.

Такая экспедиция устраивала и Бонапарта, и Директорию. Независимое поведение этого генерала в Италии, его честолюбие, которое время от времени прорывалось сквозь его напускную простоту, делало его присутствие опасным. Он же, со своей стороны, опасался своей бездеятельностью подорвать и без того высокое мнение о его талантах: ведь люди всегда требуют от тех, кого они делают великими, большего, чем те способны выполнить. Так, если Директория видела в экспедиции в Египет средство удержать на расстоянии грозного генерала и перспективу нападения на англичан со стороны Индии, то Бонапарт видел в ней гигантский замысел, занятие, соответствующее его вкусу, и новое средство удивить человечество. Он отплыл из Тулона 30-го флореаля VI года (19 мая 1798 года). (19 мая 1798 года), с флотом в четыреста парусов и частью итальянской армии; он направился к Мальте, где стал хозяином, а оттуда - в Египет.

Директория, нарушившая нейтралитет Османской Порты, чтобы напасть на англичан, уже нарушила нейтралитет Швейцарии, чтобы изгнать эмигрантов с ее территории. Французские взгляды уже проникли в Женеву и де Во; но политика Швейцарской конфедерации была контрреволюционной, благодаря влиянию бернской аристократии. Они изгнали из кантонов всех швейцарцев, проявивших себя сторонниками Французской республики. Берн был штаб-квартирой эмигрантов, и именно там формировались все заговоры против революции. Директория жаловалась, но не получала удовлетворения. Водуа, поставленные старыми договорами под защиту Франции, призвали ее на помощь против тирании Берна. Этот призыв Водуа, его собственные обиды, желание распространить республиканскую систему управления на Швейцарию, гораздо больше, чем соблазн захватить небольшое количество сокровищ в Берне, упрек, выдвинутый против него некоторыми, определили позицию Директории. Состоялось несколько конференций, которые ни к чему не привели, и началась война. Швейцарцы защищались с большим мужеством и упрямством, надеясь возродить времена своих предков, но они уступили. Женева была присоединена к Франции, а Швейцария поменяла свою древнюю конституцию на конституцию III года. С этого времени в конфедерации существовали две партии, одна из которых выступала за Францию и революцию, другая - за контрреволюцию и Австрию. Швейцария перестала быть общим барьером и стала главной дорогой Европы.

За этой революцией последовала революция в Риме. Генерал Дюфо был убит в Риме во время беспорядков, и в наказание за это убийство, которое не предотвратило папское правительство, Рим был преобразован в республику. Все это завершило систему директории и сделало ее преобладающей в Европе; теперь она стояла во главе Гельветинской, Батавской, Лигурийской, Цизальпинской и Римской республик, построенных по одному и тому же образцу. Но пока Директория расширяла свое влияние за границей, ей снова угрожали внутренние партии.

Выборы во Флореале в VI году (май 1798 г.) были проведены по принципу: "Я не знаю, что делать?" (май 1798 года) были отнюдь не благоприятны для Директории; результаты выборов сильно отличались от результатов выборов V года. После 18-го фруктидора уход контрреволюционеров восстановил все влияние исключительно республиканской партии, которая вновь создала клубы под названием "*Конституционные кружки*". Эта партия доминировала в избирательных собраниях, которые, что особенно необычно, должны были выдвинуть четыреста тридцать семь депутатов: двести девяносто восемь - в совет пятисот, сто тридцать девять - в совет древних. Когда выборы приблизились, Директория громко выступила против *анархистов*. Однако ее прокламации не смогли помешать демократическим выборам, и она решила аннулировать их на основании закона, которым советы после 18 фруктидора предоставили ей *право судить* о деятельности избирательных собраний. В своем послании он предложил законодательному органу назначить для этой цели комиссию из пяти членов. 22-го Флореаля выборы в большинстве своем были отменены. В этот период партия Директории нанесла удар по крайним республиканцам, как за девять месяцев до этого она наносила удар по роялистам.

Директория хотела сохранить политическое равновесие, которое было характерно для первых двух лет ее правления; но ее позиция сильно изменилась. После последнего государственного переворота она уже не могла быть беспристрастным правительством, так как перестала быть конституционным правительством. С этими претензиями на изоляцию оно вызывало всеобщее недовольство. И все же оно просуществовало в таком виде до выборов VII года. Оно проявляло большую активность, но активность узкую и неуклюжую. Мерлен де Дуай и Трейльяр, сменившие Карно и Бартеlemi, были двумя политическими юристами. Рюбель обладал в высшей степени смелостью, не имея при этом широких взглядов государственного деятеля. Ларевейер был слишком занят сектой теофилантропов, чтобы стать государственным деятелем. Что касается Барраса, то он продолжал вести разгульный образ жизни и занимать директорское кресло; его дворец был местом встречи игроманов, галантных женщин и биржевых дельцов всех мастей. Управление директорами выдавало их характер, но особенно их положение; к затруднениям, которые они испытывали, добавилась война со всей Европой.

Пока республиканские полномочные представители еще вели переговоры о мире с империей в Раштадте, вторая коалиция начала кампанию. Договор в Кампо-Формио был для Австрии лишь приостановкой вооружений. Англии не составило труда привлечь ее к новой коалиции; за исключением Испании и Пруссии, большинство европейских держав вошли в ее состав. Субсидии британского кабинета и привлекательность Запада решили Россию; Порта и барбарийские государства присоединились к ней из-за вторжения в Египет; империя - чтобы вернуть себе левый берег Рейна, а мелкие князья Италии - чтобы уничтожить новые республики. В Раштадте обсуждали договор об империи, уступке левого берега Рейна, судоходстве по этой реке и разрушении некоторых крепостей на правом берегу, когда русские вошли в Германию, а австрийская армия начала движение. Французские полномочные представители, застигнутые врасплох, получили приказ выехать через четыре

и двадцать часов; они немедленно повиновались и отправились в путь, заручившись безопасностью генералов противника. На небольшом расстоянии от Раштадта их остановили несколько австрийских гусар, которые, убедившись в их именах и титулах, убили их: Бонье и Робержо были убиты, Жан де Бри остался лежать мертвым. Это неслыханное нарушение права наций, это преднамеренное убийство трех человек, наделенных священным характером, вызвало всеобщий ужас. Законодательный орган объявил войну, и объявил ее с негодованием против правительств, на которых лежала вина за это чудовище.

Военные действия уже начались в Италии и на Рейне. Директория, осведомленная о походе русских войск и подозревавшая о намерениях Австрии, заставила советы принять закон о наборе рекрутов. Военная повинность предоставила в распоряжение республики двести тысяч молодых людей. Этот закон, имевший неисчислимые последствия, стал результатом более регулярного порядка вещей. *Массовые* сборы были революционной службой страны; воинская повинность стала законной службой.

Самые нетерпеливые из держав, те, что составляли передовую гвардию коалиции, уже начали наступление. Неаполитанский король двинулся на Рим, а король Сардинии поднял войска и угрожал Лигурийской республике. Поскольку у них не было достаточно сил, чтобы выдержать удар французских армий, они были легко завоеваны и лишены владений. Генерал Шампионне вошел в Неаполь после кровопролитной победы. Лазарони три дня защищали внутренние районы города; но они сдались, и была провозглашена Парфенопольская республика. Генерал Жубер занял Турин, и вся Италия была в руках французов, когда началась новая кампания.

Коалиция превосходила республику как в живой силе, так и в подготовке. Она атаковала ее на трех больших направлениях - в Италии, Швейцарии и Голландии. Сильная австрийская армия деблокировалась в герцогстве Мантуя; она дважды разбила Шерера на Адидже, и вскоре к ней присоединился капризный и доселе победоносный Суворов. Моро сменил Шерера и, как и тот, был разбит; он отступил к Генуе, чтобы удержать заслон Апеннин и соединиться с Неаполитанской армией под командованием Макдональда, которая была разбита при Требии. Австро-русские направили свои главные силы на Швейцарию. Несколько русских корпусов присоединились к эрцгерцогу Карлу, который разбил Журдана на Верхнем Рейне и готовился перевалить через Гельветский барьер. В это же время герцог Йоркский высадился в Голландии с сорока тысячами англо-русских. Маленькие республики, защищавшие Францию, подверглись вторжению, и еще несколько побед позволили бы конфедератам проникнуть даже к месту революции.

В разгар этих военных бедствий и недовольства партий в VII году состоялись выборы Флореаля. (май 1799 года) состоялись; они были республиканскими, как и выборы предыдущего года. Директория была уже недостаточно сильна, чтобы противостоять общественным несчастьям и недовольству партий. Отставка Ревбея, которого заменил Съезд, привела к потере единственного человека, способного противостоять буре, и привела в ее лоно самого ярого противника этого скомпрометированного и изношенного правительства. Умеренная партия и крайние республиканцы объединились, требуя от Директории отчета о внутреннем и внешнем положении республики. Советы заседали постоянно. Баррас покинул своих коллег. Ярость советов была направлена исключительно против Трейльера, Мерлена и Ла Ревейера, последних сторонников старой директории. Они сместили Трейльера, поскольку между его законодательными и директорскими функциями не прошло и года, как того требовала конституция. На его место сразу же был выбран бывший министр юстиции Гойер.

Затем ораторы советов обрушились на Мерлена и Ла Ревейера, которых они не могли уволить из директории. Директория, которой угрожали, направила оправдательное послание советам и предложила мир. 30 прериаля республиканец Бертран (дю Кальвадос) взошел на трибуну и, рассмотрев предложения директоров, воскликнул: "Вы предложили союз, а я предлагаю вам подумать, сможете ли вы сами сохранить свои функции. Если вы любите республику, вы без колебаний примете решение. Вы не способны на добро; вы никогда не получите доверия своих коллег, народа или представителей, без которых вы не сможете заставить законы исполняться. Я знаю, что благодаря конституции в Директории уже существует большинство, пользующееся доверием народа и национального представительства. Почему же вы не решаетесь добиться единодушия в желаниях и принципах между двумя первыми органами власти республики? Вы не пользуетесь доверием даже тех гнусных льстецов, которые вырыли вам политическую могилу. Завершите свою карьеру актом преданности, который смогут оценить добрые республиканские сердца".

Мерлен и Ла Ревейер, лишенные поддержки правительства в результате отставки Рюбеля, увольнения Трейльера и дезертирства Барраса, побуждаемые советами и патриотическими мотивами, уступили обстоятельствам и сложили с себя директорские полномочия. Эта победа, одержанная республиканской и умеренной партиями вместе взятыми, обернулась выгодой для обеих. Первые ввели в Директорию генерала Мулена, вторые - Роже Дюко. 30-е прериаля (18 июня), на котором было разбито старое правительство III года, было актом возмездия со стороны советов против директории за 18-е фруктидора и 22-е флореаля. В этот период две великие силы государства поочередно нарушили конституцию: директория - путем разгрома законодательного собрания, законодательное собрание - путем изгнания директории. Такая форма правления, на которую жаловались все партии, не могла иметь длительного существования.

После успеха 30-го прериаля Съезд постарался уничтожить то, что еще оставалось от правительства III года, чтобы создать правовую систему по другому плану. Он был прихотлив и систематичен, но обладал способностью уверенно оценивать ситуацию. Он вновь вступил на сцену революции необычной эпохи с намерением укрепить ее окончательной конституцией. После того как он принял участие в главных изменениях 1789 года, своим предложением от 17 июня, превратившим Генеральные штаты в Национальное собрание, и своим планом внутренней организации, заменившим департаменты провинциями, он оставался пассивным и молчаливым в течение последующего периода. Он ждал, пока период государственной обороны снова не уступит место институтам. Назначенный, согласно директории, в посольство в Берлин, нейтралитет Пруссии был приписан его усилиям. По возвращении он принял должность директора, от которой до сих пор отказывался, поскольку Рюбель покидал правительство, а он считал, что партии достаточно устали, чтобы предпринять окончательное умиротворение и установление свободы. С этой целью он положился на Роже-Дюко в директории, на совет древних в законодательном собрании, а без него - на массу умеренных людей и среднего класса, которые, желая законов лишь как новшества, теперь желали отдыха как новшества. Эта партия стремилась к созданию сильного и надежного правительства, у которого не было бы ни прошлого, ни вражды и которое в будущем могло бы удовлетворить все мнения и интересы. Поскольку все, что было сделано с 14 июля по 9 термидора народом в связи с частью правительства, было сделано с 13 вендемьера солдатами, Съезду нуждался в генерале. Он обратил свой взор на Жубера, которого поставил во главе итальянской армии, чтобы тот своими победами и освобождением Италии приобрел большое политическое значение.

Однако конституция III года все еще поддерживалась двумя директорами, Гойе и Муленом, советом пятисот, а без него - партией *Манежа*. Решительные республиканцы создали клуб, который заседал в том зале, где проходили первые наши ассамблеи. Новый клуб, образовавшийся из остатков клуба Сальма перед 18-м фруктидором, клуба Пантеона в начале Директории и старого общества якобинцев, с энтузиазмом исповедовал республиканские принципы, но не демократические взгляды низшего класса. Каждая из этих партий также имела долю в министерстве, которое было обновлено одновременно с директорией. Камбасерес возглавил департамент юстиции, Кинетт - департамент внутренних дел, Рейнхард, временно занимавший этот пост во время министерского междуцарствия Талейрана, стал министром иностранных дел, Робер Линде - министром финансов, Бурдон (из Ватри) - флота, Бернадот - войны, Бургиньон, которого вскоре заменил Фуше (из Нанта), - полиции.

На этот раз Баррас сохранял нейтралитет между двумя подразделениями законодательного органа, директорией и министерством. Видя, что дело близится к более значительным переменам, чем 30-е прериаля, он, бывший дворянин, решил, что упадок республики приведет к реставрации Бурбонов, и вступил в переговоры с претендентом Людовиком XVIII. Похоже, что, ведя переговоры о восстановлении монархии через своего агента Давида Моннье, он не забывал и о себе. Баррас ничего не поддерживал по убеждению и всегда становился на сторону той партии, которая имела наибольшие шансы на победу. Демократический член Горы 31 мая; реакционный член Горы 9 термидора; революционный директор против роялистов 18 фруктидора; крайний республиканский директор против своих старых коллег 30 прериаля; теперь он стал роялистским директором против правительства III года.

Фракция, обескураженная 18-м фруктидором и миром на континенте, также набралась смелости. Военные успехи новой коалиции, закон об обязательных займах и закон о заложниках, заставивший каждую эмигрантскую семью дать гарантии правительству, заставили роялистов юга и запада вновь взяться за оружие. Они вновь появились в отрядах, которые с каждым днем становились все более грозными, и возродили мелкую, но губительную войну чуанцев. Они ждали прихода русских и предвкушали скорую реставрацию монархии. Это был момент нового соперничества всех партий. Каждая стремилась унаследовать гибнущую конституцию, как это было при закрытии конвента. Во Франции людей предупреждает некий политический запах о том, что правительство умирает, и все партии спешат успеть к смерти.

К счастью для республики, война изменила свой аспект на двух главных рубежах - Верхнем и Нижнем Рейне. Союзники, овладев Италией, хотели войти во Францию через Швейцарию и Голландию; но генералы Массена и Брюне остановили их доселе победоносное продвижение. Массена выступил против Корсакова и Суворова. В течение двенадцати дней великих комбинаций и последовательных побед, спеша поочередно от Констанца до Цюриха, он отразил усилия русских, заставил их отступить и дезорганизовал коалицию. Брюн также разбил герцога Йоркского в Голландии, заставил его отступить и отказаться от попытки вторжения. Только итальянская армия оказалась менее удачливой. Она потеряла своего генерала Жубера, убитого в битве при Нови, когда он возглавлял атаку на австро-русских. Но этот рубеж, находившийся на расстоянии от центра действий, несмотря на поражение при Нови, не был пересечен, и Шампионне умело его защищал. Вскоре он был вновь пройден республиканскими войсками, которые после каждого возобновления боев, будучи на мгновение побежденными, вскоре восстанавливали свое превосходство и

возобновляли победы. Европа, давая дополнительное упражнение военной силе, своими постоянными нападениями делала ее каждый раз все более победоносной.

Но внутри страны ничего не менялось. Разногласия, недовольство и беспокойство были такими же, как и прежде. Борьба между умеренными республиканцами и крайними республиканцами стала более решительной. Сийес продолжал осуществлять свои проекты против последних. На Марсовом поле 10 августа он напал на якобинцев. Люсьен Бонапарт, имевший большое влияние в совете пятисот, благодаря своему характеру, талантам и военному значению завоевателя Италии и Египта, нарисовал в этом собрании страшную картину царствования террора и заявил, что Франции грозит его возвращение. Примерно в это же время Сийес добился отставки Бернадота, а Фуше, в согласии с ним, закрыл заседания Манежа. Народ, которому достаточно представить призрак прошлого, чтобы внушить ему страх, встал на сторону умеренной партии, опасаясь возвращения правления террора; крайние республиканцы потерпели неудачу в своем стремлении объявить *отечество в опасности*, как они это сделали при закрытии законодательного собрания. Но Сийес, потеряв Жубера, искал генерала, который мог бы войти в его планы и защищать республику, не становясь ее угнетателем. Хоше был мертв уже больше года. Моро вызвал подозрения своим двусмысленным поведением с Директорией перед 18 фруктидора и внезапным доносом на своего старого друга Пишегрю, измену которого он скрывал целый год; Массена не был политическим генералом; Бернадотт и Журдан были преданы партии Манежа; Съезе был вынужден отложить свой план из-за отсутствия подходящего агента.

Бонапарт узнал на востоке от своего брата Люсьена и нескольких других друзей о положении дел во Франции и упадке директории. Его экспедиция была блестящей, но безрезультатной. Разгромив мамлюков и разрушив их власть в Верхнем и Нижнем Египте, он двинулся в Сирию; но неудача осады Акко вынудила его вернуться к первому завоеванию. Там, после разгрома османской армии на побережье Абукира, столь рокового для французского флота в предыдущем году, он решил покинуть эту страну изгнания и славы, чтобы обратить новый кризис во Франции к своему собственному возвышению. Он оставил генерала Клебера командовать восточной армией, а сам на фрегате пересек Средиземное море, в то время усыпанное английскими кораблями. Он высадился во Фрежюсе 7 вандемьера VIII года (9 октября 1799 года). (9 октября 1799 года), через девятнадцать дней после битвы при Бергене, выигранной Брюном у англо-русских под командованием герцога Йоркского, и через четырнадцать дней после Цюрихской битвы, выигранной Массеной у австро-русских под командованием Корсакова и Суворова. Он с триумфом проехал по Франции от берегов Средиземного моря до Парижа. Его экспедиция, почти сказочная, поразила общественное мнение и еще больше усилила славу, которую он приобрел благодаря завоеванию Италии. Эти два предприятия возвысили его над всеми другими генералами республики. Удаленность театра, на котором он сражался, позволила ему начать карьеру независимости и власти. Победоносный полководец, признанный и послушный переговорщик, создатель республик, он умело обращался со всеми интересами, с умеренностью - со всеми вероисповеданиями. Готовя вдалеке свою честолюбивую судьбу, он не стал подчиняться ни одной системе и управлял всеми партиями так, чтобы добиться своего возвышения с их согласия. Он вынашивал эту идею узурпации с момента своих побед в Италии. 18 фруктидора, если бы Директория была побеждена советами, он намеревался выступить против последних со своей армией и захватить протекторат республики. После 18-го фруктидора, обнаружив, что Директория слишком сильна, а бездействие на континенте слишком опасно для него, он согласился на экспедицию в Египет, чтобы не пасть духом и не быть забытым. При известии о дезорганизации Директории, 30-го прериала, он поспешно отправился на место событий.

Его прибытие вызвало энтузиазм умеренных масс нации. Он получил всеобщие поздравления, и все партии боролись за его расположение. Генералы, директора, депутаты и даже республиканцы из Манежа ждали его и пытались задобрить. В его честь устраивались праздники и банкеты. Его манеры были серьезны, просты, холодны и наблюдательны; в нем уже чувствовался тон снисходительной фамильярности и невольные привычки повелевать. Несмотря на отсутствие искренности и открытости, он обладал самообладанием, и в нем легко было прочесть заговорщицкую мысль. Не высказывая своего замысла, он позволял догадываться о нем, ведь для того, чтобы дело свершилось, его всегда нужно ожидать. Он не мог искать сторонников среди республиканцев Манежа, так как они не желали ни государственного переворота, ни диктатора, а Съезд боялся, что он слишком честолюбив, чтобы соответствовать его конституционным взглядам. Поэтому Съезд не решался открыться Бонапарту, но, побуждаемый общими друзьями, они встретились и договорились. 15 брюмера они определили свой план нападения на конституцию III года, Съезд взял на себя подготовку советов по *поручению инспекторов*, которые безгранично доверяли ему. Бонапарт должен был заручиться поддержкой генералов и различных корпусов войск, расквартированных в Париже, которые проявляли к нему большой энтузиазм и привязанность к его персоне. Они договорились созвать чрезвычайное собрание умеренных членов советов, описать Древним общественную опасность, и, убеждая в преобладании якобинства, потребовать удаления законодательного органа в Сен-Клу и назначения генерала Бонапарта командующим вооруженными силами, как единственного человека, способного спасти страну; а затем, с помощью новой военной власти, добиться отстранения директории и временного роспуска законодательного органа. Предприятие было назначено на утро 18 брюмера (9 ноября).

В течение этих трех дней, если бы тайна была сохранена, Баррас, Мулен и Гойер, составлявшие большинство в Директории, председателем которой тогда был Гойер, могли бы сорвать переворот заговорщиков, опередив их, как это было 18 фруктидора. Но они оправдывали только надежды, а не какие-то решительные проекты. Утром 18-го числа *инспекторы* необычным образом созвали членов древних; они отправились в Тюильри, и около семи утра под председательством Лемерсье начались дебаты. Корнуде, Лебрен и Фарг, три самых влиятельных заговорщика в совете, нарисовали самую тревожную картину состояния государственных дел; они заявили, что якобинцы толпами стекаются в Париж из всех департаментов; что они желают восстановить революционное правительство и что царствование террора снова опустошит республику, если у совета не хватит мужества и мудрости предотвратить его возвращение. Другой заговорщик, Ренье де ла Мерт, потребовал от древних, уже перемещенных, чтобы они, пользуясь правом, предоставленным им конституцией, перевели законодательный орган в Сен-Клу и поручили Бонапарту, назначенному ими на должность командира 17-й военной дивизии, руководить этим перемещением. То ли все члены совета были соучастниками этого маневра, то ли их напугал столь поспешный созыв и столь тревожные речи, но они мгновенно исполнили требование заговорщиков.

Бонапарт с нетерпением ожидал результатов этого совещания в своем доме на улице Шантерен; его окружали генералы, Лефевр, начальник охраны директории, и три полка кавалерии, которые он собирался просмотреть. Декрет совета древних был принят около восьми, а в половине восьмого ему привезли государственного гонца. Он принял поздравления от всех окружающих; офицеры выхватили мечи в знак верности. Он поставил себя во главе их, и они промаршировали к Тюильри; он предстал перед древней стойкой, принес клятву верности и назначил своим лейтенантом Лефевра, начальника директорской гвардии.

Однако это было лишь начало успеха. Бонапарт стоял во главе вооруженных сил; но исполнительная власть директории и законодательная власть советов еще сохранялись. В борьбе, которая неизбежно должна была последовать, не было уверенности, что великая и до сих пор победоносная сила революции не восторжествует. Съез и Роже Дюко отправились из Люксембурга в законодательный и военный лагерь Тюильри и подали в отставку. Баррас, Мулен и Гойе, осведомленные со своей стороны, но слишком поздно, о происходящем, хотели применить свою власть и обеспечить себе охрану; но последние, получив от Бонапарта сведения об указе древних, отказались им подчиниться. Баррас, обескураженный, подал прошение об отставке и удалился в свое поместье Грос-Буа. Директория, по сути, была распущена, и в борьбе стало на одного противника меньше. Против оставались только пятьсот и Бонапарт.

Декрет Совета древних и прокламации Бонапарта были вывешены на стенах Парижа. В этом великом городе царил волнение, сопровождающее чрезвычайные события. Республиканцы, и не без оснований, испытывали серьезную тревогу за судьбу свободы. Но когда они выражали тревогу по поводу намерений Бонапарта, в котором они видели Цезаря или Кромвеля, им отвечали словами самого генерала: *"Плохие детали, изношенные детали, недостойные здравомыслящего человека, даже если бы они не были таковыми у хорошего человека". Было бы святотатством нападать на представительное правительство в наш век интеллекта и свободы. Глуп тот, кто с легким сердцем пожелал бы потерять ставку республики против королевской власти после того, как он поддерживал ее с некоторой славой и опасностью*". Однако значение, которое он придавал себе в своих прокламациях, было зловещим. Он упрекнул Директорию в положении Франции самым необычным образом. "Что вы сделали, - говорил он, - с той Францией, которую я оставил в ваших руках такой цветущей? Я оставил вам мир, а нахожу вас в состоянии войны; я оставил вам победы, а нахожу одни поражения; я оставил вам миллионы Италии, а нахожу одни грабительские законы и несчастья. Что вы сделали со ста тысячами французов, которых я знал, моими товарищами по славе? Они мертвы! Такое положение вещей не может продолжаться долго; менее чем через три года оно приведет нас к деспотизму". Впервые за десять лет человек осмелился отнести все к себе и потребовать отчета о республике, как о своей собственной собственности. Болезненно удивляться, когда новый участник революции влезает таким образом в наследство, с таким трудом приобретенное целым народом.

19 брюмера члены советов отправились в Сен-Клу; Съез и Роже Дюко сопровождали Бонапарта на это новое поле битвы; они отправились туда с намерением поддержать замыслы заговорщиков; Съез, понимавший тактику революции, хотел подстраховаться, предварительно арестовав лидеров и допустив в советы только умеренную партию; но Бонапарт отказался на это пойти. Он не был партийным человеком; до сих пор он действовал и побеждал только полками, но считал, что может руководить законодательными советами, как армией, одним словом. Марсова галерея была подготовлена для древних, Оранжерея - для пятисот. Значительные вооруженные силы окружили место заседаний законодательного собрания, как 2 июня толпа окружила конвент. Республиканцы, собравшись группами на площади, ожидали открытия заседаний; они были возбуждены великодушным негодованием против военного жестокосердия, которое им угрожало, и сообщали друг другу свои проекты сопротивления. Молодой генерал, сопровождаемый несколькими гренадерами, прошел по дворам и квартирам и, преждевременно уступая своему характеру, сказал, как двадцатый король династии: *"Я не потерплю больше фракций: этому должен быть положен конец; я совершенно не потерплю больше этого"*. Около двух часов дня советы собрались в своих залах под звуки инструментов, игравших *"Марсельезу"*.

Как только начались дела заседания, на трибуну пятисот взошел Эмиль Годен, один из заговорщиков. Он предложил поблагодарить Совет древних за принятые меры и попросить его изложить способы спасения республики. Это предложение послужило сигналом к бурным беспорядкам; со всех концов зала раздались крики против Годена. Республиканские депутаты окружили трибуну и бюро, на котором председательствовал Люсьен Бонапарт. Заговорщики Кабанис, Буле (де ла Мерт), Шазаль, Годен и другие побледили на своих местах. После долгой сцены волнения, во время которой никто не мог добиться слушания, на несколько мгновений восстановилось спокойствие, и Дельбред предложил возобновить присягу, принесенную на конституции III года. Поскольку никто не возражал против этого предложения, которое в такой момент имело жизненно важное значение, присяга была принята с энтузиазмом и единодушием, опасными для заговора.

Бонапарт, узнав о том, что произошло в пятисотах, и подвергаясь величайшей опасности дезертирства и поражения, явился на совет древних. Все было бы потеряно для него, если бы последний, выступая за заговор, не увлекся энтузиазмом младшего совета. "Представители народа, - сказал он, - вы находитесь не в обычном положении; вы стоите на вулкане. Вчера, когда вы вызвали меня, чтобы сообщить об указе о вашем смещении и поручить мне его исполнение, я был спокоен. Я немедленно собрал своих товарищей; мы бросились к вам на помощь! А теперь меня одолевают клеветой! Они говорят о Цезаре, Кромвеле и военном правительстве! Если бы я хотел угнетать свободу моей страны, мне не следовало бы подчиняться приказам, которые вы мне отдали; у меня не было бы случая получить эту власть из ваших рук. Представители народа! Клянусь вам, что у страны нет более ревностного защитника, чем я; но ее безопасность зависит только от вас! Правительства больше нет; четверо директоров подали в отставку; пятый (Мулен) поставлен под надзор для собственной безопасности; совет из пятисот человек разделен; не осталось ничего, кроме совета древних. Пусть он принимает меры; пусть только говорит; я готов исполнить. Сохраним свободу! Сохраним равенство!" Тогда поднялся республиканец Линглет и сказал: "Генерал, мы приветствуем ваши слова: поклянитесь вместе с нами подчиняться конституции III года, которая одна может сохранить республику". Все было бы потеряно для него, если бы это предложение встретило такой же прием, какой оно нашло у пятисот. Оно удивило совет, и на мгновение Бонапарт растерялся. Но вскоре он продолжил: "Конституция III года прекратила свое существование; вы нарушили ее 18-го фруктидора; вы нарушили ее 22-го флореаля; вы нарушили ее 30-го прериала. На конституцию ссылаются все фракции, и все ее нарушают; она не может быть для нас средством безопасности, потому что больше не вызывает ни у кого уважения; конституция нарушена, мы должны заключить другой договор, получить новые гарантии". Совет аплодировал этим упрекам Бонапарта и поднялся в знак одобрения.

Бонапарт, обманутый своим легким успехом у древних, вообразил, что одного его присутствия будет достаточно, чтобы успокоить бушующий совет пятисот. Он поспешил туда во главе нескольких гренадеров, которых оставил у дверей, но в коридоре, а сам двинулся вперед один, со шляпой в руке. При виде штыков собрание поднялось с резким движением. Законодатели, восприняв его появление как сигнал к военному насилию, разом подняли крик: "Объявить его вне закона! Долой диктатора!" Несколько депутатов бросились к нему навстречу, а республиканец Бигонет, схватив его за руку, воскликнул: "Неосторожный человек! Что ты делаешь? Уйдите; вы нарушаете святыню законов". Бонапарт, бледный и взволнованный, отступил и был унесен гренадерами, которые его сопровождали.

Его исчезновение не остановило волнения совета. Все члены выступили сразу, все предложили меры общественной безопасности и обороны. Люсьен Бонапарт стал объектом всеобщих упреков; он попытался оправдать своего брата, но робко. После долгой борьбы

ему удалось пробиться к трибуне, и он призвал собрание судить брата менее строго. Он заявил, что не имел никакого умысла против их свободы, и напомнил о своих услугах. Но несколько голосов тут же воскликнули: "Он потерял все их заслуги; долой диктатора! Долой тиранов!" Беспорядки стали еще более бурными, чем прежде, и все требовали объявить генерала Бонапарта вне закона. "Что, - сказал Люсьен, - вы хотите, чтобы я объявил вне закона моего брата?" "Да! Да! Вне закона! Это награда тиранов!" В разгар смятения было внесено предложение и поставлено на голосование, что совет должен заседать постоянно; что он должен немедленно отправиться в свой дворец в Париже; что войска, собранные в Сен-Клу, должны составлять часть охраны законодательного органа; что командование ими должно быть передано генералу Бернадотту. Люсьен, пораженный этими предложениями и объявлением вне закона, которое, как он думал, было принято вместе с остальными, покинул кресло президента и, взойдя на трибуну, в величайшем волнении сказал: "Поскольку меня не слышат в этом собрании, я с чувством оскорбленного достоинства снимаю с себя символы народной магистратуры". И он снял шапку, мантию и шарф.

Тем временем Бонапарт, покинув Совет пятисот, с трудом вернул себе самообладание. Непривычный к сценам народных волнений, он был сильно взволнован. Вокруг него собрались офицеры, а Съезд, имевший большой революционный опыт, убеждал его не терять времени и применить силу. Генерал Лефевр немедленно отдал приказ увести Люсьена из совета. Отряд вошел в зал, подошел к креслу, которое теперь снова занимал Люсьен, поставил его в свои ряды и вернулся с ним к войскам. Как только Люсьен вышел, он сел на лошадь рядом с братом и, лишившись своего законного статуса, обратился к войскам с речью как президент. В согласии с Бонапартом он придумал столь часто повторяемую с тех пор историю о том, что в совете пятисот на генерала наставили пиньяры, и воскликнул: "Граждане солдаты, президент совета пятисот заявляет вам, что значительное большинство членов этого совета в данный момент находится в страхе перед кинжалами нескольких представителей, которые окружают трибуну, угрожают своим коллегам смертью и вызывают самые ужасные обсуждения. Генерал, и вы, солдаты и граждане, признаете законодателями Франции только тех, кто следует за мной. Что касается тех, кто остается в Оранжеее, пусть их изгонит сила. Эти разбойники больше не представители народа, а представители пиньяра". После этого яростного призыва, обращенного к войскам президентом-заговорщиком, который, как обычно, клеветал на тех, кого хотел проскрибировать, Бонапарт заговорил: "Солдаты, - сказал он, - я привел вас к победе; могу ли я на вас положиться?" - "Да! Да! Да здравствует генерал!" - "Солдаты, были основания ожидать, что совет пятисот спасет страну; напротив, он предается кишечным ссорам; агитаторы стремятся возбудить его против меня. Солдаты, могу ли я на вас положиться?" "Да! Да! Да здравствует Бонапарт!" "Ну что ж, тогда я приведу их в чувство!" И он мгновенно отдал приказ окружавшим его офицерам очистить зал от пятисот человек.

Совет, после ухода Люсьена, был в большом волнении и нерешительности. Некоторые члены предлагали покинуть это место в полном составе и отправиться в Париж, чтобы искать защиты среди народа. Другие хотели, чтобы национальные представители не оставляли свой пост, а смело шли на возмущение силой. Тем временем в зал степенно вошел отряд гренадеров, и командующий офицер сообщил совету, что им следует разойтись. Депутат Прудон напомнил офицеру и его солдатам об уважении, которое должно оказываться представителям народа; генерал Журдан также объяснил им всю чудовищность подобной меры. На мгновение войска заколебались; но тут подоспело подкрепление в тесной колонне. Генерал Леклерк воскликнул: "Именем генерала Бонапарта законодательный орган распускается; пусть все добропорядочные граждане уйдут в отставку. Гренадеры, вперед!" Со всех сторон раздались крики негодования, но их заглушили барабаны. Гренадеры

медленно продвигались по всей ширине Оранжереи, выставив штыки. Таким образом они гнали перед собой законодателей, которые, покидая место, продолжали кричать: "Да здравствует республика!". В половине пятого вечера 19-го брюмера VIII года (10 ноября 1799 года) на площади перед зданием Законодательной палаты появились люди. (10 ноября 1799 года) представительства уже не было.

Так было совершено это нарушение закона, этот государственный переворот против свободы. Сила начала действовать. 18 брюмера - это 31 мая армии против представительства, за исключением того, что оно было направлено не против партии, а против народной власти. Но следует отличать 18 брюмера от его последствий. Тогда можно предположить, что армия была лишь вспомогательным средством революции, как это было 13-го вендемера и 18-го фруктидора, и что эта необходимая перемена не обернется в пользу человека - одного человека, который вскоре превратит Францию в полк и не даст о себе знать в мире, до сих пор взбудораженном столь сильным моральным волнением, кроме шагов его армии и голоса его воли.

КОНСУЛАТ

ГЛАВА XIV

ОТ 18 БРЮМЕРА (9 НОЯБРЯ 1799 ГОДА) ДО 2 ДЕКАБРЯ 1804 ГОДА

Восемнадцатое брюмера имело огромную популярность. Люди не воспринимали это событие как возвышение одного человека над советами нации; они не видели в нем конца великого движения 14 июля, положившего начало национальному существованию.

18-е брюмера приобрело вид надежды и восстановления. Хотя нация была сильно истощена и мало способна поддерживать угнетающий ее суверенитет, который даже стал предметом ее насмешек, поскольку его осуществляли низшие слои, она все же считала деспотизм настолько маловероятным, что никто, как ей казалось, не был в состоянии низвести ее до состояния подчинения. Все чувствовали потребность в том, чтобы их восстановила умелая рука, и Бонапарт, как великий человек и победоносный полководец, казался подходящим для этой задачи.

Поэтому почти все, кроме республиканцев-директоров, высказались в пользу событий того дня. Нарушение законов и государственные перевороты случались во время революции так часто, что люди привыкли оценивать их не по их законности, а по их последствиям. Начиная с партии Съеса и заканчивая роялистами 1788 года, каждый поздравлял себя с 18 брюмера и приписывал себе будущие политические преимущества этой перемены. Умеренные конституционалисты верили, что будет установлена окончательная свобода; роялисты питали себя надеждами, неуместно сравнивая эту эпоху нашей революции с эпохой английской революции 1660 года, надеясь, что Бонапарт берет на себя роль Монаха и что он скоро восстановит монархию Бурбонов; масса, не обладающая большим умом и желающая покоя, рассчитывала на восстановление порядка под властным покровителем; запрещенные классы и честолюбцы ожидали от него амнистии или возвышения. В течение трех месяцев, последовавших за 18 брюмера, одобрение и ожидания были всеобщими. Было назначено временное правительство, состоявшее из трех консулов, Бонапарта, Съеса и Роже Дюко, и двух комиссаров по законодательству, которым было поручено подготовить конституцию и окончательный порядок вещей.

Консулы и два комиссара были введены в должность 21 брюмера. Это временное правительство отменило закон о заложниках и обязательных займах; оно разрешило возвращение священников, запрещенных с 18 фруктидора; оно освободило из тюрьмы и выслало из республики эмигрантов, потерпевших кораблекрушение на побережье Кале, которые в течение четырех лет были пленниками во Франции и подвергались тяжелым наказаниям со стороны эмигрантской армии. Все эти меры были приняты весьма благосклонно. Но общественное мнение восстало против проскрипции, введенной против крайних республиканцев. Тридцать шесть из них были приговорены к перевозке в Гвиану, а двадцать один - к надзору в департаменте Шарант-Инферьер, только по указу консулов на основании доклада Фуше, министра полиции. Общественность недоброжелательно относилась ко всем, кто нападал на правительство; в то же время она восклицала против столь произвольного и несправедливого акта. Консулы, соответственно, отшатнулись перед собственным поступком; сначала они заменили перевозку на надзор, а вскоре отменили и сам надзор.

Вскоре между авторами 18 брюмера произошел разрыв. Во время их временной власти он не вызвал особого шума, поскольку произошел в законодательных комиссиях. Причиной стала новая конституция. Съез и Бонапарт не могли прийти к согласию по этому вопросу: первый желал учредить Францию, второй - управлять ею как хозяин.

Конституция Съеса, искаженная в консульской конституции VIII года, заслуживает того, чтобы быть известной, хотя бы в свете законодательного курьеза. Сийес разделил Францию на три политические единицы: коммуну, провинцию или департамент и государство. Каждое из них имело свои полномочия в области управления и судопроизводства, расположенные в иерархическом порядке: первое - муниципалитеты и *трибуналы мира и первой инстанции*; второе - народные префектуры и апелляционные суды; третье - центральное правительство и кассационный суд. Для замещения функций коммуны, департамента и государства существовало три бюджета, членами которых были только кандидаты, выдвинутые народом.

Исполнительная власть принадлежала *выборному прокламатору* - бессрочному, безответственному высшему должностному лицу, уполномоченному представлять нацию без нее и формировать правительство в виде совещательного государственного совета и ответственного министерства. *Прокламатор-избиратель* выбирал из списков кандидатов, судей - от мировых трибуналов до кассационного суда; администраторов - от мэров до министров. Но он не мог управлять сам; власть направлялась государственным советом и осуществлялась министерством.

Законодательный орган отошел от установленной до сих пор формы; он перестал быть совещательным собранием и превратился в судебный орган. Перед ним государственный совет от имени правительства и *трибунал* от имени народа отстаивали свои проекты. Его приговор был законом. По-видимому, целью Сийеса было положить конец насильственным узурпациям партий и, передав суверенитет народу, придать ему пределы: этот замысел вытекает из сложной работы его политической машины. Первичные собрания, состоящие из десятой части населения, выдвигали местный *список коммунальных кандидатов*; избирательные коллегии, также выдвигаемые ими, выбирали из *коммунального списка* высший список провинциальных кандидатов, а из *провинциального списка* - список национальных кандидатов. Во всем, что касалось правительства, существовал взаимный контроль. Прокламатор-избиратель выбирал своих чиновников из числа кандидатов, выдвинутых народом: народ мог уволить чиновников, не включив их в списки кандидатов, которые обновлялись: первый раз в два года, второй раз в пять лет, третий раз в десять лет.

Но прокламатор-избиратель не вмешивался в назначение трибунов и законодателей, чьи атрибуты были исключительно народными.

И все же, чтобы поставить противовес самой этой власти, Сийес отделил инициативу и обсуждение закона, которые возлагались на трибунат, от его принятия, принадлежавшего законодательному собранию. Но помимо этих разных прерогатив, законодательное собрание и трибунат избирались не одинаково. Трибунат состоял по праву из первых ста членов *национального списка*, в то время как законодательный орган выбирался непосредственно избирательными коллегиями. Трибуны, будучи неизбежно более активными, шумными и популярными, назначались пожизненно и на длительный срок, чтобы предотвратить их появление в момент страсти, с разрушительными и гневными проектами, как это было до сих пор в большинстве собраний. Этих опасностей не было и в другом собрании, которое должно было лишь спокойно и бескорыстно судить о законе; его избрание было прямым, а власть - преходящей.

Наконец, в дополнение ко всем остальным властям существовал консервативный орган, неспособный отдавать приказы, неспособный действовать, предназначенный исключительно для обеспечения регулярного существования государства. Этим органом было конституционное жюри, или консервативный сенат; он должен был быть для политического права тем же, чем был кассационный суд для гражданского права. Трибунат, или государственный совет, обращался к нему, когда приговор законодательного органа не соответствовал конституции. Кроме того, трибун имел право призвать в свой орган любого слишком амбициозного лидера правительства или слишком популярного трибуна по "праву поглощения", а став сенаторами, они лишались права выполнять любые другие функции. Таким образом, она дважды следила за безопасностью всей республики, поддерживая основной закон и защищая свободу от честолюбия отдельных лиц.

Что бы ни думали об этой конституции, которая кажется слишком сложной, чтобы быть практически осуществимой, следует признать, что она является результатом значительной силы ума и даже большой практической информации. Сийес слишком мало внимания уделял страстям людей; он сделал их слишком разумными, как людей, и слишком послушными, как машины. Он хотел искусными изобретениями избежать злоупотреблений человеческих конституций и исключить смерть, то есть деспотизм, откуда бы он ни пришел. Но я очень мало верю в действенность конституций; в такие моменты я верю только в силу партий в их господстве и, время от времени, в их примирении. Но я должен также признать, что если когда-либо конституция и была приспособлена к определенному периоду, то это была конституция Съеса для Франции в VIII году.

После десятилетнего опыта, который показал только исключительное господство, после насильственного перехода от конституционалистов 1789 года к жирондистам, от жирондистов к Горе, от Горы к реакционерам, от реакционеров к директории, от директории к советам, от советов к военной силе, в ней не могло быть ни покоя, ни общественной жизни. Люди устали от избитых конституций; конституция Съеса была новой; исключительные люди были больше не нужны, а продуманное голосование предотвращало внезапное пришествие контрреволюционеров, как в начале правления Директории, или ярых демократов, как в конце правления этого правительства. Это была конституция умеренных людей, подходящая для завершения революции и урегулирования нации. Но именно потому, что это была конституция умеренных людей, именно потому, что партии уже не имели достаточно пыла, чтобы требовать закона о господстве, именно по этой причине обязательно нашелся бы человек, более сильный, чем падшие партии и умеренные законодатели, который отказался бы от этого закона или, согласившись, злоупотребил бы им, что и произошло.

Бонапарт принял участие в обсуждениях в учредительном комитете; со своим инстинктом власти он ухватился за все, что в идеях Съеса было рассчитано на его проекты, и заставил отвергнуть все остальное. Съезе предназначал для него функции великого курфюрста с доходом в шесть миллионов франков и гвардией в три тысячи человек; Версальский дворец в качестве резиденции и все внешнее представительство республики. Но фактическое управление должно было быть возложено на консула войны и консула мира, функции, о которых Съезе не думал в III году, но которые он принял в VIII году; несомненно, для того, чтобы соответствовать идеям времени. Эта незначительная магистратура далеко не устраивала Бонапарта. "Как вы могли предположить, - говорил он, - что человек, обладающий талантом и честью, может смириться с тем, что будет откармливаться, как боров, на несколько миллионов в год?" С этого момента вопрос больше не поднимался; Роже Дюко и большая часть комитета высказались в пользу Бонапарта, а Съез, ненавидевший дискуссии, либо не хотел, либо не мог отстаивать свои идеи. Он видел, что законы, люди и сама Франция находятся во власти человека, возвышению которого он способствовал.

24 декабря 1799 года (Nivôse, год VIII), через сорок пять дней после 18 брюмера, была опубликована конституция VIII года; она состояла из обломков конституции Съеса, превратившейся теперь в конституцию рабства. Правительство было передано в руки первого консула, которого поддерживали два других, обладавших совещательным голосом. Сенат, в первую очередь выбранный консулами, выбирал членов трибунала и законодательного органа из списка национальных кандидатов. Инициатива в принятии законов принадлежала только правительству. Таким образом, больше не было ни органов выборщиков, назначавших кандидатов из разных списков, ни трибунов и законодателей; ни независимых трибунов, убедительно отстаивавших интересы народа перед законодательным собранием; ни законодательного собрания, возникавшего непосредственно из лона нации и подотчетного только ей, - словом, ни политической нации. Вместо всего этого существовал всесильный консул, распоряжавшийся армиями и властью, генерал и диктатор; государственный совет, призванный быть передовым отрядом узурпаторов; и, наконец, сенат из восьмидесяти членов, единственной функцией которого было сводить на нет мнение народа, выбирать трибунов без полномочий и законодателей, которые должны были оставаться немymi. Жизнь перешла от народа к правительству. Конституция Сийеса служила предлогом для плохого порядка вещей. Следует заметить, что до VIII года все конституции исходили от *Contrat-social*, а затем, вплоть до 1814 года, от конституции Съеса.

Новое правительство было установлено немедленно. Первым консулом стал Бонапарт, а вторым и третьим консулами - Камбасерес, юрист, бывший член Равнины в Конвенте, и Лебрен, бывший соправитель канцлера Мопеу. С их помощью он надеялся повлиять на революционеров и умеренных роялистов. С той же целью бывший дворянин Талейран и бывший член Горы Фуше были назначены на посты министра иностранных дел и министра полиции. Съезе испытывал сильное отвращение к назначению Фуше; но Бонапарт пожелал этого. "Мы формируем новую эпоху, - сказал он, - мы должны забыть все плохое, что было в прошлом, и помнить только хорошее". Его мало волновало, под каким знаменем служили люди до сих пор, но теперь они записывались под его знамена и созывали к себе своих старых соратников по роялизму и революции.

Два новых консула и отставной консул выдвинули шестьдесят сенаторов, не дожидаясь списков кандидатов; сенаторы назначили сто трибунов и триста законодателей; и авторы 18 брюмера распределили между собой функции государства, как добычу своей победы. Однако справедливо будет сказать, что в этом разделе преобладала умеренная либеральная

партия и что, пока она сохраняла хоть какое-то влияние, Бонапарт управлял мягко, выгодно и по-республикански. Конституция VIII года, представленная народу для принятия, была одобрена тремя миллионами одиннадцатую тысячами и семью гражданами. Конституция 1793 года получила один миллион восемьсот одну тысячу девятьсот восемнадцать голосов, а конституция III года - один миллион пятьдесят семь тысяч триста девяносто. Новый закон удовлетворил умеренные массы, которые искали спокойствия, а не гарантий; в то время как кодекс 93-го года нашел сторонников только среди низшего класса, а кодекс III года был одинаково отвергнут и роялистами, и демократами. Только конституция 1791 года получила всеобщее одобрение и, не подвергаясь индивидуальному принятию, была присягнута всей Францией.

Первый консул, следуя желаниям республики, сделал Англии предложение о мире, которое она отвергла. Естественно, он хотел придать видимость умеренности и, прежде чем заключать договор, придать своему правительству блеск новых побед. Поэтому было принято решение о продолжении войны, и консулы выступили с замечательной прокламацией, в которой они зывали к новым для нации чувствам. До сих пор ее призывали к оружию в защиту свободы, теперь же они стали возбуждать ее во имя чести: "Французы, вы желаете мира. Ваше правительство желает его с еще большей страстью: его главные надежды, его постоянные усилия были направлены в его пользу. Английское министерство отвергает его; английское министерство выдало тайну своей ужасной политики. Разорить Францию, уничтожить ее флот и порты, стереть ее с карты Европы или низвести до ранга второстепенной державы, держать народы континента в раздоре, чтобы захватить торговлю всех и обогатиться их добычей: вот страшные успехи, ради которых Англия рассыпает свое золото, щедро раздает обещания и умножает свои интриги. В вашей власти установить мир; но для этого необходимы деньги, меч и солдаты; пусть же все поспешат выплатить дань, которую они должны отдать на общую защиту. Пусть наши молодые граждане восстанут! Они возьмут в руки оружие не ради фракций или выбора тиранов, а ради безопасности всего, что им дороже всего, ради чести Франции и священных интересов человечества".

Голландия и Швейцария были укрыты во время предыдущей кампании. Первый консул собрал все свои силы на Рейне и в Альпах. Он передал Моро командование Рейнской армией, а сам отправился в Италию. Он отправился в путь 16 флореаля VIII года. (6 мая 1800 года) в эту блестящую кампанию, которая длилась всего сорок дней. Было важно, чтобы в начале своего могущества он не отлучался надолго из Парижа и тем более не оставлял войну в состоянии нерешительности. У фельдмаршала Меласа было сто тридцать тысяч человек под ружьем; он занял всю Италию. Противостоящая ему республиканская армия насчитывала всего сорок тысяч человек. Он оставил фельдмаршал-лейтенанта Отта с тридцатью тысячами человек перед Генуей, а сам двинулся против корпуса генерала Суше. Он вошел в Ниццу, приготовился перейти Вар и вступить в Прованс. Именно тогда Бонапарт переправился через великий Сен-Бернар во главе сорокатысячной армии, спустился в Италию в тылу у Меласа, вошел в Милан 16-го прериаля (2 июня) и поставил австрийцев между Суше и собой. Мелас, чья линия действий была нарушена, быстро отступил к Ницце, а оттуда к Турину; он основал свой штаб в Александрии и решил восстановить свои коммуникации сражением. 9 июня передовой отряд республиканцев одержал славную победу при Монте-Белло, главная честь которой принадлежала генералу Ланну. Но именно равнина Маренго 14 июня (25-го прериаля) решила судьбу Италии; австрийцы были разгромлены. Не имея возможности победой форсировать Бормиду, они оказались без возможности отступления между армией Суше и армией первого консула. 15-го числа они получили разрешение отступить за Мантую, при условии восстановления всех мест

Пьемонта, Ломбардии и легатов; победа при Маренго, таким образом, обеспечила владение всей Италией.

Через восемнадцать дней после этого Бонапарт вернулся в Париж. Он был принят со всеми признаками восхищения, которые могли вызвать такие решительные победы и невероятная активность; энтузиазм был всеобщим. Произошло спонтанное озарение, и толпа поспешила в Тюильри, чтобы увидеть его. Надежда на скорый мир удвоила всеобщее ликование. 25-го числа Мессидор, первый консул, присутствовал на празднике в честь годовщины 14 июля. Когда офицеры вручили ему штандарты, отбитые у врага, он сказал им: "Когда вы вернетесь в свои лагеря, скажите своим солдатам, что французский народ 1-го Вандемьера, когда мы будем праздновать годовщину республики, будет ожидать либо провозглашения мира, либо, если враг воздвигнет непреодолимые препятствия, новых штандартов как результата новых побед". Мир, однако, был отложен на некоторое время.

В промежутке между победой при Маренго и всеобщим умиротворением первый консул обратил свое внимание главным образом на то, чтобы успокоить народ и уменьшить число недовольных, задействовав перемещенные фракции в государстве. Он был очень примирителен с теми партиями, которые отказались от своих систем, и очень щедр на милости к тем вождям, которые отказались от своих партий. Поскольку это было время эгоизма и безразличия, ему не составило труда добиться успеха. Уже были отозваны осужденные 18-го фруктидора, за исключением нескольких роялистских заговорщиков, таких как Пишегрю, Виллот и др. Вскоре Бонапарт взял на службу даже тех изгнанников, которые, как Порталис, Симеон, Барбе-Марбуа, показали себя скорее антиконвенционалистами, чем контрреволюционерами. Он также приобрел противников другого толка. Поздние лидеры Вандеи, знаменитый Бернье, куратор Сен-Ло, который помогал во время всего восстания, Шатильон, д'Аутишан и Сюзанне пришли к соглашению по договору Мон-Люсона (17 января 1800 года). Он также обратился к лидерам бретонских банд Жоржу Кадудалю, Фротте, Лапревеле и Бурмону. Только двое последних согласились подчиниться. Фротте был застигнут врасплох и застрелен, а Кадудаль, разбитый при Гранд-Шамп генералом Брюном, капитулировал. Таким образом, западная война была окончательно прекращена.

Но укрывшиеся в Англии *шуаны*, единственной надеждой которых была смерть того, кто теперь сосредоточил в своих руках власть революции, задумали его убийство. Несколько человек из них высадились на побережье Франции и тайно направились в Париж. Поскольку добраться до первого консула было непросто, они решились на поистине ужасный заговор. Третьего Нивоза, в восемь часов вечера, Бонапарт должен был отправиться в Оперу на улице Сен-Никез. Заговорщики поставили бочку с порохом на небольшой грузовик, преграждавший путь карете, и один из них, по имени Сен-Регент, должен был поджечь ее, как только получит сигнал о приближении первого консула. В назначенное время Бонапарт покинул Тюильри и пересек улицу Никез. Его кучер был достаточно искусен, чтобы быстро проехать между грузовиком и стеной; но спичка была уже зажжена, и карета едва достигла конца улицы, когда *адская машина* взорвалась, покрыв квартал Сен-Никез руинами, сотрясая карету и разбивая окна.

Полиция, застигнутая врасплох, хотя и руководимая Фуше, приписала этот заговор демократам, к которым первый консул питал гораздо более решительную антипатию, чем к *шуанам*. Многие из них были заключены в тюрьму, а сто тридцать были перевезены по простому требованию сената-консультанта, полученному ночью. В конце концов они обнаружили истинных авторов заговора, и некоторые из них были приговорены к смерти. По этому случаю консул добился создания специальных военных трибуналов. Конституционная

партия еще больше отделилась от него и начала энергичную, но бесполезную оппозицию. Ланжуайне, Грегуар, мужественно противостоявший крайней партии в конвенте, Гарат, Ламбрехт, Ленуар-Ларош, Кабанис и другие выступили в сенате против незаконного проскрипции ста тридцати демократов; трибуны Иснар, Дану, Шенье, Бенжамен Констан, Бейльоль, Шазаль и другие выступили против особых судов. Но славный мир отбросил в тень это новое посягательство на власть.

Австрийцы, побежденные при Маренго и потерпевшие поражение в Германии от Моро, решили сложить оружие. 8 января 1801 года республика, Венский кабинет и империя заключили Люневильский договор. Австрия ратифицировала все условия договора Кампо-Формио, а также уступила Тоскану молодому герцогу Пармскому. Империя признала независимость Батавской, Гельветийской, Лигурийской и Цизальпийской республик. Умиротворение вскоре стало всеобщим: Флорентийский договор (18 февраля 1801 года) с королем Неаполя, который уступил остров Эльба и княжество Пьембино, Мадридский договор (29 сентября 1801 года) с Португалией, Парижский договор (8 октября 1801 года) с императором России и, наконец, прелиминарный договор (9 октября 1801 года) с Османской Портой. Континент, прекратив военные действия, принудил Англию к кратковременному миру. Питт, Дандас и лорд Гренвилл, которые вели эту кровопролитную борьбу с Францией, ушли с поста, когда их система перестала удовлетворять. На смену им пришла оппозиция, и 25 марта 1802 года Амьенский договор завершил умиротворение мира. Англия согласилась на все континентальные приобретения Французской республики, признала существование второстепенных республик и восстановила наши колонии.

Во время морской войны с Англией французский флот был почти полностью разрушен. Триста сорок кораблей были захвачены или уничтожены, а большая часть колоний перешла в руки англичан. Сан-Доминго, самая важная из них, сбросив иго белых, продолжила американскую революцию, которая, начавшись в английских колониях, должна была закончиться в испанских и превратить колонии нового мира в независимые государства. Чернокожие жители Сан-Доминго хотели сохранить по отношению к родине ту свободу, которую они получили от колонистов, и защищаться от англичан. Во главе их стоял цветной человек, знаменитый Туссен-Л'Овертюр. Франция должна была согласиться на эту революцию, которая очень дорого обошлась человечеству. Правительство метрополии уже не могло быть восстановлено в Сан-Доминго, и стало необходимо получить единственные реальные преимущества, которые Европа может сейчас извлечь из Америки, путем укрепления торговых связей с нашей старой колонией. Вместо этой благоразумной политики Бонапарт попытался предпринять экспедицию, чтобы подчинить себе остров. Сорок тысяч человек отправились в это гибельное предприятие. Поначалу негры не могли противостоять такой армии; но после первых побед на нее напал климат, и новые восстания обеспечили независимость колонии. Франция вдвойне лишилась армии и выгодных торговых связей.

Бонапарт, чьей главной целью до сих пор было содействие слиянию партий, теперь обратил все свое внимание на внутреннее процветание республики и организацию власти. Старые привилегированные классы - дворянство и духовенство - вернулись в государство, не образовав особых сословий. Инакомыслящие священники, принеся клятву послушания, могли совершать свои обряды и получать пенсии от правительства. В пользу обвиненных в эмиграции был принят акт о помиловании; оставался лишь список из тысячи имен тех, кто остался верен семье и притязаниям претендента. Работа по умиротворению была на исходе. Бонапарт, понимая, что самый верный способ повелевать народом - это способствовать его счастью, поощрял развитие промышленности и благоприятствовал внешней торговле, которая так долго была приостановлена. Он объединил высшие взгляды со своей

политической политикой и связал собственную славу с процветанием Франции; он путешествовал по департаментам, заставлял рыть каналы и гавани, строить мосты, ремонтировать дороги, возводить памятники и умножать средства сообщения. Особенно он стремился стать защитником и законодателем частных интересов. Гражданский, уголовный и торговый кодексы, созданные им в этот или более поздний период, завершили в этом отношении дело революции и упорядочили внутреннее существование нации, несколько более соответствуя ее реальному состоянию. Несмотря на политический деспотизм, Франция во времена Бонапарта имела частное законодательство, превосходящее законодательство любого европейского общества; ведь при абсолютном правительстве большинство из них все еще сохраняло гражданское состояние средних веков. Всеобщий мир, всеобщая веротерпимость, возвращение порядка, восстановление и создание административной системы вскоре изменили облик республики. Внимание было обращено на строительство дорог и каналов. Цивилизация получила необычайное развитие, и в этом отношении консульство было совершенным периодом директории, начиная с ее начала и заканчивая 18-м фруктидором.

Особенно после Амьенского мира Бонапарт заложил фундамент своего будущего могущества. Он сам говорит в мемуарах, опубликованных под его именем [Сноска: *Mémoires pour servir à l'Histoire de France sous Napoléon, écrits à Sainte Hélène*, vol. i. p. 248]. "Идеи Наполеона были непоколебимы, но для их реализации ему требовалась помощь времени и обстоятельств. Организация консульства не противоречила им; она приучала нацию к единству, и это был первый шаг. Сделав этот шаг, Наполеон стал равнодушен к формам и названиям различных органов. Он был чужд революции. Его мудрость заключалась в том, чтобы изо дня в день продвигаться вперед, не отклоняясь от неподвижной точки, полярной звезды, которая подсказывала Наполеону, как направить революцию к тому порту, куда он хотел ее привести".

В начале 1802 года он в одно и то же время разрабатывал три великих проекта, направленных к одной цели. Он стремился организовать религию и учредить духовенство, которое до сих пор существовало только в религиозном смысле; создать с помощью Почетной легации постоянный военный орден в армии; и обеспечить себе власть, сначала на всю жизнь, а затем сделать ее наследственной. Бонапарта поселили в Тюильри, где он постепенно возобновил обычаи и церемонии старой монархии. Он уже подумывал о том, чтобы поставить промежуточные органы между собой и народом. Некоторое время назад он начал переговоры с папой Пием VII по вопросам религиозного культа. Знаменитый конкордат, создавший девять архиепископств, сорок одно епископство, с учреждением кафедр, утвердивший духовенство в государстве и вновь поставивший его под внешнюю монархию папы, был подписан в Париже 16 июля 1801 года и ратифицирован в Риме 15 августа 1801 года.

Бонапарт, уничтоживший свободу печати, создавший исключительные трибуналы и все больше и больше отходивший от принципов революции, почувствовал, что прежде чем идти дальше, необходимо полностью порвать с либеральной партией 18 брюмера. В Вентосе X года (март 1802 года) наиболее энергичные трибуны были уволены простым решением сената. Трибунат был сокращен до восьмидесяти членов, а законодательный орган подвергся аналогичной чистке. Примерно через месяц после этого, 15-го Жерминаля (6 апреля 1802 года), Бонапарт, уже не опасаясь оппозиции, представил конкордат на рассмотрение собраний, послушание которых он таким образом обеспечил, для его принятия. Они приняли его подавляющим большинством голосов. Были восстановлены воскресенье и четыре великих религиозных праздника, и с этого времени правительство

перестало соблюдать систему декад. Это была первая попытка отказаться от республиканского календаря. Бонапарт надеялся привлечь на свою сторону партию священнослужителей, всегда наиболее склонных к пассивному повиновению, и таким образом лишить роялистов духовенства, а коалицию - папы.

Конкордат был торжественно открыт с большой помпой в соборе Нотр-Дам. На этой новой церемонии присутствовали сенат, законодательный орган, трибунал и ведущие функционеры. Первый консул отправился туда в каретах старого двора, с этикетом и обслуживающим персоналом старой монархии; залпы артиллерии возвестили о возвращении привилегий и об этой попытке королевской власти. Капрара, кардинал-легат, отслужил папскую мессу, а к народу обратились с прокламацией на языке, к которому он давно не привык. "Разум и пример веков, - гласила прокламация, - велят нам прибегнуть к помощи суверенного понтифика, чтобы добиться единства мнений и примирения сердец. Глава церкви взвесил в своей мудрости и в интересах церкви предложения, продиктованные интересами государства".

Вечером в садах Тюильри была устроена иллюминация и концерт. Солдаты неохотно присутствовали на церемонии инаугурации и вслух выражали свое недовольство. Вернувшись во дворец, Бонапарт расспрашивал генерала Дельмаса на эту тему. *"Что вы думаете о церемонии?"* - спросил он. *"Прекрасная мумия"*, - был ответ. *"Не нужно было ничего, кроме миллиона убитых, чтобы разрушить то, что вы восстанавливаете"*. "

Через месяц после этого, 25-го флореаля X года (15 мая 1802 года), он представил проект закона о создании почетного легиона. Этот легион должен был состоять из пятнадцати когорт, пожизненных сановников, расположенных в иерархическом порядке, иметь центр, организацию и доходы. Первый консул был начальником легиона. Каждая когорта состояла из семи великих офицеров, двадцати командиров, тридцати офицеров и трехсот пятидесяти легионеров. Целью Бонапарта было зарождение нового дворянства. Таким образом он апеллировал к плохо подавляемым чувствам неравенства. Обсуждая этот проект закона в Государственном совете, он не побрезговал объявить о своем аристократическом замысле. Берлье, государственный советник, не одобрив учреждение, столь противоречащее духу республики, заявил, что: "Различия были игрой монархии". "Я бросаю вам вызов, - ответил первый консул, - чтобы вы показали мне республику, древнюю или современную, в которой не существовало бы различий; вы называете их игрушками; что ж, именно игрушками руководят людьми. Я не стал бы говорить так трибуну, но в совете мудрецов и государственных деятелей мы можем говорить откровенно. Я не верю, что французы любят свободу и равенство. Французов не изменили десять лет революции; у них есть только одно чувство - честь. Значит, это чувство нужно подпитывать; у них должны быть различия. Посмотрите, как люди преклоняются перед лентами и звездами иностранцев; они были удивлены ими, и они не перестают их носить. Все было разрушено; вопрос в том, как все восстановить. Есть правительство, есть власть, а остальной народ - что это? Песчинки. Среди нас есть старые привилегированные классы, организованные по принципам и интересам и хорошо знающие, чего они хотят. Я могу пересчитать наших врагов. Но мы сами разбросаны, без системы, союза или связи. Пока я здесь, я буду отвечать за республику; но мы должны позаботиться о будущем. Думаете ли вы, что республика окончательно установлена? Если да, то вы сильно заблуждаетесь. В наших силах сделать ее таковой; но мы этого не сделали; и не сделаем, если не бросим несколько гранитных масс на землю Франции". [Сноска: Этот отрывок взят из *"Мемуаров консульства"* М. Тибодо. В этих *"Мемуарах"*, чрезвычайно любопытных, есть некоторые политические разговоры Бонапарта, подробности, касающиеся его внутреннего правления и главных заседаний

Государственного совета, которые бросают много света на эту эпоху]. Этими словами Бонапарт объявил о системе правления, противоположной той, которую стремилась установить революция и которой требовали перемены в обществе.

Однако, несмотря на покорность государственного совета, чистку, которой подверглись трибунал и законодательный орган, эти три органа решительно выступили против закона, возрождавшего неравенство. В государственном совете почетный легион имел всего четырнадцать голосов против десяти, в трибунале - тридцать восемь против пятидесяти шести, в законодательном органе - сто шестьдесят шесть против ста десяти. Общественное мнение демонстрировало еще большее отвращение к этому новому рыцарскому ордену. Те, кто впервые был посвящен в него, казалось, почти стыдились его и принимали его с неким презрением. Но Бонапарт продолжал свой контрреволюционный курс, не беспокоясь о недовольстве, уже не способном к сопротивлению.

Он хотел подтвердить свою власть установлением привилегий, а привилегии - продолжительностью своей власти. По предложению Шабо де л'Алье трибунал постановил: "Первый консул, генерал Бонапарт, должен получить знак национальной благодарности". Во исполнение этого постановления 6 мая 1802 года органический сенат назначил Бонапарта консулом на дополнительный десятилетний срок.

Но Бонапарт не считал продление консульства достаточным, и через два месяца, 2 августа, сенат, по решению трибунала и законодательного органа и с согласия народа, опрошенного через публичные списки, принял следующий декрет:

"I. Французский народ выдвигает, а сенат провозглашает Наполеона Бонапарта первым пожизненным консулом.

"II. Статуя Мира, держащая в одной руке лавр победы, а в другой - декрет сената, должна засвидетельствовать потомкам благодарность нации.

"III. Сенат передаст первому консулу выражение доверия, любви и восхищения французского народа".

Эта революция была завершена приспособлением к пожизненной должности консула, посредством простого сената-консультанта, конституции, уже достаточно деспотичной, временного консулата. "Сенаторы, - сказал Корнуде, представляя новый закон, - мы должны навсегда закрыть общественный путь для Гракхов. Желания граждан в отношении политических законов, которым они подчиняются, выражаются общим благосостоянием; гарантия социальных прав абсолютно возлагает догму осуществления народного суверенитета на сенат, который является связующим звеном нации. Это единственная социальная доктрина". Сенат признал эту новую социальную доктрину, завладел суверенитетом и хранил его в качестве залога до наступления благоприятного момента для передачи его Бонапарту.

Конституция 16 термидора X года (4 августа 1802 года) отстранила народ от управления государством. Публичные и административные функции стали фиксированными, как и функции правительства. Первый консул мог увеличить число выборщиков, которые избирались пожизненно. Сенат имел право менять учреждения, приостанавливать функции присяжных, выводить департаменты из-под действия конституции, отменять приговоры трибуналов, распускать законодательный орган и трибунал. Государственный совет был усилен; трибунал, уже сокращенный увольнениями, был еще достаточно грозен, чтобы потребовать сокращения его состава до пятидесяти человек.

Таков был в течение двух лет страшный прогресс привилегий и абсолютной власти. К концу 1802 года все было в руках пожизненного консула, который имел в своем распоряжении сословие преданного ему духовенства; военный орден в почетном легионе; административный орган в государственном совете; механизм для декретов в законодательном собрании; механизм для конституции в сенате. Не решаясь уничтожить трибунат, в котором время от времени раздавалось несколько слов свободы и оппозиции, он лишил его самых смелых и красноречивых членов, чтобы услышать, как его воля послушно провозглашается во всех собраниях народа.

Эта внутренняя политика узурпации была распространена и за пределы страны. 26 августа Бонапарт присоединил к территории Франции остров Эльба, а 11 сентября 1802 года - Пьемонт. 9 октября он завладел Пармскими штатами, оставшимися вакантными после смерти герцога; и, наконец, 21 октября он ввел в Швейцарию тридцатитысячную армию, чтобы поддержать федеративный акт, который регулировал конституцию каждого кантона и вызвал беспорядки. Таким образом, он создал предлог для разрыва с Англией, которая искренне не подписала мир. Британский кабинет чувствовал необходимость лишь в кратковременном приостановлении военных действий; через некоторое время после Амьенского договора он организовал третью коалицию, как это было после Кампо-Формийского договора и во время Раштадтского конгресса. Только интересы и положение Англии могли привести к разрыву, который был ускорен союзом государств, заключенным Бонапартом, и влиянием, которое он сохранил на соседние республики, призванные к полной независимости недавними договорами. Бонапарт, со своей стороны, жаждавший славы на поле брани, желавший возвеличить Францию завоеваниями и завершить свое возвышение победами, не мог удовлетвориться покоем; он отверг свободу, и война стала необходимостью.

В течение некоторого времени оба кабинета обменивались весьма горькими дипломатическими нотами. В конце концов, лорд Уитворт, английский посол, покинул Париж 25-го флореала XI года. (13 мая 1803 года). Теперь мир был окончательно нарушен: с обеих сторон велись приготовления к войне. 26 мая французские войска вошли в курфюршество Ганновер. Германская империя, находящаяся на грани гибели, не встретила никаких препятствий. Эмигрантская партия Чуань, которая не предпринимала никаких шагов после инцидента с адской машиной и континентального мира, была воодушевлена этим возобновлением военных действий. Возможность казалась благоприятной, и она, с согласия британского кабинета, организовала в Лондоне заговор во главе с Пишегрю и Жоржем Кадудалем. Заговорщики тайно высадились на побережье Франции и с той же конспирацией направились в Париж. Они общались с генералом Моро, которого жена склонила к переходу в партию роялистов. Как раз в тот момент, когда они собирались осуществить свой замысел, большинство из них были арестованы полицией, которая раскрыла заговор и выследила их. Жорж Кадудаль был казнен, Пишегрю нашли задушенным в тюрьме, а Моро был приговорен к двум годам тюремного заключения, замененным на ссылку. Этот заговор, раскрытый в середине февраля 1804 года, сделал личность первого консула, чья жизнь оказалась под угрозой, еще более дорогой для народных масс; поздравительные адреса были представлены всеми органами государства и всеми департаментами республики. Примерно в это время он принес в жертву знаменитую жертву. 15 марта герцог д'Энгиен был унесен эскадроном кавалерии из замка Эттенхайм, в великом герцогстве Баден, в нескольких лье от Рейна. Первый консул полагал, судя по донесениям полиции, что этот принц руководил недавним заговором. Герцога д'Энгбьена поспешно доставили в Венсенн, через несколько часов судили военной комиссией и расстреляли в окопах замка. Это преступление не было актом политики или узурпации; это был акт насилия и гнева. В 18 брюмера роялисты могли

думать, что первый консул изучает роль генерала Монка; но за четыре года он разрушил эту надежду. У него больше не было необходимости порывать с ними столь возмутительным образом, равно как и успокаивать, как предполагалось, якобинцев, которых больше не существовало. Те, кто остался предан республике, в это время боялись деспотизма гораздо больше, чем контрреволюции. Есть все основания полагать, что Бонапарт, мало заботившийся о человеческой жизни и правах наций, уже сформировавший привычку к стремительной и поспешной политике, вообразил принца одним из заговорщиков и стремился страшным примером положить конец заговорам - единственной опасности, угрожавшей его власти в тот период.

Война с Англией и заговор Жоржа Кадудалья и Пишегрю стали ступеньками, по которым Бонапарт поднялся от консульства к империи. На 6-й Жерминаль, год XII. (27 марта 1804 года) сенат, получив сведения о заговоре, направил депутацию к первому консулу. Президент, Франсуа де Нёфшато, выразился в таких выражениях: "Гражданин первый консул, вы основываете новую эпоху, но вы должны увековечить ее: великолепие - ничто без продолжительности. Мы не сомневаемся, что эта великая идея не осталась без вашего внимания, ибо ваш творческий гений охватывает все и ничего не забывает. Но не медлите: вас подталкивают время, события, заговорщики и честолюбцы, а с другой стороны - тревога, которая будоражит французский народ. В ваших силах подчинить себе время, овладеть событиями, обезоружить честолюбцев и успокоить всю Францию, дав ей учреждения, которые укрепят ваше здание и продлят нашим детям то, что вы сделали для их отцов. Гражданин первый консул, будьте уверены, что здешний сенат обращается к вам от имени всех граждан".

5-го флореаля, год XII. (25 апреля 1804 года) Бонапарт ответил сенату из Сен-Клу следующим образом: "Ваше обращение непрерывно занимало мои мысли; оно было предметом моих постоянных размышлений. Вы считаете, что верховная власть должна быть наследственной, чтобы защитить народ от козней наших врагов и волнений, возникающих из-за соперничества амбиций. Вы также считаете, что некоторые из наших институтов должны быть усовершенствованы, чтобы обеспечить постоянное торжество равенства и общественной свободы и предоставить нации и правительству двойную гарантию, которой они требуют. Чем больше я размышляю над этими великими задачами, тем глубже чувствую, что в таких новых и важных обстоятельствах мне необходим совет вашей мудрости и опыта, чтобы прийти к заключению. Поэтому я предлагаю вам изложить мне свои соображения по этому вопросу". Сенат, в свою очередь, ответил 14 флореаля (3 мая): "Сенат считает, что интересы французского народа будут в значительной степени соблюдены, если доверить управление республикой *Наполеону Бонапарту* как наследственному императору". Этой заранее обговоренной сценой было положено начало созданию империи.

Трибун Куре открыл дебаты в трибунате предложением по этому вопросу. Он остановился на тех же мотивах, что и сенаторы. Его предложение было принято с энтузиазмом. Один лишь Карно имел смелость выступить против империи: "Я далек от желания ослабить похвалы, воздаваемые первому консулу; но какие бы заслуги гражданин ни оказал своей стране, существуют границы, которые честь, равно как и разум, налагают на национальную благодарность. Если этот гражданин восстановил общественную свободу, если он обеспечил безопасность своей страны, будет ли наградой предложить ему пожертвовать этой свободой; и не будет ли разрушением его собственного дела сделать свою страну его личным достоянием? Когда однажды предложение о пожизненном консульстве было вынесено на голосование народа, легко было заметить, что в этом вопросе присутствуют посторонние мысли. За ним последовала целая толпа учреждений, явно монархических; но

теперь цель стольких предварительных мер раскрывается в позитивном ключе; нас призывают заявить о своем настроении по поводу официального предложения восстановить монархическую систему и наделить первого консула императорским и наследственным достоинством.

"Так неужели свобода была показана человеку только для того, чтобы он никогда ею не пользовался? Нет, я не могу согласиться считать это благо, столь повсеместно предпочитаемое всем другим, без которого все остальные - ничто, простой иллюзией. Сердце подсказывает мне, что свобода достижима; что ее режим легче и стабильнее, чем любое произвольное правительство. Я голосовал против пожизненного консульства; теперь я голосую против восстановления монархии; как я полагаю, к этому меня обязывает мое качество трибуна".

Но он был единственным, кто так думал; и его коллеги соперничали друг с другом в своем несогласии с мнением единственного человека, который один среди них оставался свободным. В речах того периода мы можем увидеть огромные изменения, произошедшие в идеях и языке. Революция вернулась к политическим принципам древнего режима; сохранился тот же энтузиазм и фанатизм; но это был энтузиазм лести, фанатизм рабства. Французы бросились в империю, как они бросились в революцию; в век разума они все сводили к бесправию наций; теперь они говорили только о величии человека и о веке Бонапарта; теперь они боролись за создание королей, как раньше боролись за создание республик.

Трибунат, законодательный орган и сенат проголосовали за империю, которая была провозглашена в Сен-Клу 28 флореаля XII года. (18 мая 1804 года). В тот же день сенат-консульт внес изменения в конституцию, которая была приспособлена к новому порядку вещей. Империя требовала своих придатков, и ей были отданы французские принцы, сановники, маршалы, камергеры и пажи. Всякая публичность была уничтожена. Свобода печати уже была подвергнута цензуре; осталась только одна трибуна, да и та стала немой. Заседания трибуната были тайными, как и заседания Государственного совета, и с этого дня в течение десяти лет Франция управлялась при закрытых дверях. Жозеф и Луи Бонапарт были признаны французскими принцами. Бетье, Мюрат, Монси, Журдан, Массена, Ожеро, Бернадот, Султ, Брюн, Ланн, Мортье, Ней, Даву, Бессьер, Келлерман, Лефевр, Периньон, Серюрье были назначены маршалами империи. Департаменты направили обращения, а духовенство сравнило Наполеона с новым Моисеем, новым Маттафием, новым Киром. Они видели в его возвышении "перст Божий" и говорили, что "подчинение ему как главенствующему над всеми; его министрам как посланным им, потому что таков порядок Провидения". Папа Пий VII прибыл в Париж, чтобы освятить новую династию. Коронация состоялась в воскресенье, 2 декабря, в церкви Нотр-Дам.

К этой церемонии готовились уже давно, и она проходила по старинным обычаям. Император прибыл в столичную церковь вместе с императрицей Жозефиной в карете, увенчанной короной, запряженной восьмеркой белых лошадей, в сопровождении своей охраны. Папа, кардиналы, архиепископы, епископы и все высшие чины государства ожидали его в соборе, который был великолепно украшен для этой необычной церемонии. К нему обратились с речью у входа; затем, облаченный в императорскую мантию, с короной на голове и скипетром в руке, он вззошел на трон, установленный в конце церкви. Верховный алмонер, кардинал и епископ подошли и подвели его к подножию алтаря для освящения. Папа возлил троекратное елеосвящение на его голову и руки и произнес следующую молитву:- "О Всемогущий Бог, поставивший Хазаила правителем Сирии, а Иеху - царем Израиля, открыв им замысел Твой устами пророка Илии; Который также пролил святое

царское елее на голову Саула и Давида через служение твоего пророка Самуила, поручи излить моими руками сокровища твоей благодати и благословения на твоего слугу Наполеона, которого, несмотря на наше собственное недостойство, мы в этот день посвящаем в императоры во имя твое."

Папа торжественно проводил его к трону; и после того как он принес на Завете клятву, предписанную новой конституцией, главный герольдмейстер громко воскликнул: *"Славнейший и августейший император французов коронован и возведен на престол! Да здравствует император!"* Церковь мгновенно огласилась этим возгласом, раздались артиллерийские залпы, а папа римский зачитал Te Deum. Несколько дней продолжалась череда праздников; но эти праздники *по приказу*, эти праздники абсолютной власти не дышали откровенной, живой, народной и единоклубной радостью первой федерации 14 июля; и, как ни был измучен народ, он не приветствовал начало деспотизма так, как приветствовал начало свободы.

Консульство было последним периодом существования республики. Революция надвигалась на человека. В первый период консульского правления Бонапарт добился того, что запрещенные классы были отозваны, он нашел народ, все еще возбужденный всеми страстями, и вернул его к спокойствию трудом, а к процветанию - восстановлением порядка. Наконец, он заставил Европу, покоренную в третий раз, признать его возвышение. До Амьенского договора он возродил в республике победу, согласие и процветание, не жертвуя свободой. Тогда, если бы он пожелал, он мог бы стать представителем той великой эпохи, которая искала для этой благородной системы человеческого достоинства освящения далеко зашедшего равенства, мудрой свободы и более развитой цивилизации. Нация была в руках великого человека или деспота; от него зависело, сохранить ее свободной или поработить. Он предпочитал реализацию своих эгоистических проектов и предпочитал себя всему человечеству. Воспитанный в палатках, поздно пришедший в революцию, он понимал только ее материальную и заинтересованную сторону; он не верил ни в нравственные потребности, которые ее породили, ни в верования, которые ее взбудоражили и которые рано или поздно вернутся и погубят его. Он видел восстание, приближающееся к своему завершению, измученный народ в его власти и корону на земле в пределах его досягаемости.

ИМПЕРИЯ

ГЛАВА XV

ПОСЛЕ СОЗДАНИЯ ИМПЕРИИ, 1804-1814 ГГ.

После создания империи власть стала более произвольной, а общество перестроилось по аристократическому принципу. Великое движение переустройства, начавшееся 9 термидора, продолжало нарастать. Конвенция упразднила классы, Директория победила партии, консульство взяло верх над людьми, а империя развратила их различиями и привилегиями. Этот второй период был противоположен первому. При первом мы видели правительство комитетов, осуществляемое людьми, избираемыми каждые три месяца, без гвардии, почестей и представительства, живущими на несколько франков в день и работающими по восемнадцать часов за общими деревянными столами; при другом - правительство империи, со всеми ее атрибутами администрации, камергерами, сеньорами, преторианской гвардией, наследственными правами, огромным гражданским списком и ослепительной показной роскошью. Национальная активность была направлена исключительно на труд и войну. Все материальные интересы, все честолюбивые страсти

были иерархически организованы под началом одного вождя, который, пожертвовав свободой, установив абсолютную власть, уничтожил равенство, введя дворянство.

Директория возвела все окружающие государства в республики; Наполеон хотел создать их по образцу империи. Он начал с Италии. Государственный совет Цизальпинской республики решил восстановить наследственную монархию в пользу Наполеона. Его вице-президент, М. Мельци, прибыл в Париж, чтобы сообщить ему об этом решении. 26-го Вентоса, год XIII. (17 марта 1805 года), он был принят с большой торжественностью в Тюильри. Наполеон сидел на своем троне, окруженный двором и всем великолепием суверенной власти, от демонстрации которой он приходил в восторг. Месье Мельци предложил ему корону от имени своих сограждан. "Сир, - сказал он в заключение, - соизвольте удовлетворить пожелания собрания, в котором я имею честь председательствовать". Переводчик чувств, одушевляющих каждое итальянское сердце, оно приносит вам свое искреннее почтение. Оно с радостью сообщит им, что, приняв его, вы укрепили узы, связывающие вас с сохранением, защитой и процветанием итальянской нации. Да, сир, вы желали существования Итальянской республики, и она существует. Пожелайте счастья итальянской монархии, и оно будет".

Император отправился во владение этим королевством; 26 мая 1805 года он получил в Милане железную корону лангобардов. Он назначил своего приемного сына, принца Евгения де Богарне, вице-королем Италии и отправился в Геную, которая также отказалась от своего суверенитета. 4 июня 1805 года ее территория была присоединена к империи и образовала три департамента: Генуя, Монтенотте и Апеннины. Маленькая республика Лукка была включена в эту монархическую революцию. По просьбе своего гонфалоньера она была отдана в удел принцу Пьомбино и его принцессе, сестре Наполеона. Последний, после этого королевского перехода, вновь пересек Альпы и вернулся в столицу своей империи; вскоре после этого он отправился в лагерь в Булонь, где готовилась большая морская экспедиция против Англии.

Этот проект десанта, который директория вынашивала после мира в Кампо-Формио, а первый консул - после мира в Люневиле, был возобновлен с большим рвением после нового разрыва. В начале 1805 года флотилия из двух тысяч мелких судов, укомплектованная шестнадцатью тысячами моряков, с армией в сто шестьдесят тысяч человек, девятью тысячами лошадей и многочисленной артиллерией, собралась в портах Булонь, Этаплъ, Вимеру, Амблетуз и Кале. Император своим присутствием ускорял исполнение этого проекта, когда узнал, что Англия, чтобы избежать падения, которое ей угрожало, уговорила Австрию пойти на разрыв с Францией, и что все силы австрийской монархии были приведены в движение. Девяносто тысяч человек под командованием эрцгерцога Фердинанда и генерала Мака перешли Юру, захватили Мюнхен и изгнали курфюрста Баварии, союзника Франции; тридцать тысяч под командованием эрцгерцога Иоанна заняли Тироль, а эрцгерцог Карл со ста тысячами человек наступал на Адидже. Две русские армии готовились присоединиться к австрийцам. Питт приложил максимум усилий для организации этой третьей коалиции. Создание Итальянского королевства, присоединение Генуи и Пьемонта к Франции, открытое влияние императора на Голландию и Швейцарию вновь возбудили Европу, которая теперь боялась амбиций Наполеона так же сильно, как раньше боялась принципов революции. Союзный договор между британским министерством и российским кабинетом был подписан 11 апреля 1805 года, а 9 августа к нему присоединилась Австрия.

Наполеон покинул Булонь, поспешно вернулся в Париж, 23 сентября явился в сенат, получил разрешение на сбор восьмидесяти тысяч человек и на следующий день отправился в поход. Он перешел Рейн 1 октября, а 6-го вошел в Баварию с армией в сто шестьдесят тысяч

человек. Массена сдерживал принца Карла в Италии, а император полным ходом вел войну в Германии. За несколько дней он перешел Дунай, вошел в Мюнхен, одержал победу под Вертингеном и заставил генерала Мака сложить оружие под Ульмом. Эта капитуляция дезорганизовала австрийскую армию. Наполеон продолжил курс своих побед, 13 ноября вошел в Вену, а затем двинулся в Моравию, чтобы встретить русских, вокруг которых сплотились разбитые войска.

2 декабря 1805 года, в годовщину коронации, две армии встретились на равнине Аустерлица. Противник насчитывал девяносто пять тысяч человек, французы - восемьдесят тысяч. С обеих сторон была мощная артиллерия. Сражение началось на рассвете; эти огромные массы пришли в движение; русская пехота не могла противостоять стремительности наших войск и маневрам их генерала. Сначала была отрезана левая сторона неприятеля; русская императорская гвардия подошла, чтобы восстановить сообщение, и была полностью разбита. Центр постигла та же участь, и в час пополудни самая решительная победа завершила эту замечательную кампанию. На следующий день император поздравил армию в прокламации на самом поле боя: "Солдаты, - сказал он, - я доволен вами. Вы украсили своих орлов бессмертной славой. Стотысячная армия, которой командовали императоры России и Австрии, менее чем за четыре дня была разрублена на части или рассеяна; те, кто избежал вашей стали, были утоплены в озерах. Сорок знамен, штандарты русской императорской гвардии, сто двадцать пушек, двадцать генералов, более тридцати тысяч пленных - таков итог этого памятного дня. Эта пехота, столь хваленая и столь превосходящая вас по численности, не выдержала вашего удара, и отныне вам больше некого бояться. Таким образом, за два месяца эта третья коалиция была разгромлена и распущена". С Австрией было заключено перемирие, а русские, которые могли быть разбиты на куски, получили разрешение отступить по определенным этапам.

Прессбургский мир последовал за победами при Ульме и Аустерлице; он был подписан 26 декабря. Австрийский дом, потерявший свои внешние владения, Голландию и Милан, теперь подвергся нападению в самой Германии. Он уступил провинции Далмацию и Албанию королевству Италия; территорию Тироля, город Аугсбург, княжество Айхштетт, часть территории Пассау и все свои владения в Швабии, Брисгау и Ортенау курфюрстам Баварии и Вюртемберга, которые были преобразованы в королевства. Великое герцогство Баденское также получило прибыль от своих трофеев. Прессбургский договор завершил унижение Австрии, начатое договором в Кампо-Формио и продолженное Люневильским договором. По возвращении в Париж император, увенчанный такой славой, стал объектом такого всеобщего и бурного восхищения, что сам был увлечен общественным энтузиазмом и опьянен своей удачей. Разные слои населения государства состязались между собой в покорности и лести. Он получил титул Великого, а сенат принял декрет о возведении ему триумфального памятника.

Наполеон еще больше утвердился в своих принципах. Победа при Маренго и Люневильский мир утвердили консульство; победа при Аустерлице и Прессбургский мир освятили империю. Последние остатки революции были оставлены. 1 января 1806 года григорианский календарь окончательно заменил республиканский, просуществовав четырнадцать лет. Пантеон снова был отдан под культовые цели, а вскоре прекратил свое существование и трибунат. Но особой целью императора было расширение своего владычества на континенте. Фердинанд, король Неаполя, нарушив во время последней войны мирный договор с Францией, вторгся в пределы своего государства, и 30 марта Жозеф Бонапарт был провозглашен королем Обеих Сицилий. Вскоре после этого (5 июня 1806 года) Голландия была преобразована в королевство и приняла в качестве монарха Луи Бонапарта, другого

брата императора. Ни одна из республик, созданных конвенцией или директорией, теперь не существовала. Наполеон, назначая второстепенных королей, восстановил военно-иерархическую систему и титулы средневековья. Он возвел Далмацию, Истрию, Фриули, Кадоре, Беллуно, Конельяно, Треviso, Фельтра, Бассано, Виченцу, Падую и Ровиго в герцогства, великие вотчины империи. Маршал Бертье получил княжество Нейфшатель, министр Талейран - княжество Беневенто. Князю Боргезе и его жене - княжество Гвасталла, Мюрату - герцогства Берг и Клев. Наполеон, не решившись уничтожить Швейцарскую республику, назвал себя ее посредником и завершил организацию своей военной империи, поставив под свою зависимость древнее германское тело. 12 июля 1806 года четырнадцать князей юга и запада Германии объединились в Рейнскую конфедерацию и признали Наполеона своим защитником. 1 августа они уведомили Ратисбонскую диету о своем отделении от Германской империи. Германская империя прекратила свое существование, а Франциск II отрекся от титула путем провозглашения. По конвенции, подписанной в Вене 15 декабря, Пруссия обменяла территории Анспаха, Клеве и Нейфшателя на курфюршество Ганновер. Под властью Наполеона оказался весь Запад. Абсолютный хозяин Франции и Италии как император и король, он был также хозяином Испании благодаря зависимости от этого двора, Неаполя и Голландии - благодаря двум своим братьям, Швейцарии - благодаря акту посредничества, а в Германии в его распоряжении были короли Баварии и Вюртемберга и Рейнская конфедерация против Австрии и Пруссии. После Амьенского мира, поддерживая свободу, он мог бы сделаться защитником Франции и руководителем Европы; но, ища славы в господстве и сделав завоевание целью своей жизни, он обрек себя на долгую борьбу, которая неизбежно должна была закончиться зависимостью континента или его собственным падением.

Это наступление привело к возникновению четвертой коалиции. Пруссия, нейтральная со времен Базельского мира, во время последней кампании была готова присоединиться к австро-русской коалиции. Только быстрота побед императора сдерживала ее; но теперь, встревоженная усилением империи и воодушевленная прекрасным состоянием своих войск, она объединилась с Россией, чтобы изгнать французов из Германии. Берлинский кабинет потребовал, чтобы французские войска вновь перешли Рейн, иначе последует война. В то же время он стремился создать на севере Германии лигу против конфедерации юга. Император, находившийся в расцвете сил и национального энтузиазма, не подчинился *ультиматуму* Пруссии и немедленно выступил против нее.

Кампания началась в начале октября. Наполеон, как обычно, ошеломил коалицию стремительностью своих походов и энергичностью своих мер. 14 октября он решительной победой уничтожил под Йеной военную монархию Пруссии; 16-го четырнадцать тысяч пруссаков сложили оружие под Эрфуртом; 25-го французская армия вошла в Берлин, и конец 1806 года был занят взятием прусских крепостей и походом в Польшу против русской армии. Кампания в Польше была менее стремительной, но такой же блестящей, как и в Пруссии. Россия в третий раз померилась силами с Францией. Покоренная при Цюрихе и Аустерлице, она потерпела поражение при Эйлау и Фридланде. После этих памятных сражений император Александр вступил в переговоры и заключил в Тильзите 21 июня 1807 года перемирие, за которым 7 июля последовал окончательный договор.

Тильзитский мир расширил французское господство на континенте. Пруссия была уменьшена вдвое. На юге Германии Наполеон создал два королевства - Баварию и Вюртемберг - против Австрии, а на севере - два феодальных королевства - Саксонию и Вестфалию против Пруссии. Саксония, состоявшая из курфюршества этого имени и прусской Польши, называвшейся великим герцогством Варшавским, была отдана королю

Саксонии; Вестфалия, включавшая в себя государства Гессен-Кассель, Брауншвейг, Фульде, Падерборн и большую часть Ганновера, была отдана Жерому Наполеону. Император Александр, присоединившись ко всем этим договоренностям, эвакуировал Молдавию и Валахию. Однако Россия, хотя и была завоевана, оставалась единственной державой, на которую не посягали. Наполеон как никогда шел по стопам Карла Великого; во время коронации перед ним несли корону, меч и скипетр франкского короля. Папа Римский перешел через Альпы, чтобы освятить его династию, и он строил свои государства по образцу огромной империи этого завоевателя. Революция стремилась к утверждению древней свободы; Наполеон восстановил военную иерархию средневековья. Первая сделала граждан, вторая - вассалов. Первый превратил Европу в республику, второй - в вотчину. Великий и могущественный, пришедший сразу после потрясения, истощившего мир своим насилием, он смог на время устроить его по своему усмотрению. *Великая империя* возвысилась внутренне благодаря своей системе управления, заменившей правительство собраний; своим особым судам, лицам, в которых военное образование заменило республиканское образование центральных школ; своему наследственному дворянству, которое в 1808 году завершило установление неравенства; своей гражданской дисциплине, сделавшей всю Францию армией, послушной командному слову; и внешне благодаря своим вторичным королевствам, конфедеративным государствам, большим вотчинам и своему верховному вождю. Наполеон, не встречая больше сопротивления нигде, мог командовать от одного конца континента до другого.

В этот период все внимание императора было направлено на Англию, единственную державу, которая могла обезопасить себя от его нападков. Питта не было в живых уже год, но британский кабинет с большим рвением и настойчивостью следовал его планам в отношении Франции. Тщетно создав третью и четвертую коалиции, он не сложил оружия. Это была война на смерть. Великобритания объявила Франции блокаду и предоставила императору возможность аналогичной мерой прервать ее континентальные сношения. Континентальная блокада, начавшаяся в 1807 году, стала вторым периодом системы Бонапарта. Чтобы добиться всеобщего и неоспоримого господства, он использовал оружие против континента и прекращения торговли против Англии. Но, запрещая континентальным государствам всякое сообщение с Англией, он готовил себе новые трудности и вскоре к враждебности мнений, возбужденной его деспотизмом, и ненависти государств, порожденной его завоевательным господством, прибавилось возмущение частных интересов и коммерческие страдания, вызванные блокадой.

Однако все державы, казалось, были едины в одном замысле. Англия попала под запрет континентальной Европы, заключив мир. Россия и Дания в северных морях, Франция, Испания и Голландия в Средиземном море и на океане были вынуждены заявить о своем несогласии с ней. Это был период расцвета императорской власти. Наполеон использовал всю свою активность и весь свой гений, чтобы создать морские ресурсы, способные уравновесить силы Англии, имевшей тогда одиннадцать сотен военных кораблей всех классов. Он приказал построить порты, укрепить берега, построить и подготовить корабли - все для того, чтобы через несколько лет сразиться на этом новом поле боя. Но прежде чем наступит этот момент, он хотел закрепить за собой Испанский полуостров и основать там свою династию, чтобы проводить более твердую и благоприятную политику. Экспедиция в Португалию в 1807 году и вторжение в Испанию в 1808 году положили начало новому порядку событий для него и для Европы.

Португалия уже некоторое время была полной английской колонией. По договору Фонтенбло от 27 октября 1807 года император в согласии с мадридскими Бурбонами постановил, что дом Браганса перестал царствовать. Французская армия под командованием Жюно вошла в Португалию. Принц-регент отправился в Бразилию, а 30 ноября 1807 года французы овладели Лиссабоном. Это вторжение было лишь приближением к Испании. Королевская семья находилась в состоянии величайшей анархии. Фаворита Годоя народ презирал, а Фердинанд, принц Астурийский, устроил заговор против власти фаворита своего отца. Хотя императору было нечего опасаться такого правительства, его встревожило неуклюжее вооружение, подготовленное Годоем во время прусской войны. Несомненно, в это время у него созрел проект посадить на трон Испании одного из своих братьев; он думал, что сможет легко перевернуть разделенную семью, угасающую монархию и получить согласие народа, который он вернет к цивилизации. Под предлогом морской войны и блокады его войска вошли на полуостров, заняли побережье и главные города и расположились лагерем под Мадридом. Тогда королевской семье было предложено удалиться в Мексику по примеру дома Браганса. Но народ восстал против этого отъезда; Годой, объект народной ненависти, подвергся большому риску потерять свою жизнь, и принц Астурийский был провозглашен королем под титулом Фердинанда VII. Император воспользовался этой придворной революцией, чтобы совершить свою собственную. Французы вошли в Мадрид, а сам он отправился в Байонну, куда созвал испанских принцев. Фердинанд вернул корону своему отцу, который, в свою очередь, отказался от нее в пользу Наполеона; последний декретировал ее за своим братом Жозефом с помощью верховной хунты, совета Кастилии и мадридского муниципалитета. Фердинанд был отправлен в замок Валенсе, а Карл VI определил свою резиденцию в Компьене. Наполеон призвал своего шурина Мюрата, великого герцога Бергского, на Неаполитанский престол вместо Жозефа.

В этот период началась первая оппозиция господству императора и континентальной системе. Реакция проявилась в трех странах, которые до сих пор были союзниками Франции, и привела к пятой коалиции. Римский двор был недоволен; полуостров был уязвлен в своей национальной гордости тем, что ему навязали иностранного короля; в своих обычаях - подавлением монастырей, инквизиции и грандов; Голландия страдала в своей торговле от блокады, а Австрия нетерпеливо поддерживала свои потери и подчиненное положение. Англия, выискивая возможность возобновить борьбу на континенте, возбуждала сопротивление Рима, Апеннинского полуострова и Венского кабинета. Папа был холоден к Франции с 1805 года; он надеялся, что его понтификальная покладистость в отношении коронации Наполеона будет вознаграждена восстановлением в церковном владении тех провинций, которые Директория присоединила к Цизальпинской республике. Обманутый в этих ожиданиях, он присоединился к европейской контрреволюционной оппозиции, и с 1807 по 1808 год Римские государства стали местом встречи английских эмиссаров. После нескольких теплых реваншей император приказал генералу Миоллису занять Рим; папа пригрозил ему отлучением от церкви; Наполеон захватил легатства в Анконе, Урбино, Мачерате и Камерино, которые стали частью Итальянского королевства. Легат покинул Париж 3 апреля 1808 года, и началась религиозная борьба за мирские интересы с главой церкви, которого Наполеон должен был либо не признать, либо не опустошить.

Война с Апеннинским полуостровом была еще более серьезной. Испанцы признали Фердинанда VII королем на провинциальной хунте, состоявшейся в Севилье 27 мая 1808 года, и взяли в руки оружие во всех провинциях, которые не были заняты французскими войсками. Португальцы также восстали в Оporto 16 июня. Эти два восстания поначалу принесли самые радостные результаты; за короткое время они быстро продвинулись вперед. Генерал Дюпон сложил оружие в Байлене, в провинции Кордова, и это первое поражение

французского оружия вызвало самые живые надежды и энтузиазм среди испанцев. Жозеф Наполеон покинул Мадрид, где был провозглашен Фердинанд VII; примерно в то же время Жюно, не имея достаточно войск для удержания Португалии, согласился, согласно конвенции в Цинтре, эвакуировать ее со всеми военными почестями. Английский генерал Веллингтон овладел этим королевством с двадцатью пятью тысячами человек. Пока папа объявлял Наполеону войну, пока испанские повстанцы вступали в Мадрид, пока англичане снова ступали на континент, шведский король объявил себя врагом европейской императорской лиги, а Австрия делала значительные вооружения и готовилась к новой борьбе.

К счастью для Наполеона, Россия осталась верна Тильзитскому союзу и обязательствам. Император Александр в это время испытывал приступ восторга и привязанности к этому могущественному и необыкновенному смертному. Наполеон, желая быть уверенным в северных владениях, прежде чем направить все свои силы на полуостров, имел беседу с Александром в Эрфурте 27 сентября 1808 года. Два повелителя севера и запада гарантировали друг другу покой и покорность Европы. Наполеон отправился в Испанию, а Александр занялся Швецией. Присутствие императора вскоре изменило ход войны на полуострове. Он привел с собой восемьдесят тысяч солдат - ветеранов, только что прибывших из Германии. Несколько побед сделали его хозяином большинства испанских провинций. Вступив в Мадрид, он предстал перед жителями полуострова не как повелитель, а как освободитель. "Я отменил, - сказал он им, - трибунал инквизиции, против которого протестовала эпоха и Европа. Священники должны направлять совесть, но не должны осуществлять никакой внешней или телесной юрисдикции над гражданами. Я отменил феодальные права, и каждый может создавать трактиры, печи, мельницы, рыбные ловли и давать свободный импульс своей промышленности. Эгоизм, богатство и процветание немногих нанесли сельскому хозяйству больший вред, чем жара крайнего лета. Поскольку есть только один Бог, в государстве должна существовать только одна система правосудия. Все частные суды были узурпированы и противоречили правам нации. Я подавил их. Нынешнее поколение может изменить свое мнение; слишком много страстей было пущено в ход; но ваши внуки будут благословлять меня как вашего регенератора; они отнесут к числу своих памятных дней те, в которые я появился среди вас, и с этих дней Испания будет вести свое процветание".

Такова была роль Наполеона на полуострове, который мог быть возвращен к лучшему положению вещей и к свободе только путем возрождения цивилизации. Установление независимости не может быть осуществлено сразу, как и все остальное; когда страна невежественна, бедна и отстала, покрыта монастырями и управляется монахами, ее социальное состояние должно быть перестроено, прежде чем можно будет думать о свободе. Наполеон, угнетатель цивилизованных народов, стал настоящим регенератором для полуострова. Но две партии гражданской свободы и религиозного рабства, партия кортесов и партия монахов, хотя и преследовали совершенно разные цели, пришли к соглашению для общей защиты. Во главе одной стояли высшие и средние классы, в другой - народ; они соперничали друг с другом, возбуждая в испанцах энтузиазм к независимости или религиозному фанатизму. Священники использовали следующий катехизис: "Скажи мне, дитя мое, кто ты? Испанец милостью Божьей. Кто враг нашего счастья? Император французов. Сколько у него естеств? Две: человеческая и дьявольская. Сколько императоров французов? Один истинный, в трех обманчивых лицах. - Как их зовут: Наполеон, Мюрат и Мануэль Годой. - Кто из них троих самый злой? Они все трое одинаково злы. - Откуда взялся

Наполеон? От греха. - Мурат? От Наполеона. -А Годой? Соединение двух. Что является правящим духом первого? Гордость и деспотизм. Насилия и жестокости. Авантюризм, измена и невежество.- Кто такие французы? Бывшие христиане, ставшие еретиками.- Грех ли убить француза? Нет, отец; рай можно получить, убив одного из этих псов-еретиков. Какое наказание заслуживает испанец, не выполнивший свой долг? Смерть и позор предателя. Что избавит нас от врагов? Уверенность в себе и в оружии".

Наполеон ввязался в долгое и опасное предприятие, в котором была виновата вся его система ведения войны. Победа здесь заключалась не в разгроме армии и овладении столицей, а в полной оккупации территории и, что было еще сложнее, в подчинении общественного мнения. Наполеон, однако, готовился покорить этот народ с его неотразимой активностью и несгибаемой решимостью, когда пятая коалиция вновь призвала его в Германию.

Австрия обратила в свою пользу его отсутствие и отсутствие его войск. Она предприняла мощные усилия, собрала пятьсот пятьдесят тысяч человек, составлявших ландвер, и весной 1809 года выступила в поход. Тироль восстал, и король Жером был изгнан вестфальцами из своей столицы; Италия колебалась; Пруссия ждала только, когда Наполеон потерпит поражение, чтобы взяться за оружие; но император все еще находился на вершине своего могущества и процветания. Он поспешил из Мадрида в начале февраля и приказал членам конфедерации держать свои контингенты наготове. 12 апреля он покинул Париж, перешел Рейн, погрузился в Германию, одержал победы при Экмюле и Эсслинге, 15 мая вторично занял Вену и в битве при Ваграме, после четырехмесячной кампании, разгромил новую коалицию. Пока он преследовал австрийские войска, англичане высадились на острове Вальхерен и появились перед Антверпеном; но сбора национальной гвардии хватило, чтобы сорвать экспедицию на Шельде. Венский мир от 11 октября 1809 года лишил Австрийский дом еще нескольких провинций и заставил его снова принять континентальную систему.

Этот период отличался новым характером борьбы. Он положил начало реакции Европы против империи и объявил о союзе династий, народов, наций, священства и торговли. Все, чьи интересы были ущемлены, предприняли попытку сопротивления, которая поначалу была обречена на провал. Со времени Амьенского мира Наполеон вступил на путь, который неизбежно должен был завершиться владением или враждой всей Европы. Увлеченный своим характером и положением, он создал против народа систему управления, беспримерно выгодную для власти; против Европы - систему второстепенных монархий и крупных феодалов, облегчавшую его планы завоеваний; и, наконец, против Англии - блокаду, приостановившую ее торговлю и торговлю континента. Ничто не препятствовало ему в осуществлении этих огромных, но бесчувственных замыслов. Португалия открыла сообщение с англичанами: он вторгся в нее. Королевская семья Испании своими ссорами и колебаниями скомпрометировала крайние точки империи: он заставил ее отречься от престола, чтобы привести полуостров к более смелой и менее колеблющейся политике. Папа поддерживал отношения с врагом: его вотчина уменьшалась. Он пригрозил отлучением: французы вошли в Рим. Он осуществил свою угрозу с помощью буллы: в 1809 году он был свергнут с престола как временный государь. Наконец, после битвы при Ваграме и Венского мира Голландия стала депо для английских товаров, ввиду ее торговых потребностей, и император лишил своего брата Людовика этого королевства, которое 1 июля 1810 года вошло в состав империи. Он не боялся вторжения, потому что не терпел сопротивления или колебаний ни с какой стороны. Все были вынуждены покориться, как союзники, так и враги, как главы церкви, так и короли, как братья, так и чужаки; но, хотя на этот раз все были

побеждены, все, кто присоединился к этой новой лиге, только и ждали случая, чтобы снова подняться.

Тем временем, после заключения Венского мира, Наполеон продолжал увеличивать размеры и мощь империи. Швеция, в которой произошла внутренняя революция, а король Густав Адольф IV был вынужден отречься от престола, признала континентальную систему. Бернадот, принц Понте-Корво, был избран Генеральным штатом наследным принцем Швеции, а король Карл XIII принял его за своего сына. Блокада соблюдалась во всей Европе, а империя, пополненная Римскими государствами, Иллирийскими провинциями, Вале, Голландией и ганзейскими городами, насчитывала сто тридцать департаментов и простиралась от Гамбурга и Данцика до Триеста и Корфу. Наполеон, который, казалось, следовал необдуманной, но непреклонной политике, отклонился от своего курса примерно в это время, заключив второй брак. Он развелся с Жозефиной, чтобы подарить империи наследника, и женился 1 апреля 1810 года на Марии-Луизе, эрцгерцогине Австрийской. Это была решающая ошибка. Он покинул свое положение и свой пост как парвеню и революционный монарх, противостоящий в Европе древним дворам, как республика противостояла древним правительствам. Он поставил себя в ложное положение по отношению к Австрии, которую должен был либо сокрушить после победы при Ваграме, либо восстановить в ее владениях после брака с эрцгерцогиней. Прочные союзы опираются только на реальные интересы, и Наполеон не мог устранить из Венского кабинета ни желания, ни возможности возобновить военные действия. Этот брак также изменил характер его империи и еще больше отделил ее от народных интересов; он искал старые семьи, чтобы придать блеск своему двору, и делал все возможное, чтобы объединить старое и новое дворянство, как он смешивал старые и новые династии. Аустерлиц создал плебейскую империю; после Ваграма была создана дворянская империя. Рождение 20 марта 1811 года сына, получившего титул короля Рима, казалось, укрепило власть Наполеона, обеспечив ему преемника.

В течение 1810 и 1811 годов война в Испании велась энергично. Территория полуострова защищалась дюйм за дюймом, и пришлось взять штурмом несколько городов. Суше, Сульт, Мортье, Ней и Себастьяни стали хозяевами нескольких провинций, а испанская хунта, не сумев удержать свой пост в Севилье, отступила в Кадис, который французская армия начала блокировать. Новая экспедиция в Португалию оказалась менее удачливой. Массена, руководивший ею, сначала заставил Веллингтона отступить, взял Оporto и Оливенсу; но английский генерал закрепился на сильной позиции Торрес-Ведрас, и Массена, не сумев ее форсировать, был вынужден эвакуировать страну.

Пока война на полуострове шла с преимуществом, но без решительного успеха, на севере готовилась новая кампания. Россия почувствовала приближение империи Наполеона к своим территориям. Замкнутая в своих пределах, она оставалась без влияния и приобретений, страдала от блокады, не получая никаких выгод от войны. Кроме того, этот кабинет с нетерпением ожидал верховенства, к которому сам стремился и которое медленно, но непрерывно осуществлял со времен правления Петра Великого. К концу 1810 года он увеличил свои армии, возобновил торговые отношения с Великобританией и, казалось, не был склонен к разрыву. 1811 год прошел в переговорах, которые ни к чему не привели, и с обеих сторон велись приготовления к войне. Император, чьи армии стояли перед Кадисом и который рассчитывал на сотрудничество Запада и Севера против России, с жаром готовился к предприятию, которое должно было уменьшить единственную еще не тронутую державу и донести своих победоносных орлов до Москвы. Он заручился помощью Пруссии и Австрии, которые по договорам от 24 февраля и 14 марта 1812 года обязались

предоставить вспомогательные корпуса, один из которых насчитывал двадцать, а другой - тридцать тысяч человек. Все незанятые силы Франции были немедленно приведены в движение. Сенат-консул разделил национальную гвардию на три корпуса для внутренней службы и выделил сто полков первой линии (почти сто тысяч человек) для активной военной службы. 9 марта Наполеон покинул Париж, отправившись в эту масштабную экспедицию. В течение нескольких месяцев он держал свой двор в Дрездене, куда приезжали император Австрии, король Пруссии и все государи Германии, чтобы склониться перед его высокой судьбой. 22 июня была объявлена война против России.

В этой кампании Наполеон руководствовался теми принципами, которые он всегда считал успешными. Все свои войны он заканчивал быстрым разгромом противника, занятием его столицы и заключением мира с разделом территории. Его проект состоял в том, чтобы уменьшить Россию путем создания королевства Польского, как он уменьшил Австрию, образовав королевства Баварию и Вюртемберг после Аустерлица, а Пруссию - путем организации королевств Саксонии и Вестфалии после Йены. С этой целью он договорился с австрийским кабинетом по договору от 14 марта об обмене Галлии на Иллирийские провинции. Создание королевства Польского было провозглашено Варшавским сеймом, но неполно, и Наполеон, который, по своему обыкновению, хотел закончить все в одну кампанию, сразу же двинулся в сердце России, вместо того чтобы предусмотрительно организовать против нее польский заслон. Его армия насчитывала около пятисот тысяч человек. Он перешел Неман 24 июня, взял Вильно и Витепск, разбил русских под Астроуно, Полоцком, Могилевом, Смоленском, на Москве и 14 сентября вступил в Москву.

Русский кабинет полагался в своей обороне не только на свои войска, но и на обширную территорию и климат. Отступая перед нашими войсками, завоеванные армии сжигали все города, опустошали губернии и тем самым готовили врагу большие трудности в случае поражения или отступления. Согласно этому плану обороны, Москва была сожжена губернатором Ростопчиным, как уже были сожжены Смоленск, Доригобуй, Вясма, Гжат, Можайск и множество других городов и сел. Император должен был видеть, что эта война не кончится так, как другие; но, покорив врага и овладев своей столицей, он питал надежды на мир, которые русские умело поощряли. Приближалась зима, и Наполеон продлил свое пребывание в Москве на шесть недель. Он задерживал свои передвижения из-за обманчивых переговоров русских и принял решение об отступлении только 19 октября. Это отступление было катастрофическим и положило начало падению империи. Наполеон не мог быть побежден рукой человека, ибо какой полководец мог одержать победу над этим несравненным вождем? Какая армия могла бы покорить французскую армию? Но его поражениям суждено было произойти в отдаленных пределах Европы; в замерзших регионах, которые должны были положить конец его завоевательной власти. С завершением этой кампании он потерял не поражение, а холод и голод, посреди русских снегов и одиночества, свою старую армию и *престиж* своего состояния.

Отступление велось с определенным порядком до Березины, где оно превратилось в один сплошной разгром. После перехода этой реки Наполеон, который до сих пор сопровождал свою армию, отправился в санях в Париж, очень спеша, так как во время его отсутствия там разразился заговор. Генерал Маллет вместе с несколькими другими задумал свергнуть этот колосс власти. Его предприятие было дерзким, а поскольку оно основывалось на ложном сообщении о смерти Наполеона, то для того, чтобы успех был вероятен, нужно было обмануть слишком многих. Кроме того, империя была еще прочно установлена, и разрушить ее мог не заговор, а медленное и всеобщее отступничество. Заговор Малле провалился, а его руководители были казнены. Император, вернувшись, застал народ в изумлении от столь

необычного бедствия. Но различные органы государства по-прежнему демонстрировали безропотное повиновение. Он прибыл в Париж 18 декабря, получил сбор в триста тысяч человек, воодушевился духом самопожертвования, в короткое время, с его удивительной активностью, собрал новую армию и 15 апреля 1813 года снова выступил в бой.

Но со времени отступления Москвы Наполеон вступил в новую полосу событий. Именно в 1812 году проявился упадок империи. Усталость от его господства стала всеобщей. Все те, с чьего согласия он возвысился, выступили против него. Священники тайно сговорились с момента его разрыва с папой. Восемь государственных тюрем были официально созданы против инакомыслящих из его партии. Народные массы устали от завоеваний так же, как раньше от раздоров. Они ожидали от него учета частных интересов, содействия торговле, уважения к людям, а их угнетали призывы, налоги, блокада, провиантские суды и пошлины, которые были неизбежными последствиями этой завоевательной системы. У него больше не было противников в лице тех немногих, кто оставался верен политическим целям революции и кого он называл *идеологами*, но все, кто, не имея определенных идей, желал материальных преимуществ лучшей цивилизации. Без него целые народы стонали под военным игом, а павшие династии стремились вновь подняться. Весь мир был неспокоен, и одна проверка привела к всеобщему подъему. "Я торжествовал, - говорит сам Наполеон, рассказывая о предшествующих кампаниях, - посреди постоянно возрождающихся опасностей. Я постоянно требовал столько же обращения, сколько и голоса. Если бы я не победил при Аустерлице, вся Пруссия была бы против меня; если бы я не победил при Йене, Австрия и Испания напали бы на мой тыл; если бы я не сражался при Ваграме, что не было решительной победой, у меня были основания опасаться, что Россия оставит меня, Пруссия восстанет против меня, а англичане будут перед Антверпеном." [Сноска: *Mémoires de Saint Héléne*, tome ii. p. 221.] Таково было его состояние; чем дальше он продвигался в своей карьере, тем больше нуждался во все более решительных завоеваниях. Поэтому, как только он терпел поражение, его последовательно покидали покоренные им цари, созданные им короли, союзники, которых он возвеличил, государства, которые он включил в состав империи, сенаторы, которые так льстили ему, и даже его товарищи по оружию. В 1812 году поле битвы простиралось до Москвы, в 1813-м - до Дрездена, в 1814-м - до Парижа: так стремительно менялась судьба.

Дезертирство начал берлинский кабинет. 1 марта 1813 года он присоединился к России и Англии, которые формировали шестую коалицию. Вскоре к ней присоединилась Швеция; однако император, которого конфедеративные державы считали поверженным в прах последним бедствием, открыл кампанию новыми победами. Сражение при Лютцене, выигранное новобранцами 2 мая, занятие Дрездена, победа при Бауцене и война, перенесенная на Эльбу, поразили коалицию. Австрия, которая с 1810 года стояла на мирных позициях, возобновила вооружение и уже подумывала о смене союза. Теперь она предложила выступить в качестве посредника между императором и конфедератами. Ее посредничество было принято; 4 июня в Пlessвице было заключено перемирие, и в Праге собрался конгресс для переговоров о мире. Прийти к соглашению было невозможно. Наполеон не соглашался на уменьшение своего величия; Европа не соглашалась оставаться в его подчинении. Конфедеративные державы, к которым присоединилась Австрия, требовали, чтобы границы империи простирались до Рейна, Альп и Мёз. Переговорщики разошлись, так и не придя к соглашению. Австрия присоединилась к коалиции, и война, единственное средство разрешить этот великий спор, возобновилась.

У императора было всего двести восемьдесят тысяч человек против пятисот двадцати тысяч; он хотел заставить противника отойти за Эльбу и разбить, как обычно, эту новую коалицию

стремительностью и силой своих ударов. Поначалу казалось, что победа ему не светит. Под Дрезденом он разбил объединенные силы; но поражения его лейтенантов нарушили его планы. Макдональд был побежден в Силезии; Ней - под Берлином; Вандамме - при Кульме. Не имея возможности воспрепятствовать врагу, наседавшему на него со всех сторон, Наполеон задумался об отступлении. Князья Рейнской конфедерации выбрали этот момент, чтобы покинуть дело империи. После того как под Лейпцигом между двумя армиями произошла крупная стычка, саксонцы и вюртембергцы перешли на сторону врага прямо на поле боя. Это отступление в пользу союзных держав, которые научились более компактному и умелому ведению войны, вынудило Наполеона отступить после трехдневной борьбы. Армия с большим замешательством продвигалась к Рейну, где баварцы, которые также дезертировали, пытались помешать ее переходу. Но она одолела их у Ханау и 30 октября 1813 года вновь вступила на территорию империи. Завершение этой кампании было столь же катастрофическим, как и предыдущей. Франция оказалась под угрозой в своих собственных пределах, как и в 1799 году; но энтузиазма независимости больше не было, и человек, лишивший ее прав, обнаружил, что в этот великий кризис она не способна ни поддержать его, ни защитить себя. Рабство народов рано или поздно всегда бывает отомщено.

Наполеон вернулся в Париж 9 ноября 1813 года. Он получил от сената разрешение на сбор трехсот тысяч человек и с большим рвением начал готовиться к новой кампании. Он создал законодательный орган, чтобы объединить его в общей обороне; он сообщил ему документы, касающиеся переговоров в Праге, и попросил сделать еще одно и последнее усилие, чтобы обеспечить славный мир - общее желание Франции. Но законодательный орган, до сих пор молчаливо покорный, в этот раз решил сопротивляться Наполеону.

Он разделял общее изнеможение и, сам того не желая, попал под влияние роялистской партии, которая вела тайную агитацию с тех пор, как упадок империи возродил ее надежды. Комиссия, состоявшая из М. М. Лене, Рейнуар, Галлуа, Флогерг, Мэн де Биран, составила весьма враждебный доклад, в котором осуждала курс правительства и требовала отказаться от всех завоеваний и восстановить свободу. Это желание, столь справедливое в любое другое время, в тот момент могло только способствовать вторжению врага. Хотя конфедеративные державы, казалось, ставили эвакуацию Европы условием мира, они были настроены довести победу до крайности. Наполеон, раздраженный этой неожиданной и изнурительной оппозицией, внезапно распустил законодательный орган. Начало сопротивления ознаменовалось внутренним дезертирством. Перейдя из России в Германию, они должны были распространиться из Германии и Италии во Францию. Но теперь, как и прежде, все зависело от исхода войны, которую зима не прервала. Наполеон возлагал на нее все свои надежды и 25 января отправился из Парижа в эту бессмертную кампанию.

Империя подверглась вторжению со всех сторон. Австрийцы вступили в Италию; англичане, сделавшись за последние два года хозяевами полуострова, перешли Бидассоа под командованием генерала Веллингтона и появились на Пиренеях. Три армии давили на Францию с востока и севера. Большая союзная армия, насчитывающая сто пятьдесят тысяч человек, под командованием Шварценберга продвигалась по Швейцарии; Силезская армия, насчитывающая сто тридцать тысяч человек, под командованием Блюхера - по Франкфурту; а северная, насчитывающая сто тысяч человек, под командованием Бернадота, овладела Голландией и вошла в Бельгию. Враги, в свою очередь, пренебрегли укрепленными местами и, взяв урок у завоевателя, двинулись на столицу. Когда Наполеон покинул Париж, две армии Шварценберга и Блюхера находились на пути к соединению в Шампани. Лишенный поддержки народа, который лишь наблюдал за происходящим, Наполеон остался один

против всего мира с горсткой ветеранов и своим гением, который ничуть не утратил своей смелости и силы. В этот момент он благородно выступает, уже не угнетатель, не завоеватель; дюйм за дюймом, с новыми победами, защищает землю своей страны, а вместе с тем свою империю и славу.

Он вошел в Шампань против двух больших враждебных армий. Генералу Мезону было поручено перехватить Бернадота в Бельгии; Ожеро, австрийцев, в Лионе; Сульт, англичан, на испанской границе. Принц Евгений должен был защищать Италию; а империя, хотя и пробитая в самом центре, все еще простирала свои огромные руки в глубь Германии, выставляя гарнизоны за Рейном. Наполеон не отчаивался изгнать эти стаи врагов с территории Франции с помощью мощной военной реакции и вновь установить свои штандарты в странах противника. Он умело расположился между Блюхером, спускавшимся по Марне, и Шварценбергом, спускавшимся по Сене; он спешил от одной из этих армий к другой и поочередно наносил им поражения; Блюхер был разбит при Шамп-Обере, Монмирае, Шато-Тьерри и Вошаме; когда его армия была уничтожена, Наполеон вернулся на Сену, разбил австрийцев при Монтеро и погнал их перед собой. Его комбинации были так сильны, его активность так велика, его меры так верны, что казалось, он вот-вот полностью дезорганизует эти две грозные армии, а вместе с ними и уничтожит коалицию.

Но если он побеждал везде, где появлялся, то враг торжествовал везде, где его не было. Англичане вошли в Бордо, где одна партия объявила себя сторонницей семьи Бурбонов; австрийцы заняли Лион; бельгийская армия присоединилась к остаткам армии Блюхера, вновь появившимся в тылу Наполеона. Дезертир вошел в его собственную семью, и Мюрат только что последовал в Италии примеру Бернадота, присоединившись к коалиции. Великие офицеры империи по-прежнему служили ему, но вяло, а пыл и верность он находил только в подчиненных генералах и неустоимых солдатах. Наполеон вновь двинулся в поход на Блюхера, который трижды ускользал от него: слева от Марны - благодаря внезапному морозу, затвердевшему на грязных дорогах, среди которых пруссаки завязли и рисковали погибнуть; на Эзне - из-за дезертирства Суассона, открывшего им проход в тот момент, когда у них не было другого пути к спасению; и в Лаоне - по вине герцога Рагузского, который предотвратил решающее сражение, застав себя ночью врасплох. После стольких смертельных случаев, разрушивших самые надежные планы, Наполеон, не поддерживаемый своими генералами, окруженный коалицией, задумал осуществить смелый замысел: переправиться в Сен-Дизье и закрыть врагу выход из Франции. Этот смелый поход, исполненный гениальности, на мгновение ошеломил генералов конфедератов, которым он отрезал все пути к отступлению; но, возбужденные тайными ободрениями, не тревожась за свой тыл, они двинулись на Париж.

Этот великий город, единственная столица Европы, которая не была театром военных действий, внезапно увидел, как все войска Европы вступили на его равнины, и оказался на грани общего унижения. Он был предоставлен сам себе. Императрица, назначенная регентшей за несколько месяцев до этого, только что покинула его, чтобы отправиться в Блуа. Наполеон находился на расстоянии. Не было того отчаяния и того движения свободы, которые побуждают народ к сопротивлению; война велась уже не против народов, а против правительств, и император сосредоточил все государственные интересы в себе, а все средства защиты возложил на механические войска. Истощение было велико; только чувство гордости, очень справедливой гордости, делало приближение чужака болезненным и угнетало сердце каждого француза при виде того, как его родную землю топчут армии, так долго побеждавшие. Но эти чувства не были достаточно сильны, чтобы поднять массы населения против врага; и меры роялистской партии, во главе которой встал принц

Беневенто, призвали союзные войска к столице. Однако 30 марта под стенами Парижа произошло сражение, а 31-го числа ворота были открыты для войск конфедерации, которые вошли туда на основании капитуляции. Сенат завершил великую имперскую измену, отказавшись от своего прежнего хозяина; на него повлиял месье де Талейран, который уже некоторое время был не в ладах с Наполеоном. Этот добровольный участник всех кризисов власти только что выступил против него. Без партийной привязанности, с глубоким политическим равнодушием, он издали с удивительной проницательностью предвидел падение правительства, вовремя отстранялся от него, а когда наступал удобный момент для нападения, присоединял к нему все свои таланты, свое влияние, свое имя и свой авторитет, которые он заботился сохранить. Он выступал за революцию в Учредительном собрании, за Директорию 18-го фруктидора, за консульство 18-го брюмера, за империю в 1804 году, за восстановление королевской семьи в 1814 году; он был главным церемониймейстером партии власти, и в течение последних тридцати лет именно он смещал и устанавливал сменявшие друг друга правительства. Под его влиянием сенат назначил временное правительство и объявил Наполеона свергнутым с трона, наследственные права его семьи отменены, народ и армия освобождены от клятвы верности. Она провозгласила его *тираном*, деспотизму которого она способствовала своим поклонением. Тем временем Наполеон, побуждаемый окружающими к поддержке столицы, отказался от похода на Сен-Дизье и поспешил в Париж во главе пятидесяти тысяч человек, надеясь предотвратить вступление врага. По прибытии (1 апреля) он узнал о капитуляции предыдущего дня и отступил в Фонтенбло, где узнал о дезертирстве сената и его низложении. Обнаружив, что все вокруг него сдались, народ, сенат, генералы и придворные, он решил отречься от престола в пользу своего сына. Он отправил герцога Виченцкого, князя Московского и герцога Тарентского в качестве полномочных представителей к конфедератам; по пути они должны были взять с собой герцога Рагузского, который прикрывал Фонтенбло корпусом.

Наполеон, с его пятьюдесятью тысячами человек и сильной военной позицией, еще мог заставить коалицию признать притязания своего сына. Но герцог Рагузский оставил свой пост, вступил в переговоры с врагом и оставил Фонтенбло незащищенным. Тогда Наполеон был вынужден подчиниться условиям союзных держав; их притязания росли вместе с их силой. В Праге они уступили ему империю с Альпами и Рейном в качестве границ; после вторжения во Францию они предложили ему в Шатильоне только владения старой монархии; позже они отказались вести с ним переговоры, кроме как в пользу его сына; но теперь, решив уничтожить все, что осталось от революции в отношении Европы, ее завоеваний и династии, они вынудили Наполеона отречься от престола. 11 апреля 1814 года он отказался для себя и детей от престолов Франции и Италии и получил маленький остров Эльба в обмен на свой огромный суверенитет, пределы которого простирались от Кадиса до Балтийского моря. 20-го числа, после трогательного прощания со своими старыми солдатами, он отбыл в свое новое княжество.

Так пал этот человек, который в течение четырнадцати лет один заполнял весь мир. Его предприимчивый и организаторский гений, его сила жизни и воли, его любовь к славе и огромная распорядительная сила, которую вложила в его руки революция, сделали его самым гигантским существом современности. То, что сделало бы судьбу другого необычной, в его судьбе едва ли имеет значение. Поднявшись из безвестности в высший ранг, из простого артиллерийского офицера став вождем величайшей из наций, он осмелился вынашивать идею всеобщей монархии и на мгновение осуществил ее. Завоевав империю своими победами, он пожелал покорить Европу с помощью Франции, а Англию - с помощью Европы, и создал военную систему против континента, блокаду против Великобритании. Этот замысел удавался несколько лет; от Лиссабона до Москвы он подчинял народы и

государства своему генеральскому слову и предписанному им обширному секвестру. Но таким образом он не выполнил свою реставрационную миссию 18 брюмера. Используя по своему усмотрению полученную власть, покушаясь на свободу народа с помощью деспотических институтов, на независимость государств с помощью войны, он возбудил против себя мнения и интересы всего человечества; он вызвал всеобщую враждебность. Нация оставила его, и после долгих побед, после того как он водрузил свой штандарт в каждой столице, после того как в течение десяти лет он увеличивал свою мощь и с каждым сражением завоевывал королевство, одно поражение объединило против него весь мир, доказав своим падением, насколько невозможен в наши дни деспотизм.

И все же Наполеон, несмотря на все катастрофические результаты своей системы, придал огромный импульс континенту; его армии несли с собой идеи и обычаи более развитой цивилизации Франции. Европейские общества пошатнулись на своих старых основаниях; народы смешались благодаря частому общению; мосты, переброшенные через пограничные реки; высокие дороги, проложенные через Альпы, Апеннины и Пиренеи, приблизили территории друг к другу; и Наполеон осуществил для материального состояния государств то, что революция сделала для умов людей. Блокада придала импульс завоеваниям; она улучшила континентальную промышленность, позволив ей занять место английской, и заменила колониальную торговлю мануфактурной продукцией. Таким образом, Наполеон, взбудоражив народы, способствовал их цивилизации. Его деспотизм сделал его контрреволюционером в отношении Франции; но его дух завоевания сделал его регенератором в отношении Европы, многие народы которой, пребывавшие в оцепенении до его прихода, будут жить отныне той жизнью, которую он им дал. Но в этом Наполеон подчинялся велениям своей природы. Дитя войны - война была его склонностью, его удовольствием, господство - его целью; он хотел овладеть миром, и обстоятельства отдали его в его руки, чтобы он мог им воспользоваться.

Наполеон представил во Франции то, что Кромвель на мгновение представил в Англии; правительство армии, которое всегда устанавливается, когда революция противостоит; затем оно постепенно меняется и из гражданского, каким оно было вначале, становится военным. В Великобритании, где внутренняя война не осложнялась внешней, благодаря географическому положению страны, изолировавшему ее от других государств, как только враги реформ были побеждены, армия перешла с поля боя к управлению государством. Ее вмешательство было преждевременным, но Кромвель, ее генерал, застал партии все еще в ярости своих страстей, во всем фанатизме их мнений, и он направил против них одну только свою военную администрацию. Французская революция, происходившая на континенте, видела народы, настроенные на свободу, и государей, опирающихся на страх перед освобождением своего народа. Ей приходилось бороться не только с внутренними, но и с внешними врагами; и пока ее армии давали отпор Европе, партии свержали друг друга в собраниях. Военное вмешательство произошло позже; Наполеон, обнаружив, что фракции побеждены, а мнения почти оставлены, легко добился повиновения народа и обратил военное правительство против Европы.

Разница в положении существенно повлияла на поведение и характер этих двух необычных людей. Наполеон, располагая огромной силой и неоспоримой властью, отдался в безопасности обширным замыслам и роли завоевателя; Кромвель же, лишенный согласия, которое мог дать измученный народ, и подвергаясь постоянным нападениям фракций, был вынужден нейтрализовать их одну за другой и до конца оставаться военным диктатором партий. Один использовал свой гений в начинаниях, другой - в сопротивлении.

Соответственно, первый обладал прямоотой и решительностью власти, другой - хитростью и лицемерием противостоящего честолюбия. Такая ситуация разрушила бы их власть.

Любая диктатура преходяща; и какой бы сильной или великой она ни была, невозможно долго подчинять себе партии или долго удерживать королевства. Именно это рано или поздно привело бы к падению Кромвеля (если бы он прожил дольше) в результате внутренних заговоров; и это привело к падению Наполеона в результате подъема Европы. Такова судьба всех держав, которые, возникнув из свободы, не продолжают оставаться с ней. В 1814 году империя была только что разрушена; революционные партии прекратили свое существование после 18 брюмера. Все правительства этого политического периода были исчерпаны. Сенат вспомнил о старой королевской семье. И без того непопулярный из-за своего прошлого раболепия, он погубил себя в общественном мнении, опубликовав конституцию, довольно либеральную, но ставившую на одну ступень пенсии сенаторов и гарантии нации. Граф д'Артуа, первым покинувший Францию, первым же вернулся обратно в звании генерал-лейтенанта королевства. Он подписал 23 апреля Парижскую конвенцию, которая сократила территорию Франции до пределов, существовавших на 1 января 1792 года, и по которой Бельгия, Савойя, Ницца, и Женева, а также огромные военные склады перестали нам принадлежать. Людовик XVIII высадился в Кале 24 апреля и торжественно въехал в Париж 3 мая 1814 года, после того как 2-го числа принял Декларацию Сент-Омера, закрепившую принципы представительного правления, а 2 июня последовала промульгация хартии.

С этого момента начинается новая череда событий. 1814 год стал завершением великого движения предшествующих пяти и двадцати лет. Революция была политической, направленной против абсолютной власти двора и привилегированных классов, и военной, поскольку Европа напала на нее. Возникшая в это время реакция лишь разрушила империю, привела к коалиции в Европе и представительной системе во Франции; таков был ее первый период. В дальнейшем она выступила против революции, породила священный союз против народа и правительство партии против устава. Это ретроградное движение неизбежно имело свой курс и свои пределы. Франция может быть долговечно управляема только путем удовлетворения двойной потребности, которая заставила ее предпринять революцию. Она требует реальной политической свободы в правительстве; а в обществе - материального процветания, порожденного непрерывно прогрессирующим развитием цивилизации.